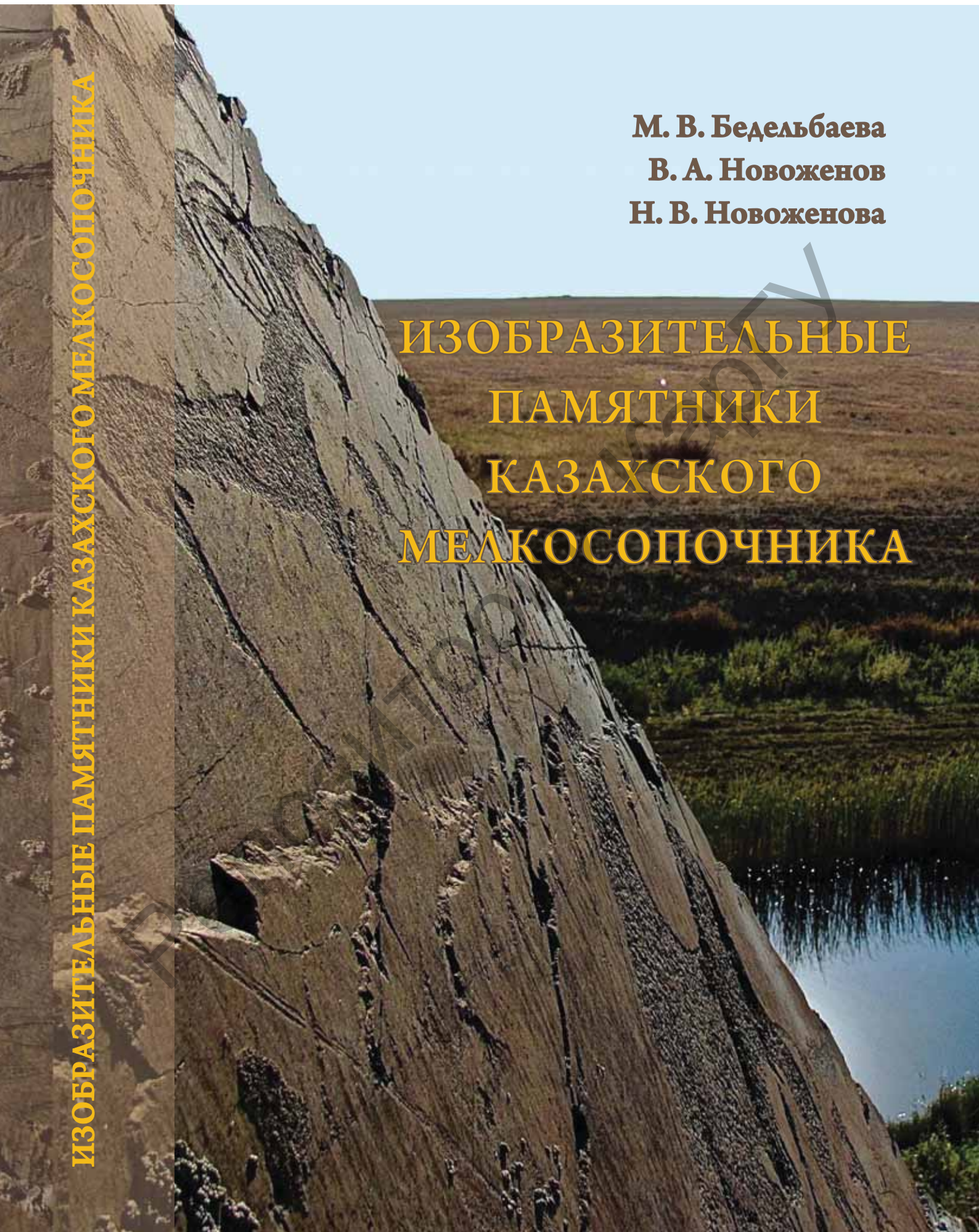

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ КАЗАХСКОГО МЕЛКОСОПОЧНИКА

М. В. Бедельбаева
В. А. Новоженев
Н. В. Новоженева

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ
ПАМЯТНИКИ
КАЗАХСКОГО
МЕЛКОСОПОЧНИКА

УПРАВЛЕНИЕ КУЛЬТУРЫ, АРХИВОВ И ДОКУМЕНТАЦИИ

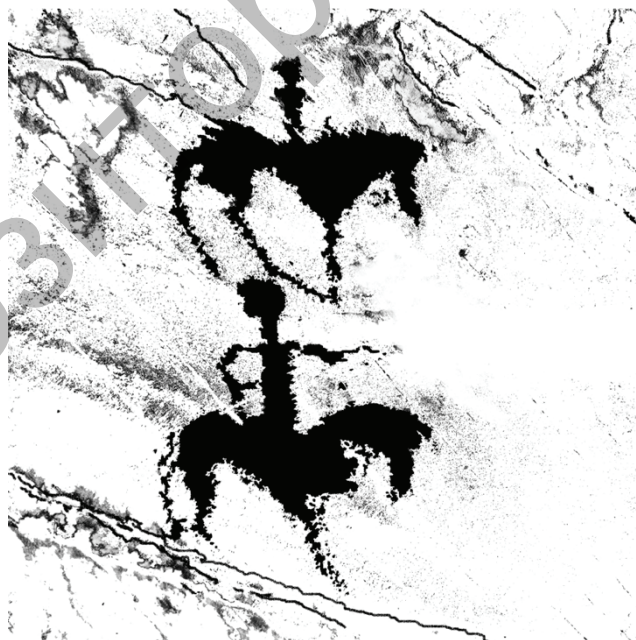
**ЦЕНТР ПО СОХРАНЕНИЮ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО
НАСЛЕДИЯ КАРАГАНДИНСКОЙ ОБЛАСТИ**

**КАРАГАНДИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ АКАДЕМИКА Е. А. БУКЕТОВА**

САРЫАРКИНСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

М. В. Бедельбаева, В. А. Новоженев, Н. В. Новоженева

**ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ
КАЗАХСКОГО МЕЛКОСОПОЧНИКА**

**Қарағанды
2015**

УДК 930.27
ББК 63.2
Б 38

Ответственный редактор:

В. В. Евдокимов, доктор исторических наук, профессор, КарГУ имени академика Е. А. Букетова, г. Карағанды

Рецензенты:

А. Е. Рогожинский, кандидат исторических наук, Казахский научно-исследовательский институт культуры, г. Алматы

И. А. Кукушкин, кандидат исторических наук, Сарыаркинский археологический институт при КарГУ имени академика Е. А. Букетова, г. Карағанды

Б 38 **Бедельбаева М. В., Новоженов В. А., Новоженова Н. В. Изобразительные памятники Казахского мелкосопочника / ISBN 978-601-7283-28-5. — Карағанды: Сарыаркинский археологический институт, 2015. — 252 с.**

В издании публикуются материалы о новых и уже известных памятниках наскального искусства Казахского мелкосопочника, расположенных в пределах современных административно-территориальных границ Карагандинской области. Приводится карта местонахождений петроглифов, их описание, прорисовки и фотографии изображений, рассматривается история их открытия, методы исследования, некоторые вопросы культурно-хронологической атрибуции, стилистики и содержания, проблемы состояния и сохранности изобразительных памятников Сарыарки и их широкого использования в культурно-просветительских целях, а также для развития регионального и международного туризма. Книга адресует широкому кругу читателей: специалистам в области археологии, наскального искусства, организаторам туристической деятельности, экскурсоводам, студентам вузов, а также всем интересующимся древней историей Казахстана.

Электронная версия этой книги с цветными иллюстрациями находится в
Интернете в свободном доступе. Адрес для скачивания:
<https://kaznu.academia.edu/VictorNovozhenov/>

УДК 930.27
ББК 63.2

© Бедельбаева М. В., 2015

© Новоженов В. А., 2015

© Новоженова Н. В., 2015

© Центр по сохранению историко-культурного наследия
Карагандинской области

© Сарыаркинский археологический институт
при КарГУ имени академика Е. А. Букетова

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
1. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПЕТРОГЛИФОВ САРЫАРКИ	10
2. ОПИСАНИЕ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ	32
2.1. Улытауский район	
2.1.1. <i>Комплекс Байконурских петроглифов</i>	
2.1.2. <i>Теректы Аулие</i>	
2.1.3. <i>Зынгыртас</i>	
2.1.4. <i>Петроглифы долины реки Тамды</i>	
2.1.5. <i>Тасуткель (Тамды)</i>	
2.2. Шетский район	
2.2.1. <i>Грот Тесиктас</i>	
2.2.2. <i>Местонахождения петроглифов в Северном Прибалхашье</i>	
2.2.3. <i>Шунак</i>	
2.3. Каркаралинский район	
2.3.1. <i>Шаматай</i>	
2.3.2. <i>Килыбай</i>	
2.3.3. <i>Байжан</i>	
2.3.4. <i>Кестелетас</i>	
2.3.5. <i>Коныржон</i>	
2.4. Актогайский район	
2.4.1. <i>Группа петроглифов Бегазы</i>	
2.4.2. <i>Желтау</i>	
2.4.3. <i>Калмакемель</i>	
2.5. Жанааркинский район	
2.5.1. <i>Калмаккырган</i>	
2.6. Типология степных изобразительных памятников	
3. ХРОНОЛОГИЯ И ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ В НАСКАЛЬНОМ ИСКУССТВЕ САРЫАРКИ	60
3.1. Петроглифы эпохи бронзы	
3.1.1. <i>Ямно-афанасьевская изобразительная традиция</i>	
3.1.1.1. <i>Ямно-афанасьевская мегалитическая традиция</i>	
3.1.1.2. <i>Изобразительные ряды и фрагменты кода</i>	
3.1.2. <i>Андроновская изобразительная традиция</i>	
3.1.2.1. <i>Изобразительные ряды и фрагменты кода</i>	
3.1.3. <i>Карасукская изобразительная традиция</i>	
3.1.3.1. <i>Изобразительный код</i>	
3.2. Петроглифы ранних кочевников: скифо-сакская изобразительная традиция	
3.3. Средневековые петроглифы: тюркская изобразительная традиция	
4. ПРЕЗЕНТАЦИЯ ПЕТРОГЛИФОВ В ТУРИСТИЧЕСКО-ЭКСКУРСИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	108
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	123
ТҮЙІН	128
SUMMARY	136
БИБЛИОГРАФИЯ	144
Каталог новых памятников	159
Рисунки, результаты графического сканирования	197

Введение

Уникальным культурным наследием, признанным ЮНЕСКО, являются древнейшие наскальные изображения — петроглифы, обнаруженные на бескрайних просторах Казахского мелкосопочника¹. Они по-прежнему остаются малоизвестными широкой общественности и до сих пор практически не охвачены современными туристическими маршрутами. Шедевры былых цивилизаций, традиционное культурное наследие нации, которым по праву гордится казахский народ, несомненно, заслуживают лучшей участи и достойны занять подобающее им место как в современном обществе, так и в истории мировой культуры.

Выступая на XX сессии Ассамблеи народа Казахстана, Президент Республики Казахстан Н. А. Назарбаев отметил: «Нам необходимо общенациональное историческое сознание. Наше восприятие истории должно быть цельным, позитивным и объединять общество, а не разделять. Чтобы поднять на должную высоту национальный дух, надо четко осознать, каковы наши реальные история, культура, религия».

Обширные равнинные пространства Сарыарки, покрытые злаково-ковыльной растительностью, всегда служили удобной средой обитания обществ, хозяйство которых ориентировано на животноводство. Истинная роль пастушеских племен в истории народов Центральной Азии еще только начинает проясняться.

Важным элементом мобильной культуры, формировавшейся в степи со времен энеолита, стали изобразительные памятники. В сравнении с многокилометровыми «каменными галереями» южных и восточных горных и предгорных частей Казахстана, где имеется множество плоскостей, покрытых блестящей иссиня-черной коркой пустынного «загара», степные изобразительные памятники, в силу естественных природно-географических условий, кажутся более компактными, но при этом ничуть не менее информативными и выразительными.

В пределах административных границ современной Карагандинской области, охватывающей большую часть Сарыарки, Бетпакдалы и всего Ка-

¹ Казахский мелкосопочник — географическое название Центрального Казахстана — ковыльно-злаковой степной части страны, в древности получившей историко-поэтические названия Дешт-и-Кыпчак и Сарыарка, в вольном переводе на русский язык означающие соответственно «Степь (в смысле «страна») кипчаков» и «Золотистые (в смысле «желтеющие, как ковыль») холмы». В древнерусских летописях используется историко-географическое понятие «половецкая степь» (в смысле «палевая» или «желтая степь»), а ее обитателей кипчаков называют половцами. Эта благодатная земля воспета в многочисленных устных преданиях, песнях казахского народа. Юго-западная часть Казахского мелкосопочника называлась Бетпакдала («Голодная степь») и определялась в древних преданиях как противоположность или продолжение Сарыарки, вместе с которой они составляют две части одного региона (см. подробнее об этих топонимах: Семби, 2013, с. 222–238). Таким образом, в этой книге для описания исследуемой территории используются разнообразные топонимы: географические термины — Казахский мелкосопочник, Центральный Казахстан; мифопоэтические казахские топонимы — Сарыарка, Бетпакдала; исторические (историографические) названия этой территории — Дешт-и-Кыпчак, Туран.

захского мелкосопочника, обнаружено 27 таких изобразительных памятников (табл. 1). Местонахождения петроглифов представляют собой скопления из нескольких сотен фигур на каждом и расположены в наиболее приметных местах степи: на скальных выходах по вершинам и склонам сопок, на обрывистых берегах пересыхающих летом небольших речек. Эти пункты заметны издали, с ними, как правило, связаны многочисленные предания и легенды местных жителей, они почитаются как святыя места — «аулие». Такие пункты необходимы животноводам как важные указатели для ориентации в бескрайних степных просторах. Неслучайно чабаны и сегодня возводят на вершинах сопок каменные кладки «обо» не только в культовых целях, но и для ориентации в степи, отмечая наиболее удобные пути передвижения табунов, богатые травами и водой пастбища.

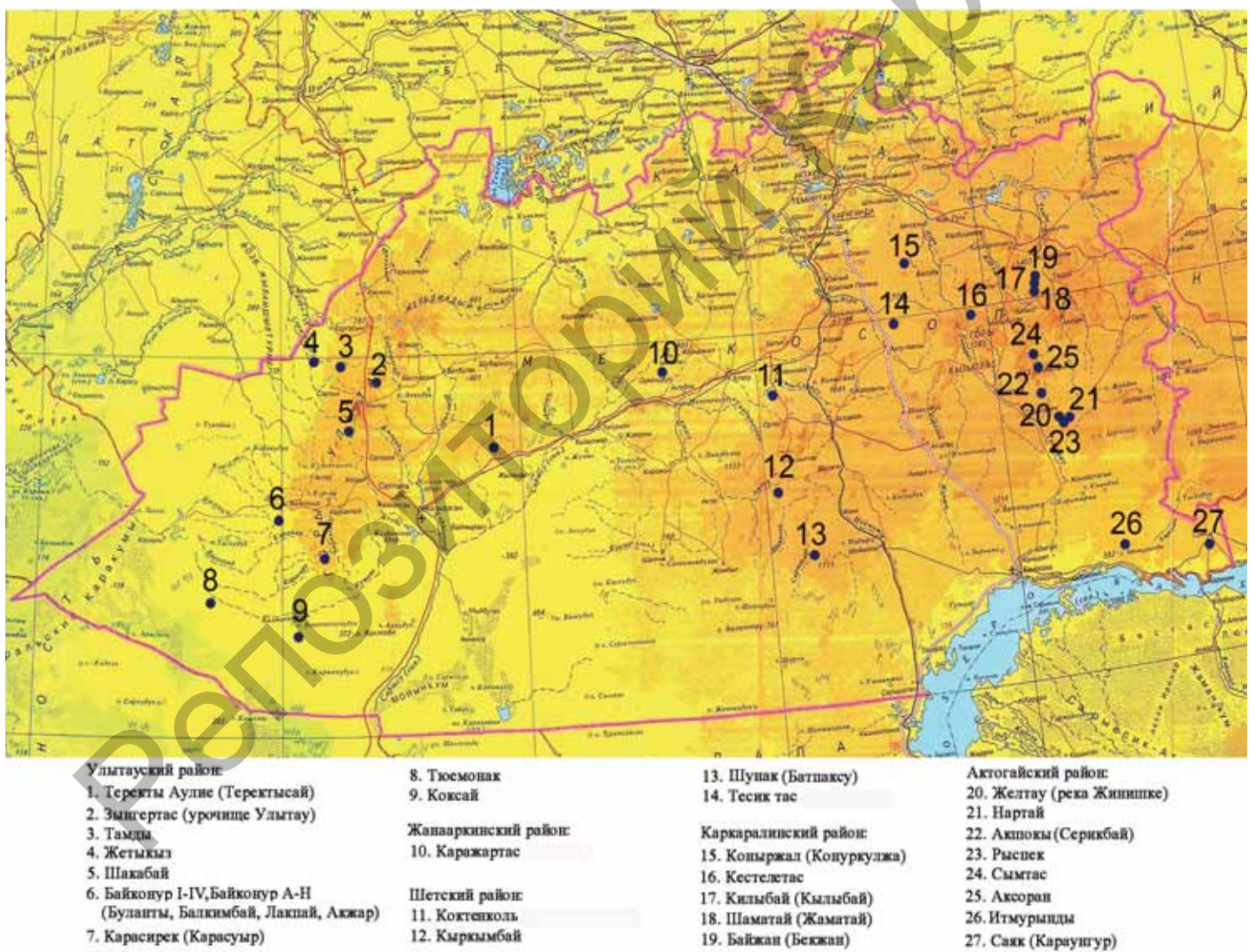

Таблица 1. Карта изобразительных памятников — скоплений петроглифов Карагандинской области в системе ГИС (составлена кандидатом исторических наук, директором САИ В. Г. Ломаном)

Возможно, подобным образом и в древности памятники с петроглифами играли роль своеобразных маяков в бескрайних просторах степного «океана». Такие знаки на местности в сочетании с примитивными астрономическими знаниями являли собой некий культово-информационный комплекс древнего животновода (Новоженов, 2002, с. 7–10) и выполняли функции храмов под открытым небом (Самашев и др., 2013а, с. 196–197).

В условиях отсутствия письменности существовало ограниченное число каналов передачи информации между членами общества. Коммуникативные возможности людей были ограничены устной и изобразительной традициями, которые отражали знания, накопленные обществом в единственной доступной тогда форме — мифологической.

Петроглифы рассматриваются как археологический источник, изучение которого требует решения конкретных проблем и задач, среди которых выделяются следующие: комплексный анализ, классификация изобразительных и документирующих (описательных) материалов в свете определения их хронологии, идентификации, дешифровки, а также культурно-исторической интерпретации. История изучения первобытного искусства наглядно показывает, что решение проблем исследования наскальных изображений напрямую зависит от общего уровня развития научного познания, в данном случае от уровня теоретической и методологической основы исследования петроглифов (см. подробнее: Рогожинский, 2011д, с. 28–46).

Существенное значение имеет и материально-техническая база таких исследований. Недостаточное финансирование, к сожалению, не позволяет сегодня применять самые передовые и современные бесконтактные методы и инструменты в полевых и лабораторных работах. Так, например, электронное бесконтактное 3D-сканирование плоскостей с петроглифами с использованием специальных лазерных сканеров существенно расширило бы диапазон исследований и позволило бы достичь невероятного прогресса в документировании и объективном изучении этого вида исторических источников. Вероятно, это задача для будущих поколений исследователей.

Сегодня, несмотря на достижения, продолжают оставаться актуальными вопросы создания унифицированной информационной электронной базы данных всех известных изобразительных памятников Сарыарки и их детального картографирования (Новоженов и др., 1993, с. 48–60). В последние годы к традиционным археологическим задачам добавилось еще одно направление профессиональной деятельности — мониторинг памятников археологии. Со времени открытия и первого описания этих памятников прошел значительный срок. Возникла необходимость установить факт наличия или утраты конкретных, уже известных петроглифов, перепроверить их технические параметры, обозначить их точное местонахож-

дение в координатной сетке с привязкой к современным ориентирам и картам в системе ГИС, что связано с составлением полного реестра не только изобразительных памятников, но и всего корпуса памятников истории и культуры региона.

К настоящему времени в современной специальной литературе разработаны основополагающие принципы работы с петроглифами: детальное, полное и комплексное описание всего скопления древних изображений без исключения якобы неинформативных или неинтересных фигур; фиксация топографических особенностей окружающей местности с использованием самых современных картографических данных, включая снимки со спутников, фотофиксацию всех без исключения плоскостей с петроглифами прогрессивными аппаратными средствами и методами, документирование на уровне макро- и микротопографии всего памятника; определение размера и ориентировки плоскостей; их маркировка и сквозная индексация; фотографирование всей скальной плоскости в совокупности с отдельными деталями, фрагментами и фигурами; сопроводительная письменная информация об индексации и идентификации всех фигур на плоскости; выявление и описание многофигурных сцен, оценка степени сохранности плоскостей с изображениями, включая рекомендации по немедленной консервации и реставрации объектов или их туристическому использованию.

Настоятельно требуется изучение наскальных изображений с применением самых современных естественно-научных методов, включая датирование по радиоуглероду, а также проведение лихенометрических², петрографических³ и прочих анализов.

Полномасштабное и подробное документирование петроглифов региона сегодня является единственной возможностью сохранить этот бесценный исторический источник, поскольку все известные нам изобразительные памятники области находятся в полуразрушенном или аварийном состоянии. Серьезными проблемами остаются консервация, реставрация и сохранность этого вида археологических памятников. Такие работы на памятниках Карагандинской области, к сожалению, никогда не проводились, притом что количество посетительских «автографов» на скалах с петроглифами с каждым годом только возрастает.

В целом уникальность и широкий хронологический диапазон наскальных изображений Сарыарки настоятельно требуют их тщательной и полной фиксации, компьютерного моделирования, составления классификационных и эволюционных схем, а также решения вопросов их куль-

² Лихенометрия — метод, определяющий скорость роста разнообразных лишайников и прочих органических наростов на скальных выходах, классифицирующий их видовой состав, особенности и скорость роста популяций этих организмов. Позволяет в ряде случаев уточнить датировку петроглифов.

³ Петрография — наука, изучающая, определяющая и классифицирующая природный состав различных геологических пород. Образующаяся на разных горных породах патина имеет разный химический состав, который влияет на скорость образования на скалах и цвет пустынного «загара», интенсивность которого, наряду с экспозицией плоскости, влияет на индекс патинизации изображений и самих скал.

турно-хронологической атрибуции и интерпретации, что является задачей не одного года исследований. Поэтому нашей первоочередной целью на текущем этапе стал мониторинг изобразительных памятников: их точное определение в рамках охранных зон, систематизация уже накопленных научных знаний о них; унифицированное описание всех известных и новых памятников; подробная и полная научная фиксация уже выявленных и вновь открытых в процессе полевых исследований древних изобразительных памятников Сарыарки самыми современными методами и доступными аппаратными средствами.

В 2015 г. проводился мониторинг местонахождений петроглифов Карагандинской области, обнаруженных во второй половине прошлого века и исследованных в разные годы археологическими экспедициями Института археологии Министерства образования и науки Республики Казахстан (Центрально-Казахстанской археологической экспедицией Академии наук Казахстана — ЦКАЭ), Карагандинского государственного университета имени академика Е. А. Букетова, специалистами Центра по сохранению историко-культурного наследия Управления культуры, архивов и документации Карагандинской области и Республиканского государственного предприятия «Казреставрация» Министерства культуры и информации Республики Казахстан.

Группы петроглифов, упоминаемые в источниках, носят порой разные названия. Например, петроглифы долины реки Байконур, которые изучены и опубликованы в свое время (Новоженков, 1987а; 1987б; 1990; 1993; 1994; 2002), упоминаются в литературе и государственных паспортах этих памятников более позднего времени под такими названиями, как «Балкимбай», «Акжар», «Лакпай», «Билеуты», «Буланты»; группа петроглифов Желтау (долина реки Жинишке) — как «Женишке», «Актумсык»; петроглифы долины реки Тамды, включающие плиту на переправе Тасуткель, в ряде случаев называют «Байтлеу»; святилище Теректы Аулие — «Теректысай»; петроглифы Шунак — «Батпаксу»; Зынгыртас — «Зынгертау». Ряд подобных примеров можно продолжить. Расхождения в названиях изобразительных памятников вносят путаницу, рожают несуществующие памятники, а самое печальное — не позволяют точно определять границы охранных зон, осуществлять отвод земель, да и просто делают невозможной государственную охрану таких объектов. Срочно и настоятельно требуется навести порядок в этой сфере, идентифицировать все известные названия изобразительных памятников Сарыарки в соответствии с современной топонимикой и правилами научной этики.

Определенные сложности фотосъемки петроглифов часто связаны с крупными размерами плоскостей, труднодоступностью плит и собственно с рельефом отвесных скал и горных систем, в которых они обнаружены. В середине прошлого века, характеризуя скопления петроглифов в долине реки Байконур, академик А. Х. Маргулан писал: «Большая часть петро-

глифов расположена в недоступных в наше время местах, на отвесных скалах на высоте до 200 м» (Маргулан, 2003, с. 15). Это делало их фиксацию практически невозможной.

В процессе наших полевых исследований летом 2015 г. панорамная и детальная видеосъемка таких объектов осуществлялась при помощи квадрокоптера — радиоуправляемой летающей фотовидеокамеры высокого разрешения (4К), что позволило получить полное и объективное представление об изображениях на скальном «полотне» с наиболее удобных и «читаемых» ракурсов. Таким образом, в мониторинге использовались новые технические возможности беспилотных летательных аппаратов, GPS-приборов, цифровой фото- и видеотехники (табл. 2).

В процессе проведенного мониторинга выявлен целый ряд неизвестных ранее изображений, которые позволили пополнить сведения о древнейшем наскальном искусстве Сарыарки. Были детально зафиксированы группы из сотен петроглифов: Байконур «Н», Тамды, Коныржон, Шунак, Желтау — с уточнением их ландшафтных и историко-культурных характеристик. В *Каталоге новых памятников* в приложении к этой книге представлены не опубликованные ранее образы и сцены, их графические рисовки и фотографии. Также они зафиксированы цифровыми аппаратными средствами и хранятся на носителях в оцифрованном виде. В результате были задокументированы и описаны как новые, так и уже известные изобразительные памятники и многофигурные композиции, а также отдельные изображения.

В настоящее издание вошла лишь малая часть собранного обширного иллюстративного материала, которая представлена здесь в черно-белых фотографиях, количество которых, к сожалению, ограничено объемом этой книги. Авторы уверены, что, благодаря поддержке наших успешных предпринимателей, прежде всего из сферы туризма, а также местных горнодобывающих предприятий и неравнодушных граждан, весь богатейший материал, собранный за долгие годы исследований сарыаркинских петроглифов, будет представлен в полноформатном и полноцветном мультимедийном альбоме в самое ближайшее время.

В полевых экспедиционных исследованиях и обработке материалов принимали участие В. В. Варфоломеев — кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии, этнографии и отечественной истории Карагандинского государственного университета имени Е. А. Букетова; А. Ш.Искаков — научный сотрудник Национального историко-культурного и природного музея-заповедника «Улытау»; Т. Т. Аршабеков — заместитель директора Карагандинского областного музея изобразительных искусств; а также сотрудники экспедиции: А. Ю. Ким, А. С. Нагорный, К. В. Сон, А. В. Чистяков.

Авторы выражают свою признательность Т. С. Тулеуову, директору Центра по сохранению историко-культурного наследия Карагандинской

области, и Б. С. Кожаметову, директору Национального историко-культурного и природного музея-заповедника «Улытау», много сделавшим для сохранения и изучения петроглифов. Искренне благодарим местных жителей, оказавших содействие в проведении полевых исследований: Т. Аширбекова, А. Аширбекова; Р. М. Агыбай — директора школы № 8 села Бесоба; М. З. Оспанкулова — директора школы № 19 села Талды; Н. Калкамана и многих-многих патриотов — краеведов, истинных почитателей и хранителей истории родного края.

Таблица 2. Петроглифы долины реки Байконур, группа II. Обследование петроглифов на труднодоступной плите с использованием квадрокоптера. Фото В. А. Новоженова

Глава 1. История изучения изобразительных памятников

Самые первые сведения об изобразительных памятниках Казахского мелкосопочника относятся к Средним векам. Ученый IX века ал-Бируни пишет: «В стране кимаков имеется гора, которая называется Манкур. В этой горе... имеется скала, на которой виден след человека, его ладони с пальцами, след его колен, как будто он делал поклон, а также след ног мальчика и копыт осла. Тюрки-гузы падают ниц при виде той скалы» (Кумеков, 1972, с. 27). Исследователи-востоковеды вполне обоснованно соотносят сопку Манкур с горами Улытау. Ряд арабских путешественников (ал-Идриси, Исхак ибн ал-Хусайн) приводят разнообразные описания наскальных изображений, которые во многом напоминают петроглифы святилища Теректы Аулие. Легенды, переданные в этих сведениях, свидетельствуют о сакральном значении этих изображений, что подтверждается современными данными (Самашев и др., 2013а, с. 18–20). Тем не менее, в отличие от наскальных «полотен» южных и восточных предгорных районов страны, петроглифы степной части Казахстана долгое время оставались неизвестными науке.

С 1711 по 1721 гг. в Тобольске проживал известный шведский ученый Ф. фон Страленберг, который проводил специальные историко-географические изыскания на Урале, Алтае, в Сибири, долинах рек Иртыш, Тобол и других местах. В своей книге, изданной в 1730 г., он не только упоминает о писаницах в горах Итык (одна из вершин Улытау) и других наскальных изображениях в горах Центрального Казахстана, но также приводит их прорисовки (Stralenberg, 1730, s. 50). О наскальных изображениях региона в начале XIX в. упоминает и немецкий ученый-геолог — Х. Ф. Ледебур, изучавший здесь древние горные выработки (Ledebour, 1829).

Новые сведения о петроглифах, расположенных на территории области, появляются в работах российских путешественников и геологов XIX в. Чаще всего в этих трудах упоминаются скалы с казахскими тамгами, места скопления которых обычно назывались одинаково — Тамгалытас (правильнее — Танбалытас), т. е. «скала с тамгами». Географически такие скалы располагались в самых разных частях степи, но назывались везде одинаково.

Так, информацию о тамгах, высеченных на скалах вдоль реки Сарысу, находим у академика А. И. Шренка, который стал первым ученым, составившим научное природно-географическое описание Улытауской и Сарысуйской степей. Его путешествие, в ходе которого он обследовал низовья

реки Сарысу и пересек Бетпакдалу, продолжалось с марта по сентябрь 1842 г. В своем «Топографо-географическом положении» А. И. Шренк описал Улытаускую горную группу, а также историко-архитектурные памятники региона. Он также зарисовал большую серию местных казахских тамг. Все эти сведения опубликованы в 1903 г. в Санкт-Петербурге в книге «Полное географическое описание». Находим в ней и такие строки: «На запад от Кендырлыкских ключей (верстах в 10) есть урочище Тамгалытас. Здесь на высоком яру лежит большая глыба песчаника (до 3 куб. саж.), которая считается у киргиз [казахов — прим. авторов] священным камнем; поверхность камня испещрена множеством рисунков и киргизскими [казахскими — прим. авторов] надписями...» (Полное географическое..., 1903).

Перечень археологических памятников, обнаруженных в некоторых районах Центрального Казахстана, представлен членом Императорского археологического общества В. П. Никитиным. В своих записях, сделанных во второй половине XIX в., автор упоминает о «резаных» рисунках на больших камнях, которые расположены на «сопке Тамгалытас» у горы Кенелы в Абралинской волости Каркаралинского уезда — на территории современных Каркаралинского и Актогайского районов Карагандинской области (Никитин, 1896, с. 211–218). Описание наскальных изображений сопровождается описанием геологических особенностей строения горных систем региона и скальных выходов, на которые нанесены эти петроглифы, подробными данными о топографических особенностях месторасположения наскальных изображений с указанием топонимических названий и метрических измерений (Байтлеу, 2010, с. 32).

Таким образом, к началу XX в. наука располагала разнородными и довольно отрывочными упоминаниями о наскальных изображениях Казахстана в целом и его центральной части в частности. Данные о петроглифах, как правило, собирались параллельно с основной работой экспедиций. Многие прорисовки и копии изображений, сделанные Ф. фон Страленбергом, П. С. Палласом, Г. И. Спасским, Н. Н. Пантусовым и другими исследователями, не потеряли своей научной ценности и сейчас, а некоторые местонахождения петроглифов, описанные ими, оказались безвозвратно утерянными для исторической науки (Маргулан и др., 1966, с. 13–14).

В историографии наскального изобразительного творчества Центрального Казахстана значимое место занимают систематизированные данные И. А. Кастанье, обобщенные в его труде «Древности Киргизской степи и Оренбургского края». Опираясь на описания местонахождений петроглифов в урочище Тамгалытас, горах Саяк и Кенелы, сделанные Н. Коншиным и В. П. Никитиным, он выделяет в Каркаралинском уезде четыре группы петроглифов, в которых изображены олени, архары и другие животные (Кастанье, 1910, с. 136).

В 1914 г. геолог Н. С. Воронец проводила изучение полезных ископаемых Бетпакдалы и почвоведческие исследования в центральных районах Казахстана. Местные жители сообщили ей о скоплении петроглифов в долине реки Байконур «...в 15 верстах от каменноугольных копей, принадлежащих отделению Спасского английского общества» (Воронец, 1916/1917, с. 56–58).

В 1917 г. в «Русском антропологическом журнале» опубликована ее статья, где описаны петроглифы Лакбай (Воронец, 1916/1917, с. 57). Н. С. Воронец впервые сфотографировала рисунки этого местонахождения, а два камня с изображениями животных и людей привезла в Москву и передала в фонды Исторического музея для дальнейшего изучения⁴. Четыре фотографии и описание еще одной группы петроглифов Байконура, обнаруженной ниже по течению реки, осенью 1916 г. передал в Государственный исторический музей (ГИМ) геолог М. М. Пригоровский, отмечая, как и Н. С. Воронец, плохую сохранность изображений на сильно разрушенных сланцевых скалах в долине реки Байконур.

Эти ценные, но достаточно лаконичные данные о наскальных изображениях региона, собранные русскими геологами, заинтересовали профессора В. А. Городцова, работавшего тогда в ГИМе, и легли в основу его достаточно прогрессивной для своего времени статьи «Скальные рисунки Тургайской области», опубликованной в 1926 г. По мнению ученого, Центральный Казахстан выступает как зона интенсивных тысячелетних культурных контактов. В качестве доказательства этой гипотезы В. А. Городцов приводит некоторые наскальные изображения, расположенные в верховьях Енисея, которые по жанру действительно более характерны для Центрально-Азиатского региона: это изображение верблюдов и фигура крупной рептилии (*Voranus Sciencus*), широко распространенной в южных районах Центральной Азии (Городцов, 1926, с. 56). Ученый находит аналогии антропоморфных петроглифов местонахождения Байконур не только в наскальных изображениях в верховьях реки Енисей, но и в долине реки Пяндж, в мелкой пластике Урала и даже в наскальных изображениях Испании (Городцов, 1926, с. 48–49).

Анализируя обширный археологический материал, автор отмечает сходство в тематике петроглифов на всем евразийском пространстве и выдвигает гипотезу о «принадлежности тургайских и енисейских скальных рисунков одной народности», тогда как племена предгорий Памира, судя по отличиям в технике и стиле изображений петроглифов, вероятно, находились в тесных культурных и экономических контактах с севером (Городцов, 1926, с. 55). Эта гипотеза В. А. Городцова нашла весомые подтверждения в современных исследованиях: опубликованы многочисленные

⁴ К сожалению, наши новые попытки обнаружить эти плиты и фотографии в настоящее время в Государственном историческом музее (Москва) оказались безрезультатными.

примеры и доказательства таких взаимодействий и коммуникаций древнего населения в различные исторические периоды и особенно в период существования Великого шёлкового пути, соединяющего южные и северные регионы Центральной Азии между собой, через территорию Центрального Казахстана (Байпаков, 1998, с. 18–19; 2007; Новоженев, 2012а; 2014а).

Наблюдения и выводы В. А. Городцова в вопросах хронологии наскальных изображений Казахстана имеют важное методологическое значение. Рассматривая эти вопросы комплексно, ученый анализирует цветовые различия петроглифов, акцентирует внимание на образовании патины и выделяет на основании этого разновременные пласты изображений (Байтлеу, 2010, с. 43). Проводя аналогии с уже известными петроглифами и используя наблюдения над образованием патины, исследователь предлагает разделить петроглифы на три хронологические группы: древние, средние и поздние.

Таким образом, профессор В. А. Городцов разработал эффективный метод относительного датирования петроглифов, применяющийся и в настоящее время. По мнению ученого, использование этого метода предполагает непосредственное участие исследователя в изучении петроглифов и обязательное документирование при учете первичных данных и в процессе полевой фиксации памятника.

Для определения хронологических рамок петроглифов долины реки Байконур В. А. Городцов предлагает широкий диапазон датировок. Решающим аргументом, диагностирующим их хронологическую позицию, стали отдельные байконурские сюжеты. Например, изображения домашних животных, ноги которых соединены между собой линиями, он считает признаком доместикации. Эти наблюдения ученый использует как доказательство их относительной датировки, а именно того, что наскальные изображения Байконура не могли создаваться в допалеометаллическое время, т. е. до изобретения и использования металла и завершения процесса приручения домашних животных: лошадей, быков и верблюдов. Исходя из этого постулата, автор предложил датировать байконурские петроглифы в пределах XIV–I вв. до н. э. Анализируя практику нанесения изображений и знаков на камни у современных ему кочевых народов и используя этнографические данные, В. А. Городцов датировал поздние изображения в долине реки Байконур этнографическим временем (Городцов, 1926, с. 54–55).

Подробно изучив доступные байконурские петроглифы, автор высказал интересные идеи также относительно интерпретации сюжетов наскального искусства с целью воссоздания духовной культуры древних насельников Сарыарки. Профессор В. А. Городцов подразделяет первобытное искусство на три категории: символическое, «удовлетворяющее запросам разума», эмоциональное и собственно магическое искусство, которое, по мнению исследователя, базируется на уверенности древнего ху-

дождника в возможности подчинения явлений и предметов некой волевой силе (Городцов, 1926, с. 50).

В истории изучения петроглифов не только Тургайской степи, но и всей Азии исследование профессора В. А. Городцова стало исключительно важным: впервые оказались сформулированы методологические основы научного изучения наскального искусства. В. А. Городцов продемонстрировал инновационный и прогрессивный для того времени подход к изучению изобразительных источников, который на долгие годы определил вектор всех исследований по этой проблематике. Кроме того, выводы В. А. Городцова относительно датировок байконурских петроглифов актуальны и сегодня, имеют несомненную ценность и в целом с учетом соответствующих корректировок подтверждаются современными исследованиями (Байтлеу, 2010, с. 46–47).

20–40-е гг. XX в. — время активных геологических исследований в регионе. К. И. Сатпаев, проводивший в эти годы полевые изыскания в Улытау, писал: «... те первые фактические данные, которые имеются на сегодня, позволяют считать Джезказганский регион тем редким счастливым районом земного шара, в котором природа с исключительной щедростью собрала в одном месте в огромных количествах разнообразнейшие богатства недр» (Сатпаев, 1941, с. 69). Именно здесь Каныш Имантаевич, будущий академик, обнаружил несколько скоплений петроглифов: на правом берегу реки Буланты в 15–20 км ниже Байконурских угольных копей, в районе реки Тамды и у нижнего течения реки Жеты-Кыз в 35 км к западу от Улытауских гор (Сатпаев, 1941, с. 69–71). В другой своей работе академик К. И. Сатпаев писал: «В верховьях реки Сарысу, в 20 км от нее на восток, у ключа Тасбулак в урочище Танбалы-Нура имеется утес, где высечены на камне родовые знаки (тамги) всех родов и племен, входящих в состав казахского народа. Народные предания найманов говорят, что именно здесь, у ключа Тасбулак, имело место первое историческое совещание родов об организации новой народности «казах» (Сатпаев, 1946).

Во время одной из своих экспедиций в Центральном Казахстане в августе 1935 г. К. И. Сатпаев на сопке Алтыншоки в районе Улытау обнаружил камень с надписью на двух языках (три строки на арабском и восемь строк на чагатайском языке), сделанной по приказу эмира Тимура. В настоящее время «камень Тимура» хранится в Эрмитаже (Санкт-Петербург). Он является свидетельством реальных событий 1391 г. — похода Тимура против золотоордынского хана Тохтамышша (см. подробнее в 4-й главе этой книги).

Опубликованные академиком К. И. Сатпаевым в целой серии работ новые уникальные данные об изобразительных памятниках Сарыарки до сей поры актуальны, востребованы специалистами, требуют нового подхода в их понимании и интерпретации.

Полномасштабное, планомерное и специализированное научное исследование памятников наскального искусства Сарыарки начинается в середине XX в. после войны, получив новый импульс благодаря академику А. Х. Маргулану, который в 1946 г. возглавил Центрально-Казахстанскую археологическую экспедицию. В этот период отмечается значительный прогресс в полевых исследованиях всех типов археологических памятников региона, в том числе и изобразительных. Подробно и системно фиксировались уже известные к тому времени изобразительные памятники, активно открывались новые, прежде всего в засушливых и полупустынных районах Бетпакдалы и Сарыарки: Теректы Аулие; на берегу реки Сарлык; на правом берегу реки Буланты; на реке Тамды при впадении в нее реки Коксай и многие другие (Маргулан, Агеева, 1948, с. 53–60; Маргулан, 1950, с. 61–72; 1951, с. 16–17; 1956; 1960). Позднее все эти материалы были включены в «Археологическую карту Казахстана», где представлена наиболее полная на тот момент (конец 50-х гг. XX в.) информация об известных археологических памятниках на территории республики, в том числе о петроглифах Сарыарки (АКК, 1960; см. табл. 3).

№	№ в реестре АКК	Описание	Стр. в АКК
1	2026	Плита с надписью Тимура в 30 км на северо-запад от гор Улытау на вершине горы Алтын-Шоки. Надпись содержит 10 строк на древнеуйгурском языке. Обнаружена в 1936 г. К. И. Сатпаевым.	141
2	2043	Наскальное изображение в предгорье Улытау на правом берегу реки Сарылык (приток реки Таргай). Высечены куланы, горные козлы, двугорбые верблюды. Обнаружены ЦКАЭ (А. Х. Маргулан) в 1947, 1956 гг.	142
3	2050	Наскальное изображение в нижнем течении реки Жеты-Кыз в 35 км на запад от гор Улытау. Обнаружено К. И. Сатпаевым в 1937 г.	143
4	2055	Наскальное изображение в юго-западной части гор Улытау на территории колхоза «Казахстан». Техника изображения точечная. Высечены караван верблюдов, всадники на конях и на верблюде, стадо коров, отара овец, табун лошадей, архар, таутеке, кулан и др. Обследованы ЦКАЭ (А. Х. Маргулан) в 1947 г.	143
5	2057	Наскальные изображения на левом берегу притока реки Шагырлы-Жиланчик в урочище Шакабай в 15 км на юг от поселка Топкай. Высечена группа козлов. Обнаружены ЦКАЭ (А. Х. Маргулан) в 1956 г.	144
6	2060	Наскальные изображения на берегу реки Буланты в 20 км на юго-запад от поселка Байконур. Изображены сцены охоты, а также олени, медведи. Обнаружены К. И. Сатпаевым в 1937 г.	144
7	2132	Наскальные изображения в 15 км на северо-запад от	149

		ст. Теректы, в 50 км к северу от правого берега реки Сарысу. Изображены верблюды, козлы, куланы, быки, лошади, человек. Обследованы ЦКАЭ (А. Х. Маргулан) в 1947–1956 гг.	
8	2325	Надписи на юго-восточном берегу озера Коктенколь. Обнаружены Н. Харламовым в 1937 г. Среди надписей обнаружено 6 тамг, одна в виде гребня с кружком.	162
9	2335	Наскальные изображения в урочище Каражартас. В точечной технике выбиты двугорбый верблюд, марал, таутеке и охотник. Обследованы Л. Ф. Семёновым в 1930 г., ЦКАЭ (А. Х. Маргулан) — в 1947 г.	163
10	2357	Наскальные изображения на левом берегу реки Сарыбулак в 35 км на запад-юго-запад от ст. Киик. Обследованы ЦКАЭ (А. Х. Маргулан) в 1951 г.	165
11	2369	Наскальные изображения в верховье реки Шерубай-Нура, в 5 км на юго-запад от колхоза имени Сталина, в горах Тюе-Тас. В точечной технике выбиты изображения козлов. Обследованы ЦКАЭ (А. Х. Маргулан) в 1947 г.	166
12	2456	Наскальные изображения на левом берегу реки Женишке (в низовье) в 15 км на северо-восток от поселка Актумсук. В точечной технике выбиты изображения горных баранов. Обследованы ЦКАЭ (А. Х. Маргулан) в 1949 г.	173
13	2815	Наскальные изображения в районе реки Галды-Эспе при впадении в нее реки Коксай. Обследованы К. И. Сатпаевым в 1937 г.	194
14	2838	Тюркские надписи и 500 казахских тамг на камнях Тамгалытас на берегах реки Сарысу в 120 км от ее устья. Обследованы Л. Кузнецовым в 1927 г.	195
15	2866	Наскальные изображения архаров и таутеке в саях горного хребта Джамбул. Обследованы И. Лубяных в 1936 г.	196
16	176	Наскальные изображения в горах Карашоқы. Высечены верблюды и фигура человека. Сообщение Н. Коншина. Обследованы ЦКАЭ (А. Х. Маргулан) в 1955 г.	359
17	197	Наскальные изображения и надписи в горах Кенелы. Высечены различные животные. Сообщения В. П. Никитина, 1896 г.	360

Таблица 3. Реестр изобразительных памятников области по данным Археологической карты Казахстана (АКК, 1960)

Опубликованные в 2003 г. третий и четвертый тома многогранного наследия выдающегося ученого-энциклопедиста А. Х. Маргулана содержат разнообразные данные о 18 изобразительных памятниках Сарыарки. В издании представлено более 200 фотографий из личного архива ученого с одиночными фигурами, многофигурными композициями и около 40 графических прорисовок найденных петроглифов (Маргулан, 2003).

Также автор предложил свою интерпретацию этих изображений, связывая антропоморфные фигуры на скалах с близнечным и солнечным культами, а также с культом плодородия, которые являлись частью мифологических представлений древнего населения Казахстана. Название сюжетов опубликованных каменных «полотен» говорит само за себя: «Ритуал жертвоприношения у колодца»; «Поклонение звездам и божеству»; «Жизнь обитателей степи»; «Вверх к Тенгри»; «Мир кочевников»; «Степная идиллия»; «Рождение нового» и др. Обратив внимание на «мастерство выполнения и сюжетное богатство гравюр», манеру передачи образов животных, наполненных экспрессией, академик А. Х. Маргулан писал: «...древние мастера могли передать горделивую осанку верблюдов, стройность скакунов, изящество оленей» (Маргулан, 2003, с. 14).

Прекрасный знаток казахской этнографии, академик А. Х. Маргулан, описывая сюжеты древних гравюр Сарыарки, среди которых встречается большое количество изображений верблюдов, пишет, что они «перекликаются с древними легендами казахов о Жел-Мая». Традиция изображения больших фигур верблюдов, по мнению ученого, является отражением мифа о покровителе верблюдов Ойсыл-кара (Маргулан, 2003, с. 14, 16). Изобразительные памятники, в том числе петроглифы, интересовали А. Х. Маргулана как возможность исследовать мировоззренческие каноны древнего населения Сарыарки и рассмотреть их в свете трансформации духовного мира человека на протяжении тысячелетий. Именно поэтому обращение к наследию А. Х. Маргулана актуально и в наши дни.

Широта научных интересов академика А. Х. Маргулана влекла его к исследованию и других таинственных знаков на скалах — родоплеменных казахских тамг. Он обратил внимание на применение символических знаков в наскальном творчестве еще в древнейшие времена. Ученый открыл сарматские тамги в местности Айгыр-Ушкан в урочище Карашоки (см. *Каталог..., рис. 1*). Так он описывал родовые знаки Тамгалытаса (см. *Каталог..., рис. 2*): «На плоской песчаной скале древней террасы реки Сарысу сохранилось множество древних родовых тамг и надписей на кыпчакско-казахском языке, написанных арабским письмом. Среди них — тамги огузов, кыпчаков, канглы, аргынов и других. Против названия каждого племени представлены их родовые тамги. Надпись впервые скопирована толмачом Атбасарского уездного начальника Х. Бекхожиным и военным врачом города Акмолинска А. И. Кузнецовым. В ней упомянуты все главнейшие племена трех жузов...» (Маргулан, 1997, с. 36–37).

Академик А. Х. Маргулан сформулировал такие принципиальные и важные вопросы современных исторических исследований, как генеалогия казахских родов (шежире), происхождение знаков-тамг как этнических и имущественных маркеров, переводя их изучение из плоскости мифологии и устной традиции в строгое научное русло.

Подробный анализ петроглифов Сарыбулакской писаницы, обнаруженной в 1948 г., представлен в статье Л. Р. Кызласова (1950, с. 144–149). Характеризуя технику исполнения и стилистические особенности петроглифов, он проводит хронологические параллели с изображениями енисейских памятников тагарской культуры VII–I вв. до н. э. и отмечает их сходство с петроглифами Восточного Казахстана, опубликованными С. С. Черниковым (1947, с. 251–282). Рассматривая сюжет в целом, Л. Р. Кызласов популярно излагает его интерпретацию и подчеркивает магический смысл наскальных гравюр, изображающих сцены охоты и демонстрирующих особое поклонение тотемному животному — архару. Очень важно и то, что значительное внимание уделено характеристике всего комплекса, включающего, помимо изобразительных, археологические памятники, датированные эпохой энеолита и ранней бронзы.

Наскальное изобразительное творчество вызывает интерес и исследователей, занимающихся естественными науками, поскольку видовой состав древних животных является полезным источником информации для палеозоологов. Изучая проблему распространения на территории Казахстана дикого двугорбого верблюда (бактриана), Б. А. Белослюдов широко использует данные остеологии, археологии и петроглифистики. На основании анализа сцен охоты древних изобразительных материалов из Центрального и Восточного Казахстана он выдвигает предположение о том, что одной из главных причин сокращения ареала распространения бактриана мог явиться антропогенный фактор (Белослюдов, 1946, с. 51–52).

В 60-70-е гг. прошлого века изобразительные памятники Сарыарки активно изучал геолог А. Г. Медоев. Он собрал и систематизировал многочисленные сведения о петроглифах, полученные от своих коллег, активно проводивших широкомасштабные геологоразведочные работы в Центральном Казахстане и прежде всего в Северном Прибалхашье. Наскальные изображения зафиксированы в долине реки Сарысу в местности Тамгалытас (геолог Л. Кузнецов, 1927), в саях горы Джамбул (геолог И. Лубяных, 1936), в горах Тесиктас (геолог Г. Козловский, 1959), в районе горы Семизбугы на Бесобинской равнине (геолог Б. Ж. Аубекеров, начало 1970-х гг. и позже). Помимо этих скоплений, А. Г. Медоев обследовал изобразительные памятники в горах Караунгур и Калмакжаткан-Карашат, локализованных в северных районах Прибалхашья (Медоев, 1961а, с. 100–101; 1961б, с. 72–77; 1963, с. 89–93; 1966, с. 102–103; 1979).

Исследовательская деятельность этого ученого и его блестящая эрудиция позволили впервые совместить значительные геолого-географические сведения о петроглифах, накопленные к тому времени, с богатейшим историческим содержанием этих изображений. А. Г. Медоев выделил геологические останцы — гряды, дайки и гивы, формирующиеся на сложном эффузивно-осадочном субстрате, как доминирующие места концентрации петроглифов, а также отметил две тенденции в их макротопо-

графии: первая — это каньон, соотносимый им с пещерой; вторая — горный останец, который символизировал идею «мирового столба».

Вместе с тем А. Г. Медоев стал основоположником своеобразного «искусствоведческого» подхода в изучении петроглифов, привнеся в строгие академические исследования приемы и методы работы искусствоведов. Актуальным остается мнение А. Г. Медоева о том, что понять назначение и содержание наскального искусства невозможно вне его природного контекста и особенностей ландшафтов. Это представление позволило развить в дальнейшем идею о местонахождении петроглифов как о храме под открытым небом и существенно расширить границы их исследования и осмысления.

Блестящий интеллект и эрудиция исследователя, свободно ориентировавшегося в научных дисциплинах от геологии до мифологии, позволили ему через интерпретацию петроглифов продемонстрировать эволюционное развитие наскального творчества Сарыарки в широком хронологическом диапазоне от эпохи камня и палеометалла вплоть до этнографического времени с выделением доминирующих образов и стилей.

Однако не все выводы А. Г. Медоева прошли проверку временем, особенно в части наиболее ранней хронологии петроглифов. Современный уровень знаний позволяет внести поправку в его датировки, основанные в ряде случаев исключительно на интуиции ученого и неточном копировании изображений со скалы. Как отмечает З. С. Самашев, определенное «абстрагирование» от подлинника при копировании изображения из Бесобы привело к тому, что А. Г. Медоев интерпретировал изображение кабана как изображение шерстистого носорога и датировал его, соответственно, эпохой позднего палеолита (Медоев, 1979, рис. 1, с. 156). На самом деле оно представляет собой канонический образ кабана, довольно распространенный в петроглифах Казахстана бронзового века и эпохи ранних кочевников (Самашев и др., 2014, с. 26).

В целом труды А. Г. Медоева стали одной из первых попыток комплексного анализа данных по геологии, макро- и микротопографии местонахождений, технике нанесения, стилистике и композиционному построению, форме и содержанию петроглифов, их хронологии и открывали новый, более системный и сложный междисциплинарный уровень в изучении петроглифов.

В этот же период свой вклад в изучение петроглифов Сарыарки внесли сотрудники Центрально-Казахстанской археологической экспедиции (ЦКАЭ), которой в 70–80-е гг. XX в. руководил М. К. Кадырбаев: открыты, обследованы и систематизированы новые памятники, составлена карта распространения наскальных изображений, а несколько десятков прорисовок петроглифов Сарыарки опубликовано в книге-альбоме «Сокровища древнего Казахстана» (Агапов, Кадырбаев, 1979).

В результате деятельности ученых-подвижников, блестящих энциклопедистов: В. А. Городцова, К. И. Сатпаева, А. Х. Маргулана, М. К. Кадырбаева, Л. Р. Кызласова и А. Г. Медоева — по выявлению и анализу древнего наскального искусства Сарыарки была создана мощнейшая научно-методическая и фактическая база, на основе которой стал возможен дальнейший существенный прогресс и системное изучение казахстанских петроглифов.

В 1960–1970 гг. выяснилось, что выбитые на скалах изображения эпохи бронзы преобладают почти на всех памятниках первобытного искусства Казахстана и определяют нижнюю границу зарождения и формирования этого феномена в казахской степи, наряду с первобытной живописью — рисованными на стенах гротов и скальных ниш рисунками охрой, датированными эпохой энеолита — ранней бронзы (грот Драверта на озере Жасыбай, грот Тесиктас рядом с поселком Аксу-Аюлы). Признание этого факта открыло новые возможности в вопросе осмысления содержания петроглифов и расшифровки их скрытого смысла (Бейсенов, Марьяшев, 2014, с. 11) и позволило привлечь новые данные древнейших письменных источников из сопредельных территорий Центральной Азии: Китая, Индии и Ирана.

Процесс теоретического осмысления и интерпретации петроглифов шел параллельно с практическими полевыми работами по обследованию, паспортизации и сохранению изобразительных памятников, которыми активно занимались в 70–80-е гг. XX в. экспедиции Министерства культуры Казахской ССР и «Казреставрации»: М. К. Сембин, М. А. Маманбаев, Т. К. Куандыков, М. М. Ауэзов, Г. С. Садырбаев.

В 80-х гг. прошлого века новые местонахождения петроглифов в Каркаралинском районе Карагандинской области обнаружены в результате работ археологической экспедиции Карагандинского государственного университета под руководством профессора В. В. Евдокимова.

При исследовании археологических памятников Кентского горного массива, благодаря помощи местных краеведов, в предгорьях зафиксировано несколько компактных скоплений петроглифов, получивших название по расположенным рядом зимовкам: Шаматай, Килыбай, Байжан, Кестелетас. Во время полевого сезона 1979 г. студенты-практиканты провели сплошное копирование петроглифов на кальку. В 1983 г. впервые проведена полная фиксация и сделано описание всех плоскостей с изображениями. Результаты исследований вошли в ежегодные научные отчеты о работе экспедиции (хранятся в ИА МОН РК ⁵) и отражены в нескольких публикациях (Новоженков, 1987а, с. 18–23; 1987б, с. 79–89; 1990, с. 130–136; 1993, с. 143–159; 1994; 2002).

⁵ Институт археологии имени А. Х. Маргулана Министерства образования и науки Республики Казахстан.

В 1981–1991 гг. специализированным отрядом археологической экспедиции Карагандинского государственного университета под руководством А. Ю. Чиндина и В. А. Новоженова проведены комплексные целенаправленные работы по исследованию археологических памятников долины реки Байконур, позволившие выявить свыше 160 объектов, относящихся к различным историческим периодам. Впервые многочисленные скопления наскальных изображений (свыше тысячи) системно и скрупулезно описаны с выделением их основных элементов и признаков, с подробной фиксацией топографии местонахождений и сплошным копированием изображений в противовес предшествующему — выборочному.

В ходе полевых работ полностью изучено 14 крупных скоплений петроглифов (см. табл. 4), что позволило ввести в научный оборот огромный пласт нового уникального изобразительного материала. В разные годы в исследованиях петроглифов долины реки Байконур принимали участие А. Ю. Чиндин, В. А. Новоженов, А. З. Бейсенов, Ж. Е. Смаилов, Э. Р. Усманова, И. Н. Швец, Н. Н. Галихин (КарГУ), Э. А. Новгородова (Институт востоковедения РАН, Москва), А. Н. Марьяшев (ИА МОН РК, Алматы).

Впервые все археологические памятники долины реки, включая изобразительные, нанесены на реальную топографическую основу (использовались секретные на тот момент данные аэрофотосъемки), подробно классифицированы, детально описаны, часть археологических объектов (погребальные ограды эпохи бронзы, неолитические стоянки) раскопана. Все материалы: коллекции артефактов, подъемные сборы и полевая документация — переданы в фонды Музея археологии и этнографии Карагандинского государственного университета, а некоторые копии прорисовок и фотографии — в специализированный музей-заповедник «Томская писаница» (Кемерово), где представлено наскальное искусство со всего мира, в том числе уникальные материалы из многих отдаленных уголков Центральной Азии. Научные отчеты о проведенных исследованиях по выданным Академией наук Казахстана открытым листам с той поры хранятся в архивах Института археологии МОН РК в Алматы.

В результате целенаправленных многолетних полевых и камеральных работ впервые в полном объеме был исследован весь репертуар байконурских петроглифов на протяжении многих десятков километров долины реки Байконур и ее притоков, выявлены важные стилистические, изобразительные, стратиграфические особенности, позволившие сделать некоторые принципиальные выводы о хронологии и семантике этих петроглифов. Кроме того, экспедицией в эти годы активно изучались изобразительные памятники и в других регионах Сарыарки: в Северном Прибалхашье, в Бетпакдале, в долине реки Тамды, в Кентском, Каркаралинском и Бектау-Атинском горных массивах (Новоженов, 1993; 1994; 2002).

Участок долины реки Байконур с зафиксированными археологическими памятниками
 А - группы петроглифов; В - стоянки эпохи неолита-энеолита; С - мазары; D - курганные могильники;
 Е - стоянка Балкимбай 5; J - могильник Лакпай 4.

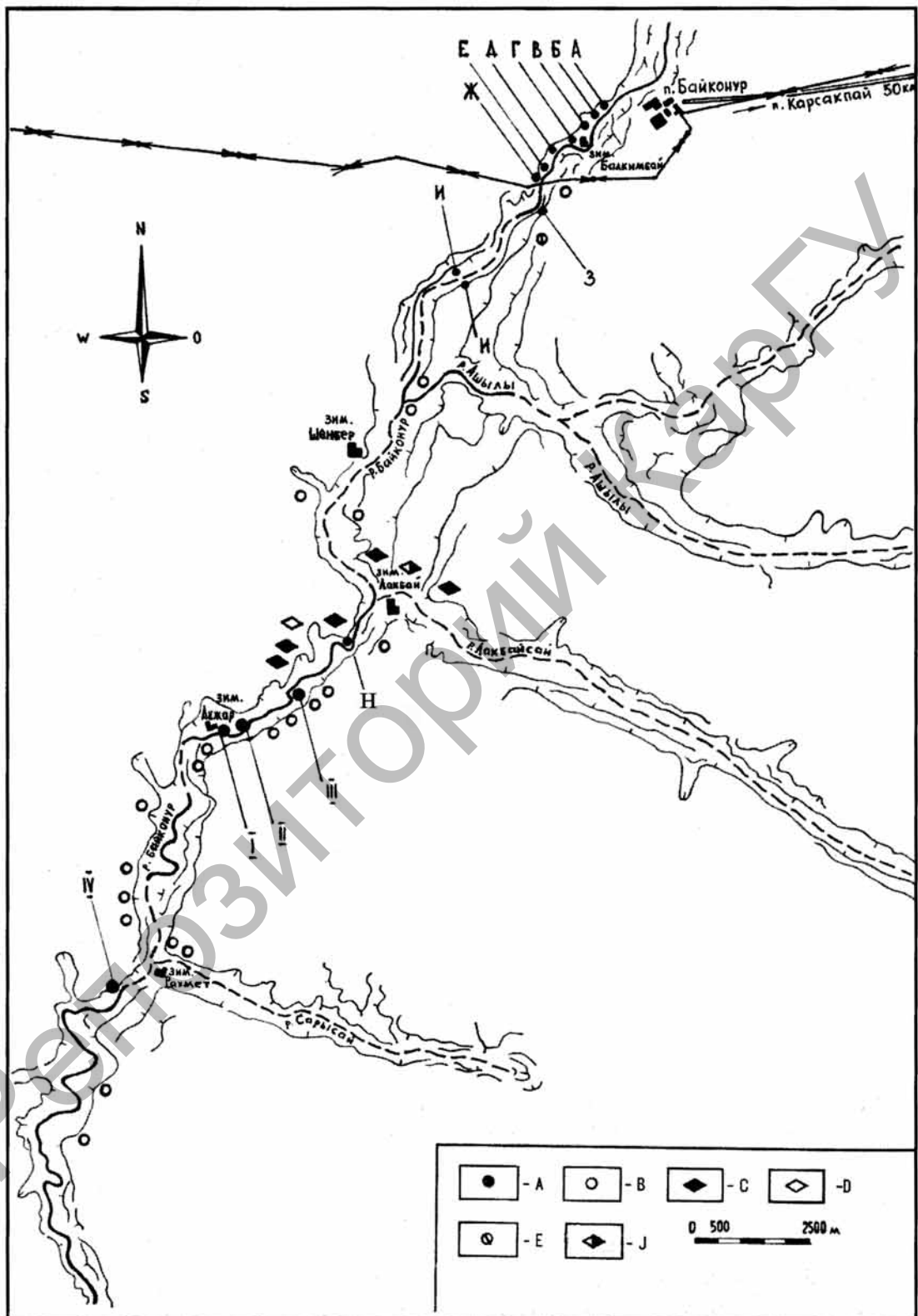

Таблица 4. Карта археологических памятников долины реки Байконур (Новоженов, 2002)

Следует отметить, что плохая сохранность петроглифов долины реки Байконур вследствие естественного разрушения сланцевых пород, которую еще в начале прошлого века отмечали первооткрыватели-геологи, сегодня активно усугубляется мощным антропогенным и техногенным вмешательством современной цивилизации. Строительство новых автомобильной и железной дорог, моста, линий электропередач в долине реки Байконур едва не привело к гибели ряда скальных выходов с петроглифами, которые стали взрывать и использовать для добычи щебенки. Принципиальная позиция Б. С. Кожахметова, директора Национального историко-культурного и природного музея-заповедника «Улытау», и его сподвижников привела к прекращению актов вандализма и позволила сохранить бесценные каменные «полотна» древних художников, включить все местные изобразительные памятники в состав Национального историко-культурного и природного музея-заповедника «Улытау».

Активная деятельность В. А. Новоженова в качестве эксперта и участника ряда археологических экспедиций, проводимых под эгидой ЮНЕСКО в 90-х гг. прошлого века, позволила проанализировать теоретические и методологические проблемы в изучении петроглифов Казахстана и рассмотреть памятники наскального искусства в контексте поступательного исторического развития общества и коммуникации древних социумов.

Разрабатывая проблему распространения наскальных изображений колесного транспорта в репертуаре петроглифов Казахстана и Центральной Азии, В. А. Новоженов обосновал теорию о древних коммуникациях на территории Евразии в нескольких фундаментальных монографиях (Новоженов, 1994; 2012а; 2014а) и многочисленных статьях (Новоженов, 2012б, с. 114–145; 2012в, с. 183–187; 2012г, с. 117–122; 2012е, с. 68–83; 2012ж, с. 44–67; 2013а, с. 100–117; 2013б, с. 185–197; 2013в, с. 19–71; 2013г, с. 321–329; 2013д, с. 132–142; 2014б, с. 90–100; 2014г, с. 622–628; 2014д, с. 59–66; 2014е, с. 455–468; 2015а, с. 314–331; 2015б, с. 57–88; 2015г, с. 20–36; 2015д и ряде других). При его непосредственном участии на кафедре археологии Кемеровского университета в 1989–1992 гг. была впервые разработана и успешно использована специализированная компьютерная база данных наскальных изображений Центральной Азии, в частности изображений повозок, что позволило формализовать процессы по обработке, сравнению и хранению изобразительной и описательной информации (Новоженов и др., 1993, с. 48–60).

Применив самые современные компьютерные методы, в своих работах ученый попытался проследить истоки и распространение ранних форм наскального искусства на всем континенте, а также определить их эволюцию в виде последовательно сменявшихся изобразительных традиций. Исследования В. А. Новоженова не только ввели в научный оборот новые данные о комплексах петроглифов долин рек Байконур, Тамды и Сарыарки

в целом, но и позволили ему выйти на уровень реконструкций исторических процессов и обобщения огромного массива источников, значительно расширить существовавшие ранее рамки источниковедческого подхода в изучении петроглифов, высказать интересные, но не бесспорные идеи об этническом субстрате насельников, создавших эти изобразительные каноны и традиции в наскальном и прикладном искусстве Евразии, которые можно зафиксировать на уровне культурно-исторических общностей и археологических культур, открытых археологами на этих обширных степных пространствах (Новоженков, 2012а; 2013г, с. 321–229; 2014а; 2015б, с. 57–88; 2015г, с. 20–36; 2015д).

С 1996 г. продолжились полевые работы над петроглифами археологического комплекса Теректы Аулие. Группа исследователей Института археологии МОН РК (З. С. Самашев, Ж. К. Курманкулов, Ж. М. Жетыбаев, Д. А. Байтлеу и др.), помимо традиционных приемов изучения: сплошной фиксации наскальных изображений, анализа и детальной формализованной характеристики, — применила комплексный подход, осознавая целостность и сложность этого изобразительного памятника. Итогом работы стал выход в свет книги, которая посвящена этому уникальному местонахождению петроглифов (Самашев, Байтлеу, Курманкулов, 2013а).

Несмотря на довольно продолжительное изучение этого памятника, на рубеже веков С. К. Ишангали обнаружил здесь, в некотором отдалении от основных групп, неизвестную ранее плоскость с крупной фигурой лошади в обрамлении круглых ямок-лунок и других знаков (*табл. 11*), интерпретируемых некоторыми исследователями как отражение звездного неба (Ишангали, 2001, с. 29–32; Полякова, 2007, с. 125–128). Последующее детальное изучение этого каменного «полотна», описанного как четвертая группа петроглифов, позволило выявить ещё 40 новых изображений. Этот факт в очередной раз подтверждает тезис о том, что требуются ежегодные масштабные, систематические, целенаправленные и планомерные полевые поиски новых местонахождений петроглифов области при постоянном мониторинге и обследовании современными методами давно открытых памятников.

Масштабность опыта и знаний доктора исторических наук, профессора З. С. Самашева, широкий диапазон и системность охваченных материалов позволили дать полную характеристику местонахождения Теректы Аулие и его природно-археологического окружения. Автор высказал и обосновал в этой коллективной работе, а также в своих последующих исследованиях концепцию изобразительного памятника Теректы Аулие как древнего многофункционального и многокомпонентного святилища под открытым небом, связанного с культом коня (Самашев и др., 2013а, с. 196–197). Отдельная глава книги посвящена анализу и интерпретации образов, семантическим параллелям сюжетов и композиций, что позволило сделать вывод о непрерывной линии развития изобразительной деятельности насе-

ления региона начиная с эпохи бронзы до тюркского времени включительно. Важным является заключение авторов, что петроглифы являются результатом изобразительной деятельности людей, погребенных в курганах, расположенных в пределах территории археологического комплекса Теректы Аулие и всей сакральной зоны этого памятника (Самашев и др., 2013а, с. 197).

Научное издание на трех языках, имеющее четкую структуру и логику текста, снабженное фотографиями, обобщает всю информацию о данном местонахождении петроглифов и демонстрирует особое внимание авторов к деталям изображений, позволяющим конкретизировать их датировку и стилистический анализ. Монография представляет собой большую научную и познавательную ценность.

К числу трудов обобщающего характера относится другая монография З. С. Самашева — «Петроглифы Казахстана», изданная в 2006 г., где подведены некоторые научные итоги изучения наскального искусства Казахстана, в частности Сарыарки⁶. Автор привлекает к анализу сюжеты трех скоплений петроглифов, находящихся в Карагандинской области: Теректы Аулие, Байконур, Айгыр-Ушкан, — и приводит репертуар образов, интерпретация и семантика которых важны для понимания как хронологии наскального искусства, так и его мифопоэтической составляющей (Самашев, 2006).

История изучения петроглифов Сарыарки стала предметом специального исследования сначала в небольшой по объему статье, а позднее — в кандидатской диссертации и монографии Д. А. Байтлеу, посвященной реконструкции динамики научного знания и определению перспектив развития археологических изысканий в области наскального искусства Казахстана (Байтлеу, 2003, с. 6–7; 2007; 2010). Автор составил карты расположения групп петроглифов, в том числе Центрального Казахстана, указав первых исследователей, что имеет несомненный историографический интерес.

В августе 2010 г. в ходе археологической разведки в Улытауском районе во время полевого обследования места проведения Булантинской битвы экспедиция⁷, возглавляемая Э. Р. Усмановой, ведущим научным сотрудником Сарыаркинского археологического института при КарГУ имени Е. А. Букетова, обнаружила новое скопление петроглифов в среднем течении реки Карасирек. Открыты и зафиксированы несколько плоскостей с изображениями животных и плита с казахской тамгой (Усманова, 2011, с. 31–32). В этом издании представлена карта историко-культурных объек-

⁶ Наиболее полно и системно воззрения З. С. Самашева изложены в его докторской диссертации, защищенной в 2010 г., и ряде фундаментальных монографий, где даны подробные характеристики и датировки всех известных памятников Сарыарки (см. библиографию).

⁷ Экспедиция организована Казахским научно-исследовательским институтом по проблемам культурного наследия кочевников (директор — И. В. Ерофеева) при участии специалистов Национального историко-культурного и природного музея-заповедника «Улытау» (директор — Б. С. Кожахметов).

тов Улытауского района, включающая известные местонахождения петроглифов.

На высокий международный уровень исследований петроглифы Сарыарки вывела вышедшая в Германии фундаментальная монография «Studien zur felsbildkunst Kasachstans» (Shvets, 2012), автор которой И. Н. Швец, доктор философии (PhD), долгое время занимается изучением петроглифов Казахстана под патронажем Хайдельбергской Академии Наук и под руководством профессора Г. Хауптмана (Швец, 1998а, с. 197–208; 1998б, с. 208–213; 1998в, с. 24–29; 1999а, с. 85–91; 1999б; Shvets, 2010, s. 77–81; Швец, 2014а, с. 157–165; 2014б, с. 294–299).

В монографии классифицированы основные скопления наскальных изображений Сарыарки, общее количество которых в этом исследовании составляет 23 пункта. С поразительной аккуратностью и тщательностью автор систематизирует опубликованные материалы как отечественных, так и зарубежных исследователей, определяя репертуар типичных образов и сюжетов в том числе по петроглифам Центрального Казахстана, представив научной общественности более сотни сводных таблиц, графических прорисовок и фотоиллюстраций.

Особое внимание автор уделяет исследованию антропоморфных персонажей в петроглифах: «солнцеголовым», адорантам, палиценосам, лучникам, «жрецам», «ряженным». Интересен сюжет с животными (см. *Каталог...*, рис. 3), приведенный автором со ссылкой на чешских исследователей (Kšica, Kšicova, 1994), но не документированный в казахстанской историографии (Shvets, 2012, taf. 67-7).

Теоретико-методологические разработки, применяемые И. Н. Швец, отвечают самым современным требованиям и позволяют рассмотреть петроглифы Казахского мелкосопочника в комплексе с общей проблематикой археологии Центральной Азии и прежде всего с результатами фундаментальных многолетних исследований изобразительных памятников, которые были проведены во время строительства Каракорумского шоссе германской экспедицией под руководством профессора Карла Йеттмара⁸.

Особое внимание уделено классификации и типологии всего репертуара сюжетов и сцен, иконографическим деталям и стилистическим особенностям петроглифов, вопросам культурно-хронологической атрибуции изобразительных памятников Сарыарки и особенно интерпретации антропоморфных образов в наскальном искусстве Казахстана и всей Центральной Азии (Shvets, 2012, s. 83–134, taf. 9–33). Благодаря И. Н. Швец

⁸ С начала 70-х гг. XX в. в течение более чем 30 лет экспедиция из Гейдельберга под руководством профессора К. Йеттмара и профессора Г. Хауптмана проводила исследования петроглифов на севере полуострова Индостан, где обнаружила и подробно задокументировала тысячи разновременных петроглифов и древних надписей на разных языках. Материалов оказалось так много, что они до настоящего времени все еще не опубликованы полностью и находятся в стадии обработки. Доступ исследователи к этим источникам конкретизировал и обосновал некоторые ее выводы и усилил приведенную в книге аргументацию.

и опубликованным ею в европейских научных изданиях материалам информация о наскальных изображениях Сарыарки стала широкодоступна международному сообществу исследователей.

К числу недавних достижений в истории изучения петроглифов Казахского мелкосопочника следует отнести открытие новых изобразительных памятников в самых северных районах Сарыарки — в Урало-Казахстанских степях и на восточных границах области. К числу известных (с 30-х гг. прошлого века⁹) на территории современной Павлодарской области добавились вновь открытые скальные гроты и ниши с живописью в районе озера Жасыбай (14 объектов), а также выбитые ранние петроглифы на скалах в урочищах Оленты и Акбидаик, обследованные экспедицией Павлодарского университета под руководством В. К. Мерца (2002; 2012). Значительный интерес представляют ранние петроглифы, выбитые на моренных валунах по склонам Мугоджарских гор, найденные В. В. Ткачёвым на границе с Россией и пока еще не опубликованные должным образом (Новоженков, 2014а, с. 206–250)¹⁰.

В процессе подготовки фундаментального трехтомного атласа памятников и достопримечательностей природы, истории и культуры Казахстана «От Алтая до Каспия» специализированная экспедиция под руководством А. Е. Рогожинского в 2009–2010 гг. выявила новые и обследовала уже известные изобразительные памятники на границе Карагандинской и Восточно-Казахстанской областей в горах Калмакемель и в некоторых районах Северного Прибалхашья, в частности на Бесобинской равнине (горы Семизбугы) (От Алтая до Каспия, 2011, с. 508–517; Рогожинский, 2011в, с. 508–517)¹¹.

Обоснованный и неослабевающий научный интерес к петроглифам, расположенным в Карагандинской области, подтверждает экспедиция на север Бетпакдалы, организованная в августе 2013 г. Национальным архивом Республики Казахстан¹². В ее составе работал доктор исторических наук А. Н. Марьяшев — ученый, стоящий у истоков казахстанской петроглифистики. Задачи экспедиции, помимо прочих, включали фиксацию петроглифов, расположенных в районе гор Тайткан-Шунак в Шетском районе

⁹ Имеется в виду грот Драверта с рисунками красно-коричневой охрой на берегу озера Жасыбай на территории Павлодарской области, открытый и описанный в 1928 г. геологом П. Л. Дравертом. К настоящему времени рисунки в этом гроте практически полностью уничтожены посетителями.

¹⁰ В указанном издании опубликовано несколько фотографий этих изобразительных памятников, любезно предоставленных автору книги их первооткрывателем — В. В. Ткачёвым.

¹¹ Экспедиция организована Казахским научно-исследовательским институтом по проблемам культурного наследия номадов (директор — И. В. Ерофеева) при участии приглашенных экспертов; в ходе экспедиции обследованы (с применением методики комплексных полевых археолого-культурологических исследований) традиционные культурно-исторические ландшафты казахских зимовок во многих регионах Казахстана. Впервые в Казахстане проведено столь масштабное и уникальное полевое и академическое обследование казахских зимовок и примыкающих к ним ландшафтов.

¹² Экспедиция организована по инициативе директора Национального архива РК М. О. Абсеметова и при его непосредственном участии.

Карагандинской области¹³ и обследованных в свое время А. Х. Маргуланом, участником экспедиции которого в те годы был молодой аспирант А. Н. Марьяшев (Маргулан, 2003, рис. 88–147). Информация размещена в сети Интернет и включает общую характеристику памятника, фотографии петроглифов и ряд предварительных научных выводов о хронологии и семантике изображений. Подобный «виртуальный» подход демонстрирует новые тенденции в процессе изучения, презентации и популяризации наскального искусства Сарыарки (Археографическая экспедиция, 2013).

Основополагающие образы петроглифов Карагандинской области: изображения лошадей, выполненные в так называемом сейминско-турбинском стиле, двугорбых верблюдов, оленей, «солнцеголовых» антропоморфных персонажей, палиценосцев, лучников, повозок и другие сюжеты — неоднократно привлекались в качестве аналогий и обоснования концепций развития и дешифровки наскального искусства Центральной Азии ведущими специалистами отечественной (А. Н. Марьяшев, З. С. Самашев, Ж. К. Курманкулов, В. А. Новоженев, А. Е. Рогожинский, А. З. Бейсенов, А. А. Горячев, Д. А. Байтлеу, Ж. М. Жетыбаев, Г. А. Базарбаева, Г. С. Джумабекова, С. С. Мургабаев и др.), российской (Я. А. Шер, Э. А. Новгородова, М. А. Дэвлет, Е. Г. Дэвлет, О. С. Советова, Е. А. Миклашевич, Л. Н. Ермоленко, Д. В. Черемисин и др.) и зарубежной науки (А. П. Франкфор, П. Видаль, Г. Парцингер, А. Розвадовский, И. Н. Швец, Р. Сала, Ж. М. Деом, М. Кшица, К. Лаймер и др.), а также с целью стилистико-семантического анализа, построения хронологических и классификационных схем развития наскального творчества в Центральной Азии и на просторах Евразийского континента.

В последнее время особый интерес исследователей вызывают граффити, знаки и тамги тюркского и этнографического времени, но лишь немногие из них нашли отражение в публикациях (Маргулан, 2004, рис. 297, 359, 361; Рогожинский, 2012, с. 91–104; Базылхан, 2012, с. 84–90; Новоженев, 2012г, с. 117–122; ЗТКА, 2013, табл. 20; Самашев, 2013а). Идентификация тамг часто вызывает у исследователей затруднения, особенно когда дело касается точной идентификации родоплеменных знаков-тамг казахов.

Наскальные изображения тамг в петроглифах области немногочисленны в сравнении с восточной частью Семиречья или памятниками Джунгарского Алатау (см. ЗТКА, 2013, табл. 19–23). Сарматские тамги зафиксированы в урочище Айгыр-Ушкан (рис. 1; Маргулан, 2003, рис. 359), семь тамг включены в классификационный список А. Е. Рогожинского по Сарыарке (Рогожинский, 2012, с. 97, табл. 2), шесть тамг на одной плоскости найдены в горах Шунак (см. *Каталог...*, рис. 56)¹⁴. Определенные зако-

¹³ Этот изобразительный памятник известен также как «петроглифы Батпаксу».

¹⁴ Геоглифы в виде сарматских тамг — огромные по размерам (более сотни метров) изображения на поверхности земли — обнаружены на территории Костанайской области (Тургайский прогиб) в ходе

номерности распространения тамг проанализированы в атласе «Западный Тюркский каганат» (ЗТКА, 2013), где отмечено, что, в отличие от родоплеменных знаков средневековых кочевников, которые нередко сопровождают одновременные композиции петроглифов и локализуются вне строгой связи с памятниками других видов (поселениями или могильниками), тамги казахов, как правило, приурочены именно к местам стоянок, отчетливо различимы на местности и в целом выступают самостоятельным элементом в репертуаре наскального искусства как древних периодов, так и нового и новейшего времени. Они встречаются на скалах вблизи старых зимовок с остатками каменных стационарных построек, датирующихся последней третью XIX — началом XX вв. (Рогожинский, 2012, с. 91–104; ЗТКА, 2013, табл. 19–21).

Практическая значимость создания систематизированной коллекции тамг Центрального Казахстана заключается в том, что появится возможность ввести в научный оборот новый, ранее ограниченно востребованный вид исторических источников. Выявление и идентификация наскальных изображений родоплеменных знаков в условиях минимального количества письменных источников открывает дополнительные возможности для изучения истории и реконструкции расселения казахских родов, определения их традиционных родовых кочевий, для выяснения складывавшихся в степи на разных исторических этапах условий пользования земельными территориями, правами собственности, а наряду с этим для определения той специфической роли, которую на протяжении веков играли в жизни кочевников тамги.

Процесс паспортизации изобразительных памятников, их охрана и мониторинг, осуществляемые Центром по сохранению историко-культурного наследия Карагандинской области, обеспечили включение групп петроглифов в Государственный список памятников истории и культуры местного значения по Карагандинской области, который утвержден Департаментом юстиции Карагандинской области 2 июня 2010 г., под номером 1879 (табл. 5).

Актогайский район

1	84 Изображение наскальное, разновременное	Археология	На левом берегу реки Жинишке, в низовье, в 15 км на СВ от села Актумсык, сельский округ Сарытерекский.
2	284 Наскальные рисунки	Археология	Поселок Саяк в 1 км от моста.

изучения спутниковых фотографий. Этот факт еще предстоит осмыслить как уникальное историко-культурное явление в регионе. Наиболее известными в мире считаются геоглифы в перуанской пустыне Наска, исследованные в середине прошлого века М. Райх, которая связывала их появление с проведением календарных ритуалов местным населением. Более ранний геоглиф (эпоха неолита) обнаружен недавно С. А. Григорьевым на Южном Урале в сопредельном районе, граничащем с Урало-Казахстанскими степями. Это многометровое изображение лося на склоне холма.

Жанааркинский район

3	363 Изображение наскальное (Каражаргас, Мунлы)	Археология	В 6 км на ССВ от села Шалгинск, гора Мунлы, урочище Каражаргас.
---	--	------------	---

Улытауский район

4	1030 Изображение наскальное	Археология	В ЮЗ части горы Улытау.
5	1031 Наскальное изображение	Археология	В 35 км на З от горы Улытау, в нижнем течении реки Жеты-Кыз.
6	1035 Наскальное изображение	Археология	На левом берегу притока реки Шигырлы-Жыланшык, в урочища Жанабай.
7	1094 Наскальное изображение	Археология	В 20 км на З от села Сарлык, на правом берегу реки Жеты-Кыз.
8	1099 Петроглифы Тамды	Археология	В 55 км на СВ от села Улытау, в местности Тасуткель, на левом берегу реки Тамды.
9	1100 Петроглифы урочища Улытау	Археология	В 18 км на СЗ от села Улытау, в 8 км на СВ от села Шенбер (Коргасын).
10	1101 Петроглифы Буланты	Археология	В 20 км на ЮЗ от села Байконур, у реки Буланты.
11	1102 Петроглифы Теректысай	Археология	В 18 км на СВ от села Теректы.
12	1110 Наскальное изображение	Археология	В районе реки Талды-копа, при впадении ее в реку Косай.
13	1121 Изображение наскальное	Археология	В 1,5 км на ЮЗ от станции «Теректы», в 30 км от правого берега реки Сарысу.
14	1122 Изображение наскальное (Буланты)	Археология	На берегу реки Буланты, в 22 км на ЮЗ от села Байконур.
15	1248 Пункт с петроглифами 1, эпоха бронзы, РЖВ	Археология	В 2,8 км на ЮЗ от села Байконур.

Шетский район

1 6	1446 Наскальное изображение, разновременное	Археология	На левом берегу реки Сарыбулак, в 35 км на ЗЮЗ от железнодорожной станции «Киик».
1 7	1475 Надпись наскальная, разновременная	Археология	На ЮЗ берегу озера Коктенколь, сельский округ Коктенкольский.

Каркаралинский район

18	517 Местонахождение петроглифов Кестелетас	Археология	В 22 км на СЗ от села Бейбитшилик.
----	--	------------	------------------------------------

Таблица 5. Выдержка из Государственного списка памятников истории и культуры местного значения Карагандинской области (петроглифы). Список утвержден Департаментом юстиции Карагандинской области 2 июня 2010 г. (№ 1879)

Таким образом, первые свидетельства о наскальных гравюрах Казахского мелкосопочника встречаются в трудах арабских ученых и путешественников, начиная с XIX в. несколько чаще появляются в работах немецких ученых и русских геологов, но настоящий прорыв в научных исследованиях изобразительных памятников Сарыарки произошел только во второй половине прошлого века.

В первой половине XX столетия исследователи чаще всего, не проводя сплошного копирования наскальных изображений, делали только выборочные графические зарисовки наиболее ярких, по их мнению, петроглифов памятника, что отчасти можно объяснить их ограниченными возможностями, отсутствием целенаправленных задач по исследованию именно изобразительных памятников, в отличие от других — археологических и исторических, трудоемкостью полевого обследования самих наскальных изображений, а также отсутствием квалифицированных специалистов и научных методик по данной проблематике.

Системное, специализированное исследование местонахождений петроглифов с использованием самых современных научно-исследовательских методов и инструментария началось только во второй половине XX столетия и продолжается вплоть до настоящего времени. Вместе с тем, подвижническая и самоотверженная деятельность первых исследователей петроглифов Сарыарки, их открытия и материалы продолжают оставаться актуальными, поскольку неумолимое течение времени разрушает даже скалы с выбитыми на них изображениями, а кроме этих скурых свидетельств для будущих поколений ничего от этих замечательных изобразительных памятников не остаётся.

Глава 2. Описание изобразительных памятников

Степные местонахождения петроглифов представляют собой скопления примерно из двух-пяти сотен фигур на каждом памятнике и состоят из ряда многофигурных композиций, расположенных в наиболее приметных местах степи: на скальных выходах различного вида песчаников, на сланцах и гранитах, по вершинам и склонам сопок, на обрывистых берегах пересыхающих летом небольших речек или на валунах-дайках моренного происхождения. Обычно общее количество изображений едва превышает тысячу.

Эти пункты заметны издалека, с ними, как правило, связаны многочисленные предания и легенды местного населения. Уникальные степные изобразительные памятники ушедших эпох отражают космогонические представления об устройстве Вселенной и мифологические воззрения людей, с древнейших времен проживавших в этих местах, и сейчас почитаются местным населением как святые места — «аулие».

Типология изобразительных памятников, соотнесенная с окружающими их ландшафтами, уже достаточно подробно разработана и может использоваться как универсальная схема классификации для всех известных изобразительных памятников Казахстана и Центральной Азии (Рогожинский, 2011д, с. 28–46). Вместе с тем считаем необходимым выделение в определенной авторами категории «небольших памятников» отдельного подтипа — степных изобразительных памятников, под которыми здесь подразумеваются скопления петроглифов, насчитывающие от нескольких десятков до тысячи изображений, окружающий ландшафт которых составляют преимущественно степные, равнинные пространства, богатые травой и водой, в отличие от более южных и восточных изобразительных памятников, расположенных в предгорьях больших горных систем и более значительных по количеству найденных там петроглифов.

2.1. Улытауский район. Улытауский район является одним из основных регионов сосредоточения памятников наскального искусства Сарыарки. Скопления петроглифов расположены на гранитных скалах Теректы Аулие, валунах Зынгыртас, вдоль берегов рек Байконур, Тамды, Жангабыл, Жеты-Кыз, Сарысу, Карасирек. Исследователи отмечают широкий хронологический диапазон петроглифов: от энеолита до нового и новейшего времени. Основная масса наскальных изображений относится к эпохе

бронзы (конец III–II тыс. до н. э.), а также к периоду финальной бронзы и раннего железного века (IX–III вв. до н. э.).

Корпус изобразительных источников Улытау достаточно велик, но степень сохранности некоторых из них критическая, аварийная как в силу естественных причин (разрушение скал под действием ветровой эрозии, роста лишайника, перепада температур), так и в результате техногенной деятельности человека, строительства дорог и дамб, а также многочисленных посетительских «автографов».

2.1.1. Комплекс Байконурских петроглифов. Памятник расположен в юго-западной части Казахского мелкосопочника в пустынной местности, которая называется Бетпакдала. Река Байконур протекает с северо-запада на юго-восток и имеет множество небольших притоков. Общая протяженность долины реки составляет примерно 65 км. Летом река пересыхает и существует в виде стариц — небольших плёсов, сохраняющихся в наиболее глубоких частях русла. Эти живописные плёсы-озёрца являются центром жизни всех форм флоры и фауны окружающей полупустыни, в том числе для диких животных и птиц, изобилуют рыбой. Вдоль долины проходила древняя караванная дорога — одно из ответвлений Великого шелкового пути. Здесь, в долине, караванщики находили долгожданную воду и отдых (Новоженков, 2002, с. 7–20).

Петроглифы долины реки Байконур являются памятником с самой высокой концентрацией наскальных изображений в регионе. Впервые они упоминаются геологами (*подробнее см. в главе 1*) еще в начале XX в. (Н. С. Воронец, М. М. Пригоровский, К. И. Сатпаев, А. Х. Маргулан). В специальной статье В. А. Городцова, опубликованной в 1926 г., эти петроглифы впервые получили научное осмысление и интерпретацию. В 80-х гг. прошлого века экспедиционным отрядом Карагандинского государственного университета проведены многолетние полевые исследования, обнаружен целый ряд новых археологических памятников в долине реки и полностью зафиксированы и документированы все многочисленные группы байконурских петроглифов (Новоженков, 2002, с. 7–20).

Берега реки в местах изгибов русла, где все лето сохраняется вода в виде небольших плёсов, постоянно подпитываемых родниками, представляют собой массивные выходы сланцевых пород, достигающих в среднем 15–30 м, а в некоторых местах и 100 метров в высоту, образуя живописные глубокие каньоны (*табл. 6*). На массивных и хорошо патинированных плитах этих каньонов, которые отделяют безжизненный мир полупустыни от своеобразного и весьма богатого живностью и травами мира этих озёр-плёсов и стариц, обнаружены байконурские наскальные изображения.

Компактные скопления петроглифов расположены по обоим берегам на массивных выходах сланцевых пород, поверхность которых покрыта пустынным «загаром». Общая протяженность отрезка реки с зафик-

сированными и исследованными наскальными изображениями составляет свыше 25 км. Петроглифы нанесены на плоскости различных размеров на высоте 2–25 м от поверхности воды и обращены на юго-восток, реже — на север. Обнаружены многочисленные многофигурные композиции с участием людей, животных, бытовые и эротические композиции, сцены охоты и миграций.

Таблица 6. Улытауский район. Комплекс Байконурских петроглифов. Общий вид местонахождения Байконур, группы I – II. Фото В. А. Новоженова

Особый научный интерес для датировки и интерпретации представляют изображения «солнцеголовых» антропоморфных существ и фигуры двуколки и телеги, запряженных парами лошадей и верблюдов (в одном случае — одним верблюдом при помощи оглобелей), которые отличаются высочайшей техникой исполнения и оригинальной композицией. Подобные фигуры позволяют определенно датировать весь массив петроглифов (групп) и выделенные при помощи палимпсестов целые стратиграфические слои (пласты) изображений.

В большинстве случаев наскальные изображения выполнены в технике неглубокой точечной выбивки с последующей шлифовкой всего силуэта фигуры и мелких деталей, иногда в сочетании с линиями, прорезанными тонким инструментом. Во многих случаях изображения обильно покрыты лишайником (Байконур III), после расчистки таких плоскостей фигуры на них визуально неразличимы, поскольку лишайник разрушает окислы и тонкую корку темного пустынного «загара». На каждом местонахождении (Байконур I–III, «Д», «Н») выделяется центральная, «алтарная», часть памятника, в которой сосредоточены наиболее крупные многофигурные композиции и где петроглифы связаны между собой единой повествовательной идеей, отражающей мировоззрение древних людей (табл. 7).

Таблица 7. Улытауский район. Комплекс Байконурских петроглифов. Общий вид на долину реки Байконур в районе местонахождения Байконур, группа «Н». Фото В. А. Новоженова с использованием квадрокоптера

По степени насыщенности изображений группы петроглифов неравнозначны в количественном отношении. Самые яркие композиции расположены на гладких крупных скальных плоскостях, часто в местах, используемых в качестве переправы через реку или перед озером с водой в местах изгибов русла. На периферийной части памятника обычно представлены менее выразительные одиночные фигуры людей, животных и отдельные сцены. Изображено большое количество животных: горные бараны, лошади, верблюды, быки, кабаны, что связано с их хозяйственной или мифологической значимостью. Далеко не все имеющиеся петроглифы могут быть определенно идентифицированы.

Выделено три хронологических горизонта изображений, взаимосвязанных между собой в рамках единой, возможно, индоиранской изобразительной традиции (Кузьмина, 2012). Для первого пласта характерны фигуры «солнцеголовых» существ, животных со связанными ногами, мужчин с подчеркнутым признаком пола, повозок, а также эротические сцены и изображения в легкоузнаваемом сейминско-турбинском стиле. Второй пласт байконурских петроглифов представлен изображениями животных в так называемом «скелетном» стиле с использованием контурной выбивки

в сочетании с прошлифовкой патины, третий — изображениями животных в знаменитом скифо-сакском зверином стиле (*подробнее см. в главе 3*).

Особенностью петроглифов, зафиксированных по всей долине реки Байконур, является почти полное отсутствие изображений, которые связаны с тюркской иконографией или казахскими гравюрами. Редким исключением являются подновленные или переделанные кочевниками изображения эпохи бронзы. Основной репертуар петроглифов Байконура находит четкие иконографические и стилистические параллели в наскальном искусстве Южного Казахстана, Узбекистана, Алтая, Южной Сибири и Восточного Туркестана и поддается датировке на основании многочисленных аналогий.

Скопление петроглифов Байконур «Н» упоминается в литературе как «Лакпай» (Воронец, 1916/1917), «Буланты», «Уйтас» или «Акжар» (Маргулан, 2003). Детально вновь обследовано летом 2015 г. Расположено на правом берегу реки Байконур на расстоянии 0,5–0,7 км на юго-запад от зимовки Лакбай, в 1,5 км на северо-восток от группы Байконур III. Место локализации петроглифов выделяется в пространстве долины небольшим изгибом реки, образующим здесь ровную, свободную смотровую площадку, удобную для проведения неведомых нам ритуалов и церемоний (*табл. 8*).

Таблица 8. Улытауский район. Комплекс Байконурских петроглифов. Общий вид местонахождения Байконур, группа «Н». Вид на «алтарную» часть со «смотровой площадкой» на противоположном берегу реки и с площадкой для предполагаемых ритуальных действий. Фото В. А. Новоженова с использованием квадрокоптера

Протяженность местонахождения составляет 250–300 м. Часть изображений расположена на высоте до 20–30 м на массивных вертикальных скалах. Уровень патинизации скал — 3–4. Изображения выполнены в стиле силуэтной выбивки с использованием техники контурной прорисовки и в ряде случаев — дальнейшей шлифовки внутри контура фигуры. Сохранность изображений критическая, что объясняется разрушением самих скальных выходов и неблагоприятным воздействием лишайника.

Зафиксировано 48 плоскостей с изображениями, общее количество которых составляет 518. Процентное соотношение зооморфных образов не отличается от общей тенденции, характерной для байконурских петроглифов. Самым популярным образом является двугорбый верблюд (36,5 %), чуть реже встречаются лошади (19 %), быки (4 %), горные козлы (2 %), собаки (1,5 %), волки (1,3 %), олени (1,2 %), хищники (1,2 %), кабаны (0,8 %), змеи (0,3 %). Антропоморфные изображения (8 %) включают всадников на лошадях и двугорбом верблюде, лучников, палиценосцев, а также человека, держащего на поводке верблюда, запряженного при помощи оглобель в четырехколесную повозку открытого типа.

Самая заметная, так называемая «алтарная», группа, расположенная в центре местонахождения, состоит из 4 крупных, вертикальных плит размером от 2 до 4 м в ширину и до 2–2,5 м в высоту. Высеченные на больших плоскостях сцены содержат изображения верблюдов, лошадей, быков, горных козлов, повозок, сцен охоты, противоборства и, по всей видимости, композиционно объединены неким общим смысловым сюжетом. Датируются главным образом эпохой бронзы. Рядом встречаются одиночные изображения, относящиеся к начальным этапам раннего железного века: кабаны, хищник семейства кошачьих, олени (см. *Каталог...*, рис. 4–44).

2.1.2. Теректы Аулие. Памятник расположен в 20 км на северо-северо-восток от станции «Теректы» на железнодорожной ветке, соединяющей Караганду с Жезказганом, рядом с родником Тасбулак. Петроглифы четырех групп зафиксированы на вершинах и склонах очень заметных издавна сопки, которые представляют собой массивные гранитные останцы светло-серого цвета, которые величественно возвышаются над ровной поверхностью степи. Сопка Аулие и сейчас почитается местным населением как святое место, с ней связаны многочисленные легенды и поверья¹⁵. У ее подножия с южной стороны располагается древнее кладбище (табл. 9).

¹⁵ Многие древние устные предания, рассказанные нам местными чабанами, связаны с конкретными ритуалами, которые надо провести на этой сопке, чтобы получить благосклонность предков: например, проехать несколько раз по склону сопки на спине по специальному и уже гладко отшлифованному по этой причине желобу или традиционно привязать на этом месте ленточку в память об аруахах.

Таблица 9. Улытауский район. Петроглифы Теректы Аулие. Общий вид памятника. Фото авторов

Всего на памятнике насчитывается 63 плоскости с общим количеством изображений 626 (Самашев и др., 2013). Петроглифы нанесены в технике глубокой точечной выбивки с последующей шлифовкой поверхности фигуры. Поэтому все изображения имеют сглаженные края и округлые формы. В редких случаях зафиксирована комбинированная техника, совмещающая выбивку и прочерчивание, которую исследователи связывают с самыми ранними петроглифами, а также контурные изображения неопределенных зооморфных фигур. Поверх выбитых и шлифованных фигур, вероятно, наносилась охра (Самашев и др., 2013а, с. 173). Первоначальное количество изображений, несомненно, было более значительным, чем сейчас. Со временем в результате эрозии многие петроглифы оказались уничтоженными, часть стала едва различимой визуально и фиксируется теперь только на ощупь по разнице шлифованной и необработанной поверхностей.

По отличиям в цветовых оттенках оригинальной серой поверхности скалы и выбитых на ней фигур можно расположить максимальный индекс патины в пределах трех единиц (ПТ–3). Цвета патины и процессы ее образования на разных горных породах различаются. Очевидно, что цвет патины на граните никогда не будет соответствовать классическому иссиня-черному цвету пустынного «загара» на диоритах-алевролитах, сланцах или песчаниках. Поэтому максимальный уровень патинизации на этом памятнике определен в три единицы как наиболее интенсивный и, соответственно, как более древний относительно обработанных древним художником поверхностей изображений.

Доминирующим образом местонахождения Теректы Аулие является лошадь, что свидетельствует о развитом культе коня (*табл. 10*). Эти фигуры являются эталонными образцами наскальных изображений лошадей, выполненных в сейминско-турбинском изобразительном стиле, и имеют точные иконографические соответствия в произведениях мелкой пластики из металла и камня (Молодин, 2014, с. 86–90). Сохранились также другие изображения животных, всадника на лошади, людей, верблюдов, быка, оленей, правой стопы человека (длиной 30 см) и фрагментарно левой.

2.1.3. Зынгыртас. Памятник находится в 15 км на северо-восток-восток от поселка Улытау и представляет собой вытянутую с северо-запада на юго-восток гряду (дайку) валунов средних размеров (0,4 x 2 м) протяженностью 320 м. Эта цепь валунов, расположенных друг за другом практически в одну линию, находится на вершине сопки Зынгыртас, замыкающей один из отрогов Улытауских гор (*табл. 11*). Название сопки переводится как «звонящий камень», что связано с особенностью сланцевых пород, слагающих эту дайку моренных останцев-валунов: при постукивании камней друг о друга издается характерный звонящий звук.

Таблица 10. Улытауский район. Петроглифы Теректы Аулие. Группа 4. Крупное изображение лошади с ямками-лунками вокруг. Фото авторов

Между группами валунов с петроглифами в гряде «встроены» курганы с каменными насыпями. Курганы также замыкают гряду валунов с изображениями по ее краям. Всего зафиксировано 6 курганов с каменными насыпями диаметром от четырех до двенадцати метров и высотой от 0,2 до 0,9 м. На одном кургане из камней выложен высокий (до 1,5 м) чабанский знак — «обо», развалы двух других «обо» обнаружены и на соседних курганах.

Следствием плохой сохранности изображений стала фрагментарность многих сцен и сюжетов. Фигуры выполнены путем точечной выбивки в сочетании с шлифовкой патины. Петроглифы расположены по всей удобной для выбивки поверхности валунов. Общий уровень патинизации камней не превышает ПТ-5, самих изображений — ПТ-4 (кроме камня 9). Цвет валунов темно-серый, присутствуют темно-коричневый и черный тона, изредка отмечается блестящая иссиня-черная корка пустынного «загара». Изображены многофигурные композиции с участием людей, лучников и животных: горных баранов, лошадей, кабанов, верблюдов, быков.

Таблица 11. Улытаусский район. Петроглифы Зынгыртас. Общий вид памятника с высоты «птичьего полёта». Гряда валунов с изображениями и курганы. Фото В. А. Новоженова с использованием квадрокоптера

Зафиксированы фигуры всадника на лошади, сцены эротического характера, «вереницы» животных и две личины (Новоженков, 2002, с. 34–35, фото 31–34).

2.1.4. Петроглифы долины реки Тамды. Расположены в 50 км на запад от поселка Улытау, в 2 км на север от зимовки Байтлеу, на правом берегу реки Тамды. Одиночные наскальные изображения и редкие многофигурные сцены нанесены на диорито-порфириновые песчаники красно-коричневого цвета и рассредоточены на расстоянии около 1 км.

Большая часть петроглифов сконцентрирована в среднем течении реки (табл. 12). Здесь на поверхности массивных скал и разрушенных ветровой эрозией скальных выходах обнаружено 18 плоскостей со 130 изображениями. Среди них наблюдается следующее процентное соотношение: лошади (24 %), верблюды (13 %), горные козлы (4 %), быки (3 %), антропоморфные изображения (10 %). Единично зафиксированы: всадник на лошади, хищник, змея, собака, птица, а также неопределенные изображения (14 %).

2.1.5. Тасуткель. Памятник находится в 25 км на северо-запад от поселка Амангельды, в 300 м на юг-юго-восток от одноименного переезда через реку Тамды. В живописном месте, образованном высокими скалистыми берегами реки, расположена массивная плита подпрямоугольной формы размером 3,7 x 2,1 м, сплошь покрытая петроглифами (табл. 12). Плоскость темно-коричневого цвета (ПТ-4) расположена вертикально и обращена на юго-восток. Представляет собой многофигурную композицию из 40 изображений, в которой задействованы различные животные, люди, эротические сцены, крестообразные знаки, птицы, змеи, горные козлы, лошади, верблюды. Некоторые изображения разрушены многочисленными современными надписями (Новоженков, 2002, с. 35–36, табл. 41).

Большинство изображений представляет собой довольно однородный по стилю и репертуару пласт петроглифов, который можно датировать эпохой поздней бронзы. Техника изготовления грубая, следы инструмента неровные. Петроглифы покрыты пустынным «загаром» (ПТ — 3–4). Сохранность фигур неудовлетворительная вследствие природного расслоения скальных плоскостей, связанного с ветровой эрозией, воздействием лишайников и следами подновления (см. Каталог..., рис. 45–55).

2.2. Шетский район. 2.2.1. Грот Тесиктас. Памятник находится в 16 км на северо-северо-запад от поселка Аксу-Аюлы Шетского района Карагандинской области, в 3 км на северо-северо-восток от шоссе Алматы — Караганда, в 3 км на юго-восток от фермы Актобе, в отрогах гор Кызылтау недалеко от пересыхающего летом русла реки Каратал.

Грот представляет собой сквозную нишу в массивном гранитном останце размером 2 x 1,5 x 2,8 м, образовавшуюся в результате расколов породы и ветровой эрозии (табл. 13). Рисунки выполнены на потолке и стенах грота красно-коричневой минеральной краской — охрой. Общая

площадь, занятая изображениями, составляет более 1,1 кв. м. На своде и стенах грота Тесиктас нарисованы различные геометрические знаки и две массивные фигуры быков. Отдельные прорисовки изображений памятника уже опубликованы (Агапов, Кадырбаев, 1979, с. 139, рис. 11; Новоженев, 2002, с. 29–30; 2014а, с. 212; Маргулан, 2004, рис. 156–158). Все изображения, едва различимые сейчас на светло-серой поверхности грота, сосредоточены в двух группах, сохранились фрагментарно и очень сильно разрушены.

Таблица 12. Улытауский район. Петроглифы долины реки Тамды. На переднем плане – скала с петроглифами Тасуткель. Общий вид скалы и долины реки с высоты «птичьего полёта». Фото В. А. Новоженова

Таблица 13. Шетский район. Грот Тесиктас. Вид на скальную нишу с рисунками. Фото А. Е. Рогожинского

Группа 1. Находится в верхней части свода и занимает площадь в 0,7 кв. м. Изображен бык, обращенный головой вправо. Задняя часть фигуры животного очень плохо сохранилась. Силуэт. Красно-коричневая краска. Рядом контурными линиями шириной в 1 см нарисованы другой бык, крестообразный и крючкообразный знаки с многочисленными плохо сохранившимися аморфными следами охры. Установить сейчас точные очертания этих пятен или фигур без специальной аппаратуры не представляется возможным. Рядом с крестообразным знаком в верхней его части сохранились мельчайшие следы охры, по которым удастся проследить фрагментарно сохранившуюся окружность.

Группа 2. Находится ниже первой на 0,6 м и занимает площадь 0,3 кв. м. Изображена зооморфная фигура (возможно, бык) в окружении точек. Рисунок выполнен красно-коричневой охрой контурными линиями шириной в 1–1,2 см. Отдельные детали изображения сохранились в виде точек и линий, примыкающих к фигуре (Новоженков, 2002, с. 29).

Стиль изображения быков в гроте Тесиктас полностью совпадает с трактовкой аналогичных фигур на плитах могильника Черновая VIII (Южная Сибирь) и в синхронных петроглифах долины реки Чулуут (Монголия). Эти сюжеты с массивными быками практически всегда сочетаются с изображениями антропоморфных существ, пальцы которых намеренно расставлены в стороны, и женщин-прародительниц в эротических сценах (Новгородова, 1989, с. 89; Новоженков, 1987, с. 68–78; 2014а, с. 210–220; Shvets, 2012).

Рисунки из грота Тесиктас датируются второй половиной III — рубежом II тыс. до н. э. и являются самыми древними образцами наскального искусства в Карагандинской области (Новоженков, 2014а; 2015г, с. 20–36).

2.2.2. Местонахождения петроглифов в Северном Прибалхашье. К ним относятся петроглифы в горах Караунгур и Итмурунды, в урочищах Саяк, Калмакжаткан-Карашат, а также изобразительные памятники на Бесобинской равнине (гора Семизбугы и др.), территориально расположенные уже вне административных границ области (От Алтая до Каспия, 2011, с. 508–509).

В репертуаре изобразительных памятников этого региона чаще всего встречаются изображения кабанов, быков, оленей, горных козлов, хищников, антропоморфных фигур (Медоев, 1979, с. 14, 18, 157–158, 163–164). По сообщению геологов И. В. Безуглых, С. А. Стародубцева, Б. Ж. Аубекерова, рядом с курганами обнаружено более 100 наскальных изображений оленей, горных козлов, лучников, изображения колесниц, запряженных парой лошадей, и другие «датирующие» петроглифы.

Петроглифы Бесобинской равнины (гора Семизбугы), несомненно, представляют собой единый изобразительный канон, характерный для всего корпуса петроглифов Сарыарки. На вершинах невысоких скальных гряд-даек (до 2–3 м высотой), сложенных из диоритовых порфиринов, со-

хранились наскальные изображения, общее количество которых едва ли превышает тысячу. Более половины наскальных гравюр Бесобы относятся ко II тыс. до н. э.: доминируют изображения лошадей, изредка встречаются сцены с участием антропоморфных фигур, один раз — двухколесная повозка-двуколка.

Петроглифы раннесакской эпохи исключительно редки и представлены на хороших горизонтальных плоскостях, как правило, обособленно от композиций других эпох. К ним относятся изящные контурные фигуры оленей, пантеры, а также изображения конских копыт, на многих из которых есть следы поздних подновлений. Отсутствуют изображения сакского времени в классическом зверином стиле, что свидетельствует о видимом разрыве в традиции наскального творчества, вероятно, произошедшем в результате изменившихся природно-климатических условий проживания в долине Бесоба во второй половине I тыс. до н. э. (Рогожинский, 2011в, с. 170–180; От Алтая до Каспия, 2011, с. 508–509).

В средневековый период, наряду с изображениями горных баранов, козлов, верблюдов, антропоморфов, встречаются оригинальные гравюры всадников воинственного вида, часто использован прием подновления и видоизменения древних петроглифов: подновленные силуэты лошадей эпохи бронзы с дорисованными деталями сбруи и фигурками наездников, следы конского копыта. Особую разновидность петроглифов представляют изображения различных знаков, некоторые из которых, по-видимому, являются родоплеменными тамгами средневековых кочевников.

Заключительный период формирования наскальных галерей Бесобы относится к XIX — началу XX вв. и связан с расселением на территории Северного и Северо-Западного Прибалхашья казахов Каркаралинского уезда — аргынов рода тобыкты. Их родовые тамги на поверхности приречных скал вблизи зимовок фиксируют владельческие права позднейших обитателей долины реки Туранги (От Алтая до Каспия, 2011, с. 508–509).

2.2.3. Шунак. Крупное местонахождение петроглифов расположено в районе гор Шунак и Калмаккырылган. Изображения расположены на скальных выходах по вершинам и склонам невысоких сопок. На памятнике выделено несколько групп петроглифов, расположенных в отрогах выше-названных гор. Зафиксированы А. Х. Маргуланом и опубликованы под названием «Батпаксу» (север Бетпакдалы). Цвет плоскостей с наскальными изображениями разный: темно-серый, присутствуют светло- и темно-коричневые тона, изредка отмечена блестящая черная корка пустынного «загара».

Степень патинизации изображений во многих случаях одинакова, мало подновлений, что позволяет судить об их хронологической близости. Вместе с тем петроглифы различаются по стилю и сюжетам. По технике исполнения и композиции основная часть изображений, возможно, относится к начальным этапам эпохи бронзы.

На отдельных скалах и глыбах выбиты многочисленные изображения горных козлов и архаров (20,3 %), хищников (6,3 %), лошадей (5,7 %), сайгаков (4 %), птиц (5 %), быков (2,6 %), собак (1,6 %), оленей (1 %) и ряд неопределенных фигур (25 %). Не зафиксировано изображений верблюдов. Представлены антропоморфные изображения (10 %) в сценах охоты и жертвоприношения: палиценосцы, лучники, всадники на лошадях, «солнцеголовый» персонаж. Зафиксированы тамги, солярные знаки и множество лунок, возможно, символизирующих звездное небо.

Многофигурные композиции в основном связаны с сюжетом охоты пеших лучников на горных баранов, быков и других животных. Характерным сюжетом является облавная охота на быков. Ряд изображений стилистически близок к древним пластикам знаменитых петроглифов урочища Тамгалы в Чу-Илийских горах, расположенных на территории, граничащей с южными пределами Сарыарки. В основе таких многоплановых многофигурных композиций лежат мифологические сюжеты. Одну из сцен, в которой изображены человек и горный козел, А. Х. Маргулан трактует как ритуал жертвоприношения (Маргулан, 2004, рис. 115–116).

Среди петроглифов местонахождения Шунак зафиксированы изображения эпохи ранних кочевников и средневековья, а также родовые тамги, которые отражали насыщенную социально-политическую жизнь кочевников и использовались как важнейший правовой и имущественный маркер в сложной системе взаимоотношений между различными группами и социальными слоями населения. Тамги (6 знаков) выбиты на единой скальной плоскости в непосредственной близости друг от друга. Тамги расположены компактно, в круговую, почти одинаковы по размеру, длина их основной части составляет 7–10 см. Графика этих знаков демонстрирует значительную стилистическую близость с современными родовыми тамгами казахов. Так, не вызывает сомнений, что одна из них, тамга-бакан, принадлежит роду найман-баганалы (см. *Каталог...*, рис. 56).

Широкое распространение традиции использования тамг в различных сферах жизнедеятельности для маркировки территориальных владений, в качестве опознавательных знаков родовой принадлежности по принципу «свой — чужой» или «мой — твой» являлось одним из главных признаков, характеризующих своеобразие традиционной культуры казахов.

Все это доказывает, что петроглифы Шунак наносились на протяжении многих столетий. Неподалеку от этих петроглифов расположены курганы ранних кочевников, остатки ирригационных сооружений и арыков, свидетельствующие о сочетании кочевого и полукочевого образа жизни обитавшего здесь населения. В местности Тайаткан-Шунак также расположен надгробный памятник главному полководцу Кенесары Касымова, казахскому степному рыцарю Агыбай-батыру (1802–1885 гг.).

Описание плоскостей с петроглифами (см. *Каталог...*, рис. 56–76) включает лишь часть изображений, зафиксированных на этом памятнике. Работы по их изучению будут продолжены.

2.3. Каркаралинский район. Три пункта с петроглифами обнаружены в предгорьях Кентского массива в 15–20 км на северо-запад-запад от поселка Талды. Другой памятник с петроглифами, Кестелетас, расположен в отрогах Каркаралинского горного массива. Скопления петроглифов расположены в небольших одноименных урочищах, образованных невысокими сопками, в которых расположены заброшенные или действующие зимовки.

2.3.1. Шаматай. Наскальные изображения, выбитые на скальных выходах полимиктового песчаника, зафиксированы в 1,2 км на северо-северо-восток от одноименной зимовки на вершине сопки. Плиты с петроглифами обращены на юг или юго-восток, покрыты светлой патиной желто-коричневого цвета. Общая интенсивность пустынного «загара» скал — ПТ–3. Обнаружено 8 плоскостей с наскальными изображениями лошадей, оленей, горных козлов, волков, собак, лучников, неопределенных животных. Фигуры нанесены точечной выбивкой со следами предварительной разметки контуров (Новоженков, 2002, с. 29–30, табл. 35).

2.3.2. Килыбай. Петроглифы обнаружены на нескольких плитах субщелочного гранит-порфирита недалеко от одноименной зимовки. Скалы покрыты светло-коричневой коркой пустынного загара. Общий индекс патины скал составляет ПТ–3. Изображены фигуры людей с расставленными в стороны руками, лошади, верблюды, олени, горные козлы, змеи, антропоморфные и зооморфные изображения (Новоженков, 2002, с. 30–31, табл. 36).

Рассмотрим подробнее плиту с композицией, зафиксированную в 2015 г. На ней изображена сцена поединка между двумя воинами, использующими в своем арсенале разные типы оружия. У одного над головой прорисована палица, в другой руке он держит копье. Его противник вооружен мечом и, возможно, дротиком. В облачении персонажей также показано оружие для ближнего боя — кинжалы. Ниже на этой плоскости изображены два изящных горных козла. Древний художник использовал точечную сплошную выбивку. Зафиксированы следы подновлений. Патина изображений этой сцены отличается от цвета патины на других петроглифах этого памятника, что может свидетельствовать о поздней дорисовке этой сцены поединка, вероятно, в период раннего средневековья (см. *Каталог...*, рис. 77).

2.3.3. Байжан. Наскальные изображения выбиты на ровных светло-коричневых плитах, покрытых коркой светлого загара (ПТ — 3–4). Петроглифы на четырех массивных плитах обнаружены в одноименном ущелье рядом с заброшенной зимовкой. Изображены горные козлы, мужчина с разведенными в стороны руками, всадник на лошади, «вереница» горных

козлов, собаки, волки, птица (дрофа?), антропоморфные и зооморфные фигуры. Силуэтная точечная выбивка со следами крупного инструмента, зафиксированы свидетельства шлифовки внутренней поверхности и подновления изображений (Новоженков, 2002, с. 31–32, табл. 37).

2.3.4. Кестелетас. Памятник находится в 22 км на северо-северо-восток от поселка Бейбитшеллик Каркаралинского района Карагандинской области рядом с одноименной зимовкой на южном склоне невысокой сопки, образующей своими отрогами живописное урочище, в котором есть родник (табл. 14).

Петроглифы обнаружены А. Х. Маргуланом и М. К. Кадырбаевым. В третьем томе опубликованного наследия академика А. Х. Маргулана представлено несколько фотографий и прорисовок из этого памятника (Маргулан, 2003, рис. 306–313).

При обследовании памятника в 1979 г. сотрудниками археологической экспедиции Карагандинского государственного университета произведена детальная и полная фиксация всех изображений. Петроглифы расположены на валунах округлой формы крупных (1,5 x 0,9 м) и средних (0,8 x 0,4 м) размеров, интенсивно покрытых со всех сторон пустынным «загаром» — иссиня-черной патиной (ПТ — 4–5). Все валуны моренного происхождения, очень гладкие, имеют большую плотность (сланцы?) и звенят при несильном ударе по ним. Присутствующие на склоне этой сопки валуны с изображениями в геологическом плане являются остатками дна древнего моренного озера, существовавшего в этом месте миллионы лет тому назад.

Камни с изображениями расположены полосой с запада на восток и простираются на 200 м по склону сопки. Обычно петроглифы нанесены на южную или юго-восточную стороны валунов, иногда вкруговую по всей поверхности камня путем процарапывания и шлифовки патины, в отдельных случаях использована выбивка. Сохранность изображений плохая, многие фигуры испорчены современными надписями.

Зафиксировано 24 валуна с силуэтными и контурными фигурами. Представлены многофигурные композиции с участием людей и животных. Часто встречаются отдельные гравюры с изображением людей, верблюдов, кабанов, быков, лошадей, куланов (?), антропоморфные и зооморфные изображения, окружности с вписанными в них крестами, а также тамгообразные знаки. Зафиксировано схематичное изображение колесницы, сцены противостояния людей и горных козлов, люди с неопределенными предметами в руках (Новоженков, 2002, с. 32–33, табл. 38). Петроглифы датированы эпохой бронзы и периодом раннего средневековья. Обследование памятника в 2015 г. выявило новые посетительские автографы, нанесенные непосредственно на древние наскальные изображения.

Таблица 14. Каркаралинский район. Петроглифы Кестелетас. Общий вид памятника. Фото авторов

2.3.5. Коныржон. Расположен на расстоянии 9 км к северо-западу от села Бесоба в горах Косшоқы на расстоянии 6 км к западу от реки Байкожа. Древнейшие памятники этого региона представлены в «Археологической карте Казахстана» и насчитывают несколько десятков крупных объектов: среди них поселение эпохи бронзы в урочище Жамантас, многочисленные курганы и каменные ограды эпохи бронзы, памятники эпохи ранних кочевников и средневековые захоронения.

Начиная с полевых исследований Центрально-Казахстанской археологической экспедиции в 1950-х гг. под руководством А. Х. Маргулана и вплоть до наших дней здесь продолжают комплексные исследования археологических памятников разных исторических периодов, осуществляемые совместными усилиями археологической экспедиции под руководством А. З. Бейсенова и экспедиции Сарыаркинского археологического института при КарГУ имени Е. А. Букетова под руководством И. А. Кукушкина.

Значительная часть раскопанных здесь памятников датируется первой половиной — третьей четвертью II тыс. до н. э. (Маргулан и др., 1966; Маргулан, 1979; Кадырбаев, Курманкулов, 1992; Кукушкин, 2011, с. 110–117; Евдокимов, 2001; Евдокимов, Варфоломеев, 2002). Находки из памят-

ников эпохи бронзы и других исторических периодов свидетельствуют о высоком уровне материальной и духовной культуры населения этого региона (Агапов, Кадырбаев, 1979; Кадырбаев, 1966, с. 303–428; Бейсенов, 2011).

О скоплении петроглифов Коныржон сообщил местный краевед, учитель истории школы № 8 поселка Бесоба, ныне пенсионер Т. Аширбеков. Сделанная им фотография петроглифов и краткое сообщение о них были опубликованы в газете «Орталық Қазақстан». В сентябре 2015 г. этот изобразительный памятник детально обследован и зафиксирован авторами этой книги. По согласованию с А. З. Бейсеновым, осмотревшим этот памятник в 2008 г., местонахождение петроглифов зафиксировано как Коныржон — по названию всего урочища, в котором находятся развалины заброшенной одноименной зимовки.

Наскальные изображения урочища Коныржон нанесены на небольшие гладкие плоскости алеволито-полимиктовых песчаников светлорыжевого цвета, расположенные на восточном склоне и гребне невысокой сопки на высоте 200–300 м на двух уровнях, образованных ярусами выходящей на вершине и склоне скальной породы высотой до 2 метров (табл. 15). Массивных и относительно ровных плит, приспособленных для нанесения изображений, мало. Зафиксированные петроглифы расположены на небольших и ровных плитах-плоскостях этих двух каменных гряд, обильно покрыты пустынным «загаром» и встречаются на расстоянии около 300–350 метров по склону и на вершине сопки.

Уровень патинизации скал — 3–4, а изображений — от 2 до 4 единиц. Всего обнаружено более сотни фигур на 15 плоскостях средних размеров. Большинство плит с петроглифами имеют вертикальную экспозицию и ориентированы на восток. Изображения выполнены в основном в точечной технике с элементами процарапывания и тщательной шлифовки патины (см. *Каталог...*, рис. 78–88).

Несмотря на небольшое количество, в репертуаре петроглифов урочища Коныржон имеются интересные с точки зрения хронологической атрибуции изображения. Широко представлены фигуры верблюдов, горных баранов, собак, всадников, людей с оружием. На скалах запечатлены сцены охоты и преследования животных. Показательна группа изображений — своеобразный триптих, расположенный на трех разных плоскостях, но объединенных одним скальным выходом породы.

На отдельной, самой верхней плоскости выбита крупная контурная фигура лошади с большим круглым рогом над крупом (табл. 16). Изображение лошади разделено вертикальными полосами, пересекающими корпус животного на несколько частей. Ноги скошены вперед, мускулы ног напряжены, что придает динамизм позе животного. Изображение лошади выполнено в скифо-сакском зверином стиле и расположено выше всех других петроглифов этой группы (см. *подробнее в главе 3*).

Таблица 15. Каркаралинский район. Петроглифы Коныржон. Общий вид скальных выходов с петроглифами. Фото авторов

Таблица 16. Петроглифы Коныржон. Изображение «рогатой» лошади. Фото авторов

Рядом и чуть ниже этой «рогатой» лошади на плите подтреугольной формы размером 0,9 x 0,7 м представлена многофигурная композиция, насчитывающая тридцать изображений, в числе которых — воины, вооруженные луками с прорисованными колчанами, подвешенными к поясам (хорошо прослеживается форма треугольных наконечников стрел); всадник на верблюде; крупная собака и другие. Стиль композиции оригинальный, все герои изображены в разных проекциях, а фигуры животных и особенно верблюдов показаны с четырьмя ногами и очень маленькими горбами. Ряд фигур этой сцены позднее подновлен. Следы подновления и более светлый цвет патины на многих фигурах этой композиции — убедительное свидетельство этого.

Вместе с тем все мельчайшие детали этой композиции тщательным образом проработаны тонкими резными линиями. Так, у людей показаны пальцы кистей рук, растопыренные в стороны, волосы, носы, фаллосы, ступни ног; читаются ремни поводов у животных из каравана, луки и колчаны со стрелами у воинов, формы наконечников стрел, седла и другие мелкие детали.

Завершает рассматриваемый триптих композиция из трех фигур людей с поднятыми вверх или согнутыми в локтях руками. Они как бы обращаются к небу. Рядом изображены четыре фигурки птиц в стандартной позе — с опущенными вниз крыльями. Явно позднее в левой части плоскости резными линиями нанесена султанская тамга, возможно, стилизованная под птицу с опущенными вниз крыльями (табл. 17).

Таблица 17. Петроглифы Коныржон. «Триптих». Фото авторов

Приведенные выше некоторые аналогии позволяют датировать рассмотренные изображения всего этого триптиха эпохой ранних кочевников, когда образы «рогатого» коня как символа солнца или неба и собственно лошадь — основная производственная сила кочевников — становятся определяющим элементом кочевого общества (Джумабекова, Базарбаева, 2013).

В процентном отношении в петроглифах Коныржона преобладают изображения горного козла/барана (32,7 %), верблюда (8 %), собак и птиц (по 3,6 %), лошади (2,6 %), не определены 21,2 %. Антропоморфные изображения (21,5 %) включают лучников, адорантов, всадника на верблюде (всадники на лошадях отсутствуют). Часть петроглифов этого местонахождения, вероятно, появилась на развитом этапе формирования звериного стиля, тогда как другая часть изображений выполнена позднее и может быть отнесена к периоду средневековья. Об этом можно судить по стилизованному знаку султанской тамги (Базылхан, 2012, с. 84–90; Рогожинский, 2012, с. 91–104).

2.4. Актогайский район. Расположен в восточной части Казахского мелкосопочника и характеризуется наиболее приподнятым и пересеченным рельефом. Здесь островные низкогорья расположены довольно близко друг к другу, дополнительно создавая благоприятные почвенно-ландшафтные, атмосферно-климатические условия, что способствовало формированию, концентрации и сохранению таких природных ландшафтов, как урочища с лесами, с многочисленными родниками, с особыми представителями флоры и фауны. Эти благоприятные природные условия повлияли и на историко-археологическую среду региона, в которой насчитывается более сотни археологических памятников, в том числе местонахождения петроглифов (Бейсенов и др., 2012, с. 259–274).

Район низкогорных массивов Кызыларай-Бегазы расположен в области главного водораздела. Вершина Аксоран представляет собой самую высокую сопку в Казахском мелкосопочнике — 1565 м. Помимо многочисленных родников и ручьев, которые большей частью являются пересыхающими водотоками, с горы Кызыларай берут начало две основные реки этого региона — Жинишке и Каратал.

По сообщению главного научного сотрудника Института археологии имени А. Х. Маргулана, кандидата исторических наук Ж. К. Курманкулова, в северных отрогах горы Кызыларай находится пещера Әулие Уңгір, представляющая собой двухъярусный коридор, в конце которого в нижней нише расположено одиночное изображение крупного архара со следами краски (охра). Данная информация представляет особую ценность, поскольку такие изображения могут относиться к раннему пласту сарыаркинских петроглифов. Необходимо дальнейшее целенаправленное и детальное исследование этого уникального памятника с привлечением со-

временных методов и обязательно с проведением раскопок культурного слоя этой пещеры.

2.4.1. Группа петроглифов Бегазы. Петроглифы находятся в горах Бегазы и впервые зафиксированы А. Х. Маргуланом (Маргулан, 1979). Включает в себя изобразительные памятники Серикбай, Сымтас, Нартай, Рыспек, Акшоки. В результате их обследования в 50-х гг. XX в. выявлено свыше сотни разновременных петроглифов. Здесь встречаются изображения диких и домашних животных, человека, солярных знаков (Маргулан, 2004, рис. 293–303).

В 2007 г. на эти памятники составлены паспорта государственной охраны, которые выполнены сотрудниками археологической экспедиции Института археологии имени А. Х. Маргулана¹⁶ в ходе сплошного и комплексного обследования археологических объектов.

Петроглифы в большинстве своем оказались синхронными по времени создания с раскопанными и расположенными рядом погребальными сооружениями, которые датируются эпохой поздней бронзы и ранним железным веком. Изобразительные памятники, соответственно, названы так же, как и местные погребальные памятники, — по топонимике отрогов гор и ущелий, в которых они расположены.

В репертуаре петроглифов широко представлены традиционные изображения различных животных: горных баранов, лошадей, верблюдов, оленей, косуль, собак, архаров, — а также всадники, антропоморфные изображения и солярные символы, количество которых на разных местонахождениях колеблется от нескольких десятков до сотни. Часть изображений схематичны и с трудом поддаются идентификации. Патина изображений соответствует 2–3 единицам. Изображения выполнены точечной выбивкой с элементами шлифовки. Сохранность большинства петроглифов очень плохая (см. *Каталог...*, рис. 89–92)

2.4.2. Желтау. Группа петроглифов находится в Сарытерекском сельском округе в 30 км к юго-востоку от села Бегазы, в 18,5 км к востоку от села Сарытерек, в 15 км к северо-востоку от села Актумсык, на расстоянии 5 км от реки Тоқырауын, в 680 м западнее заброшенной зимовки Желтау на левом берегу реки Жинишке.

Петроглифы расположены на юго-западном склоне одноименной горной системы на отрогах двух небольших сопков, вытянутых в широтном направлении (*табл. 18*). Наблюдается сильное разрушение скальных выходов, образующих структуру и микротопографию комплекса. В технике исполнения петроглифов преобладает сплошная неглубокая мелкоточечная выбивка, в ряде случаев фиксируются следы процарапывания. Прорисовок по контуру немного. Уровень патинизации скал составляет 3–4. Сами петроглифы очень слабо патинизированы.

¹⁶ Руководитель экспедиции — А. З. Бейсенов.

Всего обнаружено 20 плит со 130 петроглифами, среди которых преобладают изображения горных козлов/баранов (36,5 %) и лошадей (9,5 %), встречаются косули (4 %) и хищники (1,5 %), единично представлены олень и двугорбый верблюд (см. *Каталог...*, рис. 93–104).

Показательно, что в петроглифах Желтау отсутствуют изображения быков, которые являются как бы маркирующим образом эпохи бронзы. Лошади нарисованы крайне упрощенно: прямая линия туловища, голова и хвост чаще понуро опущены, показаны четыре прямые ноги. Несмотря на некоторый схематизм в гравировке других животных, они представлены значительно ближе к натуре и с большой выразительностью. На одной из плоскостей отмечено очень редкое изображение ящерицы рядом с горным козлом, отличающимся по манере исполнения: крупнее, реалистичнее, динамичнее. Судя по степени патинизации, эти изображения являются самыми древними на этом памятнике.

На плите 1 запечатлено пятнадцать архаров вокруг символического изображения, напоминающего развесистую акацию, аналогичную растущей возле скального выхода в этом ущелье и в настоящее время (см. *Каталог...*, рис. 93).

Таблица 18. Актогайский район. Петроглифы Желтау. Общий вид скальных выходов с петроглифами. Фото авторов

Антропоморфные персонажи представлены всадниками на лошадях и в одном случае на двугорбом верблюде. Выделяется сцена охоты на горных баранов, косуль и оленя, в которой главный герой — конный лучник — изображен очень реалистично: человек показан по пояс и развернут назад, вооружен большим сложным луком со стрелой (см. *Каталог...*, рис. 97). Другая многофигурная композиция демонстрирует человека с курыком, который соединяется с лошадьми, расположенными на этой плоскости вертикально, в отличие от других животных, переданных в горизонтальной плоскости (см. *Каталог...*, рис. 96).

Представляют интерес схематичные антропоморфные изображения, которые можно рассматривать как «солнцеголовых» персонажей: над головой человека, прорисованного в фас, несколькими крупными точками показан «нимб». В одном случае руки такого антропоморфа раскинуты в стороны, ноги расставлены, прорисован фаллос (см. *Каталог...*, рис. 101), в другом — изображение детализировано прорисовкой ладоней и пальцев рук (см. *Каталог...*, рис. 94). Такая условная манера передачи образа, возможно, свидетельствует о его позднем происхождении в сравнении с каноническим изображением «солнцеголовых» божеств, датируемых эпохой бронзы, и свидетельствует о преемственности традиций и конкретных сарыаркинских образов на скалах в разные исторические периоды.

Петроглифы Желтау хронологически соотносятся исследователями с эпохой поздней бронзы и ранним железным веком. Не исключено, что часть изображений относится к периоду средневековья (Бейсенов и др., 2012, с. 259–274).

2.4.3. Калмакемель. Петроглифы расположены в горах Калмакемель, которые представляют собой невысокий горный массив на границе двух областей — Восточно-Казахстанской и Карагандинской. С востока на запад его пересекает живописная долина с родниками и разнотравьем. На левом скалистом склоне ущелья повсеместно встречаются петроглифы. Некоторые изображения крупные, что позволяет увидеть их с расстояния 10–20 м от подножия. Древнейшие петроглифы Калмакемель (первая половина II тыс. до н. э.), включающие несколько сотен гравюр, численно преобладают над изображениями других периодов. Единообразие техники, репертуара и стиля ранних гравюр говорит о том, что они создавались в течение относительно недолгого исторического времени.

А. Е. Рогожинский, оценивая содержание этой группы изображений, справедливо замечает: «...одаренными художниками далекой эпохи была запечатлена на скалах степная ода коню» (От Алтая до Каспия, 2011, с. 514). Другие животные: быки, олени, собаки, — а также антропоморфные изображения составляют малую часть петроглифов. Образ человека представлен охотниками и лучниками: в этих сценах загонной охоты с собаками активно участвуют древние жители Сарыарки, которые, наряду с приручением и использованием домашних животных, прежде всего ко-

ней, активно продолжали заниматься охотой на диких зверей и вели охотничий промысел. Изображение пары лошадей в дышловой упряжке свидетельствует о датировке этих петроглифов эпохой бронзы.

Среди памятников наскального искусства Казахстана наиболее близкими по содержанию петроглифам Калмакемель являются гравировки Акбидаик в северо-восточной части Сарыарки. На юго-западе региона аналогами выступают гравюры Теректы Аулие и долины реки Байконур, отличительной особенностью которых является присутствие в репертуаре изображений верблюда бактриана и лошади с «челкой». Изображений эпохи поздней бронзы немного: показаны конные колесницы, батальные щены и солярные знаки. Они редко встречаются на скалах центральной галереи и, по всей видимости, не образуют сюжетов, связанных композиционно (От Алтая до Каспия, 2011, с. 513–517).

Единичные контурные изображения оленя и других животных в стиле оленных камней Западной Монголии и Алтая относятся к эпохе ранних кочевников. Встречаются изображения конских копыт. Удивительной является композиция с множеством антропоморфных фигур, живо напоминающих самобытные рисунки тагарской культуры Минусинской котловины (От Алтая до Каспия, 2011, с. 513–517).

Репертуар средневековых петроглифов включает тамги, встречающиеся на памятниках от Алтая и Тарбагатай до Чуйской долины. Поздние петроглифы Калмакемель концентрируются вблизи казахских зимовок и представлены порой весьма реалистичными гравировками. Многократно повторяются изображения тамг аргынов, маркирующие последний всплеск наскального творчества в этом регионе (От Алтая до Каспия, 2011, с. 513–517).

2.5. Жанааркинский район. 2.5.1. Петроглифы Калмак-Кырган. Здесь зафиксирован один пункт с петроглифами, расположенный в 6 км на северо-северо-восток от села Шалгинск в отрогах гор Калмак-Кырган, которые входят в горные системы Актау и Ортау. В основной массе горные массивы сложены из гранитных пород. Склоны гор покрыты редколесьем из березовых и осиновых пород деревьев. В долинах пересыхающих ручьев и небольших речек расположены археологические памятники, датированные эпохой бронзы и ранним железным веком. Материалы поселений и могильников представляют собой связующее звено между западными (Улытауский район) и восточными (Каркаралинский район) регионами Центрального Казахстана.

В 1930 г. эти наскальные гравюры обследованы карагандинским краеведом Л. Ф. Семёновым. В 1947 г. А. Х. Маргулан описал композиции, высеченные на этих отвесных скалах. Петроглифы здесь обращены на юго-восток и выбиты преимущественно в точечной технике. Изображены караваны двугорбых верблюдов, маралы, горные бараны (таутеке), антропоморфные фигуры. Самой заметной плоскостью является многофигурная

сцена охоты на животных лучника и человека с палицей (см. *Каталог...*, рис. 105). Петроглифы предположительно датируются эпохой бронзы и ранним железным веком. Предложить более полную характеристику этого памятника не представляется возможным, поскольку необходимо его дальнейшее детальное исследование.

2.6. Типология степных изобразительных памятников. Рассмотренные выше изобразительные памятники Карагандинской области географически расположены исключительно в степных и равнинных ландшафтах, что совсем не означает отсутствия в них скальных выходов и невысоких (150–200 м) горных массивов — сопок и глубоких речных каньонов. Всего в Сарыарке, охватывающей целиком современную Карагандинскую область и прилегающие к ней территории Казахского мелко-сопочника, обнаружено уже свыше трех десятков таких степных изобразительных памятников¹⁷. По особенностям макротопографии и ландшафтов изобразительные памятники Сарыарки делятся на несколько типов.

Первый тип памятников с петроглифами, как правило, располагается на высоких (до 100 м) скальных выходах сланца или других пород камня, по берегам пересыхающих летом степных речек в местах излучин — изгибов русла реки, где чаще всего в течение засушливого летнего периода в виде живописных плёсов, стариц-озёр остается вода. Такие приметные места-каньоны могут располагаться на значительном расстоянии по всему руслу, притом что между ними часто находятся многокилометровые пространства с такими же живописными плёсами, но без каких-либо следов изобразительной деятельности.

Обозначенные таким образом скалы, как правило, отмечают и маркируют места в степи, наиболее богатые травой и водой по сравнению с другими окружающими ландшафтами, именно в них сосредоточена вся местная живность. Обычно такие скопления петроглифов соседствуют с ровными и достаточно просторными площадками, где всегда присутствует явно выраженный акустический эффект эха перед «алтарными» плитами. Примечательно, что именно такая акустическая особенность зафиксирована на очень многих изобразительных памятниках с петроглифами у индейцев в Северной Америке. Это подтверждает гипотезу об универсальной коммуникативной функции такого типа памятников (Garfinkel, Waller, 2012, p. 37–60). Типичными изобразительными памятниками этого вида в

¹⁷ Это количество обозначено с учетом «пограничных» изобразительных памятников, расположенных в степных, равнинных и предгорных регионах на прилегающих к административным границам Карагандинской области территориях. Под степными изобразительными памятниками подразумеваются скопления петроглифов, окружающий ландшафт которых составляют преимущественно равнинные пространства богатые травой и водой, с количеством изображений не превышающим одну тысячу и несколькими многофигурными композициями.

Сарыарке являются скопления петроглифов в долинах рек Байконур, Тамды и Жайсан¹⁸ на юге и юго-западе региона.

Другой тип степных изобразительных памятников располагается на отдельностоящих, хорошо заметных в окружающей степи или полупустыне останцах и скальных выходах, состоящих чаще всего из гранитных и значительно реже из диоритовых пород (полимиктовых, алевролитовых песчаников). Петроглифы группируются на вершинах и по склонам таких останцев, иногда в скальных нишах или гротах. В непосредственной близости от памятника обычно расположены родник или речка/озеро, где и в наше время можно добыть воду. Типичными памятниками этого типа являются Теректы Аулие или гроты с живописью Тесиктас, Акбаур, скальные ниши и гроты на озере Жасыбай.

Следующий тип степных изобразительных памятников располагается на валунах и скальных останцах — дайках, представляющих собой в геологическом плане остатки древних моренных озер на склонах гор, образовавшихся миллионы лет тому назад и сохранившихся до наших дней на этих очень сильно разрушившихся за это время горных вершинах, собственно и составляющих сейчас Казахский мелкосопочник. Количество мест с такими моренными останцами в казахской степи не очень велико, поэтому каждое из них уже в древности привлекало внимание населения своей необычностью. К числу памятников этого типа принадлежат такие скопления петроглифов, как Зынгыртас в отрогах гор Улытау; Кестелетас в отрогах горного массива Каркаралы; памятники на Бесобинской равнине; недавно открытые петроглифы в горах Мугоджары. Вода также доступна в таких местах, но, как правило, родники или речки располагаются в некотором удалении от них.

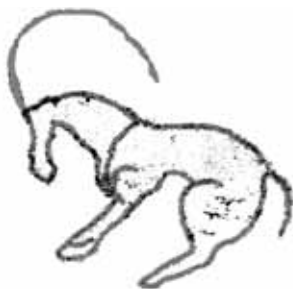
И, наконец, степные изобразительные памятники, условно говоря, классического типа, расположенные на значительных скальных выходах с массивными и хорошо патинизированными плитами, расположенные по склонам в саях, отщелках и ущельях достаточно крупных по меркам Сарыарки горных массивов и не всегда привязанные к источникам воды. В количественном плане это более крупные памятники, насчитывающие многие тысячи изображений, со своей собственной сложной микро- и макротопографией, явно выраженной структурой. Такие памятники расположены в предгорных районах Сарыарки и примыкающих к ней крупных региональных горных системах: на юго-западе — в предгорьях хребта Каратау (Бала-Сауыскандык), вплоть до Заилийского Алатау на юге — в предгорьях Чу-Илийских гор (Тамгалы), вплоть до склонов Джунгарского Ала-

¹⁸ Долина реки Жайсан находится главным образом в Жамбылской области. Обнаруженные здесь памятники имеют сходный с сарыаркинскими петроглифами контент и расположены в похожих ландшафтах. Экспедицией под руководством доктора исторических наук, профессора А. М. Досымбаевой («Назарбаев Центр», ЕНУ имени Л. Н. Гумилева, Астана) здесь зафиксированы многочисленные изобразительные памятники эпохи бронзы и ранних кочевников, а также уникальные статуарные и поминальные памятники тюрков (см. ЗТКА, 2013, гл. 3).

тау, а на востоке и северо-востоке — до отрогов Казахского Алтая (Баян-журек и др.).

Возможно, в древности все эти виды памятников с петроглифами при перекочевке домашних животных играли роль своеобразных «маяков» в бескрайних просторах степного «океана», отмечали наиболее удобные, богатые травой и водой пастбища, ущелья, горные и речные долины, оптимальные пути движения. Такие знаки на местности в сочетании с примитивными астрономическими знаниями являли собой некий культово-информационный комплекс животноводов, притом что они имели несомненную коммуникативную функцию в древних социумах: здесь проводились обучение молодого поколения, посвящения в члены социума, жертвоприношения, подобающие обряды и ритуалы, а также различные календарные праздники.

Самые древние художественные традиции населения Сарыарки: изобразительную, орнаментальную, фигуративную (статуарную) и мегалитическую, — а также развитие этих и других традиций в пространстве и времени мы относим к изобразительным коммуникациям, которые стали важным средством внутренней и внешней активности местных социумов и которые зафиксированы здесь археологическими методами в виде выделенных археологических культур или культурно-исторических общностей. Они стали надежным индикатором самоидентификации этих обществ, а их изучение и анализ позволяют прояснить многие спорные вопросы этнокультурной истории.

Глава 3. Хронология и изобразительные традиции в наскальном искусстве Сарыарки

Предложенный далее на этих страницах краткий обзор ставит задачей лишь первичную классификацию всего накопленного материала и не претендует на бесспорные хронологические и смысловые интерпретации. Такое исследование потребовало бы более обширного анализа и привлечения более широких аналогий, новых методов и инструментария, что, очевидно, является перспективной задачей для будущих исследователей. Здесь мы приведем лишь уже опубликованные и аргументированные ранее в других специальных работах выводы и мнения исследователей, долгие годы изучающих петроглифы Сарыарки (Швец, 1999а; 1999б; Shvets, 2012; Швец, 2014а; 2014б; Самашев, 2006; 2013; Самашев и др., 2013а; Новоже- нов, 2002; 2012а; 2014а; 2015а, с. 314–331; 2015б, с. 57–88; 2015г, с. 20–36; Рогожинский, 2001; 2009; 2011а; 2011б; 2011в; 2012).

Комплексный анализ петроглифов Сарыарки, как правило, показывает их принадлежность к различным историческим эпохам. Изображения вы- биты на скалах без видимой системы и только на редких памятниках, например местонахождения долины реки Байконур, выявлены централь- ные, «алтарные», композиции с петроглифами эпохи бронзы и ранних ко- чевников. Тюркский период представлен сценами поединков с участием вооруженных всадников, «катафрактов», или пеших воинов, расположен- ными в основном в Северном Прибалхашье, а также многочисленными, разбросанными по всей степи каменными стелами — антропоморфными тюркскими скульптурами. Гравюры этнографического времени, казахские граффити достаточно редки: этот период представлен в основном изобра- жениями казахских родовых тамг, зафиксированных на местонахождениях Шунак, Кобыржон, Желтау, и современными граффити.

Вместе с тем большинство наскальных святилищ или храмов под от- крытым небом функционировали в Сарыарке на протяжении целого ряда эпох, о чем свидетельствует соседство на одном памятнике гравюр, при- надлежащих к различным периодам. Это позволяет сделать вывод о том, что функции памятников наскального искусства¹⁹ как одного из видов коммуникативной системы оставались неизменными на протяжении тыся- челетий (Бейсенов, Джумабекова, Базарбаева, 2011, с. 261–271; Shvets,

¹⁹ Используемый нами термин «наскальное искусство» достаточно условен, более правильные и корректные термины — «изобразительная деятельность», «наскальное творчество» (подробнее см.: Шер, 1980а; 2004; 2016).

2012, s. 23–43; Новоженев, 2002; 2012б, с. 114–145; 2012е, с. 68–83; 2014е, с. 455–468; 2015а, с. 314–331; 2015г, с. 20–36).

Только часть сюжетов наскальной изобразительной деятельности с сегодня можно датировать и интерпретировать. Большинство петроглифов Сарыарки остаются непознанными. При датировке речь идет в большей степени о процедуре аргументированной синхронизации конкретных петроглифов (или выделенных пластов) с определенным археологическим периодом или датированными и хорошо документированными в археологических комплексах артефактами (*табл. 19*). Абсолютная датировка наскальных гравюр, как и в случае с археологическими находками, в настоящее время практически невозможна, поскольку датировка петроглифов методами естественных наук все еще остается спорной, а скорее, недоступной и далеко не массовой методикой.

По этой причине стиль изображений является одним из важнейших индикаторов, позволяющих определить хронологию создания наскальных изображений, но без учета других показателей, таких как индекс патины, взаимные сочетания фигур, ракурсы, данные лихенометрии и прочие технические параметры и результаты анализов, он не представляется достаточно надежным маркером в современных условиях. В рамках определенного стиля ²⁰ важно выделить также конкретные иконографические особенности петроглифов, которые и образуют собственно сам стиль изображения, формирующий некую изобразительную традицию и/или конкретный временной этап ее существования.

В таких случаях хронологическую позицию объекта всегда помогают конкретизировать полевые стратиграфические наблюдения, когда одно изображение в одном определенном стиле перекрывает другую фигуру в другом стиле. Это так называемые случаи палимпсестов, которые хорошо известны специалистам, изучающим древние рукописи на пергаменте и знакомым с ситуацией, когда древние писцы из-за экономии драгоценного пергамента или в других целях затирали один слой рукописи и поверх него писали новый текст. При этом старая надпись оставалась кое-где заметной и даже иногда читаемой (*табл. 20; 21*).

Всем специалистам, изучающим петроглифы в полевых условиях, такие случаи хорошо знакомы, их фиксация на скальных панно является большой удачей, но, к сожалению, не так часто радует исследователей. Древние художники Сарыарки чаще всего стремились находить новые пригодные для выбивки и покрытые пустынным «загаром» плоскости, чем занимать уже использованные предшествующими поколениями.

²⁰ Это утверждение в полной мере относится и к изобразительной традиции, которую этот стиль или несколько стилей формируют. Важные методологические и теоретические аспекты соотношения понятий «стиль» и «традиция» рассмотрены в ряде работ профессора Я. А. Шера (1980; 2004, с. 9–14; 2016), дискуссионны и требуют обстоятельного описания в рамках специального исследования (см.: Ковтун, 2001).

1

2

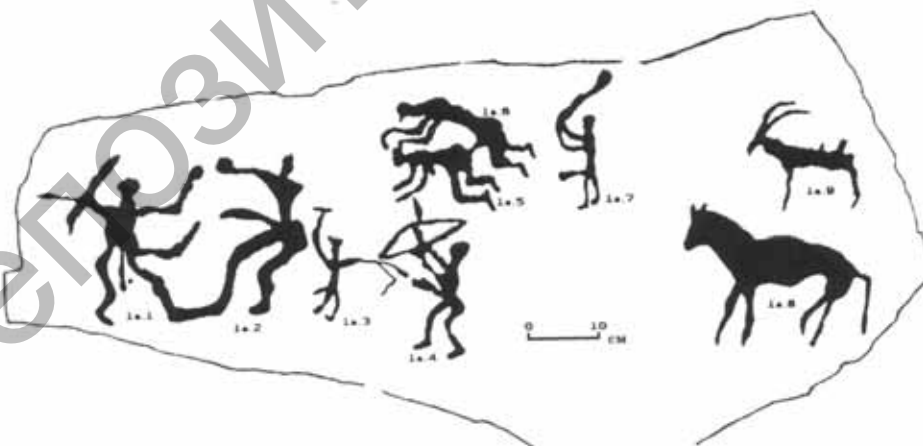

Таблица 19. Сцены охоты с различными типами оружия. 1 – Петроглифы Байконур, группа II, плита 4. Сцена охоты человека с копьём на быка; 2 – Петроглифы Байконур, группа II, плита 1а. Противостояние двух людей, люди с луком, топором-кельтом и палицей, эротическая сцена. Фото и прорисовка В. А. Новоженова

Таблица 20. Петроглифы Байконур, группа «З», плита 1. Палимпсест. Изображение «солнцеголового» перекрыто более поздними изображениями животных в раннем зверином стиле. Фото В. А. Новоженова

А если они все же использовали старые «полотна», то старались подновлять и освежать уже существующие и понятные им в ритуальном и мифологическом отношении древние образы²¹ на традиционных, хорошо намоленных предками святых, особенных местах.

В то же время можно уверенно утверждать, что некоторые петроглифы, выполненные в «зверином» стиле, принадлежат к эпохе ранних кочевников, так же как и фигуры всадников-знаменосцев, некоторых тамг и «катафрактов» — к изобразительной традиции тюрков, притом что некоторые мотивы, например образ хищника с широко открытой пастью, заостренными зубами и высунутым языком, известный в искусстве окуневской культуры в Южной Сибири, «перерождаются» в раннем железном веке на огромной территории и в удаленных друг от друга регионах Центральной Азии (табл. 22).

²¹ Возможно, и по этой причине, наряду с природным фактором, изобразительные памятники в Сарыарке так компактны и немногочисленны по количеству петроглифов.

Таблица 21. Петроглифы Байконур, группа «Д», плита 1. Палимпсест. Изображения животных эпохи бронзы перекрыты более поздними изображениями. Фото В. А. Новоженова

Этот вывод подтверждает выделенный недавно А. Е. Рогожинским и С. А. Яценко «постсакский» стиль изображений и тамг, непосредственно связываемый авторами с кланами юэчжей (возможных тохаров) и датированный рубежом эпох: последними веками I тыс. до н. э. и первыми веками новой эры (Rogozhinsky, Yatsenko, 2015, p. 109–125)²². Подобное выделение самостоятельной и самобытной изобразительной традиции на основании совершенно конкретных иконографических особенностей изображения хищников (оскал пасти, высунутый язык, особенности трактовки туловища и др.) и вполне убедительной и логичной ее этнической атрибуции следует только приветствовать. Подобные мотивы являются одним из связующих звеньев всего наскального искусства Центральной Азии. Меняется

²² В своей новой, еще не опубликованной статье, любезно предоставленной в распоряжение авторов этой книги, А. Е. Рогожинский (2016) более подробно конкретизирует выделенную изобразительную традицию в рамках единого скифо-сибирского звериного стиля и рассматривает приведенные изобразительные материалы как сакский изобразительный комплекс, который удалось расчлнить на составляющие самостоятельные традиции на финальном этапе его существования.

стиль изображения, но предмет изображения остается один, естественным образом трансформируясь, согласно велению времени, в своей содержательной составляющей и количественном «упоминании» на скалах.

К числу подобных объектов относятся изображения колесниц и повозок вообще (табл. 23; 24), ставших сквозным мотивом и сюжетом разных композиций для нескольких исторических эпох. Справедливо это утверждение и по отношению к изображениям некоторых домашних животных, изменение мифологического восприятия которых, несомненно, влияло на их общественную и коммуникативную значимость, частоту «упоминаний» на скалах в разные исторические периоды и в разных социумах, что, в свою очередь, напрямую сказывалось на иконографии их изображения и общей стилистике наскального творчества (табл. 25; 26; 27)

Таким образом, решающими факторами в определении хронологической позиции петроглифов сегодня может быть наличие аналогичных найденным на скалах изображениям артефактов, атрибутики, знаков и символов, которые обнаружены в синхронных археологических памятниках одного региона или сопредельных регионах сходного природно-климатического ландшафта и уже хорошо датированных различными естественно-научными методами. Широкое привлечение данных смежных дисциплин, письменных источников также позволяет уточнить эти датировки. Наличие палимпсестов определяет относительную датировку самих петроглифов и выделенных изобразительных пластов, в том числе и на основании анализа различий в индексации патины соседствующих гравюр и их подновления в последующие исторические периоды.

Накопленные к настоящему времени археологические материалы разных периодов и наши современные знания о местных археологических культурах, культурно-исторических общностях, существовавших в древнейшие эпохи на территории современного Казахстана и особенно Сарыарки, позволяют сделать вывод о наличии в рамках каждой из них определенных художественных (изобразительных) традиций, которые определялись и даже диктовались стилистическими канонами и самобытной иконографией сменяющихся эпох (Новоженков, 2014е, с. 455–468; 2015г, с. 20–36).

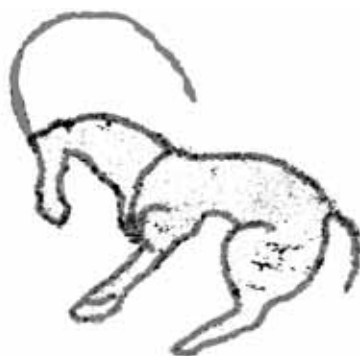

Таблица 22. Петроглифы Байконур, группа «Н». Изображение хищника в раннем зверином стиле. Фото авторов

Таблица 23. Петроглифы Байконур, группа «Н». Изображение четырёхколесной открытой повозки, запряжённой одним верблюдом при помощи оглобель. В окружении других верблюдов. Человек ведёт упряжного верблюда за повод. Фото авторов

Таблица 24. Петроглифы Байконур, группа III. Изображение двухколесной повозки, запряжённой парой верблюдов в окружении верблюдов, быков и эротической сцены. Фото В. А. Новоженова

Таблица 25. Петроглифы Байконур, группа «Н». Изображения лошадей и быков. Гривы лошадей переданы тонкими резными линиями. Фото авторов

Таблица 26. Петроглифы Байконур, группа «Н». Крупные изображения коней в характерном сейминско-турбинском стиле. Фото авторов

Таблица 27. Петроглифы Байконур, группа II. Изображения двух крупных быков, размером до 0,6 м и лошади в сейминско-турбинском стиле. Сцена выбита на отвесной скале на высоте свыше 30 м. Фото В. А. Новоженова, сделано при помощи квадрокоптера

3.1. Петроглифы эпохи бронзы

Наскальные изображения эпохи бронзы датируются на основе ряда иконографических деталей. Это прежде всего антропоморфные изображения с подчеркнутым признаком пола, зоо- и антропоморфные изображения: «ряженные», «солнцеголовые», палиценосцы, лучники, персонажи в статичных позах, реалистичные изображения явно домашних животных (*табл. 28*).

Такие сюжеты, как повозки, колесницы или определенные типы оружия, датируются на основе их ограниченного практического существования в совершенно конкретные исторические периоды в течение всей эпохи бронзы (Новоженков, 2012а, с. 17–170). На основе комплексного анализа и тщательных полевых наблюдений вполне обоснованно определяются временные различия в изображении объектов на скалах и, как следствие, — репертуарный (изобразительный) ряд петроглифов эпохи бронзы, в котором вместе с гравюрами конкретных видов, преимущественно с изображением домашних животных: лошадей, верблюдов, быков, — зафиксированы указанные выше антропоморфные изображения, повозки, а также сцены и композиции (*табл. 29; 30*), в которых доминируют охота, поединок и эротика, а в финале этого периода появляются сцены преследования (терзания).

Среди изображений зверей эпохи бронзы на скалах в количественном отношении, как правило, преобладают дикие горные бараны, архары, степные антилопы, а затем — домашние лошади, верблюды и быки (*табл. 31*), т. е. в изобразительном ряду присутствуют животные, которые не являются охотничьей добычей. По-видимому, такой репертуар животных изображался на скалах чаще всего в связи с их хозяйственной и/или мифологической и ритуальной значимостью. Изображения двугорбых верблюдов бактрианов (*табл. 32; 33*) в Центральном Казахстане встречаются повсеместно, и этот образ на протяжении нескольких тысячелетий являлся одним из объектов почитания в качестве культа (Маргулан, 2003, с. 14–16; рис. 23, 26, 40–42, 45, 47, 48; Новоженков 2002, с. 49, рис. 14, табл. 19, 22–24).

Изображения транспортных средств, таких как двуколки, колесницы и телеги (фургоны), свидетельствуют о значительной подвижности древнего общества уже во времена, предшествующие эпохе ранних кочевников, и об очень развитых системах коммуникации в социумах. Степные изобразительные памятники фиксируют перемещения древних племен на обширных пространствах, поскольку единственный способ территориального распространения таких памятников, в отличие от археологических предметов, — передвижение в пространстве и во времени самих носителей

изобразительной традиции²³. Взаимосвязи древних этносов Центральной Азии и Евразии в целом, их культурогенез, характер и направления миграций являются актуальной научной проблемой (Клейн, 2012; Ковалёв, 2012а, с. 49–56; 2012б; Новоженов, 2012а; 2014а; 2015г, с. 20–36).

В эпоху бронзы в петроглифах региона часто встречаются разные антропоморфные фигуры: от условных схематических до небольших по размеру, но весьма реалистичных образов, отражающих особенности телосложения, атрибуты охотничьего снаряжения и вооружения, детали костюмов, головных уборов или причесок, а также «ряженные» — изображения в масках, с «хвостами» и «солнцеголовые» персонажи — возможные «шаманы». Широко представлены пастухи, лучники, всадники как на лошадях, так и на верблюдах, палиценосцы, адоранты, одиночные или являющиеся участниками сцен охоты, сражений, противоборств, эротических сцен.

Гравюры женских и мужских фигур на скалах Сарыарки не всегда четко различимы, но часто гендерную принадлежность довольно легко определить по изображениям с половыми признаками (и подчеркнутой первобытной мужественностью этих персонажей). Именно в эпоху бронзы количество таких изображений чаще всего преобладает.

Таблица 28. Петроглифы Байконур, группа «3», плита 5. Изображения «солнцеголового» человека, лошадей, горных баранов и женщины (?). Фото В. А. Новоженова

²³ Скалы с петроглифами переместить невозможно, если, конечно, не использовать взрывные технологии!

Таблица 29. Петроглифы Байконур, группа «Н». Охота лучника на быка. Детально показаны лук, наконечники стрел, другие детали. Фото авторов

Таблица 30. Петроглифы Байконур, группа III. Охота лучника на быка. Фрагмент многофигурной композиции. Фото В. А. Новоженова

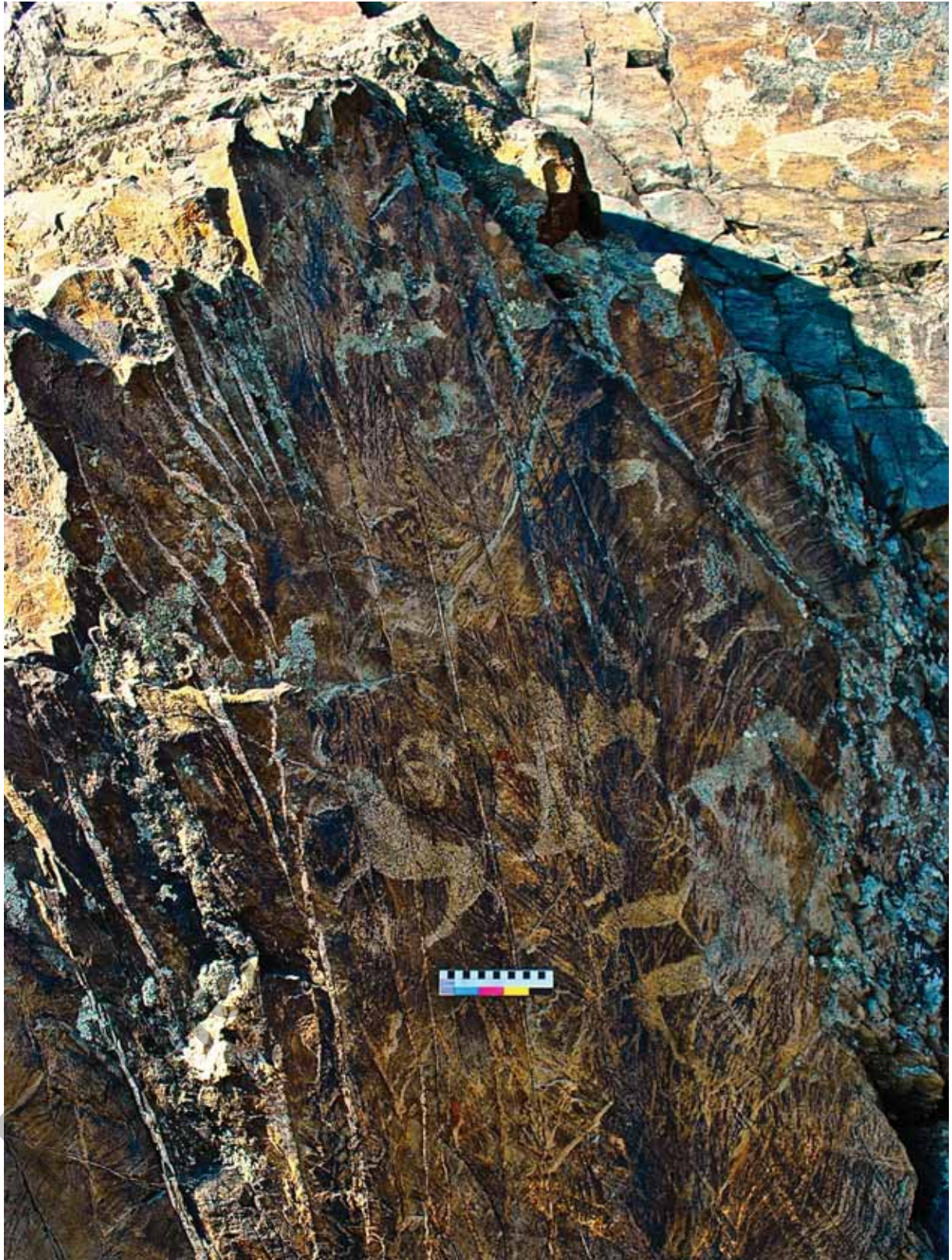

Таблица 31. Петроглифы Байконур, группа «Н». Сцена охоты лучников на оленей, антилоп. К голове лошади в нижней части плиты позднее дорисованы рога. Фото авторов

Таблица 32. Петроглифы Байконур, группа II. Крупные изображения ве р-блюдов, выбитых контурной и силуэтной выбивкой, размером до 0,6 м и лошадей в сейминско-турбинском стиле. Сцена выбита на отвесной скале, на высоте свыше 30 м от поверхности. Фото В. А. Новоженова, сделано при помощи квадрокоптера

Таблица 33. Петроглифы Байконур, группа «Н». Крупное изображение ве р-блюда. Фото авторов.

Таблица 34. Петроглифы Байконур, группа «Н», плоскость 13. Многофигурная композиция с участием женщины (?). Фото авторов

Тем интереснее антропоморфное изображение на плоскости 13 из Байконура «Н», своими округлыми формами напоминающее женский образ (табл. 34). Требуется дополнительное внимание и осмысления наличие рядом трех быков, исполненных в вертикальной экспозиции и, по всей вероятности, связанных с культом плодородия.

Несомненный интерес представляет многофигурная композиция из Шунака, названная А. Х. Маргуланом «Таинственный ритуал шаманов». В целом она ярко выражает идею промыслового, животного натурализма, родства с природой и окружающим животным миром. Изображения выполнены в технике мелкой точечной выбивки с шлифовкой, выдержаны в одном изящном стиле, отличаются рациональным расположением фигур на каменной плоскости. Наблюдательность и мастерство древнего художника проявились в использовании разных и необычных ракурсов в рамках одной композиции, которая включает 55 изображений. Это крупные быки, архары, антилопы, лошади, птицы и двенадцать антропоморфных персонажей, один из которых прорисован вверх ногами (повержен?).

Изображения людей детализированы: хорошо проработаны круглые головы, прически или головные уборы, носы, ноги, ступни, ладони, пальцы ладоней, фаллосы. Они очень реалистичны: показаны четкие абрисы, силуэты, округлые формы. Руки у некоторых подняты вверх (адоранты?).

Таблица 35. Петроглифы Шунак, плоскость 30. Многофигурная композиция с участием палиценосцев. Фото авторов

В центре изображен поединок двух человек, расположенных в профиль и показанных друг против друга, в руках они держат скрещенные в бою палицы. Фигуры участников поединка отличаются особым динамизмом. На плоскости изображены еще два палиценосца, один из которых держит палицу высоко над головой, второй — перед собой (*табл. 35*).

В нескольких байконурских многофигурных композициях — Байконур II, плита 1а (Новоженков, 2002, табл. 26), и Байконур «Н», плита 3, также изображены сцены противоборства двух мужчин (*табл. 36*). Эта весьма распространенная в искусстве эпохи бронзы сцена встречается повсеместно в различных, весьма удаленных друг от друга регионах Евразии (Байпаков, Марьяшев, 2004; 2008; 2009; 2013; Самашев и др., 2014). В рассматриваемых композициях подчеркнут атлетизм фигур сражающихся: массивные плечи, крепкие мускулистые ноги. Помимо указанных деталей, эти персонажи отличает тщательность исполнения, реализм и желание показать фигуры в движении. Неслучайно позади одного из участников этого поединка нарисована пара быков, у другого — верблюдов (сцена из Байконура «Н»), а рядом с другой байконурской сценой поединка (Байконур II) изображены стреляющие лучники, степная антилопа и эротическая сцена (*табл. 19–2*).

Возможно, парность фигур и сам поединок могли отражать один из сюжетов мифа о соперниках братьях-близнецах Ашвинах (Насатья, они же пара «носатых» возничих, *см. ниже*), характерный для многих древних

культур Центральной Азии и Переднего Востока (Pappola, 2005, p. 1–63; Shvets, 2012; Новоженев, 2014а, с. 208–236). Мотив борьбы являлся, скорее всего, одним из архетипов в древнем сознании и обусловлен не только элементарным сосуществованием с представителями других социумов, но и дуалистическим представлением об окружающем мире (Швец, 1999б, с. 14; 2014а, с. 294–299; Shvets, 2012, s. 171–190).

Таблица 36. Петроглифы Байконур, группа «Н». Поединок. Фото авторов

Антропоморфные изображения с палицами-дубинками встречаются на Байконуре, в петроглифах Жетысу и хребта Каратау, несколько ярких образов представлено в петроглифах Тамгалы, Баянжурека, Сагыра, Сауыскандыка. Палица в таких сюжетах откидывается боеголовкой за плечи главных героев, видимо, это основной способ ношения данного вида оружия в мирной обстановке; подчеркиваются первичные признаки мужского пола. Изображение палицы связано с образом «ряженных» и сценами эротического содержания. Видимо, даже в тех случаях, когда показаны моменты сражения, древние люди старались подчеркнуть мифоритуальное, «чудесное» значение этого оружия, которое описано в Ведах и Авесте (Швец, 2014а, с. 294–299; Кузьмина, 2012). Изображения палиценосцев вполне обоснованно связываются исследователями с образом главного героя в индоевропейской мифологии — бога-громовержца из Солнечной династии. Навершие таких палиц-булав обнаружены в раскопанных археоло-

гами поселениях и некрополях бронзового века в Урало-Казахстанских степях (Ткачев, 2002; Кузьмина, 2012; Самашев, 2013, с. 39; Зданович, 1988; 1989; 1997; Епимахов, 2005; Новоженев, 2014а, с. 125–204). Одно из наверший булавы недавно найдено в андроновском могильнике непосредственно на территории Карагандинской области (Кукушкин и др., 2015, с. 136–143, рис. 2).

Первобытный дуализм ярко выражен и в парных изображениях противостоящих коней или архаров (горных баранов). Такие сюжеты — противостоящие кони — встречаются в байконурских петроглифах и на скалах Теректы Аулие практически в одинаковой иконографии (табл. 37).

Таблица 37. Противостоящие кони. 1 – Петроглифы Байконур, группа «Е»; 2 – Петроглифы Теректы Аулие, группа 3. Фото авторов

Примечательно, что именно такие противостоящие и обращенные ногами друг другу кони — излюбленный сюжет в художественных бронзах из Луристана и на Кавказе в памятниках, датированных финалом эпохи бронзы (начало — середина I тыс. до н. э.), и характерный мотив для предметов конского снаряжения — комплектов металлических удил с псалями, а также для бронзовых высокохудожественных ритуальных жезлов (возможно, наверший дышел или ярм-рогатов с колокольчиками-бубенцами), булавок или зеркал (Новоженев, 2014а, с. 162, 165, 168; 2015б, с. 57–88). Противостояние пары горных баранов с поразительным сходством иконографии выбито на валуне в Кестелетасе и за сотни километров южнее — на камне сопки Зынгыртас (табл. 38)²⁴.

²⁴ Заметим, что в коллекциях луристанских художественных бронз, разбросанных сейчас по экспозициям многих ведущих музеев мира, именно пара коней или пара горных баранов (архаров), обращенных нога-

1

2

Таблица 38. Противостоящие архары (горные бараны). 1 – Петроглифы Кестелетас; 2 – Петроглифы Зынгыртас. Фото В. А. Новоженова

ми и головами друг к другу, является явно каноническим образом и воплощена в десятках различных вариантов бронзовых псалиев и ритуальных наверший.

Изучение стратиграфии — случаев перекрывания «молодых» изображений более «древними», так называемых палимпсестов, позволяет вычлени в петроглифах Сарыарки, уже определенно датированных эпохой бронзы, два древнейших пласта изображений, весьма взаимосвязанных между собой и представляющих, очевидно, последовательное развитие манеры изображения одних и тех же образов в течение всей эпохи бронзы, а также третьего пласта изображений, связанного с эпохой ранних кочевников. Очевидно, это были поступательные этапы в развитии некой единой ритуально-мифологической системы — индоиранской изобразительной традиции, мифологии и космогонии древнейших насельников Сарыарки в эти продолжительные исторические периоды (Кузьмина, 2012; Новоженков, 2002, с. 34–52; 2014а, с. 206–250).

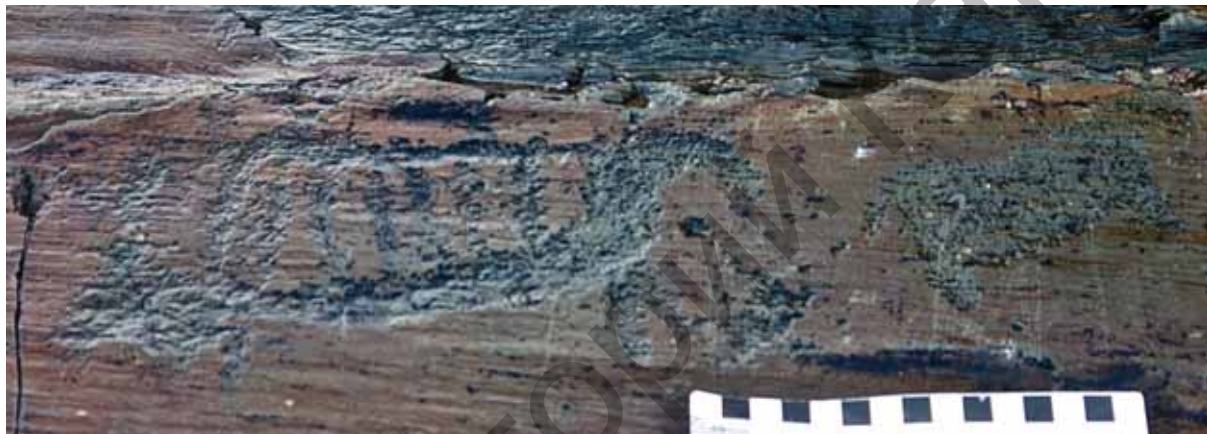

Таблица 39. Петроглифы Байконур, группа «Б». Животные в «скелетном» стиле. Фото В. А. Новоженкова

Таблица 40. Петроглифы Байконур, группа «Б», плоскость 11. Многофигурная композиция. Фото В. А. Новоженова

Таблица 41. Петроглифы Байконур, группа «Б». Животное – антилопа или лама (?) в «скелетном стиле». Фото В.А.Новоженова

Для первого изобразительного пласта характерны фигуры «солнцеголовых» существ, животных со связанными ногами, мужчин с «хвостами», палиценосцев, «ряженных», людей и животных с подчеркнутым признаком пола, повозки на четырех колесах, а также многочисленные эротические сцены. Этой группе петроглифов свойственна натуралистичная манера изображения, что особенно заметно по фигурам животных-самцов. Преобладают статичные позы.

Второй пласт связан с изображениями животных в так называемом «скелетном» стиле, контурной выбивкой в сочетании с шлифовкой патины (табл. 39; 40; 41). Наблюдается отход от статичности изображений в сторону определенной схематизации и придания динамизма фигурам. Это проявляется в таком элементе, как скошенные вперед ноги, в изменении поз животных, в появлении новых деталей: выступов на холке, более редком подчеркивании полового признака.

О более позднем происхождении данного пласта изображений, по сравнению с предшествующим, свидетельствует палимпсест местонахождения Байконур «Б», плита 7, где две фигуры горных козлов, изображение которых соответствует канонам звериного стиля, перекрывают изображения человека и фигуру животного; палимпсест на Байконуре «В», плита 29, где изображение горного козла, ноги которого скошены вперед, выполненное в «скелетном» стиле, перекрывает изображения лошади и верблюда; палимпсест, найденный на Байконуре «З», плита 1, где крупное изображение верблюда перекрыто сплошными изображениями двух лошадей со скошенными вперед ногами. К этому пласту отнесены изображения, сходные с фигурой оленя (Байконур II, плита 4), нанесенные контурной выбивкой. У животных на этих изображениях ноги скошены вперед, есть выступ на холке и стилизованные рога, контуры фигур округлые.

Третий изобразительный пласт представлен животными в уже сформировавшемся скифо-сакском зверином стиле (подробнее см. в след. разделе этой главы).

Далее на этих страницах мы увидим, как эти выделенные изобразительные пласты, датированные эпохой бронзы, соотносятся с известными по археологическим данным культурами, существовавшими на данной территории, с уже выделенными изобразительными традициями и с какими древнейшими синхронными кланами Сарыарки они могут быть связаны.

3.1.1. Ямно-афанасьевская изобразительная традиция. В последние годы на территориях Южного Урала и Западного Казахстана, в Сарыарке, на Алтае, в Восточном Туркестане, Монголии и Южной Сибири открыта серия археологических и изобразительных памятников, а также фигуративных артефактов раннего периода эпохи бронзы, датированных второй половиной III тыс. до н. э. и раньше. В их число входят местонахождения петроглифов, нарисованных охрой и выбитых на скалах, в урочище Акби-

даик близ Екибастуза, Олентинские писаницы в долине одноименной реки, связанные с раскопанными здесь ямными памятниками (Мерц В. К., 2002; 2007, с. 71–75; 2012, с. 130–135; Мерц В. К., Мерц И. В., 2010, с. 134–144; Мерц И. В., 2010, с. 49–58; Кукушкин, 2014, с. 401–414), а также выбитые на валунах петроглифы Мугоджар и петроглифы в гротах Коскудук и Толлебулак в Прикаспии. Рисованные петроглифы найдены также в живописном гроте Драверта и скальных нишах на озере Жасыбай, в гроте Тесиктас в Сарыарке и гроте Акбаур в примыкающих на востоке предгорьях Алтая (Самашев, 2006, с. 17–21).

Как отмечалось выше, рисунки быков из грота Тесиктас стилистически полностью совпадают с трактовкой аналогичных фигур на плитах могильника Черновая VIII в Южной Сибири и в синхронных петроглифах долины реки Чулуут в Монголии. Эти сюжеты с массивными быками практически всегда сочетаются с изображением антропоморфных существ, пальцы которых намеренно расставлены в стороны, и женщин-прародительниц в «интересных» позах (Новгородова, 1989, с. 89). Среди рисунков на озере Жасыбай выделяется центральный антропоморфный персонаж — вероятный прообраз «солнцеголового» божества, повсеместно распространенного в петроглифах эпохи бронзы Центральной Азии. Он представлен также на стенках каменных ящиков могильника Каракол на Алтае (Кубарев, 1988). Ближайшие аналогии этому образу имеются в росписях на каменных ящиках могильника Тас-Хааза в Хакасии, в петроглифах Чулуута в северо-западной Монголии и на стенках гробниц кургана 28 у станицы Новосвободной, принадлежащего Майкопско-новосвободненской общности в предгорьях Кавказа (Резепкин, 1987, рис. 1; Кореневский, 2011).

Появляется все больше данных по обоснованию афанасьевского пласта в древнем наскальном и монументальном (статуарном) искусстве Южной Сибири, Алтая и Монголии. Новые материалы из Минусинской котловины, Тувы и Хакасии являются дополнительными аргументами в пользу выделения раннего пласта в «окуневском» искусстве, в том числе и в петроглифах, что позволяет связать его возникновение с миграцией западных ямно-афанасьевских племен животноводов (Шер, 1980а, с. 215; Есин, 2010, с. 53–73; Лазаретов, 1997, с. 137–146; Подольский, 2007, с. 113–128; Новоженев, 2014а, с. 206–250).

Все обозначенные выше изобразительные памятники, очевидно, создавались ямно-афанасьевским населением, присутствие которого на территории Сарыарки документируется материалами раскопанных здесь и хорошо датированных по сопроводительному инвентарю могильников Карагаш, Григорьевка 2 и др. (Евдокимов, Ломан, 1989, с. 34–46; Мерц В. К., Мерц И. В., 2010, с. 134–144; Мерц В. К., 2012, с. 130–135; Кукушкин, 2014, с. 401–414).

3.1.1.1. *Ямно-афанасьевская мегалитическая традиция.* Под этой традицией мы понимаем прежде всего установку крупных антропоморфных стел с нанесенными на их грани изображениями или просто сооружение оград, менгиров — стел без изображений — и использование погребальных каменных ящиков. В широком смысле — изготовление монументальных погребальных сооружений, гигантских геоглифов на Южном Урале и севере Сарыарки, в Костанайской области, а также предметов мелкой пластики.

Коллекция небольших каменных антропоморфных скульптурок состоит из случайных находок, происходящих из северных и северо-восточных регионов Казахстана и раскопанных памятников Минусинской котловины, и многие из них аналогичны петроглифам (Новоженков, 2012а, с. 206–250; Ченченкова, 2004, с. 112–122; Ковалёв, 2012а; 2012б; Зайберт, 2009). Основу образа такой скульптурки составляют огромные глаза, выполненные весьма реалистично и с большим изяществом. Показаны ступни ног, фаллос, кулаки (в одном случае — пальцы рук) и всегда подчеркнуто большой, треугольный нос, гордо поднятый вверх²⁵. Наблюдается невероятное сходство сюжетов с повозками в петроглифах и иконографии этих скульптурок, что дает основание интерпретировать их как фигурки возникших. В. Г. Шкода выявил существенную связь этих скульптурок с южным памятником — поселением Саразм в долине реки Зеравшан в Таджикистане, где найден вырезанный из порфирита сосуд с человеческой личиной, выполненной в аналогичном стиле (Шкода, 1992, с. 57–59; 1997, с. 48–51).

Известно, что ритуальная чаша есть главный атрибут жрецов (Геродот). Для синхронных памятников семантическая связь «повозка — возникший — ритуальный сосуд» документируется достаточно надежно. Так, глиняные модели повозок-сосудов из Венгрии имеют поразительные соответствия на минусинской стеле из села Усть-Бюрь и перекликаются с афанасьевскими сосудами-алтарями, изображенными на некоторых «окуневских» стелах и обнаруженными в могилах афанасьевского типа в Южной Сибири, Монголии и Синьцзяне (Есин, 2008, с. 81–98; 2010, с. 53–73; Qi Xiaoshan, Wang Bo, 2008, p. 22–27, 92). Эту семантическую связь подтверждают происходящий из Бактрии серебряный кубок (Новоженков, 2014а, с. 58), а также особые ритуальные сосуды, найденные в могилах с повозками в «царском» некрополе Гонур-тепе (Сарианиди, Дубова, 2010, с. 210–256), а в более позднее время — в раннеандроновском могильнике Ащису в Сарыарке (Кукушкин, 2011, с. 110–117)²⁶.

²⁵ Этот иконографический признак, системно повторяющийся во всей серии синхронных памятников из рассмотренной коллекции, позволяет связать эти образы с мифологическими сюжетами о братьях-близнецах Ашвинах, одним из документированных эпитетов-прозвищ которых было «наساتья», что в переводе означает «носатые» (см.: Parpola, 2005, p. 1–60).

²⁶ В полевом сезоне 2015 г. экспедицией под руководством А. И. Кукушкина в андроновском погребении могильника Нураталды обнаружен еще один аналогичный бронзовый сосуд вместе с бронзовым теслом-

Серия антропоморфных, сходных со скульптурками возникших «портативных» изваяний-жезлов, несомненно, являющихся статусными предметами, также достаточно хорошо описана (Ченченкова, 2004, с. 115–122; Самашев, 2012б, с. 23–26; Мерц, 2012, с. 130–135). Возможно, некоторые из них «доживают» и до андроновского, и до бегазы-дандыбаевского (карасукского) времени.

Применительно к рассматриваемой серии нельзя не упомянуть и удивительные находки из Таримской впадины в Синьцзяне (Восточный Туркестан). Природные условия пустыни помогли законсервировать многие культовые предметы, недоступные археологии степной Евразии. К их числу относятся антропоморфные деревянные скульптурки, миниатюрные куклы-идолы, одетые в роскошные одежды, и небольшая деревянная маска из могильника Сяохэ, основу иконографии которой составляют гипертрофированный треугольный нос и большие глаза (Qi Xiaoshan, Wang Bo, 2008, p. 22–27, 92).

Представляется, что ритуальная целесообразность и семантическое значение рассматриваемых миниатюрных скульптурок-моделей, петроглифов на скалах и монументальных антропоморфных стел погребальных памятников совпадают, как совпадает их коммуникативная функция, а причина их использования определялась, скорее, условиями обитания каждого конкретного клана: мобильный образ жизни диктовал использование в ритуальной практике «портативных» идолов или жезлов. Стационарное же размещение социума в комфортной экологической нише приводило к установке монументальных каменных изваяний, притом что святилища с петроглифами использовались как родовые, общинные храмы, дорога к которым всегда была доступна рядовым (и не очень) пастухам. Судя по всему, такие храмы располагались в местах наибольшей концентрации и плотного расселения древних кланов или в местах их родовых кочевий: пастбищ и речных долин первопредков, оберегаемых их духами.

3.1.1.2. Изобразительные ряды и фрагменты кода. Репертуар образов этой традиции достаточно устойчив. Центральное место занимает «птице-головой» антропоморфный персонаж в некой маске. Он изображен с отходящими от головы «лучами», «перьями», с «птичьей головой» (Тас-Хааза), часто показан большой нос, руки и пальцы разведены в стороны, различны элементы одежды со свисающими вниз «кистями». Женщина представлена в образе матери-прародительницы в соответствующих позах и одеждах трапециевидной формы (Алтай, Монголия). Особое место занимает образ первопредка-возничего, изображенного как в петроглифах, так и в мелкой пластике. Семантически близки изображения повозок, которые представлены в это время двумя типами: четырехколесными телегами с открытой грузовой платформой, фургонами (Знаменка, Кулжабасы)

кельтом, кинжалом-ножом и золотыми украшениями — височными подвесками в полтора оборота (Кукушкин А. И. и др., 2015, с. 135–141, фото 3–4).

и двуколками — двухколесными экипажами на сплошных дисковых колесах (Минусинская котловина, Акбаур). Все известные в этой традиции повозки изображены только на сплошных дисковых колесах, без спиц. Примечательно, что телеги запряжены парой поджарых быков и показаны с сидящим возничим (Знаменка), одним стоящим возничим (Байконур) или двумя сидящими возничими (Кулжабасы). Двуколки, напротив, изображены чаще распряженными, без возничих и представлены в двух видах: с центральным дышлом (Акбаур) и с дышлом А-образной конструкции кузова (Аскиз).

Реконструируются следующие фрагменты изобразительного ряда: ...=> «птицеголовой» персонаж (первопредок — мужчина, или возничий, или женщина) => повозка на дисковых колесах (фургон, или телега, или двуколка) => бык (массивный или поджарый, на юге — верблюд) => птица (журавль) => крестообразные или фаллические знаки =>...

Представляется, что следующая изобразительная традиция эпохи бронзы Сарыарки, андроновская, как и другие изобразительные коммуникации социумов средней и поздней бронзы Центральной Азии, развивалась на основе этой яркой и самобытной ямно-афанасьевской художественной традиции периода энеолита и ранней бронзы, носители которой во второй половине III тыс. до н. э. расселились по всему Великому поясу степей Евразии²⁷.

Южный импульс распространения этой традиции, сохранившей значительную шумерскую составляющую, достиг Центральной Азии через племена Бактрийско-Маргианского археологического комплекса (Сарианиди, 2010). В заимное вливание и поразительное сходство сюжетов из раскопок Гонура и центральноазиатских петроглифов уже отмечалось исследователями (Рогожинский, 2011а, с. 87–99; Марьяшев, 2011, с. 36–40). Оно нашло яркое выражение в древнейших петроглифах Саймалы-Таша в виде самобытного «битреугольного» стиля (Шер, 1980а). Соединение этих двух импульсов в Туране, в Урало-Казахстанских степях, в Сарыарке на рубеже III и II тыс. до н. э., видимо, и привело к возникновению новой — андроновской — изобразительной традиции (Новоженков, 2012б, с. 114–145; 2014е, с. 455–468; 2015г, с. 20–36).

3.1.2. Андроновская изобразительная традиция. В последние годы раскопана значительная серия андроновских могильников и поселений в южных регионах Казахстана в непосредственной близости от святилищ с петроглифами (Карабаспакова, 1987, с. 90–101; Курманкулов, Ермолаева, 2011, с. 80; Марьяшев, Горячев, 2011, с. 313–337; Самашев и др., 2013б;

²⁷ Этот вывод убедительно подтверждается новейшими данными антропологов и палеогенетиков. Серийный анализ ДНК носителей ямной общности, проведенный недавно международной группой исследователей под руководством датского профессора Эске Валерслева, подтвердил факт расселения ямного населения на огромном степном пространстве Евразии. См. подробности: дискуссия на сайте Генофонд.рф (Новоженков, 2015д). В ближайшее время ожидается подобное исследование ДНК носителей андроновской КИО.

Самашев и др., 2014; Shvets, 2012). Это крупные, насчитывающие многие тысячи изображений скопления петроглифов в отрогах хребта Каратау (Сауыскандык, Баганалы), Ешкиольмес, Баянжурек, Ойжайляу; особенно — Тамгалы и Баганалы (Рогожинский, 2011б; Самашев и др., 2013б, с. 71–88), где совершенно очевидно, что петроглифы эпохи развитой бронзы и расположенные рядом андроновские могильники и поселения составляют единый культурный комплекс. Отметим случаи находок изображений на плитах оград и даже на стенках каменных ящиков в андроновских памятниках — могильниках Тамгалы в Чу-Илийских горах и Самара в Сарыарке (Рогожинский, 2001, с. 7–44; 2009, с. 53–65; 2011б, с. 10–37; Ткачёв, 2002, рис. 159). В 2015 г. экспедицией под руководством И. А. Кукушкина в процессе исследования андроновского могильника Бесоба обнаружены новые знаки — крест и восьмилучевая звезда, выбитые на плитах ограды кургана (Кукушкин, 2015; см. *Каталог...*, рис. 104). Они имеют аналогии в петроглифах Восточного Казахстана (Марсадолов, Самашев, 2000, рис. 7), Киргизии (Tashbaeva, 2001, рис. 95), Тывы, Северо-Западной Монголии (Окладников, 1980, рис. 155), Северного Пакистана (Bemann, König, 1994, fig. 126-2; 141-7) и в ряде других местонахождений (Shvets, 2012, taf. 84). Накоплена уже значительная серия радиоуглеродных калиброванных датировок для этих памятников, которые существенно увеличивают возраст всего блока составляющих андроновскую культурно-историческую общность (область) археологических культур до рубежа III и II тыс. до н. э. (Епимахов и др., 2005, с. 92–102). Определенно выделяются изобразительные памятники в степном и горно-степном ландшафтах, географически наиболее близкие основному ареалу распространения андроновских могильников и поселений в Сарыарке, рассматриваемых на этих страницах.

Другую группу таких памятников составляют местонахождения петроглифов — святилища, расположенные на периферии Сарыарки и на сопредельных территориях (в предгорных и горных ландшафтах на юге, востоке Казахстана, в Прикаспии, на Южном Урале, Алтае, в Южной Сибири, Сынцзяне), свидетельствующие о территориальной экспансии и фиксирующие пути внешних коммуникаций андроновской культурно-исторической общности (Новоженков, 2012б, с. 114–145; 2014е, с. 455–468; 2015г, с. 20–36).

3.1.2.1. Изобразительные ряды и фрагменты кода. «Солнцеголовый» герой — ключевой персонаж этой традиции (Рогожинский, 2009, с. 53–65; 2011б). Солярное божество в андроновских петроглифах соответствует основным функциям космогонии индоиранцев. Это божество Солнечной династии управляет колесницами, присутствует на алтарных композициях изобразительных памятников. Некоторые исследователи связывают этот образ с богом Митрой из индоевропейской мифологии (Акишев А. К., 1984; Рогожинский, 2009; Кузьмина, 2012, с. 127–133).

В настоящее время известно более четырех сотен колесничных петроглифов — изображений пароконных колесниц и других типов повозок на скалах. Раскопано, детально изучено и датировано современными методами уже более полусотни реальных археологических памятников с остатками пароконных колесниц, оружия колесничих и их снаряжения (Зданович, 1988; 1989; 1997; Чечушков, 2013, с. 14–19). Очевидно, что артефакты, обнаруженные в этих раннеандроновских могилах и запечатленные на скалах, — наиболее яркий диагностирующий признак наличия изобразительной традиции и ее датировки. Действительно, многие типы вооружения из раннеандроновских могил изображены в композициях на скалах: колесницы, копья, наверхия палиц-дубин, топоры-чеканы, ножи-кинжалы, щиты (?) и различные типы луков (Новоженов, 2012б, с. 137–140). Ни одна из известных в настоящее время на территории Центральной Азии синхронных археологических культур не может предоставить столь полного набора хорошо датированных артефактов, полностью совпадающих с изобразительным рядом (кодом) этой изобразительной традиции.

Фрагменты кода этой традиции реконструированы следующим образом: ...=> «солнцеголовый» персонаж в канонизированных позах (или мужчина с хвостом, в ряде случаев заканчивающимся «шаром», и подчеркнутым признаком пола) => колесница (на колесах со спицами, запряженная конями в стандартной позиции «спинами друг к другу», а сама повозка исключительно в позиции «вид сверху») => разные типы вооружения => лошадь с «чёлкой», детализированной гривой (хвостом) => тучные быки с выгнутыми вперед большими рогами => верблюды => солярная символика (крестообразные знаки) =>...

Чтобы проиллюстрировать выделенный изобразительный код, рассмотрим подробно изображения двух пластов эпохи бронзы, находящихся в тех слоях байконурских петроглифов, которые были выделены стратиграфическим методом (*см. выше*). Эти пласты состоят из очень похожих петроглифов, которые, тем не менее, перекрывают друг друга и, очевидно, представляют последовательное развитие манеры изображения одних и тех же персонажей на протяжении времени. Условно назовем более древний пласт изображений «андроновским», а более поздний — «бегазыдандыбаевским (карасукским)» (Новоженов, 2002, с. 34–51; 2012б, с. 114–145; 2014е, с. 455–468; 2015г, с. 20–36).

Для более раннего пласта характерны описанные выше фигуры антропоморфных «солнцеголовых» существ, животных со связанными ногами, палиценосцев, «ряженных», адорантов, мужчин с «хвостами» и подчеркнутым признаком пола. Данной группе свойственна «натуралистичная» манера изображения, преобладают статичные позы. Это многочисленные сцены охоты с показанными типами вооружения, повозками и колесницами, эротические сцены, композиции, иллюстрирующие некоторые ритуалы (ашвамедха, раджасуя), описанные в Ригведе и Авесте.

Особенностью многих фигур лошадей, отнесенных к этому изобразительному коду, является подчеркнутая грива, в некоторых случаях нависающая над головой в виде «челки». Именно так показаны лошади, запечатленные в бронзе на скульптурных навершиях металлических предметов и оружия из памятников елунинско-сейминско-турбинского круга (Черных, Кузьминых, 1989, с. 122; Кузьминых, 2011, с. 240–263; Грушин, 2012, с. 224–228; Молодин, 2014).

География аналогий в сейминско-турбинском стиле поражает своими масштабами (от мелкой пластики и петроглифов Минусинской котловины и Алтая до южного берега озера Иссык-Куль), охватывая Урало-Казахстанские степи, территорию Сарыарки и Жетысу (Винник, Кузьмина, 1981, с. 48–53; Акишев, Акишев, 1983; Черников, 1960, с. 85–86, 88; Пяткин, Миклашевич, 1990, с. 147, рис. 1–8). Найдены они и в предгорьях Уральских гор, в петровско-синташтинских (Зданович, 1988, с. 138) и Покровских курганах в Поволжье (Бочкарёв, 1986, с. 107–109); в Молдове; на поселении металлургов Акмая в Сарыарке (Кадырбаев, Курманкулов, 1992, с. 66, рис. 34:1) и в других алакульских памятниках (Кукушкин, 2011, с. 110–116). Наконечники копий «с крючком» елунинско-сейминско-турбинского типа обнаружены, кроме того, в памятниках Центральной равнины Китая (Грушин, 2012, с. 227–228; Ковалёв, 2012а, с. 49–56; Новоженев, 2012а). И это притом, что в перечисленных районах собственно елунинские или сейминско-турбинские могильники или клады неизвестны, но хорошо представлены андроновские и рассматриваемые изобразительные памятники.

География находок елунинско-сейминско-турбинских изделий в несколько раз территориально превышает собственно ареал предполагаемой локализации и концентрации указанного типа памятников в предгорьях Алтая и может быть связана с территориальным распространением андроновской изобразительной традиции и ее носителей на раннем этапе.

Канонизация и классическое оформление андроновской изобразительной традиции происходит во второй половине II тыс. до н. э. (и особенно в XIII–XI вв. до н. э., т. е. в третьей четверти второго тысячелетия), о чем свидетельствуют синхронные петроглифы Тамгалы, Баганалы и радиоуглеродная датировка раскопанных там поселений и могильников (Рогожинский, 2011б, с. 181–206; Самашев и др., 2013б, с. 71–88). Таким образом, внутри андроновской изобразительной традиции выделяются два периода: ранний — «сейминско-турбинский», связанный с синташтинскими и петровскими памятниками, датированный первой четвертью — первой половиной II тыс. до н. э.²⁸, и классический, связанный с алакульскими

²⁸ Хронологическую позицию памятников этого периода в Сарыарке определяют радиоуглеродные калиброванные даты могильников Ащису и Сатан (см.: Кукушкин, 2011; Новоженев, 1989), однако для определения абсолютных календарных дат этих памятников и их синхронизации требуются более значительные серии датировок, в том числе их калибровка другими, например дендрохронологическими, методами. Фактор повышенного естественного радиационного фона в этом регионе и близость Семипала-

и фёдоровскими памятниками, датированный второй половиной — третьей четвертью II тыс. до н. э. (Новоженков, 2012б, с. 114–145; 2014е, с. 455–468; 2015г, с. 20–36).

Андроновская орнаментальная традиция развивается параллельно с изобразительной по своим собственным коммуникативным правилам. Здесь также выделяется ранний этап, связанный с декорами из памятников синташтинско-петровского типа, например могильника Бестамак (Логвин, Шевнина, 2011, с. 349–359, рис. 4–5). Классические андроновские орнаменты: заштрихованные треугольники, меандры, бегущая волна, свастика на дне — характерны для середины — третьей четверти II тыс. до н. э.²⁹. Выделение этнических орнаментальных кодов (устойчивых сочетаний элементов орнамента) и их семантическая интерпретация — задача будущих исследований (Рудковский, 2013).

Андроновская мегалитическая традиция представлена в погребальных конструкциях могильников, проявляется в изготовлении тщательно обработанных плит каменных ящиков и цист, в постройке оградок могильников из крупных, хорошо обработанных каменных плит и в производстве портативных зооморфных (в виде конской головы) и антропоморфных каменных жезлов-пестов. Практически неизвестна традиция установки менгиров или антропоморфных стел.

3.1.3. Карасукская изобразительная традиция. Представляется, что раннеандроновские кланы елунинско-сейминско-турбинского и петровско-синташтинского круга активно продвигались в первой половине II тыс. до н. э. на восток вплоть до Ордоса и Центральной равнины Китая. Их активное взаимодействие с местным монголоидным населением, их метисация стали одной из возможных основ формирующейся во второй половине II тыс. до н. э. генетически родственной карасукской культуры (общности). Под этим социумом понимается вся свита археологических культур карасукоидного облика: еловско-ирменская, бегазы-дандыбаевская и другие, а также собственно карасукская культура — 1440–1130 (1450–1050) гг. до н. э. (см.: Епимахов, 2008, с. 93–96), основные памятники которой локализируются главным образом в Южной Сибири, Монголии и Северном Китае (Ордосе).

Анализ стиля изображений различных животных эпохи бронзы, прежде всего оленей, в центральноазиатских петроглифах и сопоставление их с материалами к ургана Аржан I в Туве позволили профессору Я. А. Шеру выделить особый элемент — треугольный выступ на холке животных. Он является диагностирующим для изображений позднекарасук-

тинского ядерного полигона, возможно, влияют на результаты радиоуглеродного датирования и подлежат обоснованной корректировке. В любом случае необходимы значительные серии радиоуглеродных датировок материалов из синхронных памятников этого региона с целью выявления статистическими методами такого поправочного коэффициента.

²⁹ Впрочем, знак свастики встречается на керамике в петровских и синташтинских комплексах несколько раньше, например в могильнике Бестамак и ряде других (Логвин, Шевнина, 2011, с. 349–360).

ского времени и соотносится с ранним этапом формирования скифо-сибирского звериного стиля (Шер, 1980б, с. 344–346). Предшествующая ему «скелетная» и схематично-упрощенная манера изображения животных, зафиксированная на стенках карасукских могил Минусинской котловины (Ковалёва, 2011, с. 32–42; Филиппова, 1997, с. 62–69) и широко представленная в петроглифах эпохи бронзы Центральной Азии, связывается с передвижениями карасукоидных племен и их изобразительной традицией.

В этот период наблюдается отход от статичности изображений в сторону определенной схематизации и придания динамизма фигурам. Это проявляется в изменении поз животных, в появлении новых элементов: выступов на холке, скошенных вперед ног, стилизованных рогов и округлых контуров. Широко представлены олени, изображенные в стандартной позе — «стоящими на кончиках копыт», подобно байконурскому оленю из второй группы (плита 4, табл. 43). Фигуры животных в этой изобразительной традиции, как правило, выбиты в «скелетном» или «линейном» стиле. Часто наблюдается полное отсутствие детализации изображений, их схематизация, редко показаны половые признаки. Видовой состав животных: лошади, изображенные без гривы, горные козлы, коровы, степные антилопы и олени. К этой группе примыкают изображения коней, переделанные в быков или архаров, и фигуры животных, узнаваемые по манере изображения, близкой звериному стилю.

3.1.3.1. Изобразительный код карасукской традиции очень похож на андроновский, однако имеет ряд принципиальных отличий. Прежде всего это касается трактовки образа человека-самца и всех антропоморфов: нет «солнцеголовых» персонажей, «адорантов», палиценосцев, «ряженных» и прочих «шаманов», которые заменяются здесь условным изображением человека без половых признаков и, вероятно, трансформируются в вид антропоморфных мегалитических сооружений — оленных камней, статуарных антропоморфных стел, символизирующих колесничих-первопредков (аруахов). О значительной роли колесничих в карасукском обществе наглядно свидетельствуют теперь уже многочисленные находки изображений собственно колесниц на внутренних стенках каменных ящиков — карасукских могил, определенно датированных по найденным в них материалам (Филиппова, 1997, с. 62–69).

Вслед за К. А. Акишевым и А. К. Акишевым (1978), Д. Г. Савиновым (2002) мы придерживаемся высказанной ими «колесничной гипотезы», трактующей некоторые конские погребения кургана Аржан I как имитацию погребений с колесницами, включая запряжку четверкой лошадей — квадригу. Детальный анализ погребального инвентаря этих могил с очень большой степенью вероятности принадлежит к развитым типам снаряжения именно колесничных лошадей (Смирнов, 2012, с. 424–431, Шульга, 2008; 2013, с. 16–18; 2015а, с. 83–85; 2015б). Изображение колесницы, выполненное в своеобразной манере, обнаружено на одной из плит кургана

Аржан II (Чугунов, 2008, с. 53–69) и на оленном камне (Волков, 2002, с. 202, табл. 87) из Дарви–сомона в Монголии. Многочисленные изображения карасукского оружия и колесничного снаряжения на оленных камнях позволяют связывать эти мегалитические сооружения с карасукской общностью и развитием во времени ямно-афанасьевской, а затем и «окуневской»³⁰ антропоморфной мегалитической традиции. Кроме установки оленных камней, карасукская мегалитическая традиция проявилась в строительстве монументальных погребальных сооружений — мавзолеев, в том числе бегазы-дандыбаевского типа, радиальных херексуров (Епимахов, 2008, с. 91–96), высоких прямоугольных оград, а в мелкой пластике — в статуэтках из Байкалова II и Торгажака (Ковалёва, 2011, рис. 7а). Заметим, что в последующую эпоху ранних кочевников эта традиция продолжилась в виде установки сарматских и скифских антропоморфных изваяний (святилище Байте на Мангышлаке, например), а в тюркское время она активно проявилась в Сарыарке в виде установки тюркских поминальных оград с антропоморфными каменными изваяниями — «балбалами» (Ермоленко, 2008; Досымбаева, Нускабай, 2012, с. 63–123; Досымбаева, 2013; Курманкулов, Ермоленко, 2014).

Особенность карасукских колесничных петроглифов состоит в изображении упряжных лошадей в профильной проекции (в позиции «одно над другим»), притом что собственно колесница может быть показана не только в традиционном ракурсе «вид сверху». Карасукские колесницы часто показаны распряженными, очень часто сочетаются с изображениями оленей (Монголия, Минусинская котловина) и сюжетом «кони у мирового дерева». Появляются триги и квадриги. Кони также изображены условно, без дополнительной детализации особенностей экстерьера. Встречаются изображения тучных быков и очень редко — верблюдов.

В целом фрагменты карасукского изобразительного кода реконструируются следующим образом: ...=> условное изображение человека без половых различий => предметы вооружения (на оленных камнях) => колесница с особой манерой изображения упряжных коней (или распряженная) => условное изображение лошади => олень с ветвистыми рогами => массивный бык => разнообразные знаки =>...

³⁰ В основе своей — ямно-афанасьевской антропоморфной (статуарной) мегалитической традиции. Согласно мнению многих археологов (В. А. Семёнов, Я. А. Шер, И. П. Лазаретов, Э. А. Новгородова и др.) многочисленные антропоморфные изваяния в Южной Сибири (Тыве, Хакасии) и Монголии, как и синхронные памятники в Восточном Туркестане, первоначально создавались животноводами, пришедшими из западных регионов Евразии. Они принадлежали кругу ямных (афанасьевских) групп населения, возможно, говоривших на тохарском языке. А. А. Ковалёв и Л. С. Клейн предполагают миграцию на восток носителей чемурчекской и катакомбной культур как возможных носителей тохарской традиции. Независимо от изложенных на сей счет гипотез, заключение о продвижении на восток носителей ямной КИО в понимании ее Н. Я. Мерпертом подтверждается современными новыми данными и многочисленными выводами специалистов смежных дисциплин: антропологов, лингвистов, палеогенетиков (см. подробно: Новоженев, 2014а; дискуссия на сайте Генофонд.рф; Allentoft et al., 2015, p. 167–172; см. также: Naak et al, 2015, p. 207–211).

Таким образом, в изобразительных памятниках Сарыарки конца эпохи энеолита и ранней бронзы выделяется ямно-афанасьевская изобразительная традиция (вторая половина III тыс. до н. э. и раньше); в петроглифах эпохи конца средней и поздней бронзы определены два хронологических пласта, соотнесенных с первой половиной — третьей четвертью II тыс. до н. э. и второй половиной II — первой половиной I тыс. до н. э., которые могут быть связаны соответственно с андроновской и бегазы-дандыбаевской/карасукской изобразительными традициями (Новоженков, 2015г, с. 20–36)³¹.

Важной особенностью художественного творчества древнего населения Сарыарки в эпоху бронзы стало сочетание и дополнение разных художественных приёмов и традиций: изобразительных, декоративных, орнаментальных, статуарных и их параллельное развитие. Возможно, наряду с мегалитической традицией, это были разные каналы коммуникации населения, существовавшие в одно и то же время в одном социуме, но которые разными художественными средствами несли одинаковые идеи и образы, воздействуя на общество по-разному. Такая особенность искусства эпохи бронзы — разделение художественных мотивов в орнаментации и монументальном наскальном искусстве, включая образы мелкой пластики, — остается предметом дискуссии и, по всей видимости, может быть объяснена особенностями мировоззрения того времени, спецификой мифологического мышления древних жителей Сарыарки в эпоху бронзы (Shvets, 2012, s. 171–190; Новоженков, 2014а, с. 223–250).

Плодотворной в этом смысле представляется гипотеза профессора Я. А. Шера о связи стиля в древнейшем искусстве с языком художников, которые создавали эти каменные «полотна» и на котором они говорили: различия в стилях (или изобразительных традициях — *прим. В. Н.*) могут свидетельствовать о различиях в языках их создателей (Шер, 2014, с. 23–39; 2015, с. 49–62; см. материалы на сайте Генофонд.рф). Согласно этому предположению, полученная нами картина наскального творчества населения эпохи бронзы Сарыарки может свидетельствовать о присутствии сразу нескольких языков (или диалектов), на которых здесь (и повсюду в Центральной Азии) говорили местные кланы. Это предположение подтверждается данными лингвистов, которые выделяют другие родственные языки: помимо индоиранского языка Авесты, дардский, кафирский и тохарский языки.

Еще в 70-е гг. прошлого века профессор К. Йеттмар (Jettmar, 1975; Йеттмар, 1986) зафиксировал в высокогорных районах Гиндукуша сохранившихся живых носителей кафирского языка и описал их обряды

³¹ При этом вероятно, что на позднем этапе развития андроновской традиции она в течение какого-то времени сосуществует и развивается параллельно с бегазы-дандыбаевской, которая, в свою очередь, сосуществует какое-то время со скифо-сакской, что также может свидетельствовать об их семантической близости и преемственности. Вообще все вышеперечисленные изобразительные традиции эпохи бронзы как бы рождаются внутри, в «недрах» себе предшествующей.

и традиции. Возможно, изобразительный «язык» эпохи бронзы, понятный всем кланам, говорившим здесь на разных диалектах и языках, был общим коммуникативным инструментом этих социумов, помогавшим решать проблемы межклановых коммуникаций, общения, поиска жен, сватовства, торговли, обмена технологиями. В свою очередь, наскальное творчество времен андроновской культурно-исторической общности и эпохи раннего железного века свидетельствует о преемственности археологических культур и художественных традиций, о наличии широких исторических, экономических, геополитических и культурных связей в центральноазиатском регионе, да и во всем степном поясе континента, что повлияло на формирование в эти эпохи общего, едва ли не единого визуального изобразительного «языка»³², понятного повсюду на степных просторах Центральной Азии в течение очень продолжительного исторического периода, объединяющего две великие эпохи в истории Евразии — бронзовый век и эпоху ранних кочевников (Shvets, 2012; Новоженев, 2014а, с. 206–250; 2014е, с. 455–468).

Петроглифы Байконур, группа «Н». Плита 48. Верблюды, лошади и распряжённая двуколка. Фото авторов

³² Примечательны в этой связи устные предания древних греков, которые очевидно передавали из поколения в поколение безымянные народные сказители в греческих полисах. Позднее эти легенды собрал и сохранил для потомков в виде знаменитых сказаний «Илиады» и «Одиссеи» великий греческий «жырау» — Гомер. Точно так же как и в Великой степи, такие предания в поэтическом, вербальном виде сохранялись в древнегреческом социуме несколько поколений и только потом оказались записанными на пергамент или бумагу. Именно в таком виде, на таких носителях они дошли до потомков и вошли в историю человеческой цивилизации.

3.2. Петроглифы ранних кочевников: скифо-сакская изобразительная традиция

В наскальном искусстве Сарыарки лишь изредка, в сравнении с петроглифами эпохи бронзы, прослеживаются художественные образы, хорошо известные в других синхронных изобразительных памятниках ранних кочевников Евразии либо аналогичные серии сакских петроглифов этого же периода в петроглифах Жетысу или в Саяно-Алтае (Байпаков, Марьяшев, 2004; 2008; 2009; 2013, с. 4–20). Ряд исследователей объясняет это литологическими условиями Казахского мелкосопочника, когда подходящие для нанесения изображений, удобные для выбивки ровные и гладкие поверхности скал в Сарыарке оказались заняты в более ранний период петроглифами эпохи бронзы. Кроме этого, существенную роль сыграл экологический (климатический) фактор. У населения Центрального Казахстана в раннесакское время было меньше возможностей ведения комплексных форм хозяйства, и сложившиеся ритмы животноводства определенным образом повлияли на культуру в целом и на древнее искусство (Бейсенов, Марьяшев, 2014, с. 55).

Такое предположение имеет право на существование прежде всего в силу природно-географического фактора и вероятных климатических изменений, произошедших в это время в степи: климат стал более засушливым (Таиров, 2003; 2007; 2015, с. 68–71). Действительно удобных каменных плит-плоскостей, «холстов», расположенных в нужных местах степи, древним художникам в это время было уже явно недостаточно, в сравнении с предгорными и горными южными районами, куда они в это время были вынуждены откочевывать из степи, отправляясь на жайляу, в плодородные высокогорные долины, в том числе и потому, что климат в степи стал более аридным и резко-континентальным³³.

Видовой состав животных, изображенных на скалах в скифо-сакском стиле, ограничен и представлен в основном в натуралистической и частично абстрактной, очень ранней манере (табл. 42; 43). Скифо-сакская изобразительная традиция связывается с выделенным в байконурских петроглифах стратиграфическим методом третьим пластом изображений (см. выше), который представлен животными в уже сформировавшемся скифо-сакском зверином стиле: ноги у животных подогнуты к корпусу, а сами они изображены в динамичной позе. К этому пласту отнесены также изображение оленя со своеобразной трактовкой морды в виде птичьего клюва из Теректы Аулие (Самашев, Байтлеу, Курманкулов, 2013а, с. 105,

³³ Или, что более вероятно, прятаться в этих скрытых от посторонних глаз ущельях и долинах от непогоды, многочисленных врагов, в поисках обильных кормов и воды. Это явление в истории традиционной кочевой культуры казахов называется вертикальным кочеванием (Масанов, 2011).

рис. 34), конь в маске и с «рогом» на голове (Коныржон, плита 5, *табл. 16*; Байконур «Н», *табл. 31*), различные хищники, сайгаки, антилопы, кабаны, архары (Байконур «Н», плита 4, *табл. 44*) и сцены терзания, изображающие нападение хищников на быка (Байконур III, плита 16).

Датирующей является также сцена борьбы двух верблюдов (Байконур II, плита 3, *табл. 45*), которая имеет прямые параллели с сарматской бляшкой из могильника Пятимары I с аналогичным сюжетом и абсолютно совпадает с такой же сценой на скалах хребта Каратау (Кадырбаев, Марьяшев, 1977, с. 209, рис. 108). Примечательно, что на одной плоскости с этими верблюдами на байконурской скале присутствует изящная лошадь с подчеркнутой гривой и нависающей над головой «чёлкой». Техника ее выполнения и уровень патинизации самого изображения ничем не отличаются от этих характеристик и для других фигур этой плоскости, а южные аналогии этого сюжета уводят нас в узбекские и туркменские памятники, например в храмовый комплекс Тоголок 21 (Туркменистан), раскопанный экспедицией В. И. Сарияниди (Новоженков, 2002, с. 4–52, рис. 14).

Таблица 42. Петроглифы Кестелетас. Многофигурная композиция с участием человека в остроконечной шапке. Подновления. Фото авторов

Таблица 43. Петроглифы Байконур, группа II, плита 4а. Олень в «скелетном» стиле. Показана поза на «цыпочках», выступ над лопатками, ветвистые рога. Сохранилась лишь передняя часть изображения. Фото В. А. Новоженова

Таблица 44. Петроглифы Байконур, группа «Н». Архар в изящном стиле перекрывает более ранние фигуры. Фото авторов

Таблица 45. Петроглифы Байконур, группа II, плита 3. Противостояние двух верблюдов и лошадь. Фото В. А. Новоженова

В репертуаре скифо-сакской изобразительной традиции Сарыарки широко представлены типичные для этого времени изображения хищных зверей, кабанов, фантастических хищников, а также оленей с ветвистыми рогами, горных баранов, архаров, сцен терзания.

В петроглифах Коныржон, Байконур «Н» представлен уникальный образ коня в маске и с «рогом» на голове, аналогичный найденным конским маскам с рогами в погребениях кургана Берель на Казахском Алтае (Самашев, 2011), в Пазырыкских курганах (Грязнов, 1950; Руденко, 1960) и превосходно реконструированным К. Алтынбековым (2014). Аналогичные петроглифы лошадей с рогами в сочетании с изображением колесницы-квадриги найдены А. Е. Рогожинским на южной границе Казахского мелкосопочника в Чу-Илийских горах на территории Жамбылской области в урочище Анкельды (Новоженов, 2014а, с. 86–87).

Лошадь в маске с «рогами», изображенная на скале в окрестностях поселка Бесоба, в долине р. Байконур аналогичная найденным коням, погребенным в алтайских курганах пазырыкского времени (могильники Берел, Пазырык, Туэкта и др.), — яркий факт, доказывающий трансформацию былых образов эпохи бронзы и формирование новой мифологии и традиций. Канон изображения, будь это тотемное животное или сцена,

стиль или выбранный сюжет, а в данном случае — изображение коня в ритуальной маске, начинает приобретать в это время новую, необычайную регламентирующую и очевидную магическую силу. Упомянутый выше третий пласт байконурских петроглифов, выделенный на основании стратиграфических наблюдений, полностью соответствует новым канонам скифо-сакского звериного стиля, очевидным новым реалиям в социуме и однозначно соотносится с периодом ранних кочевников.

В свое время К. А. Акишев (1973, с. 43–58) обратил внимание на значительное сходство культуры европейских скифов и азиатских саков, заложив тем самым фундамент изучения их трансконтинентальных коммуникаций. Действительно, сам кочевой образ жизни предопределял основные сферы коммуникативной деятельности ранних кочевников в пределах всего пояса степей Евразии. Культурно-хозяйственный тип их жизнедеятельности предполагает продолжительные кочевки (по сути своей — миграции) всего социума-клана (группы кровных родственников), протяженность которых зачастую составляет несколько тысяч километров, цикличность, т. е. неизбежное возвращение к исходным территориям, «вертикальное» кочевание на плодородные горные пастбища и многие другие особенности (Крадин, 2007; Масанов, 2011).

Новые коммуникации возникали изначально как закономерный результат формирования и успешного функционирования на обширных территориях бюрократических имперских инфраструктур — империи Ахеменидов на западе и китайской империи Цинь Шихуан (ди) на востоке. На огромных степных пространствах меж ними, в среде ранних кочевников Евразии, рождались новые обычаи и традиции. Складывающиеся в этой среде коммуникации определялись различными внутренними факторами формирующихся на этих пространствах социумов (этносов), их уникальной идентичностью и внешними, в том числе брачно-семейными, связями. Приоритет в кочевых социумах вербальной и образной (изобразительной) коммуникативной традиции, в противоположность письменной, как мы это отмечали ранее, также объясняется мобильным способом жизнедеятельности, притом что уже существовали достаточно сложные образцы знаковой коммуникации. Так, письменность ранних кочевников зафиксирована в сакских памятниках Жетысу (иссыкское письмо) и, похоже, теперь близка к прочтению.

Скифо-сакский звериный стиль, его дешифровка и территориальное распространение в синхронных памятниках на огромной территории континента — яркое свидетельство развитых трансконтинентальных изобразительных, а по сути — знаковых и образных, коммуникаций ранних кочевников в этот период.

Феномен происхождения этого стиля, его географическое распространение, расшифровка образов и коммуникативных посланий, очевидно,

находят свои истоки на скалах Сарыарки, ярко демонстрируя преемственность и развитие в местном наскальном искусстве.

Выделенная А. Е. Рогожинским и С. А. Яценко в рамках завершающего этапа существования скифо-сакского звериного стиля новая изобразительная традиция, связанная с кланами юэчжей, свидетельствует о глубокой трансформации и художественном переосмыслении старых образов и рождении в степи новых реалий и культов (Rogozhinsky, Yatsenko, 2015, p. 109–125), притом что образы и предания далеких предков юэчжей — тохаров — бережно сохраняются и перерабатываются их потомками, находя свое новое воплощение в изобразительных памятниках Казахстана этого периода.

Традиционно считается, что в эпоху ранних кочевников наступает время тотального господства верховой и вьючной лошади во всех сферах жизнедеятельности животноводов-кочевников, в отличие от предшествующей эпохи бронзы, когда в хозяйственной и культовой практиках активно использовалась пароконная колесница. Этот тезис, однако, требует некоторого уточнения. Традиция строительства колесниц и колесных повозок на завершающих этапах эпохи бронзы, продолжилась и в карасукское время, и позднее, о чем с большой долей вероятности свидетельствуют изображения колесниц на стенках могил, на оградке кургана Аржан 2, «имитации» погребений с колесницами в кургане Аржан 1, изображения колесницы, карасукского оружия и предметов колесничного комплекса на оленных камнях Восточного Казахстана и Монголии и, конечно же, собственно повозки, найденные в Пазырыкских курганах, и таксайский деревянный гребень с колесницей (Лукпанова, 2014; Алтынбеков, 2014).

Результаты сопоставления данных некоторых источников: лингвистических, изобразительных и археологических, — с целью обоснования в рамках рабочей гипотезы о возможных путях решения проблемы происхождения киммерийцев от носителей карасукоидных культур и прежде всего бегазы-дандыбаевской культуры Центрального Казахстана наглядно подтверждаются данными изобразительных памятников в Сарыарке. В общем, проблема происхождения кочевого народа — киммерийцев — занимает умы многих поколений ученых, а концепция их происхождения из глубинных районов Центральной Азии (так называемая «джунгарская», или «центральноазиатская», гипотеза) находит все больше сторонников. Полученные в последнее время новые данные по истории, хозяйству и изобразительной деятельности ранних номадов Сарыарки позволяют сегодня по-новому взглянуть на роль носителей бегазы-дандыбаевской культуры в глобальных процессах формирования цивилизации ранних номадов и ее распространении по степным просторам Евразии (Новоженков, 2013г, с. 321–329; 2014а).

3.3. Средневековые петроглифы: тюркская изобразительная традиция

Территория Сарыарки в эпоху раннего средневековья (V–VIII вв. н. э.) до времен Арабского халифата всегда была под контролем ранних тюркских кланов и даже большей частью входила в состав территорий «государственного удела» Западного Тюркского каганата — ядро его территории, в противовес «крыльям» — его вассальным и периферийным регионам (ЗТКА, 2013, с. 100–168). К числу внутренних коммуникаций тюрков мы относим изобразительные, фигуративные, эпиграфические источники, тамги как этнические маркеры, а также собственные монеты каганата. Новый импульс в Сарыарке в это время получила мегалитическая (статуарная) традиция изготовления тюркской антропоморфной скульптуры — каменных изваяний «балбалов», повсеместно маркирующих наиболее приметные и плодородные урочища в степи (Ермоленко, 2008; Курманкулов, Ермоленко, 2014; Досымбаева, 2013; ЗТКА, 2013, с. 174–440).

Активное использование вышеперечисленных каналов коммуникации обеспечивало самоидентификацию всех западно-тюркских кланов и их взаимосвязь между собой в рамках единого государства, а также обеспечивало сложные взаимоотношения с подчиненными, вассальными социумами и территориями с распространением в их среде иде и собственного тюркского могущества и кланового превосходства, что, в свою очередь, и позволяло осуществлять такую значительную территориальную экспансию (Крадин, 2007, с. 61–95).

Формирование собственной древнетюркской идентичности отразилось в традиционном искусстве, на которое оказали сильное воздействие новые исторические реалии: господство над соседними оседлыми странами, имперские масштабы и уровень политических контактов. Сложилась яркая и самобытная тюркская изобразительная традиция, в которой отразились все эти новые реалии и достижения. Территориально эта традиция складывалась в том числе и в Сарыарке (Новоженков, 2013д, с. 132–142).

Основу тюркской изобразительной традиции составил ключевой персонаж — вооруженный всадник (знаменосец, степной рыцарь), в широком смысле — героический образ предводителя клана: вождя-кагана, аруаха — первопретка. Запечатленный как символ эпохи также в статуарных памятниках (балбалах, каменных изваяниях) в стандартных, канонических позах и с помощью сходных художественных приемов, этот образ в сочетании с другими персонажами древнетюркского изобразительного ряда широко представлен в культовых, протокольных и бытовых сценах, сюжетах охоты, поединках как в петроглифах, так и в настенных росписях дворцов в южных регионах (Пенджикент, Афрасиаб) и на стенах подземной усы-

пальницы тюркского кагана — мавзолея Майхан-уул в Монголии (Алтынбеков, 2014). Сформировался устойчивый изобразительный канон со своими особенностями стиля и оригинальным репертуаром.

О сложившейся собственной идентичности свидетельствуют также пока немногочисленные находки тюркских родовых тамг в петроглифах, на культовых и утилитарных предметах, в надписях и на монетах, ставших не только показателем развитой системы имущественного владения, но и важным маркером родовой идентификации и этнической принадлежности. Не случайно многие тамги, определенные исследователями как западно-тюркские или тюргешские, находят сегодня прямые соответствия в родовых тамгах некоторых современных казахских родов либо являются их графической основой.

Как яркий показатель развитых внутренних коммуникаций западно-тюркского социума следует рассматривать использование наиболее универсального и развитого способа коммуникации — письменности, зафиксированное в археологических памятниках каганата, и наличие титулатуры правителей, чеканивших свои монеты.

В целом собственная идентичность тюрков опиралась на обретение и осознание ими качественно новых исторических реалий. Закономерным итогом этого процесса стали интенсификация и усложнение внутренних и внешних коммуникаций: упорядочение социальной, сословной структуры, отразившееся в династийно-клановой геральдике (тамгах) и символике престижа (поясных гарнитурах, серебряной посуде, шелках, знаменах и барабанах как атрибутах власти), а также в легендарной генеалогии³⁴.

Это прослеживается и в использовании тюркской рунической письменности, эмиссии денег с династийной геральдикой как следствие идентификации в глобальном масштабе (например, в переходе с согдийского письма на руническое: первое сохранилось для международного общения и хозяйственной жизни, а второе стало в первую очередь мемориальным, пропагандистским, а затем уже использовалось для описания хозяйственных нужд). Этнополитическая интеграция проявилась в долговременной эмиссии денег с династийными знаками. Например, тюргешские монеты ходили вплоть до эпохи Караханидов, а в Согде — до окончательной исламизации населения уже после политического подчинения халифату.

Важное место в этом сложном процессе занимала древнетюркская изобразительная традиция: при всех глобальных переменах она осталась одним из главных каналов коммуникации в степи. В отличие от других источников (археологических и письменных), в наскальном творчестве древних тюрков отразилось многое из утраченного, например повозки (Сауыскандык, Баянжурек, Чулуут, Елангаш, Табангутское обо), которые

³⁴ Например, наделение рода Ашина племени Десяти Стрел («Он ок») тамгами в виде фигурки архара и прочими атрибутами власти (см.: ЗТКА, 2013, с. 50–81 и другие доказательства на страницах этого фундаментального Атласа).

пока еще не найдены в могилах и на поселениях тюрков, а также некоторые виды вооружения тюрков, их важные статусные атрибуты — знамена и штандарты, которые просто не сохраняются в могилах в течение столь продолжительного времени.

Содержание этого творчества соответствующим образом изменилось, ритуал в нем отошел на задний план, кланово-политическая идентификация вышла на авансцену: тамги, престижные образы и сюжеты (всадник-знаменосец, «катафракты», царская или облавная ханская охота, повозки с загадочными седоками под паланкином), не повсеместно распространенные, как думалось нам раньше, а приуроченные своим расположением к местам ставок, особо благоприятным районам зимовок. К этим живописным маркерам культурного ландшафта новой исторической эпохи, язык которых был прост и понятен любому неграмотному коренному кочевнику, добавляется руническая эпиграфика, понятная лишь посвященным и уже потому престижная и почитаемая неграмотным большинством.

Внешние же каналы коммуникации каганата формировались на основании глубинных потребностей традиционного кочевого уклада хозяйства, основанного на постоянном поиске и расширении контролируемых, обеспеченных водой пастбищ, цикличности и значительной территориальной протяженности самих кочевий. Война как унаследованное от древних степных предшественников средство расширения кочевого жизненного пространства приобретает решающее значение в формировании этих коммуникаций. Материальную основу этих внешних коммуникаций, так же как и саму возможность совершать такие длительные миграции, составил ряд прогрессивных и революционных для того времени инноваций, получивших широкое распространение в Западном Тюркском каганате. Именно практическое применение этих инноваций позволило обеспечить военный успех и широкие географические передвижения: прогрессивное снаряжение верховой лошади, колесный транспорт и новые виды вооружения.

В эпоху средневековья лошадь как главное верховое животное окончательно приобретает совершенно уникальную роль. Ее хозяйственное значение фиксируется в Сарыарке на основе археологического материала, начиная с эпохи энеолита и ранней бронзы³⁵. Ритуальная роль лошади как символа силы и власти получила широкое распространение в кочевом обществе всех без исключения степных народов Центральной Азии, что есте-

³⁵ Кости domesticированной лошади на месте энеолитического поселения Ботай, фрагменты колесницы из петровского могильника Сатан, массовые остеологические материалы на позднебронзовых поселениях Кент, Донгал свидетельствуют о массовом использовании лошади в этих социумах (Нурумов, Макарова, 1988; Гайдученко, 2014, с. 300–310), что нашло отражение и в наскальной живописи. В тюркское время процесс поиска максимально эффективного способа использования лошади в повседневной жизни как наиболее приспособленного к местным условиям домашнего животного завершился и конь окончательно стал прочной основой хозяйственной и военной деятельности местного общества.

ственным образом нашло особое отражение в наскальном искусстве древних тюрков.

К числу главных тюркских инноваций относятся прежде всего изменения в конструкции конского снаряжения. В тюркскую эпоху зафиксировано активное использование жесткого типа верхового седла и металлических стремян с соответствующими конструкциями специального и традиционного конского убранства. Эти нововведения, в свою очередь, произошли в тюркской среде в связи с изменением вооружения всадников и необходимостью освободить руки всадника от поводьев для использования разных видов наступательного оружия.

Использование копья с длинным древком, новых типов защитных ламеллярных доспехов и новых видов рубящего оружия типа меча и сабли непосредственно связано с появлением жесткого седла и стремян, предоставляющих возможность более уверенной посадки на боевом коне.

Перечисленные новации давали тюркам существенные преимущества в тактике ведения верхового боя, позволяя наносить колющие и рубящие удары со значительно большим усилием, стоя, опираясь ногами на стремяна, и закономерно привели к появлению самостоятельного сословия тяжеловооруженных степных рыцарей-копьеносцев — «катафрактов»³⁶. Их прекрасные изображения, опубликованные А. Г. Медоевым, обнаружены в Прибалхашье (Медоев, 1977, рис. 59; табл. 46).

Другим важным средством внешних коммуникаций Западного Тюркского каганата, наряду с верховой лошастью, вероятно, стал колесный транспорт, а точнее своеобразное мобильное жилище — юрта, установленная на колесах, свидетельства использования которой как на запряженной животными платформе с колесами, так и без нее находим в письменных и изобразительных источниках этого периода. Традиция строительства мобильных жилищ на колесах, как и юрт, сохранялась в степи очень длительное время вплоть до этнографической современности. Упоминания о таких повозках-жилищах известны также из путевых заметок многих путешественников, одним из которых был Марко Поло (Поло, 1940).

Эти сведения подтверждают данные письменных источников. Так, в «Истории династии Суй» (581–618 гг.) упоминаются кочевые тюркские племена с общим названием *теле*, которые «при перемещениях пользовались крытыми повозками с высокими колесами», а искусными строителями юрт на колесах называется племя хэйчедзы, что дословно переводится «чернотележники» (Зуев, 2002). Примечательно, что с тюркоязычными племенами *теле* (и их возможными предками — *динлинами*) некоторые исследователи отождествляют носителей *карасукской* (*бегазы-*

³⁶ То есть защищенных броней всадников-копьеносцев на боевых конях, которые также были надежно укрыты доспехами. Часто используемый многими исследователями термин «катафрактарий» не вполне корректен, поскольку неправильным образом трактует оригинальные древнеримские и древнегреческие термины (подробнее см.: Нефедкин, 2011, с. 14).

дандыбаевской) культуры (Киселев, 1949; Тазағілі, 2003; 2004; Новоженев, 2013г, с. 321–329; 2013д, с. 132–142; 2014а, с. 250–264).

Таким образом, в тюркское время главным коммуникатором в повседневной жизни социума оставалась верховая лошадь, используемая в хозяйственной, военной и культовой деятельности тюрков. Археологические находки, происходящие из раскопанных тюркских захоронений, демонстрируют высокий технический уровень снаряжения погребенных верховых коней и развитые виды вооружения тюркских всадников. Эти и другие перечисленные выше достижения тюрков, наряду с и имеющими утилитарное, практическое применение тамгами-маркерами территорий и собственности, нашли свое законное место и на скалах Сарыарки, проявились в установке многочисленных тюркских поминальных оградок с каменными «бабами» на бескрайних просторах Казахского мелкосопочника — Дешт-и-Кыпчака.

Петроглифы Байконур, группа «Д». Плита 1. Фрагмент. Женщины и лошадь. Фото В. А. Новоженев

В целом очевиден вывод о том, что все известные в регионе сюжеты на скалах и все художественные традиции с древнейших времен до этнографической современности, отразившиеся в петроглифах Сарыарки, непосредственно отражают экономико-географические, хозяйственные и мировоззренческие особенности поступательного развития коренного населения региона. Не встречаются или редки здесь изображения лосей, жилищ или плуга, а также символов и знаков известных мировых религий.

В истории наскального искусства Сарыарки выделяются несколько последовательно сменявших друг друга изобразительных традиций, которые напрямую связаны с ключевыми этапами (эпохами) в истории местного населения: ямно-афанасьевская изобразительная традиция (включающая в себя художественную и мегалитическую традиции) — вторая половина III тыс. до н. э.; андроновская традиция (внутри которой развивались самостоятельные художественные стили и традиции: раннеандроновский [сейма-турбинский] стиль и собственно андроновский [поздний этап]) — II тыс. до н. э.; карасукская, или бегазы-дандыбаевская, изобразительная традиция («прототюркский» период) — X–VII вв. до н. э.; сакская изобразительная традиция (в недрах которой формировался и развивался классический скифо-сакский звериный стиль) — VI–II вв. до н. э., а также уникальная тюркская (V–VIII вв.) и собственно казахская (XIV–XIX вв.) изобразительные традиции.

При этом в недрах индоевропейской, индоиранской по сути, изобразительной традиции эпохи бронзы на ее финальном этапе развития формируется новая — назовем ее условно «прототюркская» (или бегазы-дандыбаевская/карасукская) — изобразительная традиция, которая, очевидно, развивается параллельно скифо-сакской традиции и сосуществует с ней в разных формах, в результате чего они взаимно обогащаются. В силу кочевого уклада хозяйства носителей этих двух традиций их изначальное территориальное происхождение и формирование было подвижным и пока не может быть четко локализовано современными методами на основании существующей источниковой базы.

Совершенно очевидно, что бескрайние просторы Сарыарки стали тем местом, где эти традиции развивались и обогащались, став важным способом коммуникации местных социумов. На последующих этапах развития эти традиции постепенно оформляются в самостоятельные изобразительные каноны, которые образуют новые господствующие изобразительные традиции известных в местной истории этносов: саков (тасмолинцев), сарматов (савроматов), западных тюрков, кыпчаков (половцев), а позднее и казахов. Вместе с тем проблемы абсолютной хронологии и датировки петроглифов Сарыарки, так же как и их дешифровки и этнокультурной атрибуции, все еще очень далеки от разрешения и требуют дальнейшего серьезного внимания исследователей.

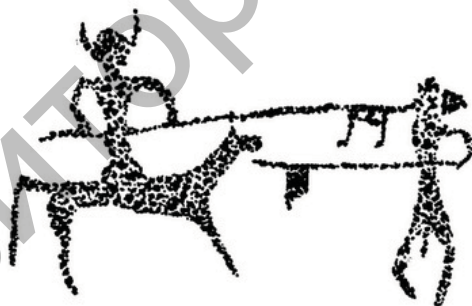

Таблица 46. Петроглифы Северного Прибалхашья. Сарыбулак. Степные вооружённые рыцари – тюркские катафракты. Прорисовка А. Г. Медоева (Медоев, 1979, табл. 59.)

Глава 4. Презентация наскального искусства в туристическо-экскурсионной деятельности

В настоящее время остро стоит вопрос об усовершенствовании практики изучения, сохранения и практического использования памятников наскального искусства Сарыарки. Задача документирования изобразительных памятников актуальна, но не менее важной является необходимость их сохранения. Кажущаяся прочность и монументальность петроглифов лишь иллюзия — они очень уязвимы и подвержены риску разрушения: хотя фигуры и выбиты на поверхности твердых пород, они нестойки к продолжительным внешним воздействиям, таким как атмосферные осадки, ветровая эрозия, мхи и лишайники, резкая смена температур, разрушение скальных пород. Как показал проведенный в 2015 г. мониторинг памятников наскального искусства региона, петроглифы постоянно и упорно разрушаются невежественные посетители и своими «автографами», и попытками повторить образы прошлого (табл. 47; 48).

В последнее время местонахождения петроглифов Карагандинской области все чаще посещаются туристами. Как уникальные шедевры первобытного наскального искусства эти памятники имеют удивительную привлекательность: они позволяют при желании осознать свою собственную принадлежность к былым эпохам и приобщиться к миру древних людей.

Таблица 47. Петроглифы Тасуткель. Долина реки Тамды. «Автографы» посетителей, покрывающие скалу с древними петроглифами. Фото В. А. Новоженова

Некоторые музеи области активно используют в своей экспозиционной деятельности плиты из местонахождений петроглифов Сарыарки в качестве экспонатов. Яркость образов, динамизм сцен и композиций неизменно вызывают интерес экскурсантов. Проведенное нами в 2015 г. обследование позволило выявить факты наличия подлинных плит с петроглифами в основных и вспомогательных фондах ряда музеев. Напомним, что еще в 1915 г. Н. С. Воронец привезла в Исторический музей Москвы два байконурских камня с изображениями животных и людей. К сожалению, новые попытки обнаружить эти плиты в ГИМе оказались такими же безрезультатными. Личные контакты между археологами уже не работают, как это было раньше: требуются официальные запросы властей и межгосударственные переговоры по этим вопросам.

Таблица 48. Петроглифы Зынгыртас. Образец современного наскального творчества. Фото авторов

Сходная история произошла и со знаменитым «камнем Тимура». Этот обломок плиты с надписями на двух языках (билингва), найденный в августе 1935 г. казахстанским геологом, будущим академиком К. И. Сатпаевым в районе гор Улытау во время одной из его экспедиций, был вывезен в Ленинград (ныне Санкт-Петербург) и в настоящее время хранится в Эрмитаже. В том месте, где он найден (в районе сопки Алтыншоки северо-западнее гор Улытау, в 90 км к западу от трассы Жезказган-Аркалык, в 80 км западнее поселка Саят), теперь воспроизведена точная копия надписи: три строки на арабском и восемь строк на чагатайском языке.

Но «камень Тимура» хотя бы не утрачен и регулярно изучается специалистами. Согласно недавней уточненной версии перевода, предложенной научными сотрудниками Эрмитажа А. П. Григорьевым, Н. Н. Телицыным и О. Б. Фроловой, арабская надпись имеет следующее содержание: «Во имя Аллаха милостивого, милосердного! Владыка сущего, Святилище истины. Неусыпный защитник, Всесильный и Всемогущий, Премудрый даритель жизни и смерти!». Чагатайская надпись в переводе этих авторов звучит так: «Лета семьсот девяносто третьего, в средний месяц весны года овцы [6 апреля 1391 г.], султан Турана Тимур-бек поднялся с тремя сотнями тысяч войска за ислам на болгарского Тохтамыш-хана. Достигнув этой местности, он возвел этот курган, чтобы был памятный знак. Даст Бог, Господь да свершит правосудие! Господь да окажет милость людям страны! Да помянут они нас молитвой» (От Алтая до Каспия, 2011, с. 535–537).

Эта находка является свидетельством реальных событий 1391 г. — похода Тимура против золотоордынского хана Тохтамыша. В «Книге побед», «Зафар наме», написанной в первой четверти XV в. Шереф-ад-дином Али Йезди, об этом эпизоде истории похода Тимура в Дешт-и-Кыпчак рассказывается так: «В среду 21 (упомянутого) месяца (15 апреля) они пришли к горе, известной под именем Кичик-таг, и, откочевав оттуда, через 2 ночи в пятницу остановились в местности Улук-таг. Для радостного обозрения той степи Тимур взошел на вершину горы; вся равнина сплошь зеленела. Он пробыл там тот день, (затем) вышел высокий приказ, чтобы воины принесли камней и на том месте поставили высокий знак, вроде маяка. Искусные каменотесы начертали на нем дату тех дней, чтобы на лице времени осталась памятка» (От Алтая до Каспия, 2011, с. 535–537). В настоящее время сопка Алтыншоки с копией этой надписи включена во все путеводители области как объект посещения для туристов.

Два валуна с петроглифами Зынгыртаса в 70-е гг. прошлого века перевезены в Алматы, и один из них, сильно испорченный проведенной «реставрацией», был выставлен в экспозиции Музея национальных музыкальных инструментов (Новоженков, 2002, с. 8). После очередной реконструкции музейной экспозиции он перемещен во вспомогательные фонды (подвалы) музея. Сохранились ли эти камни в музее, нам неизвестно. Нынеш-

ние зрители ничего по этому поводу сообщить не могут. И здесь требуются официальные запросы и разрешения.

В Балхашском историко-краеведческом музее находится обломок плиты с гравюрой джейрана из урочища Саяк, выполненной в скелетном стиле и датируемой эпохой ранних кочевников (Медоев, 1979, табл. 48). В фондах музея археологии и этнографии Карагандинского университета имени академика Е. А. Букетова хранится плита с изображением «солнце-голового» персонажа, верблюда и лошадей, обнаруженная в 2004 г. Ж. Е. Смаиловым³⁷ в ходе археологического обследования долины реки Байконур. Плита находилась в аварийном состоянии и фактически разрушилась, расслоившись на 12–15 плоскостей из-за поперечных трещин. Произведенная реставрация позволила сохранить ценное изображение сцены с «солнцеголовым» человеком и использовать ее для научных заключений (Самашев, 2010, с. 21)³⁸.

В музее Талдинской средней школы представлены две небольшие плиты с изображениями животных, привезенные местным краеведом с местонахождения Шаматай. При всем уважении к такому неподдельному интересу к родной истории все же заметим: лучше оставлять эти плиты на своих законных местах, а в музеях выставлять их качественные копии, муляжи и фотографии, как это сделали в школе № 8 поселка Бесоба, где на плакатах и стендах совершенно замечательного школьного краеведческого музея достойное место занимают цветные фотографии местных петроглифов Коныржон.

В Музее истории горного и плавильного дела, расположенном в поселке Жезды, выставлен муляж-инсталляция с петроглифами, которые являются точной копией изобразительных со скальных «полотен» Байконура, сделанной современным художником на обломках местного плитняка. В экспозицию этого музея включен также байконурский валун, который местные жители называли «Балуан» (табл. 49). По сообщению сотрудников, камень использовался для демонстрации силы и ловкости местными батырами из среды работников Байконурских угольных копей еще в начале XX в. и у него уже есть собственная история, современная. Сейчас камень расположен на постаменте под открытым небом и снабжен пояснительной этикеткой на трех языках. Композиция на камне включает в себя изображения лошадей, колесницы, быков, расположенных вкруговую³⁹. Петро-

³⁷ Первый директор САИ при Карагандинском государственном университете имени академика Е. А. Букетова.

³⁸ В этом же музее представлена инсталляция, выполненная в свое время В. А. Новоженовым на пенобетоне, стилизованном под скальные плоскости, презентующая точные копии петроглифов Каркаралинского района.

³⁹ Внешнее обследование и состояние этого камня (округлые, «замытые» края) показали, что он долгое время находился в воде, вероятно, в свое время оторвавшись от основного массива скал с петроглифами и упав в одну из стариц реки Байконур, там подвергался длительному воздействию волн и в начале прошлого века был извлечен из воды местными батырами в качестве спортивного снаряда, став с той поры

глифы на камне сильно разрушены и едва различимы, патина имеет следы «потертости». Техника выполнения изображений — мелкоточечная в ыбивка и шлифовка.

Таблица 49. Петроглифы Байконур. Камень силачей «Балуан». Музей истории горного и плавильного дела в пос. Жезды. Фото авторов

Подлинные плиты с петроглифами, привезенные из долины р еки Байконур, представлены в новой экспозиции Национального историко-культурного и природного музея-заповедника «Улытау»⁴⁰, где они совмещены с широкоформатными фотопанно, на которых уникальные многофигурные композиции представлены в натуральную величину. Яркие сцены и образы наскальных «полотен» использовались не только для оформления интерьера музея, но и для изготовления сувенирной продукции с наскальной символикой.

В Жезказганском историко-археологическом музее находится плита, привезенная из группы петроглифов Байконур II, на которой изображен двугорбый верблюд — бактриан, выполненный в точечной технике с частичной шлифовкой. Этот персонаж является наиболее характерным для данного местонахождения петроглифов.

Однозначно реагировать на факты, подобные приведенным выше, достаточно сложно. Следствием плохой сохранности памятников на данном этапе зачастую являются утраты — невозполнимая потеря многих петроглифов, плиты с которыми, в силу неумолимых и неизбежных природных процессов, регулярно отваливаются от скальных массивов, где выбиты

достоянием современной истории Байконурских угольных копей Спасского английского акционерного общества.

⁴⁰ Новая экспозиция музея размещена в специально построенном здании, расположенном в самом центре поселка Улытау.

изображения, падают вниз, разрушаются и превращаются в щебень. Вполне понятна логика музейных работников, которые предпочитают сохранить такие упавшие плиты с петроглифами в своих экспозициях или фондах и, пытаясь не допустить их полной и окончательной утраты, увозят их к себе в музей, а не домой, как какие-нибудь неустановленные «почитатели старины глубокой». Не секрет, что многие плиты с петроглифами бесконтрольно перемещаются с места на место посетителями, а порой и забираются в качестве сувениров местными жителями и неорганизованными туристами. В этом и есть главное отличие: одно дело, когда плиты с петроглифами остаются в собственности государства и продолжают быть достоянием нации в экспозициях музеев, и совсем другое, когда они становятся объектами частных коллекций или, что еще хуже, предметом купли-продажи. При существующем ныне отношении к изобразительным памятникам уже в самом ближайшем будущем будет утрачена значительная часть изображений и памятники первобытного искусства Сарыарки просто перестанут существовать⁴¹. Необходимо проводить постоянную разъяснительную работу в школах, вузах, колледжах, через средства массовой информации, а также обеспечить реальную охрану этих объектов и их регулярный мониторинг.

Например, сотрудники Жезказганского историко-археологического музея не только работают с посетителями, презентуя богатую экспозицию своего музея, но и проводят выездные экскурсии для туристов и паломников на святилище Теректы Аулие, обеспечивая в ряде случаев трансферы, размещение и питание. Если подойти к этой ситуации системно и современно, то в Карагандинской области можно активно развивать историко-культурный туризм, объединяя в единую программу экскурсии по музеям и посещение археологических объектов, в том числе ближайших местонахождений петроглифов.

Древние «полотна» невозможно рассматривать вне природной среды и археологического окружения, о чем писал еще А. Г. Медоев, который одним из первых определил памятники наскального искусства как своеобразные природно-культурные ландшафты и реальные объекты искусства. В перспективе святилища с петроглифами должны стать «музеем под открытым небом», что влечет за собой необходимость разработать правовые аспекты использования, мониторинга и охраны этих шедевров нашего культурного наследия, вечного достояния нации, их грамотную презентацию, а также систему контроля за самим процессом осмотра изобразительных памятников.

Перспективной может стать идея создания виртуального музея и постоянно действующей интерактивной выставки шедевров наскального

⁴¹ Мировое сообщество справедливо обвиняет исламских фундаменталистов в массовом разрушении памятников культурного наследия человечества в Сирии и Ираке, в преступной торговле древностями. У нас эти памятники преступно разрушаются в мирных условиях.

искусства Сарыарки — специального сайта во Всемирной паутине, на котором будут презентоваться все собранные материалы о наскальном искусстве Сарыарки. Такой сайт вполне могли бы создать уполномоченные государственные структуры области, а поддерживать и пополнять — квалифицированные ученые.

Существуют многочисленные положительные примеры из мирового опыта. Наскальные изображения бронзового века презентует Музей Альты в Норвегии — один из культурных центров на севере страны, создающий в регионе дополнительные рабочие места (по этой причине местное население — его самый активный сторонник). В Альту — отдаленную, прежде малоизвестную местность — в настоящее время ежегодно приезжают десятки тысяч туристов: в 1998 г. Музей Альты признан лучшим музеем петроглифов в мире. Однако даже этот благополучный музей не приносит коммерческой прибыли, достаточной для его содержания. Музей дополнительно финансируется из государственного бюджета Норвегии, а также различными благотворительными фондами. Опыт положительного решения проблемы охраны и использования в туризме памятников наскального искусства есть у России, Азербайджана и некоторых регионов Казахстана.

В России хорошим примером является презентация петроглифов Белого моря («Бесовы следки»), которые активно используются в туристических целях. Для защиты памятника от атмосферных воздействий здесь установлен металлический ангар. Всемирную славу снискал специализированный музей-заповедник «Томская писаница» в окрестностях города Кемерово (Южная Сибирь), где собраны уникальные копии древних изображений из многих регионов Центральной Азии и регулярно проводятся выставки фотографий, эстампажей, мультимедийных копий из других музеев.

В 2003 г. в нашей стране начал деятельность Центр по исследованию и реставрации памятников наскального искусства, созданный на базе Государственного историко-культурного и природного музея-заповедника «Тамгалы» (Танбалы). В 2004 г. этот уникальный памятник был включен в Список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО в номинации «Исключительное свидетельство исчезнувшей степной цивилизации, важными характеристиками которой стали чрезвычайно высокая степень адаптивности к окружающей среде, гармония с природой и экологически безвредное использование природного ландшафта (критерий iii)».

В последнее время здесь идет работа над созданием Визит-центра, разработаны маршруты посещения и, главное, определены границы охранной зоны самого изобразительного памятника и территории музея-заповедника. Сотрудниками музея накоплен определенный опыт сохранения и презентации наскального искусства. Одно из важных научных направлений деятельности центра — дальнейшее исследование памятника, консервация и реставрация петроглифов Тамгалы. На регулярной основе

действуют оборудованные маршруты, смотровые площадки и проводятся экскурсии по памятнику, что способствует развитию внутреннего туризма в регионе (Рогожинский, 2011д, с. 28–46).

В настоящее время в Список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО включен 41 уникальный памятник наскального искусства. Помимо Тамгалы (Танбалы), в него входит Сулайман-Тоо в Кыргызстане (2009 г.) и Монгольский Алтай (2011 г.). В 2015 г. Казахстан предложил для включения в предварительный список комплекс петроглифов Сауыскандыка (Каратау). Номинируются на включение в список ЮНЕСКО и два российских объекта — Шульган-Таш (Капова пещера) в Башкортостане и Сикачи-Алян в Хабаровском крае.

С точки зрения администрирования, т. е. управления материальным культурным наследием, исключительное значение имеет сам процесс признания эстетической и культурно-исторической ценности изобразительных памятников (Рогожинский, 2011д, с. 28–46), который включает в себя системные, последовательные и обязательные процедуры и этапы:

- составление унифицированной документации;
- привлечение признанных ЮНЕСКО экспертов мирового уровня;
- разработку стратегии администрирования и развития памятника в плане дальнейшего изучения, консервации, реставрации и сохранения петроглифов;
- развитие инфраструктуры памятника как объекта массового посещения;
- охрану и повседневную эксплуатацию памятника как культурного объекта;
- музеефикацию памятника;
- его грамотную презентацию широкой общественности.

Для включения в Список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО необходимо предварительно провести на этих изобразительных памятниках масштабные и значительные охранные, консервационные работы; комплексные полевые, камеральные, а также академические исследования. Имеет значение наличие минимальной инфраструктуры, разработанных маршрутов посещения и современное состояние существующих коммуникаций. Отдельная стратегия разрабатывается для продвижения памятника в средствах массовой информации с целью его популяризации и разъяснения его культурно-исторического значения.

Реализация механизма превращения памятника историко-культурного наследия в объект популярных туристических маршрутов может дать толчок для создания сети подобных проектов в Карагандинской области, актуальных в преддверии международной выставки «ЭКСПО-2017». Для этого имеются необходимые условия: концепция развития туризма, жела-

ние музеев расширить свою деятельность. Следует активно задействовать современные каналы коммуникации, включая социальные сети, Интернет, а также использовать огромный интерес казахстанских и зарубежных туристов к древнему прошлому региона.

Решающее значение при создании Музея наскального искусства имеет оценка состояния самого памятника. В идеале она представляет собой техническое исследование, проводимое квалифицированными специалистами, способными определить степень сохранности изображений и предложить все возможные меры их защиты. При этом необходимо принять во внимание не только состояние скальных поверхностей и самих изображений, но и прилегающей территории. Необходимо адекватно прогнозировать и оценить, как присутствие посетителей отразится на состоянии окружающих скал, родников, рек, озер, растений, лишайников и окружающих ландшафтов в целом. Создание туристической инфраструктуры может негативно повлиять на флору и фауну близлежащих территорий, ускорить выветривание и эрозию скал, усилить рост растений, привести к загрязнению воды, миграциям животных и иным негативным последствиям.

Такая всесторонняя оценка должна лечь в основу детального и системного документирования объектов с петроглифами. Это позволит создать необходимую базу знаний для отслеживания последующих изменений в состоянии памятника и прогнозирования развития его инфраструктуры и количества туристских потоков. Для сбора и анализа такой информации может потребоваться привлечение специалистов смежных специальностей: биологов, геологов, реставраторов. Первоначальный отчет о реальном состоянии наскальных изображений способен составить квалифицированный археолог. Такой отчет должен включать общее описание памятника и информацию об очевидных факторах, негативно воздействующих на каменные «полотна», таких как лишайники, кальцитовые натёки, эрозия и разноплановое антропогенное воздействие, особенно вандализм.

Вместе с тем практически невозможно предусмотреть будущие угрозы и защитить объект от всевозможных рисков и опасностей, как природных, так и антропогенных. Поэтому все действия, предпринимаемые в отношении наскальных изображений, должны быть максимально обратимыми и публичными. Необходим взвешенный, системный и индивидуальный подход к каждому отдельному памятнику.

На первый план должны выйти вопросы консервации и сохранения. Какую-то часть этих проблем могут решить ученые-археологи или профессиональные сотрудники близлежащих к памятникам музеев. Однако действия, предполагающие прямой контакт с каменными «полотнами», такие как копирование, расчистка от лишайников и загрязнений, должны проводиться исключительно квалифицированными специалистами.

Можно выделить следующие обязательные и регулярные виды работ с наскальными изображениями.

- *Уход за объектом с наскальными изображениями с минимальным воздействием.* Например, удаление мусора на территории памятника или пыли и земли с горизонтальных плит с петроглифами. Подразумевается и физическое вмешательство, например удаление растений, которые ветвями могут перекрывать петроглифы, или принудительный дренаж — отведение попадающей на плоскости с петроглифами талой и дождевой воды.
- *Музеефикация памятника* подразумевает процесс возвращения объекта в его первоначальное состояние: консервацию, реставрацию и возрождение древних петроглифов. К этим работам относится удаление лишайника или современных надписей и граффити, реконструкция или воссоздание частично разрушенных или погибших изображений, что требует определенных знаний и может выполняться только профессионалами. В Казахстане существует положительный опыт подобного рода — масштабные консервационные и реставрационные работы научно-исследовательской лаборатории «Остров Крым», впервые проведенные в Казахстане (и во всей Центральной Азии!) на памятнике Тамгалы (Алтынбеков, 2014).
- Наскальные изображения должны не только тщательно *документироваться*, но и *находиться под постоянным наблюдением* на предмет обнаружения каких-либо изменений.
- *Программы администрирования* (управления объектами), включающие регулярное посещение памятника персоналом, контроль за состоянием изображений, сбор мусора, доказали свою эффективность в мировой практике, должны они использоваться и у нас. Чистая, обозначенная охранными и/или информационными досками и ухоженная территория указывает на значимость памятника. Испорченные или разрушенные петроглифы в окружении гор мусора говорят о том, что за ними никто не ухаживает и они не представляют особого значения. Это провоцирует проявление неуважительного отношения, зачастую приводящего к повреждению или уничтожению петроглифов.
- *Посещение должно регулироваться* в соответствии с характером объекта и ожидаемым туристским потоком. Памятник может быть открыт для посещения только небольшими организованными экскурсионными группами, что потребует затрат на создание инфраструктуры: установку контейнеров для мусора, оборудование маршрутов посещения, смотровых площадок, скамеек для отдыха, освещение и т. д. Возможен и самостоятельный, однако регулируемый (например, посредством установки оградительных барьеров, которые не позволят людям прикасаться к объектам) осмотр. Необходима установка указателей, информационных досок, а также работа офисов регистрации посетителей.

Хорошими примерами являются национальные парки и парки на частных землях в США, где осмотр наскальных изображений происходит во время пеших, велосипедных прогулок, треков на внедорожниках или квадроциклах. Территория таких парков оборудована местами для отдыха, официальными маршрутами, а там, где возможно, подходами (пандусами) для людей с ограниченными физическими возможностями. Образцом такого обустройства территории может стать национальный парк Рэд-Рок-Каньон в штате Невада, где есть наскальные изображения.

В условиях возрастающей популярности экологического туризма и появления интереса к наскальному искусству актуальной становится проблема визуализации петроглифов и обеспечения их безопасности при массовых посещениях изобразительных памятников. Зачастую древние изображения едва различимы на поверхности скал, поэтому нередки случаи неумышленной порчи и уничтожения петроглифов людьми, которые даже не подозревают об их существовании или просто не могут их разглядеть. Более того, по-настоящему интересующихся и увлеченных людей невозможно удержать от самостоятельных поисков и нерегулируемого посещения памятников. Они обладают не только энтузиазмом, но часто и некоторыми специальными знаниями, проводя собственное «исследование» этих объектов⁴².

Возможно, установка грамотных информационных охранных досок, указывающих на культурно-историческую ценность памятника, его датировку, поможет исправить ситуацию и оградить произведения древних художников от случайного, неумышленного повреждения. Из местонахождений петроглифов Карагандинской области лишь памятник Теректы Аулие снабжен подобной охранной доской и информационным табло, которые, к сожалению, не спасают петроглифы, практически невидимые для паломников, от прогулок по ним, поскольку все изображения нанесены на горизонтальные плоскости, да и сами указатели находятся в ветхом состоянии (табл. 50; 51).

В вышеупомянутом ранее Музее Альты в Норвегии существует многолетняя интересная и вполне оправданная практика: каждый год весной профессиональные сотрудники музея покрывают петроглифы охрой — натуральной красно-коричневой краской -глиной. Делается это для улучшения внешнего вида и выразительности петроглифов, их целостного визуального восприятия: после такой раскраски они становятся хорошо видны посетителям и туристам, понимающим, что перед ними подлинные образцы первобытного искусства. В таком случае фотография на фоне скаль-

⁴² Авторы книги убеждены, что целенаправленное ограничение публичного доступа к информации о точном местонахождении изобразительных памятников, об их GPS-координатах позволит несколько ослабить этот неконтролируемый процесс. И напротив, доступ к данной информации, включая не только координаты, способы проезда, но и полную научную информацию о памятниках, и их описание, должен быть у уполномоченных государственных органов (служащих) и авторизованных туристических агентств, организующих специальные туры по таким памятникам.

ных панно является единственным памятным сувениром, привезенным туристом из такой занимательной поездки. Дискуссия профессионалов о том, что такая раскраска разрушает памятник, уже давно закончилась, поскольку доказано: натуральные краски, такие как охра (по сути, просто глина), не влияют на сохранность гравюр на граните и не разрушают их.

Технология изготовления древних петроглифов на гранитных плитах Теректы Аулие изначально включала в себя, помимо выбивки и шлифовки, их последующее покрытие охрой, о чем свидетельствуют исследования специалистов (Самашев и др., 2013а, с. 173). Возможно, подобный метод визуализации в целях адекватной презентации петроглифов позволит уберечь скальные «полотна» от их непреднамеренного разрушения и повысит интерес к ним.

Безусловно, такие высокохудожественные и специализированные манипуляции должны производиться исключительно специалистами в полном соответствии с реальными следами выбивки и шлифовки изображений, которые обнаруживаются по самым крохотным частичкам и оставшимся следам краски. Важно тщательно, с применением научных методов определить контуры всех фигур и задокументировать этот процесс, что частично уже выполнено в ходе многолетней работы исследовательской группы под руководством З. С. Самашева.

Для этих работ важно привлечь профессиональных реставраторов - специалистов научно-исследовательской лаборатории «Остров Крым», которые разработали проверенную временем методику ликвидации посетительских «автографов» и вполне профессионально справятся с задачей не только раскраски, но и научной консервации и реставрации петроглифов, включая удаление современных надписей. Это актуально не только для наскальных изображений святилища Теректы Аулие, но и для некоторых групп байконурских петроглифов, расположенных близ поселка и зимовок, особенно для местонахождения Тасуткель, гравюры которого за последние три десятка лет практически утрачены и уже совсем не видны из-за таких «художеств» (табл. 47).

Таблица 50. Петроглифы Теректы Аулие. Обследование петроглифов при помощи квадрокоптера. Фото В. А. Новоженова

Программа посещения петроглифов обязательно должна включать образовательный и объясняющий компоненты. Люди ценят и берегут те объекты, значение которых они понимают. Несмотря на то что происхождение и смысл древних петроглифов во многом продолжают составлять тайну даже для профессионалов, сегодня имеется достаточно обширная база знаний, необходимых для интерпретации любого объекта наскального искусства. Даже в тех случаях, когда полное сведение о памятнике еще не получены, объяснение может быть построено на основе уже известной информации, такой как местная история, легенды, предания и этнографические данные. Вместо отдельных деталей может использоваться археологический контекст близлежащих памятников. Кроме представления различных научных версий и гипотез о происхождении и значении наскальных изображений, изложенных в специальной научной литературе, их всегда нужно соотносить с известными легендами и сведениями, которые сохранились в устной традиции местных жителей. Все это в совокупности позволяет лучше понять историю края и окунуться в таинственные глубины прошлого.

Основы знаний об изобразительных памятниках и их научной и культурной ценности в обязательном порядке следует отразить в книгах, туристических путеводителях, буклетах о памятниках и всевозможных листовках и брошюрах, изданиях местной печати, которые непременно должны предоставляться всем экскурсоводам и музейным работникам, а также учителям истории и директорам местных средних школ. Это позволит заблаговременно подготовить людей к посещению и лучшему восприятию этих памятников, предотвратит возможные акты вандализма. Такие профилактические действия на сегодняшний день являются единственным доступным способом сохранения и популяризации нашего культурного наследия.

В Карагандинской области проведением организованных экскурсий по изобразительным памятникам на коммерческой основе занимается туристическая компания «Nomadic Travel Kazakhstan», а также Историко-географическое общество и общественный фонд «Авалон» при поддержке карагандинского «ЭкоМузея». В рамках проекта «Экологический туризм и общественная осведомленность в Центральном Казахстане», который финансируется Европейским союзом, в Караганде в 2010 г. открыт туристский информационный центр, предлагающий ряд туров, включающих, помимо прочего, осмотр петроглифов, расположенных в Актогайском и Улытауском районах. В рамках проекта «Экотуризм в Центральном Казахстане: сохранение природных ресурсов особо охраняемых природных территорий и создание экономических возможностей для сельских регионов» созданы карты-схемы туристских маршрутов в Актогайском и Улытауском районах. В их число входят карты центральной части горных массивов Кызыларай и Улытау, ситуационные схемы туристских объектов, в

том числе памятников с наскальными изображениями в горах Улытау, Желтау, Бегазы, в долинах рек Байконур, Тамды, Жинишке, панорамные фотографии которых расположены в путеводителях (см. сайт Историко-географического общества «Авалон»).

Необходимо составить четкий план и регламент управления такими объектами, провести анализ событий, которые могут произойти на территории памятника, и разработать программу превентивных мер, направленных на предотвращение неблагоприятных ситуаций и оперативную ликвидацию возможных негативных последствий, влияющих на долгосрочную сохранность памятника.

Одной из самых действенных мер является научно обоснованное включение объектов древнего искусства в Государственный список памятников истории и культуры. И здесь на первый план выходят вопросы собственности и принятия нормативных актов, определяющих статус памятника, его охранную зону (отведенную под него землю в государственном реестре), а также полный пакет документации, включающий результаты компетентного академического обследования, научной экспертизы, проведенной с привлечением международных специалистов, рекомендации по использованию в туристических и познавательных целях, включая производство полиграфической и сувенирной продукции.

Следует принять решения в отношении концепции партнерства со всеми субъектами рынка историко-культурного туризма, а не только в рамках музейной сети. Необходимым условием преодоления данных проблем является участие широкой общественности и консолидация усилий государственных органов власти, академических организаций, вузов, музеев, туристического бизнеса. Существует необходимость задействовать важные административные ресурсы и инструменты: управленческие, образовательные, информационные, инфраструктурные.

Правильные современные коммуникации между музеями, вузами, работниками туристической сферы и самыми разными субъектами собственности возможно создать, если будет существовать желание всех участников процесса и образуется своеобразное диалоговое поле, которое позволит выработать новую концепцию и модель партнерства между музеями и бизнесом, а также между самими музеями по принципу сетевого взаимодействия. Поэтому необходимо обобщить и систематизировать теоретические, академические сведения об изобразительных памятниках, о музейном, индивидуальном туризме, менеджменте в сфере туризма, производстве полиграфической продукции и сувениров, а также информацию об актуальном международном опыте, что, несомненно, станет первоначальной базой и своеобразной стартовой площадкой для развития историко-культурного туризма в Карагандинской области, особенно в преддверии проведения «ЭКСПО-2017».

Заключение

В результате проведенного анализа и мониторинга наскальных изобразительных памятников, расположенных в пределах Карагандинской области, можно сделать вывод о наличии 27 местонахождений петроглифов, сосредоточенных в Улытауском, Каркаралинском, Актогайском, Жанааркинском и Шетском районах. Детально описаны не опубликованные ранее в специальной литературе местонахождения петроглифов: Тамды, Кобыржон, Шунак, Желтау, ряд новых изображений из местонахождения Килыбай, Байконур с уточнением их ландшафтных и историко-культурных характеристик.

Естественно, деление природных, культурно-исторических регионов, основанное на современном административно-территориальном устройстве, очень условно: культурно-исторические ландшафты и регионы чаще всего значительно больше существующих административных единиц, их границы не совпадают. По этой причине многие близкие по стилю и ландшафтам изобразительные памятники, прилегающие к границам области, не вошли в предложенный на этих страницах обзор. К их числу относятся яркие изобразительные памятники на территориях сопредельных Павлодарской, Восточно-Казахстанской, Кызылординской, Жамбылской и Алматинской областей.

Наскальные изображения Сарыарки, по мнению ряда исследователей, сходны как с южносибирскими, алтайскими (синьцзянскими, монгольскими), пакистанскими, индийскими петроглифами, так и с каменными «полотнами» южных регионов Казахстана, представляя собой связующее звено между изобразительными памятниками Южной Сибири и ареалом памятников Тамгалы, Каратау, Ешкиольмес, Саймалы-Таш, Каракорум на юге.

Изобразительные памятники располагаются чаще всего вблизи водных источников, будь то озеро, река, ручей, родник или артезианский колодец. Высокая концентрация петроглифов выявлена не только в долинах рек Байконур, Сарысу, Тамды, Жайсан, но и в малонаселенных сегодня полупустынях и горных массивах, таких как Бетпақдала, Северное Прибалхашье, Шунак, Бегазы.

Климатические и географические различия не влияли на технику создания петроглифов. Во всех регионах Центрального Казахстана, где выявлены местонахождения наскального искусства, встречается сплошная, контурная и линейная выбивка гравюр. Петроглифы выбивались практически на всех удобных (как горизонтальных, так и вертикальных) плоскостях. Наиболее древние рисунки создавались в гротах и скальных нишах красно-коричневой краской — охрой. Судя по всему, древние изображения на гранитах также выбивались, их поверхности тщательно полировались, а

затем в момент создания покрывались охрой для лучшего визуального восприятия ⁴³.

Обычно скопления петроглифов сосредоточены вблизи озер, рек, ущелий с родниками, урочищ с поселениями и могильниками, традиционных казахских зимовок, где тысячелетиями существовали наиболее благоприятные условия для проживания человека. Отмечаются как одиночные изображения, так и многофигурные композиции, которые нередко объединены в определенный повествовательный (нарративный) сюжет: сцены охоты, противостояния, терзания. Это также композиции, иллюстрирующие определенные ритуалы, обряды и эротические сцены.

Проведенный мониторинг и картографирование местонахождений петроглифов Сарыарки демонстрирует, что большинство наскальных изображений сосредоточено в малонаселенных сейчас регионах, но в очень удобных для обитания человека природных ландшафтах, где довольно часто встречаются временно заброшенные или действующие до сих пор казахские зимовки. Тем не менее наличие местонахождений петроглифов в непосредственной близости от многочисленных археологических памятников, датируемых в широком хронологическом диапазоне, свидетельствует, что в древности и средневековье они располагались преимущественно вдоль важнейших каналов коммуникации — торговых и караванных путей.

Неслучайными следует признать сам и месторасположения изобразительных памятников: основные скопления петроглифов находятся на вершинах небольших сопок, в живописных долинах степных речушек, на кочевых тропах, ведущих на жайлау с обильной травой и красивейшими панорамами бескрайних и плодородных межгорных долин, предгорий и саев, где традиционно укрывались от посторонних глаз поселения и родовые кладбища предков. Все эти природные места имели сакральный смысл и до сих пор сохраняют свое культовое значение. Здесь всегда проходили обрядовые ритуалы и некие мистерии, общинные праздники, смысл которых еще только предстоит прояснить. Очевидно, это были своеобразные храмы под открытым небом. Они выполняли множество важных общественно-полезных функций: были местом, где осуществлялись обучение, развлечение, общение древнего населения, проходили разнообразные культовые и, возможно, театрализованные музыкальные мистерии, а также родовые и межклановые праздники.

⁴³ Доктор исторических наук, профессор Л. Н. Ермоленко обращает внимание на тот факт, что древнетюркские антропоморфные скульптуры, сделанные из серого или розового гранита, сохранили мельчайшие следы органической краски (Ермоленко, 2008). На фигурках «мыслителей-возничих» ямно-афанасьевского времени (уже упоминаемых на страницах нашей книги) также обнаружены следы краски (Ченченкова, 2004). Вероятно, эти факты свидетельствуют о длительной традиции, существовавшей у древнего населения Сарыарки раскрашивать изготовленные из гранита или выбитые на нем объекты изобразительной деятельности.

На протяжении тысячелетий местонахождения петроглифов в Сарыарке являлись святыми местами, отражали богатейшие духовные и религиозные идеи ушедших эпох. Значимость ландшафтов с петроглифами сохранилась и в настоящее время, когда люди массово посещают их в надежде на исцеление или духовную поддержку. Генетическая память народа сохраняет свою героическую историю и летопись великих событий. Поэтому эти места остаются подлинными памятниками нашего культурного наследия и феноменом всемирного масштаба, доставшимся нам от далеких предков.

Природная среда — естественная и очень важная часть жизни древних людей Сарыарки. Животные, их окружавшие, стали реальной экономической основой повседневной жизни и были настолько важны, что здесь (впервые в восточных районах Евразии) произошло приручение лошади, а бык и верблюды стали очень эффективными помощниками в размеренной и неторопливой степной жизни. Неудивительно, что именно эти животные оказались основными персонажами наскального творчества, героями многочисленных композиций и сложных мифологических сюжетов.

Требования к изучению петроглифов значительно изменились в 80-е гг. XX в., когда впервые зафиксировано резкое и глобальное разрушение наскальных гравюр в результате антропогенной деятельности. Одной из множества причин подобной ситуации являлось изготовление копий петроглифов при помощи микалентной бумаги и типографской краски, вследствие чего иногда разрушались структура камня и патина сам их изображений, многие из которых в настоящее время трудно различить.

Это свидетельство очень долгого пути «проб и ошибок», пройденного уже несколькими поколениями исследователей и связанного с поисками оптимального и объективного способа фиксации петроглифов⁴⁴. Накоплен огромный опыт документирования петроглифов: от копирования с помощью бумаги и полимерных материалов до внедрения бесконтактных современных методов фиксации с помощью все более совершенствующейся цифровой фото- и видеотехники. Использование лазерных и иных сканеров — следующий этап применения оборудования нового поколения, с совершенными иными технологиями, основанными на точном копировании поверхности и создании виртуальных оптических 3D-моделей плоскостей, с которыми становится возможным работать в виртуальном пространстве с

⁴⁴ От произвольной, порой фантастической прорисовки через обводку рисунков на скале, копирование на кальку или другую тонкую, прозрачную бумагу, пропитанную жиром (которую позднее заменила микалентная бумага и техника эстампажа), до использования полиэтиленовой пленки и других прозрачных полимерных материалов. Все перечисленные контактные способы копирования петроглифов имеют один недостаток — необходимость непосредственного соприкосновения прозрачных материалов с поверхностью скалы, что теоретически может нанести непредсказуемые утраты, ущерб микрофауне и патине скальной поверхности. Однако никаких научных исследований на сей счет не проводилось и эта вероятность является предположительной.

высочайшим уровнем компьютерной обработки изображений. Впрочем, даже доступные сегодня программные средства обработки цифровых фотографий наскальных изображений уже позволяют добиваться более точных и совершенных, чем раньше, результатов копирования петроглифов со скалы на бумагу (табл. 51; см. далее раздел «Рисунки и результаты графического сканирования»).

Таблица 51. Петроглифы Теректы Аулие. Обследование петроглифов с «высоты птичьего полёта». Фото В. А. Новоженова с использованием квадрокоптера

Другой важный вывод из этого опыта — необходимость сплошного, без исключений, копирования и публикации (хотя бы не фотографий и прорисовок, а описаний) всех плоскостей и изображений, обнаруженных на памятнике.

При идентификации и документировании наскальных изображений важными являются такие показатели, как цвет патины и техника выбивки. При изучении техники исполнения, которая во многом позволяет определить хронологическую позицию отдельного петроглифа или композиции, большое значение имеет четкая фиксация особенностей его нанесения на скальную поверхность.

Среди перспективных задач, решение которых возможно с применением экспериментальных и трассологических исследований, можно выделить те, которые связаны с описанием и систематизацией:

- следов использования различного рода инструментов, применявшихся в древности для нанесения изображения;
- технических приемов нанесения изображений;
- древних технологий нанесения петроглифов на скалы и их реконструкции.

Полномасштабное документирование и сплошная фиксация всех без исключения петроглифов изобразительных памятников — единственная возможность сохранения этого уникального источника, а консервация, реставрация и сохранение их для потомков сегодня являются нашей главной задачей и патриотическим долгом (*табл. 52*).

Петроглифы Сарыарки демонстрируют высокий уровень развития духовной культуры древнего населения Центрального Казахстана, и их с полным основанием можно назвать своеобразной наскальной летописью тысячелетий, охватывающей целый ряд хронологических периодов от энеолита, эпохи бронзы до этнографического времени. Интегрированные в систему современных ценностей, в структуру познавательного туризма символы и образы древних культур во многих странах мира являются мощным ресурсом исторической памяти, наиболее привлекательным с эстетической точки зрения, и удобным средством современного восприятия мира древних цивилизаций.

ТҮЙІН

Далалық бейнелеу ескерткіштері

Сарыарқаның шексіз аймағында табылған тасқа салынған бейнелеу өнері ескерткіштері — петроглифтер қазақ халқының бірегей мәдени мұрасы болып табылады. Олар қазіргі кезде жалпы қоғам арасында белгісіз және осы уақытқа дейін іс жүзінде заманауи туристік бағыттармен аз қамтылған. Бұл кітапта қазіргі Қарағанды облысының әкімшілік—аумақтық шекарасының шеңберінде орналасқан Қазақ ұсақ шоқысында кездесетін жаңа және осы кезде белгілі тасқа салынған бейнелеу өнері ескерткіштері материалдары жарияланған. Олардың ашылу тарихы, зерттеу әдістері, мәдени—хронологиялық атрибуциясының кейбір мәселелері, стилистикасы және мазмұны толық қанды қарастырылады, сонымен қатар Сарыарқа тасқа салынған бейнелеу өнері ескерткіштерінің жағдайы, ескерткіштердің сақталуы және олардың кең түрде мәдени—ағартушылық мақсатта қолданылуы мәселелері қарастырылады.

Кітап ішінде көп көлемде суреттер қамтылған, толық библиографиялық және жаңа петроглифтер Каталогымен жабдықталған. Басылым кең оқырман аясына — ежелгі тарих, археология, тасқа салынған бейнелеу өнерінің облысындағы мамандарына, туристік қызметтің ұйымдастырушыларына, экскурсия жетекшілеріне, ЖОО студенттеріне, сонымен қатар Қазақстанның ежелгі тарихына қызығушылық танытып жүрген барша қауымға бағытталған.

Сарыарқаның және Қазақ ұсақ шоқысының көп бөлігін қамтитын қазіргі Қарағанды облысының әкімшілік шекарасының шеңберінде жиырма жеті бейнелеу өнерінің ескерткіштері табылды. Петроглифтердің табылған жері шамамен барлық жерінде бірнеше жүздеген пішін кезесетін топтанумен көрсетілген және даланың ерекше айқын — шоқының жоғарғы және төменгі жартастық шығысында, кішігірім жазда кеуіп қалатын өзендердің күз жағалауы жерінде орналасқан. Бұл орындар алыстан көрінеді, сондықтан әдеттегідей бұл жерлерді жергілікті халықтардың көптеген ырым, аңыздарымен байланыстырып, ардақтап «әулиелі—әнбиелі» деп атайды. Мұндай орындар біздің кең—байтақ шексіз даламызда бағыт—бағдар табу мақсатында малшыларға қажет. Бүгінде діни мақсатынсыз шабандардың шоқы басында тастан «оба» қалауы кездейсоқ емес, мұндай белгілер шөбі шүйгін және сулы орындардың бай жерін табу үшін өрістегі табындарды қай бағытқа айдау керектігін көрсетеді.

Мүмкін, осылайша, ежелгі кезде кең—байтақ шексіз дала «мұхитында» ыңғайлы жайылым мен қозғалыс бағыттарын анықтау үшін петроглифтер бейнеленген ескерткіштер өзіндік «шамшырақ» рөлін орындаған болуы керек. Жазудың болмаған жағдайында қоғам мүшелерінің арасында ақпарат алмасу жолдарының шектеулі болғандығы айқын. Адамдардың байла-

ныс мүмкіндіктері қоғаммен жинақталған сол кезегі жалғыз қол жетімді мифологиялық формасы айқындалған білімі негізінде тек ауызша және бейнелеу дәстүрімен шектелген.

Петроглифтер археологиялық дерек ретінде қарастырылады, оның зерттелуі нақты мәселелер мен міндеттердің шешімін талап етеді, оның ішінде бөліп қарастыратын: кешенді сараптау; олардың хронологиясын анықтау тұрғысынан бейнеленген және құжатталған (суреттелген) материалдардың классификациясы; идентификациялары (сәйкестендірулері); дешифровкалары, сонымен қатар мәдени–тарихи интерпретациялары. Алғашқы қауымдық өнерді зерттеу тарихы тәжірибесінің көрнекті түрде тасқа салынған бейнелерді зерттеу мәселелерінің шешімі тікелей ғылыми таным дамуының жалпы деңгейіне, дәл осы жағдайда петроглифтерді зерттеу негізінің теоретикалық және әдіснамалық деңгейіне тәуелді екендігін көрсетеді.

Мұндай зерттеулердің материалдық–техникалық базасы да айқын мәнге ие болып табылады. Жеткіліксіз қаржыландыру, өкінішке орай, бүгін далалық және зертханалық жұмыстарда ең алдыңғы және замануи байланыссыз әдістер мен құралдарды қолдануға мүмкіншілік бермейді.

Соңғы жылдары дәстүрлі археологиялық міндеттерге тағы бір кәсіби қызметтің бағыты қосылды — археологиялық ескерткіштердің мониторингі. Бұл ескерткіштердің ашылу сәтінен және алғашқы сиптталуынан айтарлықтай уақыт өтті. Нақты және әлдеқашан мәлім петроглифтердің бар болуы немесе жойылып кетуін анықтау қажеттілігі, олардың техникалық көрсеткіштерін (параметрлерін) қайта тексеру, аймақтың тарихи және мәдени ескерткіштерін барлық тұрғысы бойынша тек бейнелеу ескерткіштерінің ғана емес толық реестрін құрастыру байланысы арқылы GIS жүйесінде қазіргі бағытарға және карталарға байлау арқылы нақты табылған орнын координаттық торда белгілеу мәселелері туындады.

Аймақтың петроглифтерін толық масштабта және толық құжаттау қазіргі уақытта бұл баға жетпейтін тарихи деректі сақтаудың жалғыз мүмкіншілігі болып табылады, өйткені бізге белгілі облыстың бейнелеу ескерткіштері іс жүзінде жартылай бұзылған немесе апаттық жағдайда. Археологиялық ескерткіштердің бұл түрін консервациялау, реставрациялау және сақтау қатерлі мәселе болып қала бермек. Облыста аталмыш ескерткіштерге мұндай жұмыстар өкінішке орай жасалған жоқ, солай бола тұра петроглифтер орналасқан жартастарға келуші адамдардың «автографтары» жылдан жылға тек өсуде.

Қазақ ұсақ шоқысының тасқа салынған нақышының алғашқы куәсі араб зерттеушілері мен саяхатшыларының еңбектерінде кездеседі, сонан соң XIX ғасырдан бастап, бірнеше рет жиі неміс зерттеушілері мен орыс геологтарының еңбектерінде көрінеді, бірақ Сарыарқа бейнелеу ескерткіштерінің ғылыми зерттелуі туралы нағыз деректер тек өткен ғасырдың екінші жартысында орын алды.

Далалық бейнелеу ескерткіштері — табылған орны, даланың аса айқындалған орындары — әр түрлі құмдақ құздың шығысында, тақтастарда және граниттерде, шыңдарда және шоқының бөктерінде, жазда кеуіп қалатын кішігірім өзендердің жарлы жағасында, немесе қойтастарда, немесе «теңіздік тегінен» пайда болған сығылмаларда орналасқан, шамамен әр ескерткіштің басында екі–бес жүздік пішіні бар және бірнеше көп пішінді композициядан құралған шоғыр көрінісін береді. Әдетте бейнелердің жалпы саны зорға мыңнан асады.

Бұл орындар алыстан көзге түседі, бұлармен әдеттегідей жергілікті халықтардың көптеген ертегі мен аңыздары байланысты. Өткен дәуірдегі даланың бірегей бейнелеу ескерткіштері ежелгі уақыттан осы жерде өмір сүрген адамдардың бүкіл әлем және мифологиялық көзқарасының құрылысы туралы космогониялық көрінісін беріп, қазіргі кезде жергілікті халықпен қасиетті жер — «әулие» деп ардақталады. Жалпы бұл жерде далалық бейнелеу ескерткіштерінің астында петроглифтердің шоғырланғаны тұспалданады — мыңға жуық бейнелер, үлкен тау сілемдерінің таулы бөктерінде орналасқан оңтүстік пен шығыс бейнелеу ескерткіштеріне және саны жағынан айтарлықтай көптеп табылатын жерлерге қарағанда, олардың айналасындағы ландшафты басым далалық, жазық кеңістік, шөп пен суға бай болып келеді.

Бұл кітапта қарастырылған бейнелеу ескерткіштері географиялық жағынан тек далалық және жазықтық ландшафтарда орналасқан, демек оларда құздық шығыстың және аласа (150—200 м) тау массивтерінің — шоқылар және терең өзен шатқалының осы жерде мүлдем жоқтығын білдірмейді. Макротопография және ландшафтардың айрықша белгілері арқылы Сарыарқаның далалық бейнелеу ескерткіштері бірнеше типтерге бөлінеді.

Сарыарқа халқының ең ежелгі көркемдік дәстүрлері: бейнелеу, әшекейлеу, пішіндік (статуарлық) және мегалиттік дәстүрлері, сонымен қатар осы және басқа дәстүрлердің кеңістіктегі және уақыттағы дамуын авторлар бейнелеу байланыстарына жатқызады, олар жергілікті социумдардың ішкі және сыртқы белсенділігінің маңызды құралы болды, және олар археологиялық әдістермен бөлінген археологиялық мәдениеттің немесе мәдени тарихи тұтастығының түрі болды. Олар осы қоғамдардың өзіндік идентификациясының берік индикаторы болып қалды, ал олардың зерттелуі және сарапталуы этномәдени тарихының көптеген даулы мәселелерін айқындауға мүмкіндік береді.

Сарыарқа петроглифтерінің кешенді сарапталуы олардың әдеттегідей әр қилы тарихи дәуірлерге жататындығын көрсетеді, Сарыарқадағы көптеген жартастық ғибадатханалары бүтін бірнеше дәуірлерде аспан астында өмір сүрді, оның куәсі әр түрлі хронологиялық кезеңдерге жататын бір ескерткіштегі нақыштардың көрші орналасқандығы. Тасқа салынған бейнелер қызметінің бір түрі байланыс жүйесі болғандығын айта келе,

мыңжылдықтардың бойында өзгерусіз қалғаны туралы қорытынды жасауға мүмкіндік береді.

Сауыттардың, қарулардың, сүйектен жасалған бұйымдардың және андрон мәдени-тарихи тұтастығы өмір сүрген кезеңіндегі жартастық өнердің репертуары мен кейіпкерлерінің оюланып — әшекейленуі арасындағы параллельдердің болмауы фактісі Орталық Қазақстан қола дәуірі өнерінің маңызды ерекшелігі, дәлірек олардың өзіндік, бір-бірінен дамуының тәуелсіз болу мүмкіншілігі болып табылады. Алайда, қыштағы және сүйектегі ілеспе ою қатаң геометриялық болды, қола дәуірінің жартастағы тасқа салынған бейнелері, белгі тастардағы бейнелер мен ұсақ соғу өнері бейнелерінің, иконографияның, техниканың репертуарын көркемдік көпқырлы әртүрлілікпен көрсетеді, олар сюжеттік және композициялық қатынасы жағынан сан алуан.

Олар бір уақытта, бір социумда өмір сүрген, бірақ әр түрлі көркемдік құралдармен бірдей идеялар мен бейнелерді алып жүріп, социумға әр қилы ықпал жасаған халықтың мегалиттік дәстүрімен бір қатардағы әр түрлі байланыс каналдары болуы мүмкін. Қола дәуірі өнерінің мұндай ерекшелігі — соғу өнерінің бейнелерін қосу арқылы оюлауда және монументалдық жартастық өнерде көркемдік сарынының бөлінуі — дау-дамай құралы болып қала бермек, және сол уақыттағы әлемдік көзқарастардың ерекшелігімен түсіндірілуі әбден мүмкін, қола дәуіріндегі Сарыарқа ежелгі халқының мифологиялық ой-өрісінің қыр-сыры болуы ықтимал. Мүмкін, қола дәуірінің жартаста салынған және осы жерде әр түрлі диалектілер мен тілдерде сөйлеген барлық рулық қауымға түсінікті бейнелеу «тілі», ру арасындағы байланыстарға оның ішінде қалыңдық табуға, құдандасуға, сауда жасауға, технологиялық айырбас мәселелерін шешуге көмектескен жалпыға ортақ, осы социумдардың байланыс құралы болып табылатындығы.

Андрон мәдени-тарихи тұтастығы және ерте темір ғасыры уақытындағы жартастық өнер археологиялық мәдениеттердің және көркемдік дәстүрлер сабақтастығының куәсі болып табылады; Орталық Азияның кең-байтақ даласында барлығына түсінікті, жалпы дәуір, алайда жалғыз көзге көрінетін бейнеленген «тілдің» қалыптасуына ықпал еткен ортаазиялық аймақтың, сонымен бірге континенттің барлық дала белдеуінде кең тарихи-экономикалық, геосаяси және мәдени байланыстардың болуы.

Сарыарқа скиф-сақ репертуарындағы бейнелеу дәстүрінде сол уақыттың бейнелеу өнеріне тән жыртқыш аңдар, қабандар, таңғажайып жыртқыштар, сонымен қатар мүйізі бұтақталып келген бұғылар, тау теке-лері, арқарлар, жұлқылап — жәбірлеу бейнелері кең түрде көрсетілген.

Бесоба ауылының маңында табылған жартаста бейнеленген мүйізіді, бетпердесі бар жылқы пазырық уақытындағы алтай обаларында (Берел, Пазырық, Туэкта және т.б. қорымдар) жерленген аттарға ұқсас, бұл қола уақытында болған бейнелерінің өзгергендігін және жаңа мифологиясы мен

дәстүрі қалыптасуының айқын фактісі болып табыла алады. Бейнелеу қағидасы, тотемдік жануар немесе көрініс, стиль немесе таңдап алынған сюжет, алайда аталған жерде — ғұрыптық бетпердесіндегі аттың бейнесі осы уақытта жаңа қайталанбас реттемелеуші және анық сиқыр күшіне ие бола бастады.

Расында, көшпенді өмір салты Еуразия далалық белдеуінің барлық шекарасындағы ерте номадтардың байланыс қызметіндегі негізгі шеңберін алдын — ала анықтады. Олардың өмір қызметінің мәдени — шаруашылық типі барлық социум — рудың (қанды туыстық топтары) көші-қон (негізінде — миграциялар) ұзақтығын, жиі бірнеше мың шақырым құрайтын кезеңділік, демек сөзсіз жұрттық аумақтарға қайта оралуды шамалайды; таулы құнарлы жайылымдарға «тік» көші-қон, және көптеген басқа ерекшеліктермен көшіп-қону.

Скиф-сақ аңдық стилі, континенттің үлкен аумағындағы ілеспес ескерткіштеріндегі оның дешифровкасы және аумақтық таралуы — дамыған континентаралық бейнеленуі шын мәнінде аталған кезеңдегі ерте көшпелілердің белгілік және қалыптық байланысының айқын куәсі болып табылады. Осы стильдің пайда болуының ерекше құбылысы және оның географиялық таралуы, өзінің сабақтастығын айқын көрсетіп және қола дәуірінің жергілікті тасқа салынған өнерінен шыққан тегі қалпының және байланыстық жолдауының мазмұнын ашу арқылы сірә, өз шыққан тегін Сарыарқаның жартастарынан да табады.

Сарыарқа аумағы ерте ортағасыр дәуірінде (б.д.д.V–VIII ғғ.), Араб халифатына дейінгі кезеңде, әрдайым сол жердің өзегі — ерте түрік руларының бақылауында және көп бөлігі Батыс түрік қағанатының «мемлекеттік үлес» құрамында, «қанаттарына» қарсы салмақ — оның вассалдық және шалғай аймақтары болды.

Авторлар ішкі түрік байланыстарының ішіне бейнелеу, пішіндік, эпиграфиялық деректер, таңбалар этникалық нысаналары ретінде және қағанаттың өзіндік тиындарын жатқызады. Сарыарқада осы кезде даланың барлық жерінде аса айрықша және құнарлы сай-салаларын нысаналайтын түрік адам тәрізді мүсінін — тас мүсіндер—«балбалдар» дайындау мегалиттік (статуарлық) дәстүрі жаңа түрткі болды.

Өзіндік ежелгі түрік сәйкестілігінің қалыптасуы дәстүрлі өнерде көрініс тапты, оған көрші отырықшы елдерді бағындыру, империялық масштабтары және саяси байланыстардың деңгейі сияқты күшті ықпал жасаған жаңа тарихи ақиқаттар. Айқын және төл түрік бейнелеу дәстүрі қалыптасты, онда осындағы барлық жаңа ақиқаты мен жетістігі көрінісін тапты. Бұл дәстүр аумақтық түрде қалыптасты, соның ішіне Сарыарқа аумағы да кіреді.

Түрік бейнелеу дәстүрінің негізін басты кейіпкер құрады — қарулы салт атты (ту ұстаушы, дала серісі) — кең түрде — ру көшбасшысының қаһарман бейнесі: қағанның — көсемнің, түпкі тегінің — әруақтың. Соны-

мен қатар статуарлық ескерткіштерде (балбалдар, тас мүсіндер) дәуірдің нышаны ретінде түсіп қалуы, стандартты үлгіде, қағидалық кейіпте және көркемдік амалдау іспеттес, бұл бейне ерте түрік бейнелеудің қатарындағы басқа кейіпкерлермен үйлесімінде петроглифтердегі сияқты оңтүстік аймақтарда (Пенджикент, Афрасиаб) сарайлардағы қабырға суреттері немесе түрік қағанының — Моңғолиядағы Майхан–уул мазары жер асты қабірінің қабырғаларындағы ғұрыптық, нақты және тұрмыстық көрінісінде, аң аулау сюжетінде, жекпе—жекте ауқымды көрсетілген.

Петроглифтерде, ғұрыптық және пайдалы бұйымдарда, тек дамыған мүліктік меншік жүйесінің көрсеткіші болмай, рулық сәйкестілігі және этникалық қатыстылығының маңызды нысаны болып табылатын тиындардағы жазулар да аз табылған түрік рулық таңбаларының қалыптасқан өзіндік сәйкестілігінің куәсі. Батыс түркілік немесе түргештік таңбалар қазіргі кезде кейбір қазақ руларының таңбаларымен ұқсас келеді немесе оның графикалық негізі болып табылады, бұл зерттеушілермен анықталған көптеген таңбалар кездейсоқ емес.

Ерте түрік бейнелеу дәстүрі бұл күрделі үрдісте маңызды орын алады — барлық жаһандық өзгерістерде ол даладағы байланыстардың негізгі дәстүрлі арнасы болып қала берді.

Жалпы, Сарыарқа петроглифтеріндегі ерте уақыттан этнографиялық заманға дейінгі аймақтағы барлық мәлім жартастардағы суреттер және барлық көркемдік дәстүрлер тікелей аймақтағы байырғы халықтың экономикалық—географиялық, шаруашылық және әлемдік көзқарасы сатылық дамуының ерекшелігі туралы авторлар анық қорытынды жасайды. Бұл жерде бұландардың бейнелері, қоныстардың немесе соқалардың бейнелері, сонымен қатар әлемдік діндерге мәлім нышандары мен белгілері кездеспейді немесе сирек кездеседі.

Сарыарқаның жартастық өнері тарихында бір—бірін дәйекті түрде алмастырған бірнеше бейнелеу дәстүрі бөлінеді, олар тікелей жергілікті халық тарихындағы негізгі кезеңдермен (дәуірлермен) байланысты: ямно–афанасьев бейнелеу дәстүрі — б.д.д. III мыңжылдықтың екінші жартысы (көркемдік және мегалиттік дәстүрді қамтиды); андрондық — б.д.д. II мыңжылдық (мұның ішінде өзіндік көркемдік стильдер мен дәстүрлер қалыптасқан — ертеандрондық (сейма–турбиндік) стиль және өзіндік андрондық (соңғы кезең), айқын оюлық дәстүр; қарасұқтық немесе беғазы—дәндібайлық — б.д.д. X–VII ғғ. («байырғытүркілік» кезең); сақтық — б.д.д. VI–II ғғ. (қойнауында мұның классикалық скиф–сақтық аңдық стилі қалыптасып, дамыған), сонымен қатар бірегей — түркілік (V–VII ғғ.) және өзіндік қазақтық (XIV–XIX ғғ.) бейнелеу дәстүрлері.

Солай бола тұра негізінде қола дәуірінің үндіеуропалық, үндіирандық бейнелеу дәстүрінің қойнауында, оның соңғы дамуының кезеңінде жаңа бейнелеу дәстүрі қалыптасады, шартты түрде оны «байырғытүркілік» (немесе беғазы–дәндібайлық/қарасұқтық) деп атайық, ол айқын түрде

скиф–сақ дәстүрімен параллельді түрде дамиды және әр түрлі формаларда, бір–бірін өзара байытып бірге өмір сүреді. Көшпенді шаруашылық салтының себебінен осы екі дәстүрдің ұстанушылары, олардың о бастан аумақтық пайда болуы және олардың қалыптасуы қозғалыстық боғандықтан, әзірге бар дерекнамалық орталық негізінде заманауи әдістермен нақты жерсінбеген болып саналады.

Жергілікті социумдардың маңызды байланыс құралы бола отырып, осындағы дәстүрлер өркендеп, байытылды, Сарыарқаның кең—байтақ кеңістігі сөзсіз осындай жерге айналды. Өзінің дамуында келесі кезеңдерде бұл дәстүрлер ақырын өзіндік бейнелеу қағидасына рәсімделеді, олар жергілікті этностардың тарихында жаңғырған жаңа бейнелеу дәстүрлерінің үстемдігін қалыптастырады: сақтар (тасмолалықтар), сарматтар (савроматтар), батыс түрік, қыпшақ (половецтер), кейінірек — қазақтар. Сонымен бірге, Сарыарқа петроглифтерінің абсолюттік хронологиясы мен мерзімделу мәселелері, сондай–ақ олардың дешифровкасы және этномәдени атрибуциясы осы уақытқа дейін өз шешімінен шалғайда және әрі қарай зерттеушілердің қатаң бақылауын талап етеді.

Қазіргі уақытта мәдени мұраны ағарту мен насихаттау, ішкі және халықаралық туризмді дамыту мақсатында, Сарыарқа жартастық өнері ескерткіштерін іс жүзінде пайдалану өткір мәселесі тұр. Бейнелеу ескерткіштерін құжаттау міндеті өзекті болып саналады, бірақ сондай–ақ ескерткіштерді өскелең ұрпаққа сақтап қалу қажеттілігінің маңызы еш кем түспейді. 2015 жылы аймақтың жартастық өнері ескерткіштеріне жүргізілген мониторинг барысы көрсеткендей, петроглифтерді өзінің «автографтарымен» және өткен бейнені қайталау мүмкіндігімен дөрекі, мәдениетсіз келіп—кетушілер қоймай, әрдайым халықтың мұрасын бүлдіруде, бұзуда.

Жоспардың бірінші кезегінде әр уақытта консервация және сақтау мәселелері тұруы керек. Бұл мәселелердің кейбір бөлігін зерттеуші — археологтар немесе ескерткіштерге жақын орналасқан мұражайлардың кәсіби қызметкерлері шеше алуы мүмкін. Бірақ, аталмыш іс–шараларды, оның ішінде тікелей тас «бейнелермен» байланыс, бейнелерді көшіріп алу, тастарды қыналар мен мүктерден, кірлеуден тазарту жұмыстарын тек қана білікті мамандар — реставраторлар атқаруы тиіс.

Халық арасында орын алып келе жатқан экологиялық туризмнің және жартастық өнер ескерткіштеріне қызығушылықтың артуына байланысты, келесі маңызды мәселенің бірі ол, бейнелеу ескерткіштерін тамашалау үшін халықтың көптеп келуі кезінде петроглифтерді көріп—тамашалау мәселесі және бейнелердің қауіпсіздігі мәселелесі. Ежелгі бейнелер жиі тас үстінде әлсін көрінеді, сондықтан адамдармен абайсыз зақымдау және бейнелерді жою жағдайы болып тұрады, ондай жағдайлар бейненің бар екендігін білместіктен немесе бейнені көре алмастықтан туындайды.

Мүмкін, сауатты ақпараттық, ескерткіштің мәдени–тарихи баға жетпестігіне, оның мерзімделуіне бағытталған қорғаныс тақтайшаларын

орнату ежелгі сурет шеберлерінің туындыларын білместіктен, абайсыз зақымдаудан қорғап, жағдайды түзетуге көмегін тигізер. Бейнелеу ескерткіштері туралы білімнің негізін және олардың ғылыми және мәдени баға жетпестігін міндетті түрде кітап беттерінде, туристік бағдарларда, ескерткіштер туралы буклеттерде және жергілікті басылымдарды жариялайтын барлық парақшалар мен брошюраларда (кітапшаларда) басылымға енгізу керек, олар өз кезегінде барлық экскурсоводтар мен мұражай қызметкерлеріне, сонымен қатар жергілікті орта мектептердің тарих пәні мұғалімдері мен директорларына таратылуы тиіс. Мұндай алдын — алу іс — қимылдары бүгінде — біздің мәдени мұрамызды сақтау мен дәріптеудің жалғыз қолжетімді әдісі болып саналады.

Егер осы үрдіске барлық қатысушы қауымының тілегі болса, билік өкілдерімен, мұражайлармен, ЖОО–мен, турбизнес өкілдерімен және әр түрлі меншік субъектілерімен арадағы дұрыс заманауи байланыстар құру мүмкіншілігі бар, мұражай және бизнес арасындағы серіктестіктің жаңа тұжырымдары мен моделін жасап шығару мақсатында өзіндік келісім кеңістігі пайда болады, сонымен қатар мұражайлар арасындағы желілік қарым—қатынас принципі де жүзеге асады. Сондықтан бейнелеу ескерткіштері туралы теориялық, академиялық, мұражайлар туралы, жеке туризм туралы, туризм шеңберіндегі менеджмент туралы, полиграфиялық өнім және кәдесый өндірісі туралы ақпараттарды жинақтау және жүйелеу қажеттілігі бар, сонымен бірге өзектісі халықаралық тәжірибе туралы ақпараттарды жинақтау және жүйелеу, ол Қарағанды облысының тарихи—мәдени туризмін дамыту үшін, әсіресе ЭКСПО–2017 өткізілуі қарсаңында, ең алғашқы орталығы және өзіндік бастапқы алаңы бола алады.

Жалпы, Сарыарқа петроглифтерінің табылған жерлеріне авторлардың мониторинг және картографиялық жұмыстарын жүргізгендігі бізге көбінесе жартастық бейнелердің қазіргі кезде, әлі күнге дейін, әжептәуір жиі кездесетін уақытша тасталған немесе қолданыстағы қазақ қыстаулары, адамға өмір сүруге өте ыңғайлы табиғи ландшафтары бар, халқы аз қоныстанған аймақтарда шоғырланғандығын көрсетеді. Дегенмен, петроглифтердің табылған жерінің барлығы кең хронологиялық диапазонда мерзімделген, көптеген археологиялық ескерткіштердің тікелей жанында орналасуы олардың ежелде және ортағасырда көбіне маңызды байланыс арналарын бойлай орналасқандығының дәлелі бола алады: сауда және керуен жолдары.

Мыңжылдықтар бойында Сарыарқа петроглифтерінің табылған жері өткен дәуірлердің бай рухани және діни идеяларын көрсете отырып, киелі жерлер болып табылды. Қазіргі кезде де адамдардың сауығу немесе рухани қолдау үмітінде көптеп барып тұратын петроглифтер кездесетін ландшафтардың маңызы сақталған. Халықтың генетикалық жады өзінің қаһарман тарихын және ұлы оқиғалар жылнамаларын сақтайды. Сондықтан бұл жерлер біздің мәдени мұрамыздың шынайы ескерткіші және ертеректегі

бабаларымыздан мұра ет іп қалдырылған әлемдік масштабтағы феномен (құбылыс) болып қала бермек.

Сарыарқа петроглифтері Орталық Қазақстан ежелгі халқының рухани мәдениетінің биік деңгейдегі дамуын көрсетеді және оларды толық негізбен қола дәуірінен этнографиялық уақытқа дейін бір қатар хронологиялық кезеңдерді қамтитын, өзіндік мыңжылдықтың жартастық жылнамасы деп атауға болады.

Заманауи құндылықтар жүйесіне, танымдық туризм құрамына біріктірілген, ежелгі мәдениеттердің белгілері мен бейнелері тарихи зерденің, ежелгі өркениетті әлемдік заманауи қабылдауы үшін айрықша эстетикалық көзқарас жағынан жағымды және ыңғайлы құралының қуатты қоры болып табылады.

SUMMARY

Steppe figurative monuments

The unique cultural heritage of the Kazakh people, are the most ancient rock carvings — petroglyphs found in the vast expanses of Saryarka. They are still not well known by a general public and still almost not included into modern tourist routes. This book publishes materials about new and some familiar monuments of rock art Kazakh hummocks located within the modern administrative–territorial boundaries of the Karaganda region. Many aspects of these monuments are considered in detail. The history of their discovery, research methods, some of the issues of cultural and chronological attribution, style and content, as well as the problem of the status and preservation of monuments of Saryarka rock art and their use in a wide cultural and educational purposes.

The book contains a large number of illustrations, with a detailed bibliography and a detailed catalog of new petroglyphs. The publication is addressed to a wider audience — specialists in the field of ancient history, archeology, rock art, the organizers of tourist activities, guides, university students and all those interested in ancient history of Kazakhstan.

Within the administrative boundaries of modern Karaganda region, covering most of Saryarka and Kazakh hummocks were found twenty – seven figurative monuments. Petroglyphs' locations are clusters of about several hundred pieces each, they are situated in the most notable places of the steppe— on the rocky outcrops on the tops and slopes of the hills, on the steep banks of small rivers drying up in the summer. These points are visible from afar, as a rule, they are associated with numerous myths and legends of the locals and they are honored as sacred places — «aulie». Such kind of points are required to cattlemen as important indicators for the orientation in the vast steppes. It is no coincidence that even nowadays shepherds stone laying "obo" erected on the

tops of hills not only in the religious purposes, but also for the orientation in the steppe — so they mark the most convenient way of herds movement, rich of herbal pastures and water.

Perhaps the ancient monuments of petroglyphs acted as a sort of «lighthouses» in the vast steppe «ocean», pointed out the most convenient pastures and way of movement. In the absence of writing, there was a limited number of communication channels between members of society. Communication opportunities of people were limited to verbal and pictorial traditions that reflected the knowledge accumulated by society in the only available form — mythological.

Petroglyphs are considered as an archaeological source, the study of which requires the solution of specific problems and challenges, among which stands out: an integrated analysis; classification of the graphic and documenting (descriptive) materials in the light of the definition of their history; identification; decryption, as well as cultural and historical interpretation. The experience of the history of the primitive art study clearly shows that the solution of research problems in rock art depends on the overall level of development of scientific knowledge, in this case on the level of theoretical and methodological foundations of the petroglyphs study.

The material and technical base of these studies has an essential importance as well. Inadequate funding, unfortunately, does not allow to apply the most advanced and modern non—contact methods and tools in the field and laboratory work.

In recent years, the traditional archaeological tasks added another area of professional activity — monitoring of archaeological monuments. A significant period of time passed from the opening and the first description of these monuments. There is a need to establish the presence or loss of specific and already known petroglyphs, double-check their technical parameters, to identify the exact location in the coordinate grid, with reference to modern sightings, and maps in the GIS system, which is associated with the preparation of the full register not only the figurative monuments, but also the entire body monuments of history and culture of the region.

The full and detailed documentation of petroglyphs in the region is now the only option to save this invaluable historical source, since all known iconic monuments of the area are dilapidated or in critical condition. The preservation, restoration and preservation of this type of archaeological sites remain as serious problems. Such work on these monuments, unfortunately, never carried out, despite the fact that the number of visitors «autographs» on the rocks with petroglyphs only increases every year.

The earliest evidence of Kazakh hummocks rock engravings found in the works of Arab scholars and travelers, then a bit more often appeared in the works of German scientists and Russian geologists, since the XIX century, but

the real breakthrough in the research of Saryarka figurative monuments occurred only in the second half of the last century.

Steppe figurative monuments — the location of petroglyphs are a cluster of about two to five hundred pieces on each monument and consists of several multi — figure compositions, arranged in the most notable places in the steppe — on rocky outcrops of various types of sandstone, shale and granite, on the tops and the slopes of the hills, on the steep shores of small rivers drying up in summer, or on boulders, or dikes of «moraine origin». Generally, the total number of images is barely more than a thousand.

These points are visible from afar, with them, as a rule, associated with numerous myths and traditions of the local population. Unique steppe figurative monuments of passed eras, reflect cosmogonic concept of the structure of the Universe and mythological beliefs of people from ancient times lived in these places, and they are now honored by local people as sacred places — «aulie». In general, under the steppe figurative monuments here meant concentrations of petroglyphs — up to thousands of images, the landscape of which are predominantly steppe, flat space, rich grass and water, as opposed to the more southern and eastern figurative monuments located in the foothills of the great mountain ranges and greater in quantitative terms.

Considered in this book figurative monuments, geographically located exclusively in the steppe and plains this fact does not mean the absence of these rocky outcrops and low (150–200 meters) mountain ranges — the hills and deep river canyons. According macro topography features and landscapes, steppe figurative monuments of Saryarka are divided into several types.

The most ancient artistic traditions of the population of Saryarka: graphic, ornamental, figurative (statutory) and megalithic traditions, as well as the development of these and other traditions in space and in time, the authors refer to graphic communication, which has become an important means of internal and external activities of local societies, and which are recorded here by archaeological methods in the form of isolated archaeological cultures or cultural — historical communities. They have become a reliable indicator of the identity of these societies and its study and analysis allow clarifying many of the controversial issues of ethnocultural history.

The complex analysis of Saryarka petroglyphs shows that they belong, as a rule, to different historical periods, the majority of Saryarka rock sanctuaries or temples in the open air operated for a number of periods, as evidenced by the neighborhood on one monument engravings, belonging to different chronological periods. This leads to the conclusion that the function of rock art sites as one of the types of communication systems have remained unchanged for thousands of years.

An important feature of the Bronze Age art in central Kazakhstan is the lack of parallels between the vascular ornamentation, weapons, bone items and repertoire and characters of rock art period of the Andronovo cultural – histori-

cal community, or rather their separate and independent from each other's development. At that time, as a synchronous pattern on ceramics and bones remained strictly geometric petroglyphs on the rocks, engravings on stelae and small plastic Bronze Age demonstrate multifaceted artistic diversity of the repertoire of imagery, iconography, art; they are diverse in scene and composite attitude.

Perhaps along with the megalithic tradition, it was the different channels of communication of the population that existed in the same time in the same society, but are different artistic media carried the same ideas and images, influencing differently on society. This feature of the art of the Bronze Age — the separation of artistic motifs in ornamentation and monumental rock art, including small plastic images — remains a subject of debate and, apparently, can be explained by the peculiarities of ideology of the time, the specifics of mythological thinking of the ancient inhabitants of Saryarka in the Bronze Age. Probably pictorial «language» of the Bronze Age, imprinted on the rocks and clear to all clans speaking here in different dialects and languages, was a common communicative tool of these societies that helps to solve the problem of inter — clan relations, communication, search of wives, matchmaking, trade, technology exchange.

In turn, rock art of Andronovo cultural — historical community times and the early Iron Age archaeological evidence of the continuity of cultures and artistic traditions; the existence of broad historical, economic, geopolitical and cultural ties in the region of Central Asia, and throughout the steppe zone of the continent, which influenced the formation of these age a common, almost an unified, visual graphic «language», understandable everywhere in the steppes of Central Asia.

The repertoire of Scythian–Saka pictorial tradition of Saryarka well represented in typical for this time the images of wild animals, wild boar, fantastic predators and deer with branched antlers, mountain sheep, argali, scenes of torment.

Horse in a mask with horns depicted on the rock in the vicinity of the village Besoba similar to those found horses, buried in the mounds of the Altai Pazyryk time (Berel burial, Pazyryk, Tuekta et al.) is a striking fact proves the transformation of old — time images of the bronze and the formation of a new mythology and traditions. The image canon, whether it be a totem animal or scene, chosen story, and in this case — horse image in the ritual mask, begins to take at this time a new and extraordinary regulating and apparent magical power.

Indeed, the nomadic lifestyle itself predetermined main areas of communicative activity of early nomads across the entire belt of Eurasian steppe. Cultural and economic type of their life involves lengthy migrations of all society—clan (group of blood relatives), often several thousand kilometers; cyclicism, i.e. inevitable return to the original territories; «vertical» nomadism on the plentiful mountain's valleys, and many other features.

Saka–Scythian animal style, its decoding and territorial distribution in simultaneous monuments in the vast territory of the continent is a bright evidence of transcontinental fine, and in fact — the symbolic and imaginative communication means of early nomads in this period. The phenomenon of this style origin and its geographical distribution, decoding the images and communication messages obviously finds its origins on the rocks of Saryarka, clearly demonstrating its continuity and the origins of the local rock art of the Bronze Age.

The territory of Saryarka in the early Middle Ages (V–VIII centuries AD), to the time of the Arab Caliphate, has always been under the control of the early Turkic clans and even mostly formed part of the territories «state inheritance» of Western Turkic Kaganate — the core of its territory, contrast to the «wings» — his vassal and peripheral regions.

Among internal Turk communications authors include the visual, figurative, epigraphic sources, tamgas as ethnic markers and Kaganate own coins. A new impetus in the Saryarka at this time received a megalithic (statutory) manufacturing tradition of Turkic anthropomorphic sculptures — stone «balbals» that marked the most noticeable and plentiful areas in the steppe.

Formation of the own ancient Turkic identity is reflected in the traditional art that was influenced by the new historical realities — domination over the neighboring sedentary states, imperial scope and level of political contacts. A bright and original Turkic pictorial tradition was formed. It reflected all these new realities and achievements. Geographically, this tradition has developed also on the territory of Saryarka.

The basis of Turkish graphic tradition was a key figure — the armed horseman (bearer, steppe knight) — in the broadest sense — the heroic image of the leader of the clan: the leader — kagan, aruah — ancestor. Depicted on statured monuments (balbals, stone sculptures) as the era symbol, standard, canonical positions and with similar artistic techniques, the image in combination with other characters of ancient Turkic fine series is widely represented in the religious, ceremonial and everyday scenes, hunting plots, in fights, both petroglyphs and wall paintings of palaces in the southern regions (Penjikent, Afrasiab) or on the walls of the underground tombs of the Turkic kagan — the mausoleum Mayhan–uul in Mongolia.

The evidences of their own identity are the following: a few finds of Turkic tribal tamga in petroglyphs on cult and utilitarian objects, inscriptions and coins that have become not only an indicator of a developed system of property ownership, but also an important marker of tribal identity and ethnicity. It is no coincidence that many tamgas defined by researchers as West Turkic or Turgish has a direct correspondence with modern tamgas of some Kazakh tribes, or with their graphical basis.

An important role in this complex process of self — identification took iconic ancient Turkic tradition — with all the global changes, it remained mostly traditional communication channel in the steppe.

In general, the authors make the obvious conclusion that all known in the region plots on the rocks and all the artistic traditions from ancient times to the ethnographic present in the petroglyphs of Saryarka directly reflect the economic and geographic, economic and ideological features of the progressive development of the indigenous population of the region. The images of moose, dwellings, or plow, as well as symbols and signs of known world religions are not found or rarely met here.

In the history of rock art of Saryarka are several series of successive fine traditions, which are directly linked with the key stages (eras) in the history of the local population: Yamna–Afanasiovo pictorial tradition — the second part of III millennium BC (Includes art and megalithic traditions); Andronovo — II millennium BC (within which developed independent artistic styles and traditions — Early period (Sejma–Turbino style) and actually Andronovo (late stage), bright ornamental tradition; Karasuk or Begazy–Dandybay — X–VII centuries BC («prototurkic» period); Saka — VI–II centuries BC (in the depths of which formed and developed classical Scythian–Saka animal style), as well as unique — Turkic (V–VIII centuries AD) and Kazakh (XIV–XIX centuries) pictorial traditions.

In the bowels of the Indo–European, Indo–Iranian pictorial traditions of the Bronze Age, to its final stage of development, a new, let's call it conditionally «prototurkic» (or Begazy–Dandybay / Karasuk) pictorial tradition, which apparently developed in parallel and coexist in different forms with Scythian–Saka, mutually enriching each other. Due to the nomadic way of farming carriers of the two traditions, the initial formation of their territorial origin and they were moving and could not yet be accurately localized by modern methods or with the help of existing source base.

It is obvious that the vast expanses of Saryarka undoubtedly become the place where these traditions have evolved and enriched, becoming an important means of communication of local societies. At subsequent stages of development, these traditions were gradually drawn into independent pictorial canons, which form a new ruling pictorial tradition known in the local history of the ethnic groups: Saks (Tasmola people), Sarmatian (Savromats), the Western Turks, Kipchak (Polovtsy), and later — the Kazakhs. However, the problem of absolute chronology and dating of petroglyphs of Saryarka, as well as their decryption and ethnocultural attribution is still very far from being resolved and require further serious attention of researchers.

Now there is a main issue about the practical use of monuments of Saryarka rock art for enlightenment and promotion of cultural heritage and development of domestic and international tourism. The task of documenting of figurative monuments is relevant, but not less important is the need to preserve

them for future generations. The monitoring of rock art sites in the region held in 2015 showed that the petroglyphs are constantly and persistently disrupted by ignorant visitors with their «autographs», and attempts to repeat the images of the past.

The conservation and preservation are the key points. Some part of these problems can be solved by scientists, archaeologists or professional staff close to monuments museums. However, actions that involve direct contact with the stone «paintings» as copying, cleaning of lichens and dirt should be carried out exclusively by qualified restorers.

Taking into account the increasing popularity of ecotourism and the emergence of interest in the monuments of rock art, another important issue became the problem of visualizing the petroglyphs themselves and security image for mass visits of figurative monuments. The ancient images are often barely visible on the surface of the rocks, so inadvertent damage and destruction of images happen; people are not even aware of their existence or simply cannot see them.

Perhaps the installation of information security board, indicating a cultural and historical monument value, its dating, will help to remedy the situation and to protect the works of the ancient artists from accidental, unintentional damage. Basic knowledge about the figurative monuments and their scientific and cultural value, on a mandatory basis, should be reflected in the books, tourist guides, booklets about the monuments and in all kinds of local leaflets and brochures in the local press. They must necessarily be given to all the guides and museum employees, as well as a teacher of history and director of the local secondary schools. Taking preventive actions now — the only method available today of preservation and promotion of our cultural heritage.

The correct modern ways of communication between the government, museums, universities, representatives of the tourist industry and a variety of subjects of property are possible to create, if it were there the desire of all participants in the process. Thus, a kind of a dialog box will be formed in order to develop new concepts and models of partnership between museums and business, as well as museums between themselves on the principle of networking. Therefore it is necessary to generalize and systematize the theoretical and academic information about the figurative monuments of the museum, individual tourism, of the management in the tourism sector, the production of printed products and gifts, as well as information on the current international experience that will undoubtedly become the initial base and the kind of launching pad for the development of historical and cultural tourism in the Karaganda region, especially shortly before EXPO-2017.

In general, the monitoring and mapping locations of petroglyphs of Saryarka conducted by the authors shows that most rock art is concentrated in sparsely populated regions is now, but very comfortable for human habitation of natural landscapes, which are temporarily abandoned or still acting current Kazakh wintering. Nevertheless, the presence of petroglyphs locations in close

proximity to numerous archaeological sites dating back over a broad chronological range indicates that in ancient times and the Middle Ages they were mostly located along the major communication channels: trade and caravan routes.

For thousands of years the location of petroglyphs in the Saryarka were holy places. They also reflect the rich spiritual and religious ideas of passed eras. The significance of the landscape with petroglyphs preserved. People visit them in the hope of healing or spiritual support. The genetic memory of the people preserves its heroic history and the chronicles of great events. Therefore, these places are authentic monuments of our cultural heritage and the phenomenon of global scale inherited from the ancestors.

Petroglyphs of Saryarka demonstrate a high level of development of spiritual culture of the ancient population of Central Kazakhstan and rightfully can be called a kind of chronicle of the rock thousands of years, covering a range of historical periods from the Bronze Age to the ethnographic time.

Integrated in modern values, the structure of cultural tourism, symbols and images of ancient cultures are a powerful resource of historical memory, the most attractive from an aesthetic point of view and a convenient means for the modern perception of the world of ancient civilizations.

Таблица 52. Петроглифы Кестелетас. Полевое обследование петроглифов и описание изображений традиционными методами

Библиография

Авеста. Избранные гимны. Перевод И. М. Стеблин-Каменского. — Душанбе: Адиб, 1990. — 176 с.

Агапов П., Кадырбаев М. К. Сокровища древнего Казахстана. — Алма-Ата: Жалын, 1979. — 242 с.

Акишев К. А. Саки азиатские и скифы европейские (общее и особенное в культуре) // Археологические исследования в Казахстане. — Алма-Ата: Наука, 1973. — С. 43–58.

Акишев К. А. Курган Иссык. — М.: Искусство, 1978. — 132 с.

Акишев А. К. Искусство и мифология саков. — Алма-Ата: Наука, 1984. — 176 с.

Акишев К. А., Кушаев Г. А. Древняя культура саков долины р. Или. — Алма-Ата: Наука, 1963. — 298 с.

Акишев К. А., Акишев А. К. Проблема хронологии раннего этапа сакской культуры // Археологические памятники Казахстана. — Алма-Ата, 1978. — С. 38–63.

Акишев К. А., Акишев А. К. Древнее золото Казахстана. — Алма-Ата: Онер, 1983. — 34 с., илл.

Археологическая карта Казахстана. — Алма-Ата: Наука, 1960.

Алтынбеков К. Возрожденная из пепла. Реконструкция жрицы по материалам погребения в могильнике Таксай I / Новоженев В. А. (отв. ред.). — Алматы: Остров Крым, 2013. — 64 с., илл.

Алтынбеков К. Возрожденные сокровища Казахстана: опыт научной реставрации / Новоженев В. А. (отв. ред.). — Алматы: Остров Крым, 2014. — 364 с.

Археографическая экспедиция по изучению петроглифов в Шетский район Карагандинской области. — Режим доступа и дата обращения: 23 февраля 2016 г.:

<http://ulttykmuragat.kz/index.php/ru/novosti/20121102092737/2013god/chetvjortyjkvartal/894arkheograficheskayaekspeditsiyapoizucheniyupetroglifovvagadyrskijrajonkaragandinskoj-oblasti>

Аубекеров Б. Ж., Сала Р., Нигматова С., Жакупова Ш. Палеоклиматические условия аридной зоны Семиречья в эпоху бронзового и раннего железного веков // Природные и социальные проблемы географии аридных территорий. — Алматы, 2001. — С. 29–34.

Байпаков К. М. Средневековые города Казахстана на Великом Шелковом пути. — Алматы: Гылым, 1998.

Байпаков К. М. Великий Шелковый путь (на территории Казахстана). — Алматы: Адамар, 2007. — 496 с.

Байпаков К. М., Марьяшев А. Н. Петроглифы в горах Кулжабасы. — Алматы: ТОО «Археологическая экспертиза», 2004. — 22 с., илл. 86.

Байпаков К. М., Марьяшев А. Н., Потапов С. А. Петроглифы Тамгалы. — Алматы: ИА МОН РК, 2006. — 94 с., илл.

Байпаков К. М., Марьяшев А. Н., Байтанаев Б. А. Новые петроглифы Каратау. — Алматы, 2007. — 37 с.

Байпаков К. М., Марьяшев А. Н. Петроглифы Баян-Журека. — Алматы: Credos, 2008. — 200 с.

Байпаков К. М., Марьяшев А. Н. Петроглифы Ак-Кайнара. — Алматы: Credos, 2009. — 104 с.

Байпаков К. М., Марьяшев А. Н. Петроглифы Малого Каратау и западной оконечности Киргизского Алатау. — Алматы: ТОО «Археологическая экспертиза», 2013. — 120 с., илл.

Байтлеу Д. История изучения петроглифов Сарыарки // Ахинжановские чтения — 2002. Тезисы докладов научной конференции молодых ученых. — Алматы, 2003. — С. 6–7.

Байтлеу Д. История изучения петроглифов Казахстана: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. — Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН. — 2007. — 26 с.

Байтлеу Д. Памятники наскального искусства Казахстана. — Актобе, 2010. — 180 с.

Базылхан Н. Некоторые историко-источниковедческие проблемы, связанные с традиционной системой тамгопользования казахов // Материалы международного научно-практического семинара «Историко-культурное наследие и современная культура». — Алматы: Service Press, 2012. — С. 84–90.

Бедельбаева М. В., Новоженев В. А. Наскальные изображения урочища К оныржон // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии. — Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2015. В печати.

Белослюдов Б. А. К вопросу о доисторическом распространении в пределах Казахстана дикого двугорбого верблюда // Вестник АН КазССР. — 1946. — № 10 (19). — С. 51–52.

Бейсенов А. З. Сарыарка — колыбель степной цивилизации. — Алматы: Бегазы-Тасмола, 2011. — 32 с.

Бейсенов А. З., Джумабекова Г. С., Базарбаева Г. А. Мир образов в искусстве населения Сарыарки // Материалы международной научной конференции: «Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы». — Т. II. — Алматы, 2011. — С. 263–271.

Бейсенов А. З., Мусаева Р. С., Жамбулатов К. А. О создании естественно-научного обоснования (ЕНО) проектируемого заповедника-музея «Кызыларай-Бегазы» // Археология и история Сарыарки. — Караганда: Изд-во КарГУ, 2012. — С. 259–274.

Бейсенов А. З., Марьяшев А. Н. Петроглифы раннего железного века Ж етису. — Алматы: Хикари, 2014. — 156 с.

Бочкарев В. С. К вопросу о хронологическом соотношении Сейминского и Турбинского могильников // Проблемы археологии Поднепровья. — Днепропетровск: ДГУ, 1986. — Вып. 3. — С. 107–109.

Винник Д. Ф., Кузьмина Е. Е. Второй Каракольский клад // КСИА. — 1981. — Вып. 167. — С. 48–53.

Волков В. В. Оленные камни Монголии. — М.: Научный мир, 2002. — 248 с.

Воронец Н. С. Изображения на скалах, найденные на границе Тургайской и Сырдарьинской областей, на реке Лакбай // Русский антропологический журнал, 1916/1917. — Книга 39–40, № 3–4. — С. 57–60.

Гайдученко Л. Л. Семь тысячелетий истории казахской лошади // Онгар А. (ред.). Всадники Великой степи: традиции и новации. Труды филиала Института археологии имени А. Х. Маргулана. Вып. IV. — Астана, 2014. — С. 300–310.

Городцов В. А. Скальные рисунки Тургайской области // Труды ГИМ. В ыпуск 1. — М.: Наука. 1926. — С. 37–69.

Грушин С. П. Наконечники копий сейминско-турбинского типа Обь-Иртышского междуречья // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Материалы международной научной конференции, посвящённой 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога М. П. Грязнова / Ред. кол.

В. А. Алёшкин, Е. В. Бобровская и др. — СПб.: ИИМК РАН, 2012. — Т. 2. — С. 224–228.

Грязнов М. П. Первый Пазырыкский курган. — Л: Наука, 1950.

Джумабекова Г. С., Базарбаева Г. А. Художественные бронзы Жетысу. — Алматы: ИА им. А. Х. Маргулана, 2013. — 120 с.

Досымбаева А. М. История тюркских народов. Традиционное мировоззрение тюрков. — Алматы: Service Press, 2013. — 250 с.

Досымбаева А. М., Нускабай А. Тюркский археолого-этнографический комплекс Кумай. — Астана: Service Press, 2012. — 146 с.

Евдокимов В. В. Эпоха бронзы степей Центрального и Северного Казахстана. Автореф. дис. ... докт. ист. наук: 07.00.06. — Алматы: ИА им. А. Х. Маргулана, 2001. — 32 с.

Евдокимов В. В., Ломан В. Г. Раскопки ямного кургана в Карагандинской области // Вопросы археологии Центрального и Северного Казахстана. — Караганда: Изд-во университета, 1989. — С. 34–46.

Евдокимов В. В., Варфоломеев В. В. Эпоха бронзы Центрального и Северного Казахстана. — Караганда: изд-во КарГУ, 2002. — 138 с.

Епимахов А. В. Ранние комплексные общества севера Центральной Азии (по материалам могильника Каменный Амбар — 5). Кн. 1. — Электронное приложение. — Челябинск: изд-во ЮУГУ, 2005. — Ч. 1–2.

Епимахов А. В. «Горизонт колесничных культур» бронзового века: оценка эвристических возможностей // Известия Челябинского научного центра / Отв. ред. А. Д. Таиров. — 2008. — Вып. 1 (39). — С. 93–96.

Епимахов А. В., Хэнкс Б., Ренфрю К. Радиоуглеродная хронология памятников бронзового века Зауралья // РА. — 2005. — № 4. — С. 92–102 (на англ. языке: Antiquity, 2007. Vol. 81. — P. 353–367).

Ермоленко Л. Н. Изобразительные памятники и эпическая традиция: по материалам культуры древних и средневековых кочевников Евразии. — Томск, 2008. — 288 с.

Есин Ю. Н. «Солнцеголовые» изображения в раннеокуневском искусстве Минусинской котловины // Тропую тысячелетий. Сб. научных трудов, посвященный юбилею М. А. Дэвлет / Отв. ред. О. С. Советова, Е. А. Миклашевич и др. — Кемерово: САИПИ, 2008. — С. 81–98.

Есин Ю. Н. Проблемы выделения изображений афанасьевской культуры в наскальном искусстве Минусинской котловины // Афанасьевский сборник / Отв. ред. Н. Ф. Степанова, А. В. Поляков. — Барнаул: Азбука, 2010. — С. 53–73.

Зайберт В. Ф. Энеолит Ура ло-Иртышского междуречья. — Петропавловск: Наука, 1993. — 216 с.

Зайберт В. Ф. Ботайская культура. — Алматы: ҚазАқпарат, 2009. — 576 с.

Зданович Г. Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. — Свердловск: Изд-во Уральского университета, 1988. — 184 с.

Зданович Г. Б. Феномен протоцивилизации бронзового века урало-казахстанских степей // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. — Алма-Ата, 1989.

Зданович Г. Б. Аркаим — культурный комплекс эпохи средней бронзы Южного Зауралья // РА. — 1997. — № 2. — С. 47–62.

Западный Тюркский каганат. Атлас / Досымбаева А., Жолдасбеков М. (гл. ред.) / Новоженев В. А. (отв. ред.) — Астана: Назарбаев Центр, Service Press, 2013. — 848 с., илл.

Зуев Ю. А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. — Алматы: Дайк-Пресс, 2002. — 338 с.

Ишангали С. Изображение коня в петроглифах Теректы Аулие (Центральный Казахстан) // Историко-культурное наследие Северной Азии / Сб. науч. тр. — Барнаул, 2001. — С. 29–32.

Йеттмар К. Религии Гиндукуша. — М.: Наука, 1986. — 423 с.

Кадырбаев М. К. Памятники тасмолинской культуры // Маргулан А. Х. (ред.), Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана. — Алма-Ата: Наука-Гылым, 1966. — С. 303–428.

Кадырбаев М. К., Марьяшев А. Н. Каратауские колесницы // Археологические исследования в Казахстане. — Алма-Ата: Наука, 1973. — С. 128–145.

Кадырбаев М. К., Марьяшев А. Н. Наскальные изображения хребта Каратау. — Алма-Ата: Наука, 1977 (2007 — второе изд-е). — 232 с.

Кадырбаев М. К., Курманкулов Ж. Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки (по материалам Северной Бетпак-Далы). — Алматы: Гылым, 1992. — 247 с.

Карабаспакова К. М. К вопросу о культурной принадлежности памятников эпохи поздней бронзы Северо-Восточного Семиречья и их связь с памятниками Центрального и Северного Казахстана. — Караганда, 1987. — С. 90–101.

Кастанье И. А. Древности Киргизской степи и Оренбургского края // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. — 1910. — Вып. 22. — С. 28–66.

Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. — М.; Л., 1949. — 363 с.

Киселев С. В. К изучению минусинских каменных изваяний // Историко-археологический сборник. — М.: Наука, 1962. — С. 53–61.

Клейн Л. С. Происхождение индоевропейцев и археология // В. А. Алёкшин, Е. В. Бобровская (отв. ред.). Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Материалы международной научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога М. П. Грязнова. — Т. 2. — СПб.: изд-во ИИМК РАН, 2012. — С. 25–34.

Ковалёв А. А. Древнейшие европейцы в сердце Азии: чечурчекский феномен как ключ к решению проблемы тохарской прародины // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Материалы международной научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога М. П. Грязнова / Ред. кол. В. А. Алёкшин, Е. В. Бобровская и др. — СПб: ИИМК РАН, 2012а. — Т. 2. — С. 49–56.

Ковалёв А. А. Древнейшие статуи Чечурчека и прилегающих территорий. — СПб: ГБУК МИСР, 2012б. — 160 с.

Ковалёва О. В. Наскальные рисунки эпохи поздней бронзы Минусинской котловины. — Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 2011. — 160 с.

Ковтун И. В. Изобразительные традиции эпохи бронзы Центральной и Северо-Западной Азии. Проблемы генезиса и хронологии иконографических комплексов северо-западного Саяно-Алтая. — Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 2001. — 184 с.

Корневский С. Н. Древнейший металл Предкавказья. Типология. Историко-культурный аспект. — М: Таус, 2011. — 336 с., илл.

Крадин Н. Н. Кочевники Евразии. — Алматы: Дайк-Пресс, 2007. — 416 с.

Кубарев В. Д. Древние росписи Каракола. — Новосибирск: Наука, 1988. — 173 с.

Кузьмина Е. Е. Образ Митры в искусстве степей Евразии, Индии и Ирана во II тыс. — начале I тыс. до н. э. и лингвистические данные // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Материалы международной научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога М. П. Грязнова / Ред. кол. В. А. Алёкшин, Е. В. Бобровская и др. — СПб.: ИИМК РАН, 2012. — Т. 2. — С. 127–133.

Кузьминых С. В. Сейминско-турбинская проблема: новые материалы // КСИА. — 2011. — Вып. 225. — С. 240–263.

Кукушкин И. А. Металлические изделия раннеандроновского могильника Ащису // РА. — 2011. — № 2. — С. 110–116.

Кукушкин И. А. Доандроновские погребения Центрального Казахстана // Диалог культур Евразии в археологии Казахстана. Сборник научных статей, посвященных 90-летию со дня рождения выдающегося археолога К. А. Акишева / Отв. ред. М. К. Хабдулина. — Астана: Сарыарка, 2014. — С. 401–414.

Кукушкин И. А. Отчет о научно-исследовательской работе по теме «Исследование социально-стратифицированных погребальных комплексов Сарыарки в эпоху бронзы» Проект № 1344 / ГФ4 МОН РК // Архив САИ. — Караганда, 2015. — 154 с.

Кукушкин И. А., Кукушкин А. И., Дмитриев Е. А. Могильник Тундык: предварительные итоги исследований // Этнические взаимодействия на Южном Урале: материалы VI Всерос. науч. конф. / ред. кол.: В. И. Богдановский (предс.) и др.; А. Д. Таиров (отв. ред.). — Челябинск: Челябинский государственный краеведческий музей, 2015. — С. 136–143.

Кукушкин А. И., Дмитриев Е. А., Шохатаев О. С., Елибаев Т. А., Бейсенбаев Е. Е. Проведение научно-археологических исследований комплекса Нураталды (результаты полевых работ) // Сарыарқаңын тарихы мен археологиясы. Сб. научн. статей. — Карағанды, 2015. — С. 135–141.

Кумеков Б. Е. Государство кимаков IX–XI вв. по арабским источникам. — Алма-Ата: Наука, 1972. — 156 с.

Курманкулов Ж. К., Ермолаева А. С. Археология эпохи бронзы в независимом Казахстане // Свидетели тысячелетий: археологическая наука Казахстана за 20 лет / Гл. ред. Б. А. Байтанаев. — Алматы: ИА МОН РК, 2011. — С. 69–84.

Курманкулов Ж. К., Ермоленко Л. Н. Древности Сарыарки: каменные изваяния. Археология эпохи бронзы в независимом Казахстане. — Караганда: Credos Ltd С, 2014. — 156 с.

Кызласов Л. Р. Сарыбулакская писаница в Бетпақдала // КСИИМК. — 1950. — Вып. 35. — С. 139–143.

Лазаретов И. П. Окуневские могильники в долине р. Уйбат // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. — СПб.: ИИМК РАН, 1997. — С. 137–146.

Логвин А. В., Шевнина И. В. Об одном синташтинском погребальном комплексе могильника Бестамак // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги и перспективы. Материалы международной научной конференции, посвященной 20-летию Независимости Республики Казахстан и 20-летию Института археологии им. А. Х. Маргулана / Гл. ред. Б. А. Байтанаев, отв. ред. А. З. Бейсенов. — Алматы: ИА МОН РК, 2011. — Том 1. — С. 349–360.

Лукпанова Я. А. Костюм женщины сарматской эпохи: опыт реконструкции // Диалог культур Евразии в археологии Казахстана. Сборник научных статей, посвященных 90-летию со дня рождения выдающегося археолога К. А. Акишева. — Астана: Сарыарка, 2014. — С. 430–440.

Маргулан А. Х. К изучению памятников района р. Сары-Су и Улытау // Вестник АН Казахской ССР. — 1948. — № 2 (35). — С. 53–60.

Маргулан А. Х. Историко-топографический фон Восточной Бетпақ-Далы // Вестник АН Казахской ССР. — 1950. — № 6 (63). — С. 61–72.

Маргулан А. Х. Третий сезон археологической работы в Центральном Казахстане (отчет экспедиции 1948 года) // Известия АН КазССР. — № 108. — Серия археологическая. — Вып. 3. — Алма-Ата. — 1951. — С. 16–17.

Маргулан А. Х. Отчет о работе ЦКАЭ за 1956 год / Архив ИА МОН РК. Ф. 11, Оп. 2, Д. 384, Св. 26. на 18 листах.

Маргулан А. Х. Открытие новых памятников культуры эпохи бронзы Центрального Казахстана // XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегаций СССР. — М., 1960. — 12 с.

Маргулан А. Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. — Алма-Ата: Наука, 1979. — 336 с., илл.

Маргулан А. Х. Мир казаха. — Алматы, 1997.

Маргулан А. Х. Петроглифы Сарыарки. Гравюры с изображением волчьего тотема. Каменные изваяния Улытау. — Алматы, 2003. — Т. 3–4.

Маргулан А. Х. (ред.), Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана. — Алма-Ата: Наука, 1966. — 302 с., илл.

Марсадолов Л. С., Самашев З. С. Изучение археологических памятников Западного Алтая. — СПб., 2000. — 76 с.

Марьяшев А. Н. Наскальные изображения Казахстана: итоги 20-летнего изучения и проблемы // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги и перспективы. Материалы международной научной конференции, посвященной 20-летию Независимости Республики Казахстан и 20-летию Института археологии им. А. Х. Маргулана. / Гл. ред. Б. А. Байтанаев, отв. ред. А. З. Бейсенов. — Алматы: ИА МОН РК. — Том 1. — 2011. — С. 36–40.

Марьяшев А. Н., Горячев А. А. Итоги изучения памятников эпохи бронзы Жетысу // Свидетели тысячелетий: археологическая наука Казахстана за 20 лет / Гл. ред. Б. А. Байтанаев. — Алматы: ИА МОН РК, 2011. — С. 313–337.

Масанов Н. Э. Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности nomadного общества. Издание 2-е, дополненное. — Алматы: Print-S, 2011. — 740 с.

Медоев А. Г. Древние памятники изобразительного искусства в урочище Калмакжыткан-карашат // Вестник АН КазССР. — № 2 (191). — Алма-Ата. — 1961а. — С. 100–101.

Медоев А. Г. Наскальные изображения гор Тесиктас и Караунгур // Новые материалы по археологии и этнографии Казахстана. — Алма-Ата. — 1961б. — С. 72–77.

Медоев А. Г. Гравюры на камне в горах Тюлькули (Северо-Восточное Прибалхашье) // Вестник АН КазССР. — № 7. — 1963. — С. 89–93.

Медоев А. Г. Гравюра на камне у гор Итмурунды // Простор. — № 12. — 1966. — С. 102–103.

Медоев А. Г. Гравюры на скалах. Сары-Арка, Мангышлак. Ч. 1. — Алма-Ата: Жалын, 1979. — 174 с.

Мерперт Н. Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. — М.: Наука, 1974. — 152 с., 18 илл.

Мерперт Н. Я. Из истории древнеямных племен // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. — М.: Наука, 1977. — С. 68–79.

Мерц В. К. Наскальные рисунки края Кереку-Баян. — Павлодар: Из-во Павлодарского госуниверситета, 2002. — 114 с.

Мерц В. К. О новых памятниках эпохи ранней бронзы Казахстана // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. — Барнаул, 2003.

Мерц В. К. К проблеме миграций в эпоху раннего металла (о погребении ямного типа на Иртыше) // Проблемы археологии: Урал и Западная Сибирь. К 70-летию Т. М. Потемкиной. — Курган, 2007. — С. 71–75.

Мерц В. К. Каменный жезл с антропоморфным изображением из Павлодарской области // VIII исторические чтения памяти М. П. Грязнова (к 110-летию со дня рождения). Сб. научных трудов / Ред. Н. А. Томилов и др. — Омск: ОГУ, 2012. — С. 130–135.

Мерц В. К., Мерц И. В. Погребения «ямного» типа Восточного и Северо-Восточного Казахстана (к постановке проблемы) // Афанасьевский сборник. — Барнаул: Азбука, 2010. — С. 134–144.

Мерц И. В. История изучения эпохи ранней бронзы Восточного и Северо-Восточного Казахстана // Хозяйственно-культурные традиции Алтая в эпоху бронзы / Отв. ред. Н. Ф. Степанова и др. — Барнаул: Азбука, 2010. — С. 49–58.

Молодин В. И. Бронзовые навершия сейминского типа с конем // Арии степей Евразии: эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях: сборник памяти Е. Е. Кузьминой / Ред. кол.: К. Э. Разлогов (председатель); Е. В. Антонова; А. В. Епимахов; Ю. Ф. Кирюшин; В. И. Молодин; А. А. Тишкин; Т. С. Федорова; Н. А. Кочеляева / Молодин В. И., Епимахов А. В. (отв. ред.). — Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2014е. — С. 86–90.

Нефёдкин А. К. Военное дело сарматов и аланов (по данным античных источников). — СПб: Филологический факультет СПбГУ; Нестор-История, 2011. — 304 с.

Новгородова Э. А. Древняя Монголия. — М.: Наука, 1989. — 383 с.

Новоженев В. А. Петроглифы Казахского мелкосопочника // Проблемы археологии степной Евразии. — Кемерово, 1987а. — С. 18–23.

Новоженев В. А. О датировке наскальных изображений Сары-Арки // Проблемы периодизации и хронологии археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. — Караганда: изд-во университета, 1987б. — С. 79–89.

Новоженев В. А. Колесный транспорт эпохи бронзы урало-казахстанских степей // Вопросы археологии Центрального и Северного Казахстана. — Караганда: изд-во университета, 1989. — С. 110–122.

Новоженев В. А. О взаимосвязях населения Казахского мелкосопочника в древности // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. — М.: Наука, 1990. — С. 130–136.

Новоженев В. А. Петроглифы долины реки Байконур // Современные проблемы изучения петроглифов / Мартынов А. И., Шер Я. А. (отв. ред.). — Кемерово: Изд-во КемГУ; Кем. полиграфкомб., 1993. — С. 143–159.

Новоженев В. А. Наскальные изображения повозок Средней и Центральной Азии (к проблеме миграции населения степной Евразии в эпоху энеолита и бронзы). — Алматы: Аргументы и Факты. — Казахстан, 1994. — 266 с.

Новоженев В. А. Петроглифы Сары-Арки. — Алматы: ИА НАН РК, 2002. — 125 с.

Новоженев В. А. Чудо коммуникации и древнейший колесный транспорт Евразии. Под ред. Е. Е. Кузьминой. — М.: Таус, 2012а. — 500 с.

Новоженев В. А. Андроновская изобразительная традиция: конец мифа? (методологический аспект) // Археология и история Сарыарки / Гл. ред. Р. М. Жумашев. — Караганда: КарГУ, 2012б. — С. 114–145.

Новоженев В. А. Раннеандроновские колесничные инновации и некоторые аспекты генезиса китайской цивилизации // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Материалы международной научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога М. П. Грязнова / Алёшкин В. А., Кашуба М. Е. и др. (отв. ред.). — СПб: ИИМК РАН, 2012в. — Т. 2. — С. 183–187.

Новоженев В. А. К вопросу об идентификации тамгообразных знаков в петроглифах Центральной Азии // Историко-культурное наследие и современная культура. Сборник материалов международного семинара / Рогожинский А. Е. (отв. ред.). — Алматы: Signet Print, 2012г. — С. 117–122.

Новоженков В. А. Петроглифический канал коммуникации // Методика исследования культовых комплексов: сборник статей / Тишкин А. А. (отв. ред.). — Барнаул: Пять плюс, 2012д. — 144 с., илл. (Алтай на перекрестке времен и смыслов. — Вып. 3). — С. 57–65.

Новоженков В. А. Древнеямные памятники Сарыарки в контексте синхронных памятников степной Евразии и наскальная изобразительная традиция // Маргулановские чтения – 2012. Материалы ежегодной научно-практической конференции / Хабдулина М. К., Байтанаев Б. А. и др. (отв. ред.). — Астана: ИА МОН РК, 2012е. — С. 68–83.

Новоженков В. А. Заметки по этнокультурной истории племен эпохи бронзы Центральной Азии // Материалы и исследования по культурно-генетическим процессам на территории древнего и средневекового Казахстана. Полевые материалы и исследования кафедры археологии, этнологии и музеологии КазНУ им. ал-Фараби / Тулебаев А. Т., Жуматаев Р. С. (отв. ред.). — Вып. 2. — Алматы: Казак университеті, 2012ж. — С. 44–67.

Новоженков В. А. Ямно-афанасьевские изобразительные коммуникации населения Сарыарки в эпоху ранней бронзы // Материалы республиканской научно-практической конференции «V Оразбаевские чтения: Отечественная археология и этнология: исследования, открытия и интерпретации» / Калыш А. Б., Жуматаев Р. С. (отв. ред.). — Алматы: Казак университеті, 2013а. — С. 100–117.

Новоженков В. А. Изобразительные коммуникации населения Урало-Казахстанских степей в эпоху энеолита и ранней бронзы // Творчество в археологическом и этнографическом измерении: сборник научных трудов / Томилов Н. А. (гл. ред.), Корусенко М. А. и др. (отв. ред.). — Омск: Издательский дом «Наука», 2013б. — С. 185. — 197.

Новоженков В. А. Индоевропейские коммуникации в свете распространения древнейшего колесного транспорта: модель кочевой прародины // Материалы и исследования по культурно-генетическим процессам в эпоху бронзы и РЖВ. Материалы стендовой конференции и круглого стола «Традиционная культура казахов и протоказахов (вопросы генезиса и преемственности), приуроченных к 60-летию профессора А. Т. Тулебаева. Исследования кафедры археологии, этнологии и музеологии КазНУ им. ал-Фараби / Тулебаев А. Т., Жуматаев Р. С. (отв. ред.). — Вып. 4. — Алматы: Казак университеті, 2013в. — С. 19–71.

Новоженков В. А. Древнейшие кузнецы Евразийской степи (карасукская культура и происхождение бегазы-дандыбаевского феномена) // Бегазы-дандыбаевская культура степной Евразии. Сборник научных статей, посвященный 65-летию Ж. Курманкулова / Бейсенов А. З. (отв. ред.). — Алматы: Бегазы-Тасмола, 2013г. — С. 321–329.

Новоженков В. А. Модель коммуникаций и формирование собственной идентичности // Западный Тюркский каганат. Атлас / Новоженков В. А. (отв. ред.). — Астана: Назарбаев Центр, Service Press, 2013д. — С. 132–142.

Новоженков В. А. Великая степь: человек в системе древних коммуникаций // Таинство этнической истории древнейших кочевников степной Евразии / Епимахов А. В. (гл. ред.). Коллективная монография памяти Е. Е. Кузьминой. — Алматы: Остров Крым, 2014а. — С. 18–267.

Новоженков В. А. К вопросу о происхождении А-образного типа двуколок Минусинской котловины // Археология, этнография и антропология Евразии. — № 2 (58). — Новосибирск, 2014 б. — С. 90 — 100.

Новоженков В. А. Этнокультурные маркеры андроновского погребального обряда (по материалам могильника Карагайлы 3) // Материалы международной научно-практической конференции «VI Оразбаевские чтения» по теме «Проблема преемствен-

ности культур в археологии и этнологии», приуроченной к 80-летию КазНУ им. ал-Фараби (25 апреля 2014 г.) / Калыш А. Б., Жуматаев Р. С. (отв. ред.). — Алматы: Казак университеті, 2014в. — С. 115–127.

Новоженев В. А. Разграбление могил как коммуникативный месседж // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. — Т. 1. — Казань: Отечество, 2014г. — С. 622–628.

Новоженев В. А. Изобразительные коммуникации населения Центральной Азии в эпоху поздней бронзы // Архаическое и традиционное искусство: проблемы научной и художественной интерпретации: материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции 12–14 ноября 2014 г. Статьи опубликованы в авторской редакции / Геращенко М. В. (тех. ред.). — Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии, антропологии и этнографии СО РАН, 2014д. — С. 59–66.

Новоженев В. А. Андроновская изобразительная традиция в петроглифах эпохи бронзы Центральной Азии // Арии степей Евразии: эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях: сборник памяти Е. Е. Кузьминой / Ред. кол.: К. Э. Разлогов (председатель); Е. В. Антонова; А. В. Епимахов; Ю. Ф. Кирюшин; В. И. Молодин; А. А. Тишкин; Т. С. Федорова; Н. А. Кочеляева / Молодин В. И., Епимахов А. В. (отв. ред.). — Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2014е. — С. 455–468 — (600 с).

Новоженев В. А. К вопросу об этнокультурной интерпретации коллекции антропоморфной пластики из памятников Центральной Азии второй половины III тысячелетия до н. э. // Древний Тургай и Великая Степь: часть и целое: сб. научных статей, посвященный 70-летию Виктора Николаевича Логвина / Бейсенов А. З. (отв. ред.). — Костанай — Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана КН МОН РК, 2015а. — С. 314–331.

Новоженев В. А. Колесный транспорт и евразийские коммуникации ранних нómáдов // Stratum plus. — № 3. — 2015б. — С. 57–88.

Новоженев В. А. Археологические маркеры идентичности // Этнические взаимодействия на Южном Урале: материалы VI Всерос. науч. конф. / ред. кол.: В. И. Богдановский (предс.) и др., А. Д. Таиров (отв. ред.). — Челябинск: Челябинский государственный краеведческий музей, 2015в. — С. 40–45.

Новоженев В. А. Изобразительные коммуникации населения Центральной Азии в эпоху бронзы // РА. — № 3. — 2015г. — С. 20–36.

Новоженев В. А. Происхождение индоевропейцев — аргументы и мифы // Статья и дискуссия на сайте Генофонд.рф: http://xn--clacc6aafalc.xn--plai/?page_id=3668; дата обращения: 03.10.2015д.

Новоженев В. А., Смирнов Д. А., Шер Я. А. Компьютерный банк данных «Петроглифы Центральной и Средней Азии» (общая концепция и основные структуры) // Современные проблемы изучения петроглифов / Мартынов А. И., Шер Я. А. (отв. ред.). — Кемерово: Изд-во КемГУ; Кем. полиграфкомб., 1993. — С. 48–60.

Новоженев В. А., Алтынбеков К. К вопросу об использовании колесниц в эпоху ранних кочевников // Восхождение к вершинам археологии: сборник материалов международной научной конференции «Древние и средневековые государства на территории Казахстана», посвященной 90-летию со дня рождения К. А. Акишева / Байтанаев Б. А. (гл. ред.), Байпаков К. М. (отв. ред.). — Алматы: Изд-во ИА археологии имени А. Х. Маргулана, 2014. — С. 231–247.

Никитин В. П. Семипалатинская область. Памятники древности Каркаралинского уезда // Записки ИРАО, Т. VIII, Вып. 1–2, Новая серия. Труды отделения русской и славянской археологии, кн. 1, 1895. — СПб., 1896. — С. 211–218.

Нурумов Т. Н., Макарова Л. А. Домашние и дикие животные эпохи неолита и бронзы Центрального и Северного Казахстана // Проблемы палеоэкономики Казахстана по археологическим данным. — Алма-Ата: Наука, 1988. — С. 7–36.

Окладников А. П. Петроглифы Центральной Азии: Хобд-сомон (гора Тэбш) — Л., 1980. — 228 с.

От Алтая до Каспия. Атлас памятников и достопримечательностей природы, истории и культуры Казахстана в 3 томах. — Т. 1. — Алматы: Abdi, «Seimar Social Fund. kz», 2011. — 587 с.

Подольский М. Л. Феномен и парадоксы Минусинской степи (смена культурных доминант) // Культурно-экологические области: взаимодействие традиций и культурогенез: сборник научных статей. — СПб.: ИИМК РАН, 2007. — С. 113–128.

Полное географическое описание нашего отечества // Под ред. В. П. Семенова. — Т. 18. — СПб, 1903. — 487 с.

Поло Марко. Путешествие. Пер. со старофр. И. П. Минаева. Вступительная статья, комментарий и редакция перевода К. И. Кунина. — Л.: Художественная литература, 1940.

Полякова О. О. Астрономическая интерпретация изображения коня в петроглифах Теректы Аулие (Центральный Казахстан) // Экология древних и традиционных обществ. — Тюмень, 2007. — Вып. 3. — С. 125–128.

Пяткин Б. Н., Миклашевич Е. А. Сейминско-турбинская изобразительная традиция: пластика и петроглифы // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. / Отв. ред. М. А. Дэвлет. — М.: Наука, 1990. — С. 146–153.

Резепкин А. Д. К интерпретации росписи из гробницы майкопской культуры близ ст. Новосвободная // КСИА. — 1987. — Вып. 192. — С. 26–32.

Рогожинский А. Е. Изобразительный ряд петроглифов эпохи бронзы святилища Тамгалы // История и археология Семиречья / Отв. ред. А. Н. Марьяшев, Ю. А. Мотов. Вып. 2. — Алматы: ИА НАН РК, 2001. — С. 7–44.

Рогожинский А. Е. Наскальные изображения «солнцеголовых» из Тамгалы в контексте изобразительных традиций бронзового века Казахстана и Средней Азии // Материалы и исследования по археологии Кыргызстана. — Вып. 4. — Бишкек: ИИKN НАН КР, 2009. — С. 53–65.

Рогожинский А. Е. Образы и реалии древнеземледельческой цивилизации Средней Азии в наскальном искусстве эпохи бронзы Южного Казахстана и Семиречья // Наскальное искусство в современном обществе. Материалы международной научной конференции / Отв. ред. О. С. Советова и др. — Кемерово: САИПИ, 2011а. — С. 87–99.

Рогожинский А. Е. Петроглифы археологического ландшафта Тамгалы. — Алматы: Signet Print, 2011б. — 342 с.

Рогожинский А. Е. Петроглифы и эпиграфика // Историко-культурный атлас казахского народа. — Алматы: Print-S, 2011в. — С. 170–180.

Рогожинский А. Е. Петроглифы Северного Прибалхашья // От Алтая до Каспия. Атлас памятников и достопримечательностей природы, истории и культуры Казахстана в 3 томах. — Алматы, 2011г. — Т. 1. — С. 508–517.

Рогожинский А. Е. Памятники наскального искусства как культурные ландшафты // Сборник материалов Международного семинара-тренинга по историко-культурному наследию стран СНГ, проведенного 19–23 сентября 2011 г. в г. Алматы (Казахстан). — Алматы: «Аруна», 2011д. — С. 28–46.

Рогожинский А. Е. Тамги-петроглифы средневековых кочевников Казахстана: итоги новейших исследований и перспективы дальнейшего изучения // Сб. материалов

международного научно-практического семинара «Историко-культурное наследие и современная культура». — Алматы: Service Press, 2012. — С. 91–104.

Рогожинский А. Е. Незадолго до Чжан Цяня (след движения номадов из центра Азии на Запад в последние века до нашей эры) // Сборник памяти В. Д. Кубарева. — Новосибирск, 2016. — В печати.

Руденко С. И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. — М. — Л.: Наука, 1960.

Рудковский И. В. Андроновская орнаментика в контексте системообразующих инвариантов. — Алматы: ИА МОН РК, 2013. — 192 с., илл.

Савинов Д. Г. Ранние кочевники Верхнего Енисея: Археологические культуры и культурогенез. — СПб.: СПбГУ, 2002. — 257 с.

Сала Р., Деом Ж.-М. Наскальные изображения Южного Казахстана. — Алматы, 2005. — 150 с.

Самашев З. Петроглифы Казахстана. — Алматы: Өнер, 2006. — 200 с.

Самашев З. Изобразительные памятники бронзового века // Материалы II международной научной конференции «Кадырбаевские чтения — 2010». — Актобе, 2010. — С. 4–33.

Самашев З. Берел. — Алматы: Таймас, 2011. — 194 с.

Самашев З. Наскальные изображения Жетысу. Баянжурек. — Астана: Филиал ИА МОН РК, 2012а. — 240 с.

Самашев З. Изобразительная деятельность в бронзовом веке (к изучению проблемы в контексте культурогенеза) // Материалы республиканской научно-практической конференции «IV Оразбаевские чтения» на тему «Проблемы и достижения отечественной археологии и этнологии в XXI столетии», приуроченной к 90-летию А. М. Оразбаева / Отв. ред. А. Б. Калыш и др. — Алматы: «Казак университеті» (КазНУ), 2012б. — С. 20–31.

Самашев З. Древнее искусство. — Т. 1. — Алматы: Елнур, 2013. — 240 с.

Самашев З. Древнетюркская графика. — Астана: филиал ИА МОН РК, 2013а. — 324 с.

Самашев З. С., Франкфор А.-П., Новоженев В. А., Видаль П. Памятники древнего искусства Казахстана: новые исследования // Наскальное искусство Азии / Советова О. С. и др. (отв. ред.). — Вып. 1. — Кемерово: Изд-во КемГУ, 1995. — С. 15–16.

Самашев З., Курманкулов Ж., Жетыбаев Ж. Петроглифы Казахского мелкосопочника // Междунар. конф. по первобытному искусству. — Т. 2. — Кемерово, 2000. — С. 98–100.

Самашев З., Байтлеу Д., Курманкулов Ж. Петроглифы Теректы Аулие. — Астана, 2013а. — 240 с.

Самашев З., Байтлеу Д., Кариев Е., Мургабаев С. Исследование археологического комплекса Баганалы в Шиелинском районе Кызылординской области // Археологические исследования степной Евразии. Сб. статей к 70-летию В. В. Евдокимова / Отв. ред. В. Г. Ломан. — Караганда: КарГУ, 2013б. — С. 71–88.

Самашев З., Мургабаев С., Елеуов М. Петроглифы Сауыскандыка. — Астана: филиал ИА МОН РК, 2014. — 374 с.

Сарианиди В. И. Задолго до Заратуштры. Археологические доказательства протозороастризма в Бактрии и Маргиане. — М.: Старый сад, 2010. — 233 с.

Сарианиди В. И., Дубова Н. А. Новые гробницы на территории царского некрополя Гонура (предварительное сообщение) // На пути открытия цивилизации. Труды Маргианской археологической экспедиции / Отв. ред. Н. А. Дубова. — СПб.: Наука, 2010. — С. 210–256.

Сатпаев К. И. Доисторические памятники в Джезказганском районе // Народное хозяйство Казахстана. — № 1. — Алматы, 1941. — С. 40–43.

Сатпаев К. И. Некоторые археологические данные в пределах Джезказганского района. Архив ИИАЭ АН. № С-100-Б. — 1946.

Семби М. Память земли тюркско-монгольской: истоки и символика топонимов (тюркский меридиан). — Алматы: КазНИИК, 2013. — 296 с. (Серия «Труды КазНИИК». — Т. 1).

Смирнов Н. Ю. На чем ездил аржанский «царь»? // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Материалы международной научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога М. П. Грязнова / Ред. кол. В. А. Алёшкин, Е. В. Бобровская и др. — СПб.: ИИМК РАН, 2012. — Т. 2. — С. 424–431.

Таиров А. Д. Изменения климата степей и лесостепей Центральной Евразии во II–I тыс. до н. э.: материалы к историческим реконструкциям. — Челябинск: Рифей, 2003. — 68 с., илл.

Таиров А. Д. «Тасмолинцы» и внешний мир // Кадырбаевские чтения. Материалы международной научной конференции / Науч. ред. А. А. Бисембаев. — Актобе: «ПринтА», 2007. — С. 112–120.

Таиров А. Д. Кочевники Южного Урала, Северного и Центрального Казахстана (VII–V вв. до н. э.) // Материалы научно-практической международной конференции, посвященной 550-летию образования Казахского ханства. — Петропавловск: СКГУ имени М. Козыбаева, 2015. — С. 68–71.

Ткачев А. А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. — Тюмень: ТГНГУ, 2002. — Ч. 1–2.

Усманова Э. Р. По следам Булантинской битвы. — Караганда, 2011. — 45 с.

Филиппова Е. Е. Погребальные петроглифы Среднего Енисея и их место в идеологических представлениях карасукских племен // Археологический сборник. Погребальный обряд. Труды ГИМ. — М.: ГИМ, 1997. — Вып. 93. — С. 62–69.

Ченченкова О. П. Каменная скульптура лесостепной Азии эпохи палеометалла III–I тыс. до н. э. Под ред. Д. Г. Савинова. — Екатеринбург: Тезис, 2004. — 336 с.

Черников С. С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы // МИА. — № 88. — 1960. — 272 с.

Черников С. С. Восточный Казахстан в эпоху неолита и бронзы: автореф. дис. ... докт. ист. наук: 07.575. — М.: ИА АН СССР, 1970. — 60 с.

Черных Е. Н., Кузьминых С. В. Древняя металлургия Северной Евразии. — М.: Наука, 1989. — 320 с.

Чечушков И. В. Колесничный комплекс эпохи поздней бронзы степной и лесостепной Евразии (от Днепра до Иртыша): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. — М., 2013: ИА РАН. — 27 с.

Чугунов К. В. Плиты с петроглифами в комплексе кургана Аржан 2 (к хронологии аржано-маэмирского стиля) // Тропую тысячелетий. Сб. научных трудов, посвященный юбилею М. А. Дэвлет / Отв. ред. О. С. Советова, Е. А. Миклашевич и др. — Кемерово: КемГУ, 2008. — С. 53–69.

Швец И. Н. Ряженный персонаж в наскальном искусстве Центральной Азии (проблемы интерпретации) // Вопросы археологии Казахстана. — Алматы — Москва: Гылым, 1998а. — Вып. № 2. — С. 197–208.

Швец И. Н. К изучению антропоморфного персонажа в петроглифах Центральной Азии // Вопросы археологии Казахстана. — Алматы — Москва: Гылым, 1998б. — Вып. № 2. — С. 208–213.

Швец И. Н. Антропоморфные знаки-символы в наскальном искусстве Центральной Азии // Туркестанский вестник. Новости археологии международного казахско-турецкого Университета им. Х. А. Ясави. — Туркестан: Научно-исследовательский центр археологии и этнографии, 1998в. — С. 24–29.

Швец И. Н. Ритуальные сюжеты в наскальном искусстве Центральной Азии // Известия МН. — ВО РК. Сер. Общ. Наук. — Алматы: Гылым, 1999а. — № 1. — С. 85–91.

Швец И. Н. Образ человека в наскальном искусстве Центральной Азии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Алматы, 1999б. — 29 с.

Швец И. Н. Местонахождение петроглифов Тамгалы: к проблеме интерпретации // Материалы международной научной конференции «Маргулановские чтения — 2009». — Т. 1. — Петропавловск, 2009. — С. 93–96.

Швец И. Н. Особенности техники исполнения петроглифов Южного Казахстана // Вопросы археологии Казахстана. — Выпуск 3. — Алматы, 2011а. — С. 490–494.

Швец И. Н. Сюжеты окуневского изобразительного типа в наскальном искусстве Казахстана // Материалы международной научной конференции «Наскальное искусство в современном обществе (к 290-летию научного открытия Томской писаницы)». — Т. 2. — Кемерово, 2011б. — С. 134–138.

Швец И. Н. Об антропоморфных изображениях казахстанских петроглифов эпохи бронзы // Таинство этнической истории древнейших номадов степной Евразии / Епимахов А. В. (гл. ред.). Коллективная монография памяти Е. Е. Кузьминой. — Алматы: Остров Крым, 2014а. — С. 294–299.

Швец И. Н. Антропоморфные изображения с посохом в наскальном искусстве Южного Казахстана // Восхождение к вершинам Археологии. Сборник материалов международной научной конференции «Древние и средневековые государства на территории Казахстана», посвященной 90-летию со дня рождения К. А. Акишева. — Алматы, 2014б. — С. 157–165.

Швец И., Самашев З., Мургабаев С., Бедельбаева М. Петроглифы местонахождения Сауыскандык: к проблеме культурных контактов древнего населения Евразии // VII исторические чтения памяти М. П. Грязнова: сборник научных трудов. — Омск, 2008а. — С. 342–347.

Швец И., Самашев З., Мургабаев С., Бедельбаева М. Некоторые итоги изучения местонахождения петроглифов Сауыскандык в Южном Казахстане // Вестник КарГУ. Сер. история, философия, право. — № 4 (52). — Караганда, 2008б. — С. 22–26.

Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. — М.: Наука, 1980а. — 328 с.

Шер Я. А. Ранний этап скифо-сибирского звериного стиля // Скифо-сибирское культурно-историческое единство / Отв. ред. А. И. Мартынов, О. С. Советова, Е. А. Миклашевич и др. — Кемерово: КемГУ, 1980б. — С. 344–346.

Шер Я. А. Стиль в первобытном искусстве // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции. Материалы тематической научной конференции. — СПб.: ИИМК РАН, 2004. — С. 9–13.

Шер Я. А. Истоки искусства: не пора ли сменить направление поиска? (приглашение к дискуссии) // РАЕ. — № 4. — 2014. — СПб. — С. 23–39.

Шер Я. А. Пещерное и современное искусство // Stratum plus. — № 1. — 2015. — Кишинев. — С. 49–62.

Шер Я. А. Первобытное искусство и языки: словесные и образные // Статья и дискуссия на сайте Генофонд.рф; режим доступа и дата обращения 27.02.2016: http://xn--c1acc6aafalc.xn--plai/?page_id=7277.

Шкода В. Г. К вопросу о северных связях Саразма // Северная Евразия от древности до средневековья. Тезисы конференции к 90-летию со дня рождения М. П. Грязнова. Археологические изыскания. — СПб., 1992. — Вып. 2. — С. 57–59.

Шкода В. Г. Две каменные скульптуры палеометалла // Сообщения Государственного Эрмитажа. — СПб., 1997. — С. 48–51.

Шульга П. И. Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. Ч. I. Раннескифское время. — Барнаул, 2008. — 276 с.

Шульга П. И. Конское снаряжение ранних кочевников Минусинской котловины (по материалам Минусинского музея им. Н. М. Мартьянова): монография / Ин-т археологии и этнографии. — Новосибирск, 2013. — 149 с.

Шульга П. И. Снаряжение верховой лошади в Горном Алтае и Верхнем Приобье. — Новосибирск: РИЦ НГУ, 2015а. — Ч. II (VI–III вв. до н. э.). — 322 с.

Шульга П. И. Могильник Юйхуанмяо в северном Китае (VII–VI века до нашей эры) / П. И. Шульга; Федер. агентство науч. организаций, Ин-т археологии и этнографии СО РАН. — Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2015б. — 304 с.

Allentoft M. E. et al. Population genomics of Bronze Age Eurasia // Nature. — 2015. — Vol. 522. — P. 167–172. Режим доступа, аффилиация авторов, дата обращения 14.03.2016: <http://www.nature.com/nature/journal/v522/n7555/full/nature14507.html>.

Bemann M., König D. Die Felsbildstastion Oshibat // Materialien zur Archäologie der Nordgebiete Pakistans 1. — Mainz, 1994. — P. 28–45.

Frachetti M. D. Pastoralist Landscapes and Social Interaction in Bronze Age Eurasia. — Berkley, ect: University of California Press. — 2008.

Frachetti M. Multi-regional emergence of mobile pastoralism and nonuniform institutional complexity across Eurasia // Current Anthropology. — 2012. — № 1. — Vol. 53. — P. 2–21.

Garfinkel A. P., Waller S. J. Sounds and Symbolism from the Netherworld: Acoustic Archaeology at the Animal Master's Portal // Pacific Coast Archaeological Society Quarterly. — 2012. — № 4. — Vol. 46. — P. 37–60. Режим доступа, дата обращения 11.03.2016: https://www.academia.edu/12196152/Sounds_and_Symbolism_from_the_Netherworld_Acoustic_Archaeology_at_the_Animal_Masters_Portal.

Golden P. B. Turkic Calques in Medieval Earstern Slavic // Nomads and their Neighbours in the Russian Steppe // Journal of Turkish Studies 8. — Cambridge. — MA. — 1984. — Ashgate: Variorum, 2003. — P. 103–111.

Jettmar K. Die Religionen des Hindukusch. — Stuttgart: Kohlhammer, 1975. — 525 s.

Haak W., Lazaridis I., Patterson N., Rohland N., Mallick S., Lamas B. et al. Massive migration from the steppes was a source for Indo-European Languages in Europe // Nature. — 2015. — Vol. 522. — P. 207–211. Режим доступа и дата обращения 11.03.2016: <http://www.nature.com/nature/journal/v522/n7555/full/nature14317.html>.

Kšica M., Kšicova O. Felsbilder swischen Schwarzem Meer und Beringstrasse. — Brno, 1994.

Ledebour H. F. Reise durch das Altaigebirge und Soongarishe stepp. — Berlin, 1829.

Novozhenov V. A. The Composition with a Chariot in the Bronze Age Petroglyphs of Mongolia // International Newsletter on Rock Art (I.N.O.R.A.). / ed. by Dr. J. Clottes. — 1993. — N 6. — P. 7 – 10.

Qi Xiaoshan, Wang Bo. The Ancient Culture in Xinjiang Along the Silk Road. — Xinjiang: XUARICEA, 2008. — 304 p.

Parpola A. The Nasatyas, the chariot and Proto - Aryan // Journal of Indological Studies. — 2005. — T. 16–17. — P. 1–63.

Rogozhinskii A. E., Yatsenko S. A. The Ancient Tamga-signs of South-East Kazakhstan and Their owners: The Route from East to West in the 2nd century BCE. — 2nd century CE // The Silk Road. — № 13. — 2015. — P. 109–125.

Shvets I. Kazakh Petroglyphs in the Light of Recently Discovered Stations and Their Dating. — In: L. M: Olivieri (Hrsg.) // Pictures in Transformation: Rock Art Research between Central Asia and the Subcontinent (South Asian Archaeology 2007/2). — Oxford, BAR S2167, 2010. — S. 77–81.

Shvets I. Studien zur Felsbildkunst Kasachstans. Materialien zur Archaeologie Kasachstans. Bd.1. — Darmstadt/Mainz: Philipp von Zabern, 2012. — 267 s., 151 tafeln.

Shvets I., Samašev Z., Murgabaev S., Bedelbaeva M. Felsbilder des Karatau-Gebirgsrückens, Südkasachstan. Die Felsbildstation Sauskandyk I–II — Wissenschaftlicher Bericht an die Gerda Henkel Stiftung. — Heidelberg, 2008. — 320 s.

Shvets I., Samašev Z., Murgabaev S., Bedelbaeva M. Felsbilder des Karatau-Gebirgsrückens, Südkasachstan. Die Felsbildstation Sauskandyk III–VII. — Wissenschaftlicher Bericht an die Gerda Henkel Stiftung. — Heidelberg, 2010. — 450 s.

Stralenberg F. Nord und Oesterliche Theil von Europa und Asia. — Stockholm, 1730.

Taşağil A. Gök-Türkler. I. II. Baski. Türk Tarih Kurumu Basımevi. — Ankara, 2003. — 197 s.

Taşağil A. Gök-Türkler III. — Ankara: Türk Tarih Kurumu, 2004. — 217 s.

Tashbaeva K. Petroglyphs of Kyrgyzstan // Petroglyphs of Central Asia. — Bishkek, 2001. — P. 9–79.

Список сокращений

- АО** — Археологические открытия — М.: Наука.
АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа — СПб.
АЭАЕ — Археология, этнография и антропология Евразии — Новосибирск.
БМАК — Бактрийско-Маргианский археологический комплекс.
ВАН — Вестник Академии наук — Алма-Ата.
ГБУК МИСР — Государственное бюджетное учреждение культуры «Музей-институт семьи Рерихов», СПб.
ГИМ — Государственный исторический музей — Москва.
ДГУ — Днепропетровский государственный университет — Днепропетровск.
ЗТКА — Атлас. Западный Тюркский каганат — Астана, 2013.
ИАН — Известия Академии наук — Алма-Ата.
ИА РАН — Институт археологии Российской Академии наук — Москва.
ИАЭТ СО РАН — Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской Академии наук — Новосибирск.
ИИАЭ АН Каз ССР — Институт истории, археологии и этнографии имени Ч. Ч. Валиханова Академии наук Казахской ССР — Алма-Ата.
ИИМК РАН — Институт истории материальной культуры РАН — СПб.
ИА НАН РК/ИА МОН РК — Институт археологии имени А. Х. Маргулана Национальной академии наук/Министерства образования и науки Республики Казахстан — Алма-Ата/Алматы.
ИИКН НАН КР — Институт истории и культурного наследия Национальной Академии наук Киргизской Республики — Бишкек.
КазНУ — Казахский национальный университет имени ал-Фараби — Алматы.
КарГУ — Карагандинский государственный университет имени академика Е. А. Букетова — Караганда.
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР — М.: Наука.
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР — М.; Л.; Наука.
КИО — культурно историческая общность (область).
КХТ — культурно-хозяйственный тип.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР — М.: Наука.
МНО — Майкопско-новосвободненская общность.

- ОГУ** — Омский государственный университет — Омск.
РАЕ — Российский археологический ежегодник — СПб.
СА/РА — Советская археология/Российская археология — М.: Наука.
САИ — Сарыаркинский археологический институт при Карагандинском государственном университете имени Е. А. Букетова.
САИПИ — Сибирская Ассоциация исследователей первобытного искусства.
СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа — Л.
СМАЭ — Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР — Л.
СЭ — Советская этнография — М.: Наука.
СПбГУ — Санкт-Петербургский государственный университет — СПб.
ТГНГУ — Тюменский государственный нефтегазовый университет — Тюмень.
УрГУ — Уральский государственный университет — Екатеринбург.
BAR — British Archaeological Reports — L.
IJES — International Journal of Eurasian Studies.
PPS — Proceedings of the Prehistoric Society — L.
PSAH — Prehistoric Steppe Adaptation and the Horse. (Levin M., Renfrew C.(eds) — Exeter, 2003.
XUARICEA — Xinjiang-Uyghur Autonomous Region International Cultural Exchange Association — Xinjiang, China.

Каталог новых изобразительных памятников

Настоящий Каталог представляет собой подробное словесное описание новых местонахождений петроглифов, исследованных на территории области в процессе проведенного летом 2015 года мониторинга (*табл. 53*). Детально описаны неопубликованные ранее в литературе местонахождения петроглифов Тамды, Коныржон, Шунак, Желтау, ряд новых изображений из местонахождения Килыбай, Байконур с уточнением их ландшафтных и историко-культурных характеристик. Зафиксированы, документированы и описаны все без исключения плоскости с изображениями и с сохранившимися следами выбивки. Структура описания – стандартная, принятая в наших более ранних публикациях, включает в себя индексацию каждой фигуры на плоскости. Для определения техники изготовления используются сокращения: МТВ, СТВ и КТВ – соответственно мелкоточечная, среднеточечная и крупноточечная выбивка. Для определения интенсивности «пустынного загара» используется пятибальная шкала определения патины от ПТ 1 до ПТ 5. Общие характеристики макро- и микротопографии описанных ниже петроглифов на уровне общей информации о каждом изобразительном памятнике, его расположении относительно ближайших населённых пунктов, представлены во 2-й главе настоящего издания. Точные географические координаты всех описанных здесь изобразительных памятников, зафиксированные с помощью GPS навигации, имеются в сопроводительной документации, переданной в компетентные органы государственной охраны историко-культурного наследия Карагандинской области и по глубокому убеждению авторов этой книги не подлежат публичной огласке в целях защиты изобразительных памятников от несанкционированного доступа неорганизованных туристов и любителей оставлять «автографы» на скалах.

Для копирования петроглифов со скал нами в порядке эксперимента применялся бесконтактный метод фотографического сканирования и последующей графической обработки изображений, который мы назвали «графическое сканирование плоскости» и который полностью автоматизирован, исключает субъективное вмешательство в процесс оцифровки изображений. Поскольку эта технология находится в стадии экспериментальной разработки, то не все приведенные в этом разделе прорисовки в возможно удовлетворят специалистов. По этой причине все спорные плоскости и сомнительные изображения в этой книге дублируются фотографиями. Вместе с тем, уже первые полученные результаты нас обнадежили и работы в этом направлении будут непременно продолжены.

Петроглифы Байконур «Н»

Плита 1 (табл. 23) Вертикальная плита размером 2,0 x 1,3 м. Обращена на восток. Пати́на поверхности плиты 5. Находится на высоте 4-5 м от поверхности воды. Разрушается трещинами и корковым лишайником, часть рисунков покрыта посетительскими «автографами». Следы современного процарапывания.

Верхний ярус изображений:

1.1 – кабан (?), обращен влево, округлый корпус, голова опущена вниз, ноги скошены вперед, хвост опущен; МТВ глубиной 0,3 см, шлифовка; ПТ 3.

1.2 – неопределенные изображения круглой и овальной формы, (эскиз?); МТВ глубиной 0,3 см; ПТ 3.

1.3 – двугорбый верблюд, обращен влево, ноги прямые, морда направлена вперед, прорисованы хвост и уши; МТВ глубиной 0,3 см; ПТ 3.

1.4 – кабан (?), обращен влево, изображение испорчено трещиной; скелетная МТВ глубиной 0,3 см; ПТ 3.

Средний ярус:

1.5-1.8 – 4 двугорбые верблюда, обращены влево, расположены друг за другом, реалистично, следы подновления; МТВ глубиной 0,3 см, шлифовка; ПТ 3.

Нижний ярус:

1.9-1.11 – человек, в фас, схематично, прорисованы две ноги, головной убор, ведет двугорбого верблюда, запряженного четырехколесной повозкой, изображенной в плане с двумя оглоблями, обращены влево; МТВ глубиной 0,3 см, следы подновления; ПТ 3.

Плита 2 (рис. 4) Расположена ниже плиты 1 на 2 м. Размеры 1,2 x 0,9 м. Обращена на восток. Угол наклона 105° .

2.1-2.5 – двугорбые верблюды, два обращены влево, три вправо, схематично, три фигуры крупнее, у двух прорисованы по четыре ноги; МТВ глубиной 0,3 см с шлифовкой; ПТ 3.

2.6 – неопределенное животное (не дорисовано?); МТВ глубиной 0,5 см; ПТ 3.

2.7 – неопределенное изображение овальной формы; МТВ глубиной 0,5 см; ПТ 3.

2.8 – двугорбый верблюд, обращен влево, крупно (0,3 x 0,7 м), морда вытянута вперед, две задние ноги прорисованы полукругом, реалистично; МТВ глубиной 0,5-1 см, шлифовка; ПТ 3.

2.9 – двугорбый верблюд, обращен влево, схематично, задняя часть изображения сколота; МТВ глубиной 0,3 см; ПТ 3.

Плита 3 (рис. 5-7; табл. 32). Расположена правее плиты 1 на 0,5 м. Размеры 2,4 x 1,6 м. Обращена на восток. Угол наклона $65-70^{\circ}$. Крупный скол поперек плиты привел к разрушению 80% изображений (особенно пострадала правая часть).

Верхний ярус:

3.1-3.7 – двугорбые верблюды: один обращен вправо, схематично, дорисован позднее (?); три крупные обращены влево, тщательно прорисованы; три – прорисованы мельче, схематично; МТВ глубиной 0,3 см, шлифовка; ПТ 3.

3.8-3.9 – антропоморфные изображения (?), нарисованы одно над другим, мелко, схематично; МТВ глубиной 0,3 см; ПТ 2.

3.10-3.12 – сцена охоты: бык, обращен вправо, крупно, прорисованы два рога, хвост, перед ним два лучника, обращены влево, мелко, схематично (поздние изображения?); МТВ глубиной 0,3 см; ПТ 3.

3.13-3.14 – сцена преследования: хищник (?), крупный, ноги скошены вперед, преследует верблюда; МТВ глубиной 0,3 см; ПТ 3.

Центральный ярус:

3.15 – двугорбый верблюд, обращен влево, мелко, реалистично; МТВ глубиной 0,5 см; ПТ 3.

3.16-3.20 – человек, нарисован в профиль, схематично, за ним идут три двугорбых верблюда, соединены с ним поводьями, крупно, реалистично, ноги скошены вперед, круглый хвостик у двух направлен вниз. Один верблюд со спутанными ногами с хвостом вверх. Между ними верблюд мельче (недорисован ?); МТВ, КТВ глубиной 0,3-1 см; ПТ 3.

3.21 – двугорбый верблюд, обращен влево, ноги скошены вперед, мелко; МТВ глубиной 0,3 см; ПТ 3.

3.22 – двугорбый верблюд, обращен вправо, схематично; задняя часть изображения сильно повреждено крупным сколом; КТВ глубиной 1 см; ПТ 3.

3.23 – двугорбый верблюд, обращен влево, недорисован; МТВ глубиной 0,5 см; ПТ 3.

3.24-3.25 – сцена противостояния (?): два человека, в фас, схематично (поздняя дорисовка), правая рука одного и левая другого подняты вверх, между ними прорисован неопределенный предмет (дубинка?); МТВ глубиной 0,3 см; ПТ 3.

3.26-3.27 – двугорбые верблюды, один обращен влево, другой вправо, хвосты опущены; МТВ глубиной 0,5 см; ПТ 3.

3.28-3.29 – лунки диаметром 1,5-2 см; МТВ глубиной 0,3 см; ПТ 3.

3.30 – неопределенное изображение овальной формы; МТВ глубиной 0,3 см, контур; ПТ 3.

3.31-3.32 – быки, обращены вправо чуть вверх, реалистично, рога длинные волнистые, морды направлены вниз, ноги прямые, передняя часть одного изображения сильно испорчена трещиной; МТВ с шлифовкой глубиной 0,3 см; ПТ 3.

3.33-3.34 – сцена противоборства: два человека, в фас, обращены лицом друг к другу, в руках держат палицы (?), круглые головы, массивные плечи, торсы треугольные, крепкие ноги расставлены и прорисованы мышцы, ступни, колени, фаллосы, реалистично, расположены справа от быков. Фигуры повреждены крупными сколами и разрушаются; МТВ с шлифовкой глубиной 0,3 см; ПТ 3.

3.35-3.37 – двугорбые верблюды, обращены влево, расположены один над другим, в центре более мелкий – ноги прямые, уши, хвост направлен вниз, у двух других хвосты направлены вверх, нижний верблюд соединен с человеком с рисунка 34; МТВ глубиной 0,3 см; ПТ 3.

На отколотой части плиты, расположенной под углом.

3.38 – двугорбый верблюд, обращен влево, изображение незакончено, возможно – позднее; КТВ глубиной 1 см; ПТ 2.

3.39-3.40 – двугорбые верблюды, обращены влево, схематично; МТВ глубиной 0,3 см; ПТ 3.

3.41-3.43 – неопределенные изображения (эскизы?); МТВ глубиной 0,3 см, шлифовка; ПТ 3.

3.44-3.45 – двугорбые верблюды, один обращен влево, другой вправо, схематично; МТВ глубиной 0,3 см; ПТ 3.

Плита 4 (табл. 33; 44) Расположена правее плоскости 3 на 0,5 м. Подтреугольной формы. Размеры: высота 3,8 м, ширина основания 1,0 м, вершины – 0,6 м. Ориентирована на юго-запад. Угол наклона 60° . Крупный скол на вершине и трещины по всей площади плиты. Изображения сильно испорчены лишайником. Палимпсест, часть рисунков идентифицируется с трудом, так как перекрывается более поздними изображениями.

На самой вершине треугольной плоскости, за крупным сколом:

4.1-4.4 – сцена преследования: три хищника (?), обращены вправо, мелко, позы агрессивные, хвосты вверх, реалистично преследуют горного козла (изображение испорчено лишайником); МТВ глубиной 0,5 см; ПТ4.

4.5 – горный козел (?), мелко, обращен вправо, небольшой рог; МТВ глубиной 0,3 см. ПТ 4.

4.6 – двугорбый верблюд, обращен вправо, задние ноги скошены вперед, хвост вверх; МТВ глубиной 0,3 см. ПТ 3.

4.7 – неопределенное животное, обращено влево, с фаллосом, длинные ноги, хвост опущен, реалистично; МТВ глубиной 0,5 см; ПТ3.

4.8 – лошадь, обращена вправо, морда и хвост опущены, реалистично; СТВ глубиной 0,5 см; ПТ3.

4.9 – 4.10 – неопределенные животные (хищники?), обращены мордами друг к другу, у одного выгнута спина, морды и хвосты опущены; МТВ глубиной 0,5 см; ПТ3.

4.11-4.12 – косуля, обращена влево, ноги скошены вперед, хвостик поднят, между ног нарисован детеныш, обращен вправо, реалистично, мелко; МТВ глубиной 0,5 см; ПТ3.

4.13-4.15 – двугорбые верблюды, обращены друг к другу, один расположен чуть выше и прорисован реалистично, ноги скошены, хвосты направлены вниз, между ними чуть ниже еще один верблюд, обращен влево, недорисован; СТВ глубиной 0,5-0,7 см. ПТ 2-3.

На другой грани верхней части плиты:

4.16-4.17 – лошадь, обращена влево, выполнена в сейминско-турбинском стиле, лицом к ней расположена собака, хвост кверху; МТВ глубиной 0,3 см. ПТ 4.

Центральная часть:

4.18-4.25 – двугорбые верблюды, обращены влево, один мелкий вправо, реалистично, самый крупный высоко задрал морду, один рисунок незакончен. Изображения испорчены лишайником и сколами; СТВ глубиной 0,3 см. ПТ 3.

4.26-28 – хищники (?), обращены один влево, два вправо, у одного фаллос, реалистично; СТВ глубиной 0,3 см. ПТ 3.

4.29-4.30 – горный козел, обращен вправо, крупно, ноги скошены вперед, фаллос, хвостик полукругом направлен вниз, два закрученных рога соединяются с головой, два уха. Между рогами рисунок лошади, обращена вправо, задняя часть перекрыта изображением козла, палимпсест; СТВ глубиной 0,5-0,7 см. ПТ3.

4.31 – двугорбый верблюд, обращен влево, рисунок незакончен, реалистично; контурная КТВ глубиной 0,7 см. ПТ4.

4.32 – неопределенное животное, обращено вправо, длинное тело, прямые ноги, пышная хвост; СТВ глубиной 0,5 см; ПТ3.

4.33 – неопределенное изображение (эскиз рисунка); СТВ глубиной 0,5 см; ПТ3.

4.34 – эскиз рисунка, животное; СТВ глубиной 0,3 см. ПТ3.

4.35 – двугорбый верблюд, обращен вправо, горбы большие, четыре ноги. Изображение сделано позднее; СТВ глубиной 0,3 см. ПТ3.

4.36 – двугорбый верблюд, обращен влево, крупно (0,25 x 0,3 м), реалистично, 4 ноги чуть скошены вперед, хвост полукругом, голова наклонена, фаллос, передний горб скошен назад, задняя часть изображения сильно испорчена трещинами. КТВ глубиной 0,5-1,0 см. ПТ3.

4.37 – лошадь, обращена влево, реалистично. МТВ глубиной 0,3 см. ПТ2.

4.38 – неопределенное изображение (эскиз?); СТВ глубиной 0,5 см; ПТ3.

4.39 – лошадь, обращена вправо, с чёлкаом, хвост прямой, опущен вниз, изображение незакончено – прорисована верхняя часть и передняя нога; СТВ глубиной 0,5 см; ПТ3.

4.40-4.41 – двугорбые верблюды, обращены влево, друг за другом, реалистично, ноги чуть скошены вперед, хвост полукругом; МТВ глубиной 0,5 см. ПТ 3.

4.42 – лошадь, обращена вправо, реалистично, хвост опущен вниз, ноги скошены вперед; МТВ глубиной 0,3 см. ПТ 3.

4.43-4.50 – сцена преследования (?), возможно поздняя дорисовка: лошадь, мелко, обращена вправо, две длинные ноги – передняя чуть скошена вперед, часть изображения испорчена лишайником; за ней – семь животных (волки?) прорисованы парами, хвосты вверх, уши торчком; СТВ, МТВ глубиной 0,5 см. ПТ 2.

Плита 5 (рис. 8; табл. 29). Расположена напротив плиты 4. Размеры: высота 2,9 м, ширина 2,1 м. Ориентирована на СВ. Угол наклона 90° . Патины поверхности плиты 4. Крупный скол на вершине и трещины по всей площади плиты. Изображения сильно испорчены лишайником, часть с трудом идентифицируется. Многофигурная композиция, в которой участвуют различные животные, и подновлённое изображение: сцена охоты человека на крупного быка (возможный палимпсест).

5.1 – крупный бык, обращен влево, морда круглая, два длинных полукруглых рога направлены вверх и вперед; мощный корпус; две ноги, на которых отчетливо видны раздвоенные копыта; крупно прорисован фаллос; бык поражен двумя копьями и стрелами; четыре лунки, показывающие раны; рога и задняя часть торса изображения испорчены сколом и глубокой трещиной; КТВ глубиной 0,5 см с шлифовкой; ПТ3.

5.2 – левее и ниже быка расположен охотник с луком и копьем: человек, крупно, показан в фас, на голове конусообразный высокий головной убор, верхушка которого чуть примята, обозначена прическа – волосы собраны в пучок (?), перед лицом расположен неопределенный предмет (удлиненный треугольник вершиной вниз), правая рука с прорисованными пальцами отставлена назад и в ней он держит копье (или дротик?), направленное на быка, в левой руке, расположенной на уровне пояса, держит лук, из которого выпущена стрела – с треугольным крупным наконечником, показано оперение и раздвоенный конец; левая нога охотника чуть отставлена вперед и согнута в колене, правая нога прямая, прорисованы ступни; слева внизу показан колчан (?). КТВ глубиной 0,5 см, шлифовка, следы подновления; ПТ3.

5.3 – изображение охотника перекрывает более ранний рисунок верблюда (?), мелко, обращен влево, на уровне пояса человека с одной стороны видна нога животного (ноги спутаны?), с другой стороны – один горб и задняя часть; СТВ глубиной 0,5 см; ПТ3.

5.4 – лошадь, обращена влево, расположена позади человека, хвост опущен, чёлка, изображение выполнено в сейминско-турбинском стиле; СТВ глубиной 0,5 см; ПТ3.

5.5 – неопределенное животное (лошадь?), изображение расположено вертикально на плите перед торсом охотника, обращено влево; СТВ глубиной 0,5 см; ПТ3.

5.6 – двугорбый верблюд, расположен напротив охотника, обращен влево, крупно, с фаллосом, высокие треугольные горбы, между которыми, прорисованы две лунки d 0,7 см, изображение расколото крупной трещиной; СТВ глубиной 0,5 см; ПТ3.

5.7 – неопределенное животное с рогом (?), обращено вправо и вверх, прямые ноги; МТВ глубиной 0,3 см; ПТ 4.

5.8 – двугорбый верблюд, обращен влево, мелко, реалистично, ноги прямые, хвостик направлен вверх; МТВ глубиной 0,3 см с шлифовкой; ПТ 4.

5.9 – двугорбый верблюд, обращен влево, крупнее рис. 5.8, нижняя часть рисунка разрушена крупным сколом, задняя нога скошена вперед; ноги спутаны (?), хвостик опущен; СТВ и МТВ глубиной 0,5 см; ПТ3.

5.10 – эскиз рисунка (две ноги верблюда, спутаны?); СТВ глубиной 0,5 см; ПТ3.

5.11 – эскиз рисунка (задняя нога верблюда?), расположен под быком рядом со стрелой; СТВ глубиной 0,5 см; ПТ3.

5.12-5.13 – сзади быка расположены два верблюда, обращены влево, реалистично, ноги прямые, хвосты направлены вверх, первый верблюд перекрыт задней ногой быка, которая пересекает его по центру; СТВ глубиной 0,5 см; ПТ3.

5.14 – двугорбый верблюд, обращен влево, крупно, фаллос, крупная круглая морда, под которой изображены поводья (?), высокие горбы, ноги прямые, передняя показана с крупной лункой внизу, ноги спутаны, хвост круглый направлен вверх; СТВ глубиной 0,5 см со следами подновления; ПТЗ.

5.15 – двугорбый верблюд, обращен влево, мельче, чем рис. 5.14, повод (?); МТВ глубиной 0,5 см с шлифовкой; ПТ4.

Середина плиты:

5.16-5.38 – двугорбые верблюды, обращены влево, один вправо, реалистично, показаны хвосты, фаллосы, ноги скошены, у двух – спутаны; СТВ и МТВ глубиной 0,3 см, шлифовка; ПТЗ.

5.39-5.40 – неопределенные животные, обращены влево; СТВ глубиной 0,5 см; ПТЗ.

5.41 – лошадь, обращена влево, схематично, ноги спутаны; СТВ глубиной 0,5 см; ПТЗ.

5.42 – лошадь(?), обращена влево, морда опущена вниз, ноги прямые; СТВ глубиной 0,5 см; ПТЗ.

5.44 – двугорбый верблюд, обращен влево, большие горбы, фаллос, 4 ноги спутаны, хвост опущен; СТВ глубиной 0,5 см; ПТЗ.

5.45 – лошадь, обращена влево; СТВ глубиной 0,5 см; ПТЗ.

5.46 – двугорбый верблюд, обращен влево, реалистично; СТВ глубиной 0,5 см; ПТЗ.

5.47 – двугорбый верблюд, обращен влево, схематично; СТВ глубиной 0,5 см; ПТЗ.

5.48 – лошадь, обращена влево, хвост опущен, показана чёлка; СТВ глубиной 0,5 см; ПТЗ.

5.49-5.50 – двугорбые верблюды, обращены влево; СТВ глубиной 0,5 см; ПТЗ.

5.51 – лошадь, обращена вправо; СТВ глубиной 0,5 см; ПТЗ.

5.52 – козлик, обращен вправо, ноги скошены вперед; СТВ глубиной 0,5 см; ПТЗ.

5.53 – двугорбый верблюд, обращен вправо, реалистично; СТВ глубиной 0,5 см; ПТЗ.

Нижняя часть:

5.54 – большой бык, обращен влево, реалистично, четыре прямые ноги, крупное прямоугольное тело, длинные два рога идут вдоль спины и заканчиваются возле хвоста, прорисованы ухо, копыта; СТВ глубиной 0,5 см с шлифовкой; ПТЗ.

5.55 – бык, обращен влево, реалистично, два рога направлены вперед, фаллос, хвост отогнут назад, задняя нога скошена вперед; СТВ глубиной 0,5 см; ПТЗ.

5.55 – неопределенное животное, обращено вправо; СТВ глубиной 0,5 см; ПТЗ.

5.56 – кабан (?), обращен вправо; СТВ глубиной 0,5 см; ПТЗ.

5.57-5.58 – два неопределенных животных, обращены вправо; СТВ глубиной 0,5 см; ПТЗ.

5.59 – двугорбый верблюд, обращен вправо, реалистично, крупно, передняя нога скошена вперед, хвост опущен; СТВ глубиной 0,5 см; ПТЗ.

5.60 – лошадь, обращена влево, голова опущена, показана чёлка (сейминско-турбинский стиль); СТВ глубиной 0,5 см; ПТЗ.

5.61 – неопределенное изображение; СТВ глубиной 0,5 см; ПТЗ.

5.62 – лошадь (?), обращена влево, схематично; СТВ глубиной 0,5 см; ПТЗ.

5.63-5.64 – двугорбые верблюды, обращены влево, один крупнее, реалистично, хвосты вверх; СТВ глубиной 0,5 см; ПТЗ.

5.65-5.66 – двугорбые верблюды, обращены влево, схематично; СТВ глубиной 0,5 см; ПТЗ.

5.67 – лошадь, вправо, схематично (поздняя дорисовка?); СТВ глубиной 0,5 см; ПТЗ.

5.68-5.69 – двугорбые верблюды, обращены вправо, поздние (?); СТВ глубиной 0,5 см; ПТЗ.

5.70 – двугорбый верблюд, обращен влево, голова вниз, ноги скошены, изображение незакончено; СТВ глубиной 0,5 см; ПТЗ.

5.71 –неопределенное изображение; СТВ глубиной 0,5 см; ПТ3.

Плита 6 (рис. 9) Выше плиты 5 на 5 м. Размер 0,5 x 1,9 м; обращена на юг. Патина поверхности плиты 4. Поперек плиты крупная трещина, которая разрушила рисунок 2.

6.1 –двугорбый верблюд, обращен влево, хвост крючком направлен вверх, передняя часть разрушена трещиной и лишайником, изображение незакончено; СТВ глубиной 0,5 см; ПТ 2.

6.2 – собака, обращена влево, крупно, два уха, морда направлена вверх, хвост крючком вверх, две ноги, фаллос; КТВ и СТВ глубиной 0,5 см, шлифовка; ПТ 2.

Плита 7 Выше плиты 6 на 1 м. Размер 0,8 x 0,9 м; обращена на восток. Патина поверхности плиты 4.

7.1 –лошадь, обращена влево; СТВ глубиной 0,5 см; ПТ3.

7.2 –неопределенное изображение; СТВ глубиной 0,5 см; ПТ3.

7.3-7.6– лунки диаметром 2 см, глубина 0,5 см; СТВ глубиной 0,5 см; ПТ3.

Плита 8 (табл. 31) . Расположена правее плоскости 7 и разделена сколами на 3 части. Ориентирована на северо-восток, угол наклона 90° ; ПТ5.

Верхняя часть: размер 0,7 x 0,5 м

8.1-8.4 – двугорбые верблюды, обращены вправо, хвосты опущены, задние ноги скошены вперед; СТВ, КТВ 0,7 см. ПТ 4

Средняя часть: размер 1,5 x 2,0 м

8.5-8.7 – двугорбые верблюды, обращены вправо, один влево, хвосты вниз; СТВ глубиной 0,5 см; ПТ3.

8.8-8.10 – двугорбые верблюды, обращены вправо, крупные, реалистично; СТВ глубиной 0,5 см; ПТ3.

8.11 – бык, обращен влево, реалистично, морда и прямой хвост опущены, два длинные рога, ноги скошены вперед; СТВ глубиной 0,5 см; ПТ3.

8.12 –лошадь, обращена влево, две ноги спутаны, хвост опущен, показана чёлка, СТВ глубиной 0,5 см; ПТ 4.

8.13-8.14 – человек, обращен влево, схематично, две ноги со ступнями, в правой руке на поводу держит лошадь, обращена влево, схематично; СТВ глубиной 0,5 см; ПТ3.

Нижняя часть: ориентирована на ССВ, размер 3,5 x 1,7 м

8.15 – олень, обращен вправо, ветвистые рога, реалистично, два уха, передняя нога скошена вперед, задняя назад, маленький хвост, изображение испорчено сколом в районе морды; МТВ 0,5 см, процарапывание, шлифовка; ПТ 3

8.16 –олень(?), передняя часть изображения испорчена лишайником; СТВ глубиной 0,5 см; ПТ3.

8.17 –лошадь, обращена вправо, показан чёлка; СТВ глубиной 0,5 м; ПТ 3

8.18 –человек, обращен влево, в полуприсяде, круглая голова, в правой руке держит лук, левая расположена за спиной, сзади прорисован колчан (?), одна нога со ступней; СТВ глубиной 0,5 см; ПТ3.

8.19 – лошадь с двумя рогами, которые вероятно дорисованы позднее, обращена влево чуть вверх, хвост опущен, реалистично; СТВ глубиной 0,5 см со следами подновления; ПТ4.

8.22 – над корпусом лошади с рогами лучник (?), обращен влево, схематично, большой лук, за спиной колчан (?); МТВ глубиной 0,5 см; ПТ4.

8.23 – бык, обращен влево, один рог, реалистично; МТВ глубиной 0,5 см; ПТ4.

Выше на плите:

8.24 – двугорбый верблюд, обращен влево, задняя нога скошена, схематично; МТВ глубиной 0,5 см, подновление; ПТ3.

8.25 –лунка d 0,3 см, расположена над головой верблюда рисунка 4; СТВ глубиной 0,5 см; ПТ 3.

8.26-8.27 – двугорбые верблюды, расположены один над другим, верхний обращен влево, нижний – вправо, ноги чуть скошены вперед, схематично; МТВ глубиной 0,3 см; ПТЗ.

8.28 – неопределенное изображение; СТВ глубиной 0,5 см; ПТ4.

8.29 – неопределенное животное, обращено влево, прямоугольный корпус, маленькая голова, ноги прямые, хвост поднят, над крупом изображена лунка d 0,3 см; СТВ глубиной 0,5 см; ПТЗ.

Плита 9 Размер 0,5 x 1,5 м; угол наклона 85° ; обращена на север. Патины поверхности плиты 3. Поперечные трещины, лишайник.

9.1 – человек, реалистично, слева показан хвост (?), левая рука согнута в локте, правая отставлена в сторону, голова круглая, ноги прямые, ступни ног обращены вправо, фаллос (возможно, пририсован позднее?); СТВ, КТВ глубиной 0,7 см; ПТЗ.

9.2 – крупная лунка, диаметр 2 см; СТВ глубиной 0,5 см; ПТЗ.

9.3-9.5 – двугорбые верблюды, обращены влево, у одного спутаны ноги и скошены вперед; МТВ, шлифовка; ПТЗ.

9.6-9.7 – неопределенные изображения; СТВ глубиной 0,5 см; ПТЗ.

Плита 10 (табл. 26). Размер 1,5 x 0,9 м; угол наклона 90° ; обращена на восток. Патины поверхности плиты 4.

10.1 – неопределенное животное, обращено влево вверх; СТВ глубиной 0,5 см; ПТЗ.

10.2-10.4 – две лошади, обращены влево, реалистично, крупно, фаллосы, пышные хвосты и челки, ноги прямые (сейминско-турбинский стиль) между ними чуть выше жеребенка(?), обращен влево, изображение испорчено сколом; СТВ глубиной 0,5 см; ПТЗ.

Плита 11 (рис. 10). Размер 0,5 x 0,9 м; угол наклона 85° ; обращена на восток. Патины поверхности плиты 4. Изображения испорчены лишайником и трещинами.

11.1 – неопределенное животное, обращено вправо; СТВ глубиной 0,5 см; ПТЗ.

11.2 – лунка d 2 см; СТВ глубиной 0,5 см; ПТЗ.

11.3-11.4 – олени, обращены вправо, по два ветвистых рога, длинные шеи, уши, реалистично; СТВ глубиной 0,5 см; ПТЗ.

11.5 – лунка d 2 см между ногами оленя; СТВ глубиной 0,5 см; ПТЗ.

11.6 – человек с палицей (?), обращен вправо, две ноги со ступнями, руки подняты; СТВ глубиной 0,5 см; ПТЗ.

11.7-11.8 – олени, обращены вправо, ноги скошены вперед, фаллос, у переднего животного часть испорчена поперечным сколом; СТВ глубиной 0,5 см; ПТЗ.

11.9 – человек (?), обращен вправо, поза наклонная, верхняя часть испорчена лишайником, две ноги показаны со ступнями, руки опущены вниз; СТВ глубиной 0,5 см; ПТЗ.

Плита 12 (рис. 11) Вертикальная плита, размер 1,1 x 0,6 м; обращена на север. Патины поверхности плиты 4. Поперечные и продольные трещины разрушают рисунки.

12.1-12.2 – двугорбые верблюды, обращены вправо, мелко, один под другим, хвостики вверх, схематично; СТВ глубиной 0,5 см; ПТЗ.

12.3 – человек, в фас, круглая голова, прямоугольное туловище, ноги расставлены, фаллос, от расставленных в стороны рук отходят поводья налево к верблюдам рис. 1-2 и направо к верблюду с рисунка 4; СТВ глубиной 0,5 см; ПТЗ.

12.4 – двугорбый верблюд, обращен влево, ноги спутаны и скошены вперед, более реалистично, чем рис. 1-2; СТВ глубиной 0,5 см; ПТ1.

Плита 13 (рис. 12; табл. 34) Размер 1,2 x 0,6 м; угол наклона 60° ; обращена на восток. Патины поверхности плиты 3.

13.1 – двугорбый верблюд, обращен влево, ноги спутаны, реалистично, рисунок испорчен поперечной трещиной; СТВ глубиной 0,5 см; ПТЗ.

13.2-13.4 – быки, обращены вправо, расположены друг над другом, средний крупнее, длинные волнистые рога, реалистично; СТВ глубиной 0,3 см с шлифовкой; ПТЗ.

13.5 – антропоморфное изображение, в фас, округлые формы (женщина?), руки упираются в бока, слева соединяется линией со средним быком (поводья?); МТВ глубиной 0,3 см с процарапыванием и следами подновления; ПТЗ.

13.6 – лошадь, обращена вправо, схематично, мелко; СТВ глубиной 0,5 см; ПТ2.

13.7- 13.8 – лошадь, обращена вправо, ноги спутаны и на путах висит некий округлый предмет, пышный хвост, реалистично, впереди антропоморфное изображение (эскиз?), обращено влево; МТВ и СТВ глубиной 0,3 см с шлифовкой; ПТЗ.

13.9 – эскиз зооморфного изображения; МТВ глубиной 0,3 см ; ПТЗ.

13.10 – неопределенное животное, обращено вправо, схематично, мелко; МТВ глубиной 0,3 см; ПТЗ.

13.11 – собака (?), обращена влево, схематично; СТВ глубиной 0,5 см; ПТЗ.

13.12 – неопределенное изображение; МТВ глубиной 0,3 см ; ПТЗ.

13.13 – неопределенное животное, мелко; МТВ глубиной 0,3 см; ПТ2.

Плита 14 (рис. 13) Размер 0,8 x 0,6 м. Угол наклона 55° . Обращена на восток. Патины поверхности плиты 5.

14.1 – эскиз рисунка (нога животного?); МТВ глубиной 0,5 см; ПТ2.

14.2-14.3 – двугорбые верблюды, обращены влево, друг за другом, со спутанными ногами, у одного хвост вверх, у другого вниз, реалистично; МТВ глубиной 0,3 см; ПТ 3.

14.4 – двугорбый верблюд, обращен влево, чуть выше рисунков 2,3, реалистично; СТВ глубиной 1 см; ПТ4.

Плита 15 (рис.14) Плита состоит из двух плоскостей: размер верхней – 1,0 x 0,6 м; нижней – 1,7 x 1,8 м. Угол наклона 35° . Обращена на юго-восток. Патины поверхности плиты 4. Поверхность обеих плоскостей разрушается продольными и поперечными трещинами.

Верхняя плоскость: 15.1– двугорбый верблюд, обращен влево, хвост опущен, две ноги, схематично, верхняя часть изображения разрушена трещиной; СТВ глубиной 0,3 см; ПТ 3.

15.2 – лошадь, обращена влево, признак пола, хвост опущен, схематично; МТВ глубиной 0,5 см; ПТ 3.

Нижняя плоскость: 15.3– двугорбый верблюд (?), обращен влево, недорисован, рядом серия крупных точек – эскиз другого изображения (?); МТВ глубиной 0,3 см; ПТ 3.

15.4 – лошадь, обращена влево, задняя нога скошена вперед, схематично; СТВ глубиной 0,3 см; ПТ 3.

15.5 – лунка d 0,5 см; МТВ глубиной 0,3 см; ПТ 3.

15.6 – бык, обращен влево, два длинные прямые рога, признак пола, хвост опущен, реалистично; МТВ глубиной 0,5 см; ПТ 3.

15.7– двугорбый верблюд, обращен влево, две ноги, реалистично; СТВ глубиной 0,5 см; ПТ 3.

15.8-15.11 – двугорбые верблюды, обращены влево, один крупный – реалистично, с фаллосом, у всех по две ноги; МТВ и СТВ глубиной 0,3-0,5 см; ПТ 3.

15.12 – лошадь, обращена влево, прорисован чёлка, ноги скошены внутрь, хвост опущен вниз; МТВ глубиной 0,3 см; ПТ 3.

Плита 16 (рис.15) Размер 1,4 x 1,8 м, вертикальная плита. Обращена на юго-восток. Патины поверхности плиты 4. Рисунки разрушаются сколами, лишайником, следы современного процарапывания, посетительские автографы.

16.1-16.3 – два человека, в фас, схематично, правый ведет за собой лошадь, обращена влево, изображена в сейминско-турбинском стиле, реалистично; СТВ глубиной 0,5 см; ПТЗ.

16.4 – неопределенное животное (жеребенок?), обращено вправо, схематично; МТВ глубиной 0,3 см; ПТЗ.

16.5 – двугорбый верблюд, обращен вправо, ноги скошены вперед, схематично; МТВ глубиной 0,3 см; ПТЗ.

16.6-16.7 – нападение хищника на лошадь (?), обращены вправо, хищник напрыгивает на круп лошади сзади, реалистично; СТВ выбивка глубиной 0,5 см, шлифовка; ПТ2.

16.8 – лошадь, обращена влево, морда опущена, уши, хвост, ноги скошены, хвост опущен, реалистично; МТВ глубиной 0,5 см; ПТЗ.

16.9 – человек, в фас, две ноги, левая рука отставлена в сторону, мелко; МТВ глубиной 0,5 см; ПТ4.

16.10 – лошадь, обращена влево, ноги скошены вперед, хвост прямой, реалистично; СТВ глубиной 0,5 см; ПТ4.

16.11 – двугорбый верблюд, обращен влево, ноги скошены вперед, реалистично, мелко; МТВ глубиной 0,3 см; ПТЗ.

16.12-16.14 – три человека, в фас, по две ноги, показаны головные уборы, мелко; МТВ глубиной 0,5 см; ПТ4.

16.15-16.20 – лошади, обращены вправо, ноги скошены, реалистично; МТВ глубиной 0,5 см; ПТЗ.

16.21-16.22 – лошади, обращены влево, мельче; МТВ глубиной 0,3 см; ПТЗ.

16.23 – неопределенное животное, обращено вправо, морда опущена; МТВ глубиной 0,3 см; ПТЗ.

16.24-16.26 – сцена охоты: бык, обращен вправо, массивный корпус, два рога, лучник и собака обращены влево, мелко, реалистично; МТВ глубиной 0,3 см; ПТ4.

Средний ярус плиты:

16.27 – неопределенное животное, обращено вправо, ноги скошены вперед, реалистично; МТВ глубиной 0,5 см; ПТЗ.

16.28 – горный козел, обращен влево, один большой рог с наростами; МТВ глубиной 0,3 см; ПТЗ.

16.29 – бык (?), обращен влево, один рог; МТВ глубиной 0,3 см; ПТЗ.

16.30-16.35 – лошадь со спутанными ногами, обращена вправо, несколькими дугами внутри которых прорисована волнистая линия (змея?), рисунок соединен с изображением двугорбого верблюда, обращен вправо, ноги скошены вперед, справа от него антропоморфное изображение, схематично, тремя линиями соединено с верблюдом, сверху от верблюда горный козел, обращен вправо, схематично. Все изображения соединены между собой сложными линиями; МТВ глубиной 0,3 см; ПТЗ.

16.36 – двугорбый верблюд, обращен вправо, схематично; МТВ выбивка глубиной 0,3 см, шлифовка; ПТЗ.

16.37 – неопределенное животное, обращено вправо, хвост прямой; МТВ глубиной 0,5 см; ПТЗ.

16.38 – 4 лунки d 0,5 см расположены с интервалом в одну линию; МТВ глубиной 0,5 см; ПТЗ.

Нижний ярус:

16.39 – человек, в профиль, обращен влево, две ноги с согнутыми коленями, головной убор с полями, сзади неопределенный предмет (хвост?), мелко; МТВ глубиной 0,3 см; ПТ4.

16.40-16.41 – лошади, одна над другой, верхняя мельче и обращена вправо, нижняя чуть крупнее и обращена влево, ноги скошены вперед, хвост поднят вверх, реалистично; МТВ глубиной 0,5 см; ПТ4.

16.42 – 2 лунки d 0,5 см расположены по вертикали; МТВ глубиной 0,5 см; ПТЗ.

16.43 – 6 лунок d 0,3 см образуют одну линию; МТВ глубиной 0,3 см; ПТЗ.

16.44 – неопределенное животное, недорисовано; МТВ глубиной 0,5 см; ПТЗ.

16.45 – неопределенное животное, обращено вправо, длинная шея, спина вогнута, ноги скошены вперед, хвост опущен; МТВ глубиной 0,5 см; ПТЗ.

16.46-16.47 – два двугорбых верблюда, расположены друг за другом, первый обращен влево, мелко, второй крупнее, обращен вправо, ноги скошены вперед, реалистично; МТВ глубиной 0,3 см; ПТЗ.

16.48-16.49 – неопределенные животные, одно обращено вправо и мельче, второе влево, прямые длинные ноги; МТВ глубиной 0,5 см; ПТ4.

16.50-16.53 – двугорбые верблюды, два обращены вправо, один влево, нижняя часть самого крупного животного испорчена трещиной, реалистично; МТВ глубиной 0,5 см; ПТЗ.

16.54-16.55 – лошади, обращены влево, друг за другом, у второй сколом разрушена голова; МТВ глубиной 0,3 см; ПТЗ.

16.56 – горный козел, обращен вправо, длинные прямые ноги, два рога; МТВ глубиной 0,3 см; ПТЗ.

16.57-16.58 – лошади, расположены друг над другом, обращены в разные стороны, реалистично; МТВ глубиной 0,3 см; ПТ4.

16.59 – лошадь, обращена влево вверх, ноги спутаны; МТВ глубиной 0,3 см; ПТ4.

16.60 – двугорбый верблюд, обращен вправо, мелко, схематично; МТВ глубиной 0,3 см; ПТ4

Плита 17 (рис.16) Размер 0,7 x 0,5 м; угол наклона 75^0 . Обращена на восток. Патины поверхности плиты 5. Рисунки разрушаются трещинами.

17.1-17.2 – всадники на лошадях, обращены вправо, расположены один над другим, нижнее изображение – человек крупнее, руки полукругом, приставлены к поясу, круглая голова, всадник на верхнем изображении прорисован схематично, у лошадей длинные хвосты опущены вниз, ноги скошены вперед; МТВ глубиной 0,3 см с шлифовкой; ПТЗ.

Плита 18 Размер 0,9 x 0,5 м. Вертикальная плоскость. Обращена на восток. Патины поверхности плиты 3. Плоскость покрыта трещинами, сколами, царапинами от посетительских автографов.

18.1 – лошадь, обращена вправо, крупно, хвост опущен, четыре ноги скошены вперед, часть головы и шеи рисунка повреждены крупным сколом, реалистично, следы подновления; МТВ глубиной 0,5 см, шлифовка; ПТ2.

18.2 – неопределенное изображение (эскиз?); СТВ глубиной 0,5 см; ПТЗ.

Плита 19 (табл. 25) Размер 0,9 x 0,6 м, угол наклона 80^0 ; обращена на восток. Разрушение сколами и трещинами. Патины поверхности плиты 3.

19.1 – лошадь, обращена влево, ноги скошены, чёлка, длинный хвост, грива передана тонкими резными линиями; МТВ глубиной 0,3 см с элементами процарапывания; ПТ2.

19.2-19.3 – лошади, обращены влево вверх, расположены одна за другой, у первой шея изящно изогнута, морда опущена, длинный чёлка, грива дополнена тонкими резными линиями, хвост (подновление), прямые ноги, у второй корпус выполнен контуром, чёлка, ноги скошены, маленький хвост; МТВ глубиной 0,5 см, шлифование, элементы процарапывания; ПТ2.

19.4 – бык, обращен вправо вверх, массивный корпус, два длинные волнистые рога, маленький хвост, фаллос, реалистично; СТВ глубиной 0,5 см, частичная шлифовка; ПТ2.

19.5 – бык (?), обращен влево, ноги скошены, рог, по стилю похоже на изображение лошади; МТВ глубиной 0,5 см, шлифовка; ПТ2.

19.6 – четыре лунки d 0,3-0,5 см; СТВ глубиной 0,5 см; ПТ 2.

19.7 – эскиз? задняя нога животного?; МТВ глубиной 0,5 см; ПТ 2.

Плита 20 (рис. 17) Размер 0,8 x 0,5 м, вертикальная плита, обращена на восток. Патина поверхности плиты 4. Скальная плоскость покрыта трещинами, лишайником. 20.1 – двугорбый верблюд, обращен вправо, крупный, шея изогнута и опущена вниз, морда вытянута, две ноги, хвост поднят вверх, реалистично; КТВ глубиной 0,5 см с шлифовкой; ПТ3.

Плита 21 (табл. 22) Размер 0,8 x 0,5 м, угол наклона 85° , обращена на северо-восток. Патина поверхности плиты 5. 21.1 – хищник, обращен вправо, две ноги с когтями, морда опущена, прорисованы ухо и глаз, реалистично, верхняя часть изображения испорчена сколом; СТВ глубиной 0,3 см; ПТ2.

Плита 22 (рис. 18) Размер 1,2 x 1,5 м, угол наклона 75° , обращена на восток. Патина поверхности плиты 4. Рисунки разрушаются трещинами и корковым лишайником. 22.1-22.3 – двугорбые верблюды, обращены влево, расположены один за другим, крупно, реалистично, первое изображение разрушается трещиной и сколами; КТВ глубиной 0,5 см, шлифовка; ПТ3.

22.4 – бык, обращен влево, реалистично, два волнистые рога, задняя часть рисунка разрушена сколом; МТВ глубиной 0,3 см; ПТ 3.

22.5-22.7 – двугорбые верблюды, обращены влево, расположены один за другим, крупно, реалистично, изображения разрушаются лишайником и сколами; КТВ и СТВ глубиной 0,5 см; ПТ2.

22.8 – бык, обращен вправо, крупно, два волнистые рога, хвост опущен, реалистично; МТВ глубиной 0,3 см с шлифовкой; ПТ 2.

22.9 – лошадь, обращена влево, хвост опущен, ноги спутаны; СТВ глубиной 0,5 см; ПТ3.

22.10-22.11 – человек, в фас, крупно, круглая голова, ступни ног направлены вправо, от руки идет повод к лошади, обращена влево, изображение значительно мельче человека, ноги прямые, схематично; КТВ и СТВ глубиной 0,5 см; ПТ4.

Плита 23 (рис. 19) Размер 0,7 x 1,2 м, угол наклона 45° , обращена на восток. Рисунки испорчены лишайником, плита разрушается поперечными трещинами. Патина поверхности плиты 4.

23.1-23.4 – двугорбые верблюды, обращены влево, расположены в два ряда один за другим, ноги скошены вперед, показаны мышцы, круглые хвостики опущены, изображения крупные, реалистично, голова переднего верблюда покрыта лишайником; КТВ и СТВ глубиной 0,7 см с шлифовкой; ПТ3.

23.5-23.6 – лошади, обращены влево, расположены между верблюдами, меньше по размеру, изображены в сейминско-турбинском стиле; СТВ глубиной 0,5 см, шлифовка; ПТ3.

23.7 – неопределенное изображение (эскиз?); СТВ глубиной 0,5 см; ПТ4.

23.8 – лошадь, обращена влево, расположены внизу плиты, крупно, изображена в сейминско-турбинском стиле; КТВ и СТВ глубиной 0,5 см, шлифовка; ПТ3.

Плита 24 (рис. 20) Размер 0,6 x 1,3 м, угол наклона 80° , обращена на восток. Патина поверхности плиты 4. Плита и рисунки разрушаются продольными и поперечными трещинами.

24.1 – двугорбый верблюд, обращен вправо, припал на передние ноги, изображение испорчено сколом, крупно, реалистично; и КТВ глубиной 0,5 см, шлифовка; ПТ3.

24.2 – двугорбый верблюд, обращен влево, горбы скошены внутрь, ноги спутаны (подновление), крупно, реалистично; КТВ глубиной 0,7 см, шлифовка; ПТ3.

24.3 – двугорбый верблюд, обращен вправо и вниз, как бы припал на передние ноги, изображение испорчено трещиной, крупно, реалистично; СТВ и КТВ глубиной 0,5 см, шлифовка; ПТ4.

24.4 – лошадь, обращена влево, изображение незакончено, передняя часть прорисована контуром, поперек изображения трещина, ноги скошены вперед, реалистично; СТВ глубиной 0,5 см; ПТ4.

24.5 – лошадь, обращена влево вверх, показан чёлка, пышный хвост, изображена в сейминско-турбинском стиле, реалистично; СТВ глубиной 0,5 см, шлифовка; ПТ3.

24.5 – вертикальная линия шириной 0,5 см – антропоморфное изображение (?); СТВ глубиной 0,5 см; ПТ4.

Плита 25 (рис. 21) Размер 0,45 x 0,3 м. Угол наклона 40°. Обращена на восток. Патины поверхности плиты 3.

25.1 – двугорбый верблюд, обращен влево, недорисован – нет передней ноги, реалистично; СТВ глубиной 0,5 см; ПТ2.

25.2 – волнистая вертикальная черта шириной 0,5 см (эскиз?); МТВ глубиной 0,5 см; ПТ2.

Плита 26 (рис. 22) Размер 0,6 x 0,4 м. Вертикальная плоскость. Обращена на восток. Патины поверхности плиты 3. Рисунки испорчены трещиной.

26.1 – кулан (?), обращен влево, морда поднята, ноги прямые, уши, хвост, реалистично; СТВ и КТВ глубиной 0,7 см; ПТ2.

26.2 – двугорбый верблюд, обращен влево, ноги прямые, реалистично; СТВ с шлифовкой глубиной 0,5 см; ПТ3.

Плита 27 (рис. 23) Размер 1,8 x 1,1 м. Вертикальная плоскость. Обращена на восток. Патины поверхности плиты 3. Поперек плиты трещина и сколы.

27.1 – неопределенное изображение (эскиз?), задняя часть корпуса животного (лошадь?); СТВ глубиной 0,5 см; ПТ3.

27.2 – лунки d 0,5 см, расположены друг над другом; МТВ глубиной 0,5 см; ПТ3.

27.3 – лошадь, обращена влево, показан чёлка, пышный хвост, фаллос, ноги прямые, изображена в сейминско-турбинском стиле, реалистично, под мордой и над крупом расположены две лунки d 0,5 см; СТВ глубиной 0,5 см, шлифовка; ПТ3.

27.4 – неопределенное животное (эскиз?), схематично, подновление; СТВ глубиной 0,5 см; ПТ3.

27.5 – двугорбый верблюд, обращен вправо, высокие крупные горбы, подчеркнуты анатомические особенности, реалистично; МТВ глубиной 0,3 см, шлифовка; ПТ2.

27.6 – двугорбый верблюд, обращен вправо, крупный, задняя нога скошена вперед, передняя недорисована или испорчена сколом, подчеркнуты анатомические особенности, реалистично; СТВ глубиной 0,5 см, шлифовка; ПТ2.

Плита 28 (рис. 24) Размер 0,8 x 1,2 м. Вертикальная плоскость. Обращена на восток. Патины поверхности плиты 3. Поперек плиты трещины и сколы, рисунки сильно испорчены лишайником.

28.1 – бык, обращен влево, корпус крупный, два волнистых параллельных рога, фаллос, хвост, ноги прямые, реалистично; СТВ глубиной 0,5 см, шлифовка; ПТ3.

28.2-28.4 – двугорбые верблюды, обращены влево, расположены друг за другом, третий недорисован, реалистично; СТВ глубиной 0,5 см; ПТ2-3.

28.5 – дуга шириной 0,7 см; СТВ глубиной 0,5 см; ПТ3.

Плита 29 (рис. 25) Размер 0,7 x 0,5 м. Вертикальная плоскость. Обращена на восток. Патины поверхности плиты 3.

29.1 – лошадь, обращена вправо, задняя часть недорисована, схематично; СТВ глубиной 0,5 см; ПТ3.

29.2 – кабан (?), обращен влево, крупно, массивный корпус, прямые ноги, хвост опущен, схематично, следы подновления; МТВ глубиной 0,3 см, шлифовка, процарапывание; ПТ3.

29.3 – двугорбый верблюд, обращен влево, поперек горбов трещина, ноги прямые, морда опущена, мелко, реалистично; МТВ глубиной 0,3 см, шлифовка; ПТ2.

29.4 – изображение овальной формы – эскиз верблюда (?); СТВ глубиной 0,5 см; ПТ2.

29.5 – собака (?), обращена влево, схематично; МТВ глубиной 0,3 см; ПТ3.

Плита 30 (рис. 26) Размер 0,7 x 0,4 м, угол наклона 70° . Обращена на восток. Патина поверхности плиты 4. Сколы и трещины разрушают плоскость и рисунок.

30.1 – всадник на двугорбом верблюде, обращен вправо, крупно, человек изображен схематично, руки раскинуты в стороны, от правой руки отходит повод, у верблюда прямые длинные ноги, уши, хвостик, реалистично; СТВ глубиной 0,5 см, шлифовка; ПТ2-3.

Плита 31 (рис. 27) Размер 0,7 x 0,3 м, угол наклона 50° . Обращена на юго-восток. Патина поверхности плиты 4. Рисунок разрушается сколами.

31.1-31.2 – человек, обращен вправо, изображен схематично, руки раскинуты в стороны, от правой руки отходит повод к двугорбому верблюду, реалистично; КТВ и СТВ глубиной 0,5 см; ПТ3.

Плита 32 (рис. 28) Размер 0,7 x 0,3 м, угол наклона 50° . Обращена на юго-восток. Патина поверхности плиты 4. Рисунок разрушается сколами.

32.1 – лошадь, обращена вправо, изображена в сейминско-турбинском стиле, реалистично; СТВ глубиной 0,5 см; ПТ3.

32.2 – двугорбый верблюд, обращен вправо, реалистично, мелко; МТВ глубиной 0,3 см; ПТ3.

32.3 – лошадь, обращена вправо, морда опущена, чёлка, ноги прямые, изображена в сейминско-турбинском стиле, крупно, реалистично; КТВ и СТВ выбивка глубиной 0,5 см, шлифовка; ПТ2.

32.4 – «очковидный» знак, две лунки соединены вертикальной чертой шириной 0,4 см; МТВ глубиной 0,5 см; ПТ4.

32.5 – неопределенное животное, обращено вправо; СТВ глубиной 0,5 см; ПТ2.

32.6 – лошадь, обращена вправо, изображена в сейминско-турбинском стиле, ноги скошены, реалистично, от морды отходит повод, который соединяет ее с верблюдом рисунка 7; СТВ глубиной 0,5 см; ПТ3.

32.7 – двугорбый верблюд, обращен вправо, крупно, реалистично; МТВ глубиной 0,3 см; ПТ3.

32.8 – двугорбый верблюд, обращен вправо, расположен под изображением 7, мельче, ноги скошены вперед, схематично; МТВ глубиной 0,3 см; ПТ3.

32.9 – двугорбый верблюд, обращено влево, схематично; МТВ глубиной 0,3 см; ПТ3.

32.10 – лошадь, обращена влево, массивный корпус, две ноги, длинный хвост и шея, фалос; СТВ глубиной 0,5 см; ПТ4.

32.11 – три лунки d 0,5 см расположены по кругу, между ними овальное изображение (эскиз?); СТВ выбивка глубиной 0,5 см; ПТ4.

32.12 – лошадь, обращена вправо, ноги прямые, схематично; КТВ глубиной 0,5 см, шлифовка; ПТ2.

Плита 33 (рис. 29) Размер 0,8 x 0,4 м. Вертикальная плоскость. Обращена на восток. Патина поверхности плиты 3. Поперек рисунка крупная трещина и сколы.

33.1 – бык, обращен влево, крупно, хвост опущен, задняя нога скошена, передняя часть изображения корпуса передана контуром, рога недорисованы, реалистично; СТВ глубиной 0,5 см, шлифовка; ПТ2.

Плита 34 (рис. 30) Размеры 0,5 x 0,4 м. Вертикальная плита. Обращена на восток. Патина поверхности плиты 3. Рисунки разрушаются крупными трещинами.

34.1 – лунка d 0,5 см и вертикальная линия; МТВ глубиной 0,3 см с шлифовкой; ПТ2.

34.2– двугорбый верблюд, обращен влево, ноги скошены вперед, реалистично; СТВ глубиной 0,5 см с шлифовкой; ПТ2.

34.3 – неопределенное изображение (эскиз верблюда?); СТВ глубиной 0,5 см; ПТ2.

34.4 – двугорбый верблюд, обращен влево, большая часть изображения разрушена трещиной; СТВ глубиной 0,5 см; ПТ2.

Плита 35 (рис. 31) Размер 1,2 x 0,9 м, вертикальная плита. Обращена на юго-восток. Патины поверхности плиты 4. Рисунки разрушаются сколами, лишайником, следы подновления.

35.1-35.4 – неопределенные животные, схематично, изображения испорчены трещиной; МТВ глубиной 0,3 см; ПТ3.

35.5-35.8 – двугорбые верблюды, обращены вправо, три расположены друг за другом, один чуть выше, два рисунка реалистично с деталями и мастерством, два другие – схематично, более поздняя дорисовка, возможно у двух верблюдов прорисованы всадники (?); СТВ и МТВ глубиной 0,5 см; ПТ3.

Плита 36 (рис. 32) Скальный массив разделен на пять крупных частей, которые разрушаются. Размеры 1,5 x 1,9 м, вертикально расположена. Обращена на восток. Патины поверхности плиты 4. Рисунки разрушаются трещинами и сколами, лишайником.

Верхняя часть:

36.1-36.3 – двугорбые верблюды, обращены вправо, один крупный, реалистично; МТВ глубиной 0,3 см; ПТ3.

36.4 – эскиз изображения - двугорбый верблюд(?); МТВ глубиной 0,3 см; ПТ3.

Нижняя часть:

36.5-36.8 – двугорбые верблюды, обращены влево, три крупно, один мелко, реалистично; СТВ выбивка глубиной 0,5 см, шлифовка; ПТ2.

36.9-36.10 – лошади, обращены влево, морды опущены, чёлка, ноги прямые, хвост опущен, реалистично; СТВ глубиной 0,5 см; ПТ3.

36.11-36.12 – быки, обращены влево, длинные рога, реалистично; МТВ глубиной 0,5 см; ПТ3.

36.13 – неопределенное животное, обращено влево; СТВ глубиной 0,5 см; ПТ4.

36.14 – эскиз рисунка, мелко; МТВ глубиной 0,3 см; ПТ3.

Плита 37 (рис. 33) Размеры 1,1 x 0,7 м, вертикально расположена. Угловая по отношению к плите 36 (90°). Обращена на юг. Патины поверхности плиты 4. Рисунки разрушаются трещинами, сколами и лишайником.

37.1-37.2 – двугорбые верблюды, обращены влево, один над другим, реалистично; МТВ выбивка глубиной 0,5 см; ПТ2.

37.3 – эскиз изображения (?), задняя нога неопределенного животного; МТВ глубиной 0,3 см; ПТ2.

37.4-37.5 – двугорбые верблюды, обращены влево, друг за другом, второй значительно крупнее со спутанными ногами, хвостики вверх, реалистично; СТВ выбивка глубиной 0,5 см с шлифовкой; ПТ3.

37.6 – лошадь, обращена влево, морда опущена, чёлка, ноги чуть скошены вперед, пышный хвост опущен, реалистично; СТВ глубиной 0,5 см; ПТ3.

37.7 – эскиз рисунка?; СТВ глубиной 0,5 см; ПТ3.

Плита 38 (рис. 34) Размеры 0,6 x 0,4 м, вертикально расположена. Обращена на юго-восток. Патины поверхности плиты 3.

38.1-38.2 – двугорбые верблюды, обращены вправо, друг за другом, хвосты вверх, схематично; СТВ выбивка глубиной 0,5 см; ПТ3.

Плита 39 (рис. 35) Размеры 1,6 x 0,8 м, вертикальная плоскость. Обращена на восток. Патины поверхности плиты 4. Рисунок разрушается трещиной.

39.1-38.2 – двугорбый верблюд, обращен влево, хвост вверх, реалистично, передняя нога либо недорисована, либо разрушена трещиной, задняя нога частично изображена контуром; СТВ выбивка глубиной 0,5 см; ПТЗ.

39.3 – двугорбый верблюд, обращен влево, схематично, возможно дорисован позднее; СТВ выбивка глубиной 0,5 см; ПТЗ.

Плита 40 (рис. 36) Размеры 1,3 x 2,6 м. Вертикальная плоскость. Обращена на север. Патины поверхности плиты 3.

40.1-40.2 – двугорбые верблюды, обращены вправо, ноги чуть скошены вперед, хвостики, реалистично; СТВ глубиной 0,5 см; ПТ2.

40.3 – неопределенное животное, обращено вправо, два уха, прямые ноги; СТВ глубиной 0,5 см; ПТ2.

Плита 41 (рис. 37) Размеры 0,5 x 0,4 м. Вертикальная плоскость. Обращена на восток. Патины поверхности плиты 3. Плита покрыта современным процарапыванием.

41.1 – лошадь, обращена вправо, четыре ноги чуть скошены вперед, длинный хвост, реалистично; МТВ глубиной 0,5 см, процарапывание; ПТ2.

41.2 – неопределенное изображение (эскиз?); СТВ глубиной 0,5 см; ПТ2.

Плита 42 (рис. 38) Размеры 0,8 x 0,8 м. Угол наклона 30°. Обращена на восток. Патины поверхности плиты 3. Часть изображений разрушается сколами, трещинами и лишайником.

42.1 – лошадь, обращена вправо, реалистично, перед мордой расположен фрагмент изображения, возможно, более ранний рисунок; СТВ глубиной 0,5 см; ПТЗ.

42.2-42.3 – человек, в фас, в наклоне, реалистично, обращен вправо, ноги прорисованы со ступнями, колени, одна рука опущена вниз, фаллос (?), за спиной неопределенный предмет, от него идет линия, соединяющая с рисунком 1, перед ним неопределенное изображение, которое полностью испорчено сколом(?); МТВ глубиной 0,3 см; ПТ2.

42.4 – лошадь, обращена влево, хвост опущен, реалистично, мелко, к ней направлена рука человека (?); МТВ глубиной 0,3 см; ПТЗ.

42.5 – неопределенное животное, обращено влево чуть вверх, расположено за рис. 2; МТВ глубиной 0,3 см; ПТЗ.

42.6 – бык (или лошадь?), обращен вправо, фаллос, спутаны ноги, мелко; МТВ глубиной 0,5 см с шлифовкой; ПТЗ.

42.7 – лошадь, обращена влево, хвост прямой отставлен назад, нарисована в позе внезапной остановки, реалистично, соединяется с изображением 6 линией; МТВ глубиной 0,3 см; ПТЗ.

42.8 – сайга(?), обращена влево, два длинных параллельных рога, хвост опущен, реалистично; МТВ глубиной 0,5 см; ПТЗ.

42.9-42.11 – лошади, обращены влево, средняя самая крупная, хвосты опущены, ноги прямые, реалистично; СТВ глубиной 0,3 см; ПТЗ.

42.12 – лошадь (?), обращена вправо, ноги спутаны, расположена между ног самой большой лошади с рисунка 10, прямой хвост отставлен назад; МТВ глубиной 0,3 см; ПТЗ.

42.13-42.14 – неопределенные животные, расположены одно над другим, обращены в разные стороны, верхнее соединено линией (повод?) с рисунком 2; МТВ глубиной 0,3 см; ПТЗ.

42.15 – горный козел (?), обращен вправо, передняя часть испорчена сколом и лишайником, сохранилось два рога, обращенные в разные стороны, корпус прямоугольный; МТВ глубиной 0,3 см; ПТЗ.

42.16 – неопределенное животное, прямоугольный корпус, ноги спутаны, верхняя часть рисунка уничтожена лишайником; МТВ глубиной 0,3 см; ПТЗ.

42.17-42.19 – лошадь, обращена в лево вверх, хвост прямой, реалистично, перед ней антропоморфное изображение – рука человека направлена к лошади (?) и собака (?), обращена вправо, мелко; МТВ глубиной 0,3 см; ПТЗ.

42.20 – неопределенное животное, расположено вертикально, крупный корпус; МТВ глубиной 0,3 см с шлифовкой; ПТЗ.

42.21 – двугорбый верблюд, обращен влево вверх, хвост прямой, реалистично; МТВ глубиной 0,3 см; ПТЗ.

42.22 – кабан (?), обращен вправо, округлая спина, агрессивная поза; МТВ глубиной 0,3 см; ПТЗ.

42.23 – неопределенное животное, обращено влево, длинный хвост поднят вверх; МТВ глубиной 0,3 см; ПТЗ.

Плита 43 (рис. 39) Размеры 1,5 x 2,2 м. Вертикальная плоскость, крупными трещинами разделена на пять частей. Обращена на восток. Патина поверхности плиты 3.

43.1 – двугорбый верблюд, обращен влево, ноги скошены вперед, реалистично; СТВ глубиной 0,5 см с шлифовкой; ПТ2.

43.2 – ломаная линия – эскиз рисунка?; МТВ глубиной 0,3 см; ПТ2.

43.3 – неопределенное изображение; СТВ глубиной 0,5 см; ПТ2.

43.4 – горный козел, обращен влево, реалистично; СТВ глубиной 0,5 см; ПТ2.

43.5 – бык (?), обращен влево, реалистично; СТВ глубиной 0,5 см с шлифовкой; ПТ2.

43.6 – две лунки d 0,5 см; МТВ глубиной 0,5 см; ПТ2.

43.7 – неопределенное животное, обращено вправо, передняя часть разрушена трещиной; СТВ глубиной 0,5 см; ПТ2.

Плита 44 (рис. 40) Размеры 0,6 x 0,4 м. Вертикальная плита. Обращена на восток. Патина поверхности плиты 3. Рисунки разрушаются лишайником, сколами и поперечными трещинами.

44.1 - 44.3 – двугорбые верблюды, обращены влево, хвостики вверх, ноги скошены вперед, один мельче, все реалистично; МТВ и СТВ глубиной 0,5 см с шлифовкой; ПТ2.

44.4 – неопределенное изображение (эскиз?); СТВ глубиной 0,5 см; ПТ2.

Плита 45 (рис. 41) Размеры 0,7 x 0,5 м. Вертикальная плита. Обращена на восток. Патина поверхности плиты 4. Рисунки разрушаются трещинами и лишайником.

45.1- 45.2 – лошадь, обращена влево, крупно, чёлка, выполнена в сейминско-турбинском стиле, ноги спутаны, за ней расположен человек, в профиль, в руках неопределенный предмет (лук?), реалистично; СТВ глубиной 0,5 см с шлифовкой; ПТЗ.

45.3 – лошадь, обращена влево, мельче рисунка 1, реалистично; МТВ глубиной 0,3 см с шлифовкой; ПТЗ.

45.4 – зооморфное изображение, недорисовано, обращено влево; МТВ глубиной 0,3 см; ПТЗ.

45.5 – лошадь, обращена вправо, реалистично; КТВ глубиной 0,5 см; ПТЗ.

Плита 46 (рис. 42) Размеры 0,9 x 0,6 м. Вертикальная плита. Обращена на восток. Патина поверхности плиты 4. Рисунки разрушаются трещинами, верхняя часть плиты сколота.

46.1- 46.12 – двугорбые верблюды, обращены влево, хвостики вверх, один мелко, все реалистично; МТВ и СТВ глубиной 0,5 см с шлифовкой, подновление?; ПТЗ.

46.13 – антропоморфное изображение (погонщик каравана верблюдов?); МТВ глубиной 0,5 см; ПТЗ.

46.14 – лунки d 0,8 см; МТВ глубиной 0,3 см; ПТЗ.

46.15 – в центре плиты неопределенное изображение (эскиз посетительского автографа?); СТВ глубиной 0,3 см, подновление; ПТ1.

Плита 47 (рис. 43) Размеры 0,8 x 0,5 м. Вертикальная плита. Обращена на восток. Патина поверхности плиты 4. Часть рисунков утрачена из-за разрушения плоскости трещиной.

47.1-47.4 – двугорбые верблюды, обращены влево, хвостики вверх, один мелко, все реалистично; МТВ и СТВ глубиной 0,5 см с шлифовкой; ПТ2-3.

47.5 – передняя часть двугорбого верблюда, обращен влево, недорисован; СТВ глубиной 0,5 см; ПТ3.

47.6 – лошадь запряжена в четырехколесную повозку, прорисованы оглобли, обращена влево, реалистично; СТВ глубиной 0,5 см ; ПТ3.

47.7 – неопределенное изображение, утрачено из-за трещины; МТВ глубиной 0,3 см; ПТ2.

Плита 48 (рис. 44) Размеры 0,75 x 0,6 м. Вертикальная плита. Обращена на восток. Патина поверхности плиты 4. Рисунки разрушаются сколами и трещиной.

48.1 – собака (?), обращена влево, хвост поднят вверх; МТВ глубиной 0,3 см; ПТ3.

48.2 - 48.12 – двугорбые верблюды, обращены влево, хвостики вверх, один мелко, все реалистично; МТВ и СТВ глубиной 0,5 см с шлифовкой; ПТ3.

48.13 – двухколесная повозка (?), расположена за верблюдом после крупной трещины, недорисована(?); СТВ глубиной 0,5 см; ПТ3.

48.14 – неопределенное изображение; СТВ глубиной 0,5 см ; ПТ3.

48.15 – лошадь, обращена влево, крупно, чёлка, выполнена в сейминско-турбинском стиле, реалистично; МТВ глубиной 0,3 см с шлифовкой; ПТ3.

48.16 – антропоморфное изображение (погонщик каравана верблюдов?), нарисован сзади пары мелких верблюдов; МТВ глубиной 0,5 см ; ПТ3.

В группе петроглифов **Байконур «Е»** обнаружена новая плоскость с незафиксированным ранее рисунком (*табл. 37-1*). Вертикальная плита прямоугольной формы размером 0,5 x 1,3 м обращена на восток. Патина поверхности плиты 4. Рисунки разрушаются сколами и лишайником.

1.1 – горный козел, обращен вправо, схематично; СТВ глубиной 0,3 см; ПТ3.

1.2-1.3 – двугорбые верблюды, обращены вправо, морды опущены, схематично; СТВ глубиной 0,3 см; ПТ3.

Выше на плоскости:

1.4-1.5 – лошади в позе противостояния, стоят на задних лапах, передние скрещены, левое изображение крупнее, морды и хвосты опущены, реалистично; СТВ глубиной 0,3 см; ПТ3.

1.6 – горный козел, обращен вправо, ноги скошены вперед, прорисован рог, реалистично; СТВ глубиной 0,3 см; ПТ3.

Петроглифы Тамды

Плита 1 (рис. 45) Горизонтальная плита размером 0,7 x 0,5 м. Патина поверхности плиты 5. Поверхность плиты разрушается трещинами и корковым лишайником.

1.1– двугорбый верблюд, обращен вправо, ноги прямые, прорисованы мышцы ног, реалистично; СТВ глубиной 0,7 см; ПТ4.

1.2– лошадь, обращена вправо, схематично; КТВ глубиной 1 см; ПТ4.

1.3– неопределенное животное (недорисовано?); СТВ глубиной 1 см; ПТ4.

1.4– лунка d 1 см; СТВ глубиной 1 см; ПТ

Плита 2 (рис. 46) Плита размером 0,4 x 0,8 м; угол наклона 45° ; обращена на юго-восток. Патина поверхности плиты 5.

2.1 – неопределенное изображение; МТВ глубиной 0,3 см; ПТ 5.

2.2 – лошадь, обращена влево, две ноги, схематично; МТВ глубиной 0,5 см; ПТ 5.

2.3 – окружность d 7 см, внутри в нижней части прорисована лунка; МТВ и СТВ глубиной 0,5 см; ПТ 4.

Плита 3 (рис. 47, 48) Горизонтальная плита размером 1,1 x 0,8 м. Разрушается сколами и корковым лишайником. Патина поверхности плиты 4.

3.1 – бык, обращен вправо, два длинных рога, тело прямоугольное, задняя часть рисунка испорчена сколом; СТВ глубиной 0,5 см, процарапывание; ПТ 3.

3.2 – лунка d 0,7 см расположена чуть ниже рисунка 1; СТВ глубиной 0,5 см; ПТ 3.

3.3 – лошадь, обращена влево, прорисованы чёлка, ухо, морда опущена, выполнена в сейминско-турбинском стиле; МТВ глубиной 0,5 см; ПТ 3.

3.4 – антропоморфное изображение, соединено с лошадью рисунка 3 линией; МТВ глубиной 0,3 см; ПТ 4.

Выше на плите:

3.5 – неопределенное животное, обращено влево, две ноги, прорисован рог; СТВ глубиной 0,5 см; ПТ 3.

3.6 – бык, обращен вправо, морда опущена, две ноги, прорисованы рога, массивный корпус, изображение испорчено лишайником; МТВ глубиной 0,5 см; ПТ 3.

3.7 – над головой быка и чуть ниже расположены две лунки d 0,5-0,7 см; МТВ глубиной 0,5 см; ПТ 3.

3.8 – неопределенное животное, обращено влево, две ноги скошены назад, хвост прямой; СТВ глубиной 0,5 см; ПТ 3.

3.9 – лошадь, обращена влево, ноги прямые, прорисован хвост, чёлка; СТВ глубиной 0,5 см; ПТ 3.

3.10 – лошадь, обращена вправо, морда опущена, расположена чуть ниже рисунка 9; МТВ глубиной 0,5 см, процарапывание; ПТ 3.

3.11 – двугорбый верблюд со следами подновления, обращен влево, схематично; МТВ глубиной 0,3 см; ПТ 2.

Плита 4 Плита размером 1,0 x 0,8 м; угол наклона 40° , обращена на северо-восток. Патина поверхности плиты 5. Рисунки разрушаются трещинами и лишайником.

4.1 – неопределенное животное, обращено влево; КТВ глубиной 0,7 см; ПТ 4.

4.2-4.3 – лошади, обращены вправо, расположены друг за другом, схематично; КТВ глубиной 0,5 см; ПТ 4.

4.4 – неопределенное изображение, испорчено лишайником и трещинами; КТВ глубиной 0,5 см; ПТ 4.

Плита 5 Плита размером 0,9 x 0,5 м; угол наклона 60° ; обращена на восток. Патина поверхности плиты 5.

5.1 – лунка d 2 см; СТВ глубиной 0,5 см; ПТ 5.

5.2 – неопределенное изображение (эскиз рисунка?); СТВ глубиной 0,5 см; ПТ 5.

5.3 – неопределенное животное (верблюд? недорисован?); СТВ глубиной 0,5 см, следы подновления; ПТ 3-4.

5.4-5.5 – двугорбые верблюды, обращены влево, реалистично, расположены друг над другом; КТВ глубиной 0,5 см; ПТ 4.

5.6 – двугорбый верблюд, обращен влево, схематично, подновление; процарапывание, СТВ глубиной 0,5 см; ПТ 3.

5.7 – неопределенное животное (эскиз?); СТВ глубиной 0,5 см, следы подновления; ПТ 3.

Плита 6 Размер 0,7 x 0,5 м, угол наклона 50° ; обращена на юго-восток. Разрушение сколами и трещинами. Патина поверхности плиты 4.

6.1 – неопределенное животное (хищник?), обращено вправо, хвост закручен, две ноги, схематично; КТВ глубиной 0,7 см; ПТ 3.

Плита 7 (рис. 49) Вертикальная плита, размер 1,6 x 1,2 м, обращена на восток. Пати́на поверхности плиты 4. Скальная плоскость разрушается, разделена трещинами на несколько частей, часть изображений утрачена. Основная композиция показывает человека, который ведет на привязи лошадей.

7.1 – лошадь, обращена вправо, прорисован чёлка, две ноги, пышный хвост; СТВ глубиной 0,5 см с шлифовкой; ПТЗ.

7.2 – неопределенное животное, обращено влево, морда опущена, ноги спутаны, небольшой хвост направлен вниз, часть изображения покрыта лишайником; СТВ глубиной 0,3 см; ПТЗ.

7.3 – неопределенное изображение; МТВ глубиной 0,3 см; ПТЗ.

7.4 – горный козел, обращен влево, ноги скошены вперед, реалистично; КТВ глубиной 0,5 см; ПТЗ.

7.5 – неопределенное животное, обращено вправо, изображение испорчено трещиной; СТВ глубиной 0,5 см; ПТЗ.

7.6 – эскиз рисунка (человек?), следы подновления; СТВ глубиной 0,3 см; ПТЗ.

7.7-7.9 – человек, в фас, схематично, от рук отходят линии, которые соединяют его с двумя лошадьми, обращены влево, расположены одна над другой, ниже – крупнее, реалистично, прорисованы чёлка, фаллосы, ноги прямые и спутаны; МТВ глубиной 0,5 см; ПТЗ.

7.10 – две лунки d 0,7 и 1 см; СТВ глубиной 0,5 см; ПТЗ.

7.11 – двугорбый верблюд, обращен влево, соединен с лошадью рисунка 8, крупный корпус, хвост поднят, ноги спутаны, реалистично; КТВ глубиной 0,5 см; ПТЗ.

7.12 – двугорбый верблюд, обращен влево чуть вверх, схематично; МТВ глубиной 0,3 см со следами подновления; ПТЗ.

7.13 – человек, в фас, обращен влево, руки расположены полукругом и расставлены в стороны, ступни ног, на голове косичка (?), соединен с изображением верблюда на рисунке 12; СТВ глубиной 0,5 см, подновление; ПТЗ.

7.14-7.15 – неопределенные животные, обращены влево; МТВ и СТВ глубиной 0,5 см; ПТЗ.

7.16 – человек, в фас, руки прямые раскинуты в стороны, на голове прическа (позднее подновление), схематично; СТВ глубиной 0,3 см, следы подновления; ПТЗ-3.

7.17 – неопределенные изображения (лунки? эскиз?); СТВ глубиной 0,5 см, подновление; ПТЗ.

7.18 – бык (?), обращен влево, крупный корпус; КТВ и СТВ глубиной 0,5 см; ПТЗ.

7.19 – неопределенные изображения; СТВ глубиной 0,3 см; ПТЗ.

7.20 – лунка d 0,7 см; СТВ глубиной 0,6 см; ПТЗ.

Плита 8 Вертикальная плита. Размер 0,5 x 0,3 м, обращена на северо-восток. Пати́на поверхности плиты 5.

8.1-8.2 – неопределенные животные, недорисованы?; СТВ глубиной 0,3 см; ПТЗ.

8.3 – бык (?), обращен вправо, крупно, два рога, длинные ноги спутаны; СТВ глубиной 0,5 см; ПТЗ.

8.4 – лошадь, обращена вправо, реалистично, прорисован чёлка, хвост; МТВ глубиной 0,5 см; ПТЗ.

8.5 – лошадь, обращена вправо, расположена за рисунком 4, схематично; МТВ глубиной 0,5 см, подновление; ПТЗ.

Плита 9 Размер 1,0 x 0,4 м, обращена на северо-восток. Пати́на поверхности плиты 4.

9.1 – человек, в фас, круглая голова, крупные руки расставлены в стороны, прямоугольный корпус, ноги не прорисованы; КТВ глубиной 0,5 см; ПТЗ.

9.2 – лунки d 1,5 – 2 см; СТВ глубиной 0,7 см; ПТЗ.

9.3 – точки, бессистемно (эскиз?); СТВ глубиной 0,5 см; ПТ4.

Плита 10 (рис. 50) Вертикальная плоскость, размер 1,1 x 0,8 м, обращена на северо-восток. Сохранность изображений неудовлетворительная, рисунки сильно испорчены лишайником, следы подновления. Пatina поверхности плиты 5.

10.1 – двугорбый верблюд, обращен вправо, от него отходит повод; КТВ глубиной 0,7 см; ПТ3.

10.2 – двугорбый верблюд (?), обращен влево, крупнее рисунка 1, изображение сильно испорчено сколами и лишайником; СТВ глубиной 0,7 см; ПТ4.

10.3 – человек, руки и ноги расставлены в стороны, схематично; МТВ глубиной 0,5 см со следами подновления; ПТ5.

10.4 – всадник на лошади, обращен вправо, схематично; МТВ глубиной 0,3 см; ПТ2.

10.5 – неопределенное изображение; МТВ глубиной 0,5 см, подновление; ПТ2.

10.6 – современный рисунок: нож; контурная выбивка; МТВ глубиной 0,2 см; ПТ1.

Плита 11 Вертикальная плоскость, размер 0,3 x 0,5 м, обращена на восток. Пatina поверхности плиты 3.

11.1 – двугорбый верблюд, обращен вправо, схематично; СТВ глубиной 0,5 см; ПТ2.

Плита 12 (рис. 51, 52) Размер 1,1 x 0,8 м. Угол наклона 45° . Обращена на юго-восток. Часть изображений разрушена крупными сколами. Пatina поверхности плиты 3.

12.1 – неопределенное животное, обращено вправо, схематично; КТВ глубиной 0,3 см; ПТ3.

12.2 – лошадь, обращена вправо, изображение выполнено в сейминско-турбинском стиле, чёлка, изящно, пышная хвост опущен, реалистично; МТВ глубиной 0,5 см; ПТ3.

12.3 – лошадь, обращена влево вверх, стоит на задних лапах, реалистично, следы подновления; МТВ глубиной 0,3 см; ПТ2.

12.4 – двугорбый верблюд, обращен вправо, ноги скошены вперед, реалистично; МТВ глубиной 0,3 см; ПТ2.

Плита 13 Плоскость размером 0,5 x 0,7. Угол наклона 80° . Обращена на юго-запад. Разрушается сколами. Пatina поверхности плиты 3.

13.1 – неопределенное животное, обращено вправо, следы подновления; КТВ глубиной 0,7 см; ПТ3.

13.2 – неопределенное изображение; МТВ глубиной 0,3 см; ПТ3.

Плита 14 (рис. 53) Вертикальная плоскость, размер 0,5 x 0,6 м. Обращена на восток. Пatina поверхности плиты 3.

14.1 – лунка d 1 см; СТВ глубиной 0,5 см; ПТ3.

14.2 – двугорбый верблюд, обращен вправо, крупный корпус, реалистично; СТВ глубиной 0,5 см с шлифовкой; ПТ3.

Плита 15 (рис. 54) Плоскость размером 0,9 x 1,5. Угол наклона 30° Обращена на восток. Поперек плиты крупная трещина и сколы, которые разрушают изображения. Пatina поверхности плиты 4.

15.1 – человек, изображен в фас, руки расставлены в стороны; СТВ глубиной 0,5 см; ПТ3.

15.2 – двугорбый верблюд, обращен влево, изображение крупное, реалистично; СТВ глубиной 0,5 см и шлифовка; ПТ3.

15.3 – неопределенное животное (собака?), обращено влево, три ноги, прорисована за верблюдом с рисунка 2; МТВ и СТВ глубиной 0,5 см; ПТ3.

15.4 – неопределенное изображение; МТВ глубиной 0,3 см; ПТ3.

15.5 – лошадь, обращена вправо вверх, изображение выполнено в сейминско-турбинском стиле, чёлка, пышная хвост, реалистично; МТВ глубиной 0,5 см; ПТ3.

15.6 – лунки d 0,5 см; МТВ глубиной 0,3 см; ПТ3.

Плита 16 (рис. 55) Горизонтальная плоскость, размер 0,6 x 0,7 м. Поверхность плиты покрыта лишайником и трещинами. Патины поверхности плиты 3.

16.1 – лошадь, обращена вправо, пышная чёлка, часть изображения испорчена лишайником; СТВ глубиной 0,5 см; ПТ3.

16.2 – горный козел, обращен влево, два больших рога полукругом, прямой хвост, реалистично; СТВ глубиной 0,3 см; ПТ2.

Плита 17 Плоскость размером 0,9 x 0,5. Угол наклона 60° . Обращена на восток. Разрушается сколами. Патины поверхности плиты 5.

17.1 – лошадь (?), обращена влево, изображение разрушается трещиной; СТВ глубиной 0,5 см; ПТ5.

17.2 – лошадь, обращена вправо, длинный хвост, две ноги, фаллос, морда опущена; СТВ глубиной 0,5 см; ПТ5.

17.3 – неопределенное изображение; СТВ глубиной 0,5 см; ПТ5.

17.4 – неопределенное животное, обращено вправо; СТВ глубиной 0,5 см; ПТ5.

Плита 18 Горизонтальная округлая плоскость размером 0,4 x 0,5 м. Разрушается сколами. Патины поверхности плиты 5.

18.1 – неопределенное животное, обращено вправо, ноги скошены вперед, прямой хвост опущен, схематично; СТВ глубиной 0,5 см; ПТ5.

18.2 – неопределенное животное (эскиз? недорисовано?); СТВ глубиной 0,5 см; ПТ5.

18.3 – лунка d 2,5 см; СТВ глубиной 0,5 см; ПТ5.

18.4 – линия длиной 7 см; СТВ глубиной 0,5 см; ПТ5.

Петроглифы Шунак

Плита 1 (рис. 56) Округлая плита размером 1,1 x 0,9 м; угол наклона 85° ; обращена на юго-запад. Патины поверхности плиты 3.

1.1 – тамга: две дугообразные линии d 4 см, образующие разомкнутый круг, внутри которого прорисован равносторонний крест, концы нижней дуги заканчиваются маленькими лунками; СТВ глубиной 1 см; ПТ2.

1.2 – тамга: «вилобразный» знак с прямыми углами основания и короткими горизонтальными черточками на вершинах крайних вертикальных линий; СТВ глубиной 1 см; ПТ2.

1.3 – тамга: сложный знак в виде изогнутого крючка (возможно, модификация «вилобразной» тамги), в основании которого полукруг и три несимметричных ответвления, заканчивающиеся миниатюрными стрелками, самый мелкий рисунок; СТВ глубиной 0,5 см; ПТ2.

1.4 – тамга: Y-образный знак с галочкой внизу вертикальной черты основания и горизонтальными перпендикулярными черточками на двух ответвлениях. Тамга-бакан принадлежит роду найман-баганалы; СТВ глубиной 1 см; ПТ2.

1.5 – тамга: полукруглая линия и пересекающая ее по центру вертикальная черта с <-образным ответвлением справа; СТВ глубиной 1 см; ПТ2.

1.6 – тамга: стреловидный знак с дугой посередине его вертикального основания, крупнее остальных тамг; СТВ глубиной 1 см; ПТ2.

Тамги расположены компактно, в круговую, почти одинаковы по размеру, длина основной части составляет 7-10 см, демонстрируют фигуративную близость с родовыми тамгами казахов.

Плита 2 (рис. 57) Округлая плита размером 1,0 x 0,9 м; обращена на юго-восток. Патины поверхности плиты 5. Плита разрушается крупными трещинами и сколами.

2.1 – 43 лунки d 1,5-2,0 см, расположенные вокруг изображения 2; СТВ глубиной 1 см; ПТ2.

2.2 – «солнцеголовый» персонаж (?), круглая голова с точкой в центре, правая рука отставлена в сторону (недорисован?), схематично; СТВ глубиной 1 см; ПТ2.

2.3 – вертикальная наклонная линия длиной около 13 см из крупных точек шириной 0,7 см; СТВ глубиной 1 см; ПТ2.

Плита 3 Подтреугольная плита, размер 0,4х0,6 м; угол наклона от 45° ; обращена на юго-запад. Патины поверхности плиты 4.

3.1 – неопределенное животное, обращено влево, голова разрушена сколом, схематично; СТВ глубиной 0,5 см; ПТ 3.

Плита 4 (рис. 58) Размер 0,5х0,9 м; угол наклона от 80° ; обращена на запад. Патины поверхности плиты 5.

4.1 – горный козел, обращен вправо, большой рог, ноги прямые, реалистично; СТВ глубиной 0,5 см, шлифовка; ПТ 3.

4.2-4.3 – неопределенные животные, обращены вправо вверх, по два уха, схематично; СТВ глубиной 0,5 см, шлифовка; ПТ 4.

Плита 5 Размер 0,4х0,2 м; угол наклона от 50° ; обращена на запад. Патины поверхности плиты 4.

5.1 – горный козел, обращен влево, ноги спутаны, схематично; СТВ глубиной 0,3 см; ПТ 4.

Плита 6 Размер 0,3х0,6 м; угол наклона от 45° ; обращена на юго-запад. Патины поверхности плиты 4.

6.1 – горный козел, обращен влево, схематично; СТВ глубиной 0,3 см; ПТ 3.

Плита 7 Размером 0,3 х 0,4 м; угол наклона 45° ; обращена на юго-запад. Патины поверхности плиты 4.

7.1 – горный козел, обращен влево, большой рог, реалистично; СТВ глубиной 0,3 см, процарапывание; ПТ 3.

Плита 8 (рис. 59) Размер 1,1 х 1,2 м; угол наклона 75° ; обращена на юго-запад. Патины поверхности плиты 4. Поверхность плиты разрушается трещинами. Рисунки подновлены, палимпсест.

8.1 – лошадь(?), обращена вправо, реалистично, изображение выполнено в скелетном стиле; СТВ глубиной 0,5 см; ПТ 3.

8.2 – кулан (?), обращен влево, расположен напротив лошади, схематично; СТВ глубиной 0,5 см; ПТ 3.

8.3-8.5 – неопределенные животные (недорисованы?); СТВ глубиной 0,3-0,5 см; ПТ 3.

8.6 – лунка d 1,5 см; СТВ глубиной 0,5 см; ПТ 3.

8.7-8.8 – неопределенные животные; СТВ глубиной 0,5 см; ПТ3.

8.9 – неопределенно животное, обращено влево, две ноги, схематично; СТВ глубиной 0,5 см; ПТ 3.

8.10 – лунка d 1 см; СТВ глубиной 0,5 см; ПТ 3.

Ниже на плите:

8.11-8.12 – куланы (?), один обращен влево, другой вправо, друг против друга, длинные рога, реалистично; СТВ глубиной 0,5 см; ПТ 3.

Плита 9 (рис. 60) Размер 0,8 х 1,2 м; угол наклона 80° ; обращена на запад. Патины поверхности плиты 5. Поверхность плиты разрушается сколами и трещинами.

9.1 – горный козел, обращен влево, схематично; СТВ глубиной 0,5 см, следы подновления; ПТ 3.

9.2 – горный козел, обращен влево, схематично; СТВ глубиной 0,5 см; ПТ3.

Плита 10 (рис. 61) Скальный выход размерами 1,8 х 1,2 х 0,8 м; рисунки нанесены на трех гранях. Патины поверхности плиты 5. Поверхность плиты разрушается сколами.

10.1 – неопределенное изображение на горизонтальной поверхности: тамга (?), разомкнутый круг и четыре линии из центра к окружности; СТВ глубиной 0,5 см; ПТ 3.

10.2 – лунка d 2 см; СТВ глубиной 0,5 см; ПТ 3.

10.3 – неопределенное изображение на другой вертикальной грани; МТВ глубиной 0,3-0,5 см; ПТ 2.

10.4-10.5 – на другой вертикальной грани, ориентированной на запад изображены два всадника: один на двугорбом верблюде, другой на лошади, обращены вправо, схематично; МТВ глубиной 0,3-0,5 см; ПТ 2.

Плита 11(рис. 62) Вертикальная плита размером 0,6 x 0,9 м; обращена на север. Патина поверхности плиты 5.

11.1-11.2 – сцена нападения: хищник, обращен влево вверх, два уха, две ноги, длинный корпус выгнут, схематично, нападает на горного козла, обращен вправо, две ноги, суставы, хвостик, изящно, реалистично; СТВ глубиной 0,5 см; ПТ4.

Плита 12 (рис. 63) Размер 0,7 x 0,4 м; угол наклона 90⁰; обращена на север-запад. Патина поверхности плиты 5. По определению А.Х. Маргулана сцена нападения змеи на коров (2003, рис. 141,142)

12.1 – корова (антилопа?), обращена влево, длинный корпус, две прямые ноги, два рога соединены и образуют овал, прямой хвост, перед мордой лунка d 0,7 см, схематично; СТВ глубиной 0,5 см; ПТ4.

12.2 – змея (?), от середины спины коровы с рис. 1 идет длинная полукруглая линия к изображению 3; СТВ глубиной 0,5 см; ПТ4.

12.3 – корова (антилопа ?), обращена влево, аналогична рисунку 1, но меньше по размеру, пышный хвост; МТВ глубиной 0,5 см, шлифовка; ПТ4.

12.4 – неопределенное изображение между ног антилопы с рисунка 3; МТВ глубиной 0,3 см; ПТ4.

12.5 – неопределенное животное (лошадь?), обращено влево, четыре прямые ноги, прямоугольная морда опущена, схематично, задняя часть изображения испорчена сколом; СТВ глубиной 0,5 см; ПТ4.

12.6 – неопределенные изображения; МТВ глубиной 0,3 см; ПТ4.

Плита 13 (рис. 64) Вертикальная плита, размер 1,1 x 0,8 м; обращена на запад. Разрушение сколами и трещинами составляет 30 %. Патина поверхности плиты 5. По определению А.Х. Маргулана сцена принесения в жертву козла (2003, рис. 145,146)

13.1-13.3 – человек, в профиль, обращен влево, схематично, две ноги, руки подняты, от правой руки идет повод к лошади, обращена вправо, чёлка, ноги спутаны, хвост, сзади идет собака(?), обращена вправо, схематично; МТВ глубиной 0,5 см; ПТ3.

13.4 – неопределенное животное, обращено вправо, ноги спутаны, хвост и морда опущены, уши, схематично; МТВ глубиной 0,3 см; ПТ3.

13.5 – горный козел – жертва ритуала, обращен вправо, ноги скошены вперед, хвостик направлен вверх, длинные рога; МТВ глубиной 0,3 см; ПТ3.

13.6 – две лунки d 0,5 и 0,3 см; МТВ глубиной 0,3 см; ПТ3.

13.7 – неопределенное животное (горный козел?), обращено вправо, крепкие ноги спутаны, морда опущена, один крупный рог, хвост прямой; СТВ глубиной 0,5 см, шлифовка; ПТ3.

13.8 – неопределенные изображения (эскизы?); СТВ глубиной 0,5 см; ПТ3.

Плита 14 (рис. 65; 66) Вертикальная плита, размер 0,6 x 1,6 м, обращена на север-запад. Патина поверхности плиты 5. Разрушается сколами и крупными трещинами. По определению А.Х. Маргулана благородный олень, таутеке, лошади и солярный знак (2003, рис. 132,133)

14.1-14.2 – горные козлы, обращены влево, по два рога, схематично; МТВ глубиной 0,5 см; ПТ3.

14.3 – олень, обращен влево, ветвистый рог, ноги скошены вперед, реалистично; МТВ глубиной 0,5 см с шлифовкой; ПТЗ.

14.4-14.5 – лошади, обращены влево, морды опущены, по четыре ноги, схематично; КТВ и СТВ глубиной 0,5 см; ПТЗ.

14.6 – две лунки d 0,5 см; МТВ глубиной 0,5 см; ПТЗ.

14.7 – окружность d 4 см, внутри прорисованы 5 линий (соляный символ? колесо?); мелкоточечная контурная выбивка глубиной 0,5 см; ПТЗ.

Плита 15 (рис. 67) Размер 1,6 x 1,2 м, округлый валун, угол наклона 30° ; обращен на запад. Патины поверхности плиты 4. По определению А.Х. Маргулана «Небесные светила»(2003, рис. 88)

15.1 – алтарь (?) прорисованы более 130 лунок d от 0,5 см до 2 см, бессистемно; МТВ глубиной 0,5 см; ПТ2.

Плита 16 (рис. 68) Размер 1,5 x 2,1 м, угол наклона 60° ; обращена на северо-запад. Патины поверхности плиты 4. Плоскость разрушается сколами, трещины.

16.1-16.4 – горные козлы, обращены вправо, по две ноги, круглые рога, хвостики, три крупно, один мельче, схематично; СТВ глубиной 0,5 см; ПТЗ.

16.5 – лунка d 0,5 см между ног горного козла; СТВ глубиной 0,5 см; ПТЗ.

16.6 – четыре крупные точки, составляющие квадрат, расположены между ног у самого маленького горного козла; МТВ глубиной 0,3 см; ПТЗ.

Плита 17 (рис. 69) Размер 1,4 x 1,1 м, угол наклона 80° ; обращена на северо-запад. Патины поверхности плиты 5. Плоскость и рисунки разрушаются сколами, трещинами.

Сцена охоты

17.1-17.2 – в центре плиты изображен человек, крупно, в профиль, обращен влево, длинное тело с подчеркнутой талией, круглая голова с прической (?), шея, две ноги со ступнями, под которыми прорисовано неопределенное животное (схематично), правая нога охотника чуть согнута в колене, фаллос (?), двумя руками держит за рога антилопу с рисунка 3; СТВ глубиной 0,5 см с шлифовкой; ПТЗ.

17.3 – антилопа, обращена вправо и вверх, два соединенных овалом рога, четыре ноги, длинный корпус, хвост, реалистично; МТВ глубиной 0,5 см с шлифовкой; ПТЗ.

17.4 – слева от центра плиты: неопределенное животное (хищник?), обращен вправо, преследует антилопу с рисунка 2, четыре полусогнутые ноги, выгнутая спина (как перед прыжком), два уха, хвост опущен и заканчивается лункой, реалистично; СТВ глубиной 0,5 см с шлифовкой; ПТЗ.

17.5 – под хищником нарисован лучник(?), изображение человека разрушено трещиной и сколами, сохранился лук, направленный в сторону хищника; СТВ глубиной 0,5 см; ПТ4.

17.6-17.7 – над хищником две птицы (дрофа), обращены вправо, прорисованы в движении по земле; МТВ глубиной 0,3 см с шлифовкой; ПТ4.

17.8-17.9 – горный козел, обращен вправо, четыре ноги скошены вперед (поза внезапной остановки), два рога, перед мордой неопределенное изображение; МТВ глубиной 0,5 см; ПТ4.

17.10-17.11 – над горным козлом прорисованы два хищника в схватке (?), один терзает другого (зеркальная экспозиция), обращены вправо, по четыре ноги, хвосты; МТВ глубиной 0,5 см; ПТ4

17.12 – справа от центра плиты за крупной продольной трещиной: птица (дрофа?), идентична рисункам 6 и 7, обращена вправо, реалистично; СТВ глубиной 0,5 см с шлифовкой; ПТЗ.

17.13 – горный козел, обращен вправо, четыре ноги скошены вперед (поза внезапной остановки), два рога (испорчено сколом), фаллос, хвост поднят вверх; МТВ глубиной 0,5 см; ПТ4.

17.14 – за человеком с рисунка 1 нарисован крест (человек? схематично?); СТВ глубиной 0,5 см; ПТ4.

17.15 – неопределенные изображения; МТВ глубиной 0,5 см; ПТ4.

17.16 – горный козел (?), обращен вправо, четыре ноги, в районе головы изображение испорчено трещиной; МТВ глубиной 0,5 см с шлифовкой; ПТ4.

Плита 18 (рис. 70) Вертикальная плита, размер 1,1 x 0,8 м ; обращена на юго-запад. Патина поверхности плиты 5. Рисунки разрушаются сколами. Палимпсест. По определению А.Х. Маргулана «Тур и повозка» (2003, рис. 108-110)

18.1 – тур, обращен влево, четыре прямые ноги, два прямые параллельные рога, прямоугольный корпус, морда и хвост опущены, фаллос; МТВ глубиной 0,5 см; ПТ3.

18.2 – сзади тура четырехколесная повозка открытого типа, вероятно, изображение было подновлено: лучник, крупно, в профиль, обращен влево, высокий, длинные прямые ноги, ступни, круглая голова, двумя руками держит лук, на концах которого прорисованы две лунки d 0,5 см; МТВ глубиной 0,5 см; ПТ3. 18.3 – лошадь, обращена влево, две прямые ноги, хвост, морда опущена, схематично; МТВ глубиной 0,5 см с шлифовкой; ПТ3.

18.4 – неопределенное изображение (эскиз?); МТВ глубиной 0,5 см; ПТ3.

18.5 – человек, обращен влево, ноги расставлены, ступни, круглая голова, в руках держит лук и длинную стрелу (?), изображение сильно испорчено сколами, реалистично; СТВ глубиной 0,5 см; ПТ4.

Плита 19 (рис. 71) Размер 0,6 x 1,3 м, обращена на юго-восток. Патина поверхности плиты 4.

19.1-19.4 – горные козлы, обращены вправо (вертикально на плите), один влево, схематично; МТВ глубиной 0,5 см; ПТ3.

19.5 – неопределенное изображение, расположено поперек плиты, геометрический стиль, схематично; МТВ глубиной 0,3 см; ПТ3.

19.6-19.8 – две окружности с крестом по центру, один эскиз окружности (солярные символы?); МТВ глубиной 0,5 см; ПТ3.

19.9 – неопределенное изображение; МТВ глубиной 0,3 см; ПТ3. (Маргулан, 2003, рис.111,112)

Плита 20 Размер 0,8 x 0,4 м, обращена на юго-восток. Патина поверхности плиты 3.

20.1 – горный козел, обращен вправо, большой рог, реалистично; МТВ глубиной 0,5 см; ПТ2.

Плита 21 (рис. 72) Размер 1,1 x 1,3 м; угол наклона 65° ; обращена на запад. Патина поверхности плиты 3.

21.1 – неопределенное животное, обращено вправо, схематично; СТВ глубиной 0,3 см; ПТ3.

21.2 – горный козел, обращен вправо, ноги прямые, большой рог заканчивается на корпусе животного, реалистично; СТВ глубиной 0,5 см; ПТ2.

21.3 – лошадь (?), обращена вправо, ноги прямые, схематично; СТВ глубиной 0,5 см; ПТ2.

Плита 22 Размер 0,5 x 0,9 м; угол наклона 85° ; обращена на юг. Патина поверхности плиты 4.

22.1 – неопределенное животное, обращено вправо, схематично; СТВ глубиной 0,3 см; ПТ2.

22.2 – волнистая линия (змея?); СТВ глубиной 0,5 см; ПТ2.

Плита 23 Вертикальная плита, размер 0,9 x 0,8 м; обращена на юго-восток. Пяти-на поверхности плиты 4.

23.1 – антилопа, обращена вправо, два рога расположены овалом с лунками на концах, морда прямоугольная; СТВ глубиной 0,3 см, шлифовка; ПТ2.

23.2 – горный козел, обращен влево, два рога, морда опущена, схематично; СТВ глубиной 0,5 см; ПТ3

23.4 – антилопа, обращена влево, два рога расположены овалом с лунками на концах, морда прямоугольная, схематично; СТВ глубиной 0,5 см; ПТ3.

23.5 – неопределенное животное, обращено вправо, крупно; среднеточечная контурная выбивка глубиной 0,5 см; ПТ4.

Плита 24 Вертикальная плита, размер 0,8 x 1,2 м; обращена на юг. Пятина поверхности плиты 3. Изображения сильно разрушены сколами и трещинами. 80% рисунков утрачены.

24.1 – горный козел, обращен влево, хвост вверх, ноги прямые, схематично; СТВ глубиной 0,5 см, шлифовка; ПТ2.

Плита 25 Вертикальная плита, размер 0,8 x 1,2 м; обращена на юг. Пятина поверхности плиты 3. Изображения сильно разрушены сколами и трещинами. 80% рисунков утрачены.

24.1 – горный козел, обращен влево, хвост вверх, ноги прямые, схематично; СТВ глубиной 0,5 см, шлифовка; ПТ2.

Плита 26 (рис. 73) Вертикальная плита, размер 0,6 x 1,1 м; обращена на юго-запад. Пятина поверхности плиты 5.

26.1-26.4 – хищники, обращены влево, длинные хвосты, по два уха, у двоих по четыре ноги, у одного выгнута спина; СТВ глубиной 0,5 см, шлифовка; ПТ4.

26.5 – лошадь, обращена влево, массивный прямоугольный корпус, грива торчком вверх отдельными локонами, хвост опущен, четыре ноги прямые, реалистично; СТВ глубиной 0,5 см, шлифовка; ПТ4.

26.6 – неопределенное животное, обращено влево, прямой хвост, схематично, мелко; МТВ глубиной 0,3 см, шлифовка; ПТ4.

26.7 – лошадь, обращена влево, уши, чёлка, грива торчком, хвост опущен, ноги прямые, реалистично; СТВ глубиной 0,5 см, шлифовка; ПТ4.

Плита 27 (рис. 74) Горизонтальная плита, размер 1,1 x 0,8 м, угол наклона 30°; обращена на юго-запад. Пятина поверхности плиты 5. Рисунки плохой сохранности, разрушаются сколами и трещинами. По определению А.Х. Маргулана сцена «Поклонение солнцу» (2003, рис. 115-117)

27.1 – человек, обращен вправо, круглая голова с прической, прямые ноги, две длинные руки, округлый корпус, фаллос; МТВ глубиной 0,3 см, шлифовка; ПТ3.

27.2-27.3 – впереди человека идут две собаки (?), крупно, обращены вправо, хвосты крючком вверх, два уха; МТВ глубиной 0,3 см; ПТ3.

27.4-27.5 – горные козлы, обращены вправо, две прямые ноги, хвостики, схематично; МТВ глубиной 0,3 см с шлифовкой; ПТ3.

27.6 – человек, обращен вправо, две прямые ноги, круглая голова, округлый корпус с талией, руки протянуты в сторону лошадей, изображение сильно испорчено сколами; МТВ глубиной 0,3 см с шлифовкой; ПТ3

27.7-27.8 – лошади, обращены вправо, по четыре ноги, фаллосы, выполнены в сейминско-турбинском стиле; СТВ глубиной 0,3 см с шлифовкой; ПТ3

27.9 – неопределенное животное, обращено вправо, 4 прямые ноги, хвост опущен, мелко, изображение сильно испорчено сколами; МТВ глубиной 0,3 см; ПТ3

27.10 – неопределенное изображение (эскиз?); МТВ глубиной 0,3 см; ПТ3.

27.11 – неопределенное изображение – округлые лабиринты (?); МТВ глубиной 0,3 см; ПТЗ.

27.12 – неопределенные животные; МТВ глубиной 0,3 см; ПТЗ.

Плита 28 (рис. 75) Размер 0,5х0,7 м; угол наклона от 60°; обращена на юго-запад. Патина поверхности плиты 4.

28.1 – горный козел, обращен влево, голова запрокинута назад, большой рог, ноги скошены назад, изящное изображение, реалистично; МТВ глубиной 0,5 см, шлифовка; ПТЗ.

Плита 29 (рис. 76) Размер 0,9х1,2 м; угол наклона от 60°; обращена на запад. Патина поверхности плиты 4. Несколько частей, разрушающихся трещинами и сколами. Сохранность изображений плохая.

29.1 – неопределенное животное, обращено вправо, схематично; СТВ глубиной 0,5 см, шлифовка; ПТЗ.

29.2 – человек, обращен влево, две прямые ноги, круглая голова с прической (косичка?), прямоугольный корпус, руки опущены в разные стороны, фаллос, изображение сильно испорчено сколами; СТВ глубиной 0,5 см с шлифовкой; ПТЗ.

29.3 – неопределенное животное, обращено вправо, расположено под изображением человека; СТВ глубиной 0,5 см; ПТЗ.

29.4 – хищник (?), обращен вправо и расположен вертикально на плите, четыре ноги, длинный хвост; СТВ глубиной 0,5 см с шлифовкой; ПТЗ.

27.5 – неопределенное изображение сильно испорчено сколами; СТВ глубиной 0,5 см с шлифовкой; ПТЗ.

Плита 30 (табл. 35) Округлая плита, размер 1,6 х 1,1 м, угол наклона 75°; обращена на запад. Патина поверхности плиты 3. В публикации А.Х. Маргулана данная сцена названа «Таинственный ритуал шаманов» (2003, рис. 106-107)

30.1-30.2 – в центре плиты противостояние двух палиценосцев – два человека, друг против друга, круглые головы с прической (косичка?), округлые корпуса с талией, руки подняты с палицами, которые скрещены в поединке, детали одежды, фаллосы; МТВ глубиной 0,3 см с шлифовкой; ПТЗ.

30.3-30.8 – шесть человек, обращены влево, изображения идентичны, рассредоточены по разным сторонам композиции, длинные руки подняты вверх, у некоторых прорисованы пальцы, трое держат палицы, подчеркнуты детали одежды и прически, фаллосы; МТВ глубиной 0,3 см с шлифовкой; ПТЗ.

30.9-30.10 – неопределенные животные (?); МТВ глубиной 0,3 см; ПТЗ.

30.11 – человек, нарисован вверх ногами (повержен?); МТВ глубиной 0,3 см с шлифовкой; ПТЗ.

30.12-30.13 – человек, нарисован на спине массивного быка-тура (?), обращены вправо, плохая сохранность изображений; МТВ глубиной 0,3 см с шлифовкой; ПТЗ.

30.14- 30.15 – два человека, в глубоком наклоне, головами ориентированы в разные стороны, круглые головы с прическами, округлые корпуса, детали одежды (?), фаллосы; МТВ глубиной 0,3 см с шлифовкой; ПТЗ.

30.16-30.19 – горные козлы, обращены вправо, по четыре ноги, два рога, морды наклонены вниз, рогу выставлены в боевую позицию, изображения реалистичны; МТВ глубиной 0,3 см с шлифовкой; ПТЗ.

30.20-30.21 – два архара, ориентированы влево, в разных сторонах сцены, реалистично, аналогичны другим изображениям; МТВ глубиной 0,3 см с шлифовкой; ПТЗ.

30.22-30.23 – туры (?), обращены вправо, массивные корпуса, морды опущены; МТВ глубиной 0,3 см с шлифовкой; ПТЗ.

30.24 – хищник (?), обращен вправо, массивный длинный корпус, морда опущена, четыре ноги, два уха, длинный хвост опущен, реалистично; МТВ глубиной 0,3 см с шлифовкой; ПТЗ.

30.25-30.26 – на самом верху плиты – человек (?), обращен влево, держит в руках предмет, прорисованный несколькими крупными лунками; МТВ глубиной 0,3 см с шлифовкой; ПТЗ.

30.27 -30.31 – пять птиц (дрофы?), обращены вправо, длинные ноги, хохолки, хвосты; МТВ глубиной 0,3 см с шлифовкой; ПТЗ.

30.32 – хищник (?), обращен вправо, морда опущена, четыре ноги, два уха, нарисован в позе внезапной остановки, реалистично; МТВ глубиной 0,3 см с шлифовкой; ПТЗ.

30.33 – кошачий хищник (?), обращен влево вверх, две ноги, хвост поднят вверх и соединяется с рукой человека, который как бы поймал его за хвост, реалистично; МТВ глубиной 0,3 см с шлифовкой; ПТЗ.

30.34 – олень(?), обращен вправо, мелко, длинный рог, состоящий из геометрических фигур, направлен вдоль спины; МТВ глубиной 0,3 см с шлифовкой; ПТЗ.

30.35-30.55 – неопределенные животные и изображения (недорисованы или плохой сохранности); МТВ глубиной 0,3 см с шлифовкой; ПТЗ.

Петроглифы Коныржон

Плита 1 (рис. 78) Вертикальная плита размером 1,40 x 0,9 м; обращена на юг. Пати́на поверхности плиты 4. Поверхность плиты покрыта глубокими горизонтальными трещинами и корковым лишайником.

1.1 – неопределенное изображение овальной формы, испорчено сколом, СТВ глубиной 1 см; ПТЗ.

1.2 – человек (?), правая рука поднята вверх и в ней неопределенный предмет, левая рука опущена вниз, поперек схематично нарисованного туловища расположена косая черта, рядом изображена вертикальная длинная линия; СТВ глубиной 1 см со следами подновления; ПТЗ.

1.3-1.6 – горные козлы, обращены вправо, по две ноги, округлые рога, схематично; СТВ глубиной до 1 см с элементами шлифовки; ПТЗ.

1.7-1.9 – три горных козла головами вправо, по две ноги, передние - скошены вперед, задние - назад, большие полукруглые рога, хвостики направлены вверх, реалистично; СТВ глубиной до 1 см с элементами шлифовки; ПТЗ.

Плита 2 Расположена под углом 85°, размер 1,1 x 0,5 м. Обращена на восток. Пати́на поверхности плиты 4. Поверхность плиты разрушается горизонтальными трещинами, часть рисунков покрыта корковым лишайником.

2.1 – человек, мелко, обращен вправо, руки расставлены в стороны, головной убор(?), схематично; СТВ глубиной 0,3-0,5 см; ПТЗ.

Плита 3 Расположена под углом 95°, размер 0,8 x 0,3 м. Обращена на восток. Пати́на поверхности плиты 4. Поверхность плиты разрушается, покрыта вертикальными и горизонтальными трещинами, на 60% изображения испорчены лишайником.

3.1-3.3 – горные козлы, обращены вправо, схематично; СТВ глубиной 0,5 см с элементами шлифовки; ПТ 2.

3.4 – двугорбый верблюд, обращен вправо, рисунок незакончен, изображение испорчено трещиной; МТВ глубиной 0,5 см; ПТ 2.

3.5 – неопределенное животное; МТВ глубиной 0,5 см

Плита 4 Расположена под углом 45°, размер 0,6 x 0,4 м. Обращена на восток. Пати́на поверхности плиты 4. Поверхность плиты покрыта вертикальными и горизонтальными трещинами, корковым лишайником.

4.1 – двугорбый верблюд, обращен вправо, длинная шея, передняя часть изображения испорчена лишайником, две задние ноги прорисованы со ступнями, маленький хвост опущен вниз; МТВ глубиной 0,5 см с элементами шлифовки; ПТ5.

Плита 5 (рис. 79 – 81; табл. 16, 17) Группа изображений этой вертикальной плиты расположена на трех разных плоскостях, объединенных одним скальным выходом породы. Размер 2,20 x 0,9 м. Обращена на восток. Патина поверхности плиты 4. Поверхность плиты неровная, изломы, покрыта горизонтальными и вертикальными трещинами и корковым лишайником. Площадь повреждений составляет 40 %.

5.1 – лошадь с большим круглым рогом над крупом, реалистично, обращена влево, морда опущена, ноги скошены вперед, мускулы ног напряжены, придавая динамизм позе животного. Изображение орнаментировано нанесенными вертикальными полосами, пересекающими корпус животного на несколько частей, и выполнено в скифосакском зверином стиле. СТВ контура глубиной до 1 см; ПТ3.

Чуть ниже на отдельном фрагменте данной плиты на плоскости подтреугольной формы размером 0,9x0,7м представлена многофигурная композиция (рис. 79-1)

Нижний ярус изображений:

5.2 – человек, нарисован в фас, схематично, круглая голова, возможно, в головном уборе, руки расставлены в стороны, на правой руке прорисована ладонь и пальцы; следы подновления; МТВ глубиной 0,3-0,5 см с элементами процарапывания; ПТ2.

5.3-5.4 – двугорбый верблюд, обращен вправо, четыре длинные ноги полукругом, прорисованы ступни, два маленьких горба, между ног неопределенное изображение (человек?, схематично, подновление) и 4 лунки d 0,5 см; МТВ глубиной 0,5 см; ПТ2.

5.5 – человек, нарисован в фас, схематично, голова круглая, в левой руке держит длинную палку, в правой – неопределенный предмет, ноги расставлены в стороны, соединен с верблюдом, следы подновления; МТВ глубиной 0,5 см, резная линия, процарапывание; ПТ2.

5.6 – лучник, обращен вправо, натягивает тетиву лука, прорисован нос, длинные ноги чуть согнуты в коленях, со ступнями, тело короткое округлое, фаллос, следы подновления; МТВ глубиной 0,5 см, процарапывание; ПТ2.

5.7 – человек, обращен влево, прорисованы волосы или головной убор, правая рука расположена полукругом и приставлена к поясу, левая – поднята к лицу, фаллос; МТВ глубиной 0,5 см; ПТ2.

5.8-5.9 – лучник в остроконечном головной уборе, обращен влево, прослеживается треугольный наконечник стрелы, с левой стороны от туловища расположен колчан, фаллос, реалистично, держит в поводу лошадь, обращена влево, схематично, 2 ноги, 2 уха, хвост опущен, под ней расположено неопределенное изображение (знак?); МТВ глубиной 0,5 – 0,7 см, резная линия, процарапывание; ПТ2.

5.10-5.11 – вплотную к лошади расположен всадник на двугорбом верблюде, обращены влево, у человека круглая голова, 2 ноги, развернут в фас; МТВ глубиной 0,5 см, резная линия, процарапывание; ПТ2.

Верхний ярус изображений:

5.12 – человек, в фас, руки подняты над головой и расположены полукругом, прорисованы ладони с пальцами, фаллос, 2 ноги со ступнями, направлены направо; МТВ глубиной 0,5 см

5.13 – неопределенное изображение (человек? вверх ногами); МТВ глубиной 0,5 см с шлифовкой; ПТ3.

5.14- четыре лунки d 0,7 см, расположены в форме квадрата; СТВ 0,5-0,7 см; ПТ3.

5.15 – человек, в профиль, обращен влево, в руках оружие?, многочисленные следы подновления; МТВ глубиной 0,5 см; ПТ3.

5.16 – человек, обращен вправо, круглая голова, схематично, в руках держит лук (подновление), изображены ступни; МТВ глубиной 0,5 см, процарапывание; ПТЗ.

5.17 – неопределенное животное (недорисовано), две ноги, корпус тела прорисован контуром; СТВ 0,5 см; ПТЗ.

15.18 – лунки d от 0,3 до 0,9 см, бессистемно по всей поверхности плиты; МТВ глубиной 0,5 см

15.20 – бессистемные линии, возможно, более позднее граффити?; процарапывание, резная линия глубиной 0,2-0,3 см; ПТ2.

Правее на третьем фрагменте данной плиты размером 0,6х0,4м изображения разрушаются из-за крупной поперечной вертикальной трещины и коркового лишайника (рис. 79-2).

5.21 – человек, в фас, часть изображения испорчена трещиной и корковым лишайником, нижняя часть тела недорисована, правая рука согнута в локте и поднята вверх, в ней держит неопределенный предмет – длинный крюк?; СТВ глубиной 0,5-1 см со следами подновления; ПТ 2-3.

5.22 – султанская тамга «виллообразной» формы; резная линия, процарапывание глубиной 0,3 см.

5.23-15.25 – три человека в позе адорации, в фас, круглые головы, руки первого подняты вверх, у двух других согнуты в локтях и так же подняты, ноги расставлены, фаллосы, схематично; СТВ глубиной 0,5 см; ПТЗ.

5.26-15.29 – четыре фигурки птиц с опущенными вниз крыльями, у одной прорисована голова, хвостовое оперение, округлые крылья, остальные схематично; СТВ глубиной 0,5 см; ПТЗ.

5.30 – лунки d 0,7 см; СТВ глубиной 0,5 см; ПТЗ.

Плита 6 (рис. 82) Вертикальная плита, размер 0,8 х 0,2м. Обращена на восток. Патина поверхности плиты 4. Поверхность плиты покрыта горизонтальными трещинами, корковым лишайником.

6.1 – двугорбый верблюд (недорисован?), обращен влево, реалистично, припал на передние ноги; контурное изображение, СТВ глубиной 1 см; ПТ 3.

6.2 – человек (?), вверх ногами, руки и ноги расставлены, фаллос, схематично; СТВ глубиной 0,3-0,5 см; ПТЗ.

6.3 – неопределенное животное (горный козел?), расположен вертикально головой вверх, схематично; СТВ глубиной 0,5 см; ПТЗ.

Следующая группа изображений расположена на 150-200 м ниже первого яруса петроглифов.

Плита 7 Вертикальная плита, размер 1,2 х 0,3м. Обращена на восток. Патина поверхности плиты 5. Поверхность плиты разрушается глубокими вертикальными трещинами, часть изображений, возможно, уничтожена корковым лишайником.

7.1 – неопределенное изображение; СТВ глубиной 0,5 см; ПТЗ.

7.2 – горизонтальная линия; КТВ и СТВ глубиной 0,7 см; ПТЗ.

7.3-7.4 – горные козлы (недорисованы), обращены вправо, схематично; МТВ и СТВ глубиной 0,5 - 1 см; ПТЗ.

7.5 – крупная собака (?), обращена влево, хвост направлен вверх; МТВ глубиной 0,5 см; ПТЗ.

7.6-7.7 – горные козлы, обращены вправо, схематично; МТВ глубиной 0,5 см; ПТЗ.

7.8 – неопределенное изображение (животное? недорисовано?); МТВ глубиной 0,5 см; ПТЗ.

Плита 8 (рис. 83) Вертикальная плита, размер 1,8 х 0,7м. Обращена на юго-восток-восток. Патина поверхности плиты 4. Поверхность плиты разделена на три ча-

сти крупными трещинами. Сохранившиеся рисунки прослеживаются на двух. Рисунки разрушаются трещинами и корковым лишайником.

8.1 – горный козел, обращен вправо, ноги прямые, большой рог, задняя часть изображения разрушена; СТВ глубиной 0,5 см; ПТ4.

8.2 – крупные точки, больше двадцати, бессистемно (эскиз рисунка?); КТВ глубиной 0,7 см; ПТ4.

8.3-8.4 – человек в поводу ведет двугорбого верблюда, обращены вправо, у человека руки расставлены в стороны, прорисованы ступни, у верблюда маленькие горбы, четыре длинные полукруглые ноги; МТВ глубиной 0,5 см; ПТ2.

8.5 – горный козел, обращен вправо, хвостик направлен вверх, ноги прямые, крупный рог, прямоугольный корпус, реалистично; СТВ глубиной 0,5 см; ПТ4.

8.6 – неопределенное изображение (горный козел? недорисован?); КТВ глубиной 0,5 см; ПТ4.

8.7 – горный козел, обращен вправо, большой рог, четыре прямые ноги расставлены, корпус прямоугольный, реалистично; СТВ глубиной 0,5 см; ПТ4.

Плита 9 (рис. 84) Вертикальная плита, размер 1,2 x 0,9 м. Обращена на восток. Патина поверхности плиты 4. Поверхность плиты неровная, покрыта горизонтальными трещинами, корковым лишайником. Верхняя часть отколота и на ней одно изображение, на 80 % испорчено лишайником.

9.1 – горный козел (?), обращен влево, большой рог, большая часть рисунка испорчена лишайником; СТВ глубиной 0,5 см; ПТ4.

9.2 – горный козел, обращен вправо, ноги прямые, хвостик направлен вверх, реалистично; СТВ глубиной 0,5 см; ПТ4.

9.3 – неопределенное изображение (животное? недорисовано?); КТВ и СТВ глубиной 0,5 см; ПТ4.

Средний ярус рисунков:

9.4-9.5 – двугорбый верблюд, обращен вправо, маленькие горбы, четыре длинные ноги полукругом, за ним изображен человек (?), изображение на 60% испорчено сколом; МТВ глубиной 0,3 см с элементами шлифовки; ПТ3.

9.6 – горный козел, обращен влево, большой рог, реалистично, задняя часть изображения уничтожена подновлением; СТВ глубиной 0,7 см, шлифовка; ПТ3.

9.7 – лунка d 0,5 см, подновление; МТВ глубиной 0,3 см; ПТ3.

9.8 – неопределенное животное (лошадь?), обращена вправо, четыре ноги, голова и хвост опущены; СТВ глубиной 0,5 см; ПТ3.

9.9 – лучник, обращен влево, форма тела округлая, фаллос, реалистично, в руках держит лук со стрелой, сзади корпуса прорисован колчан (?); МТВ глубиной 0,5 см с подновлениями и шлифовкой, резная линия; ПТ3.

9.10-9.11 – неопределенные изображения (животные? недорисованы?); СТВ глубиной 0,7 см; ПТ4.

9.12-9.13 – горные козлы, обращены вправо, расположены один над другим и аналогичны, верхний прорисован ярче, ноги прямые, следы подновления; МТВ глубиной 0,5 см с шлифовкой и обновлением; ПТ2-3.

9.14 – округлое изображение d 3 см, внизу лунка d 0,3 см; СТВ глубиной 0,5 см; ПТ4.

9.15-9.16 – лучник ведет в поводу двугорбого верблюда, обращены влево, человек нарисован в профиль, нос, две ноги, фаллос, в двух руках держит лук со стрелой, сзади корпуса прорисован колчан; МТВ глубиной 0,5 см с шлифовкой и подновлением (верблюд); ПТ3.

9.17 – неопределенное животное (собака?), обращено влево, схематично; СТВ глубиной 0,7 см; ПТ4.

Нижний ярус рисунков на плите повсеместно покрыт бессистемными лунками – следы подновления.

9.18-9.20 – горные козлы, обращены влево, расположены один за другим, реалистично, большие рога, прямые ноги, хвостики вверх; СТВ глубиной 0,5 см и шлифовкой; ПТЗ.

9.21 – собака, обращена влево, хвост направлен вверх, реалистично; СТВ глубиной 0,5 см; ПТ4.

9.22 – неопределенное изображение геометрической формы и несколько лунок d 0,5 см, присоединяется к рисунку 21 (повозка?); СТВ глубиной 0,7 см; ПТЗ.

9.23 – горный козел, обращен влево, реалистично, аналогично рисункам 18-20; СТВ глубиной 0,3 см и шлифовкой; ПТЗ.

9.24 – человек, обращен вправо, две ноги чуть согнуты в коленях, прорисованы ступни, фаллос, руки прямые расставлены в стороны, прорисованы ладони и пальцы, на круглой голове прическа или шляпа; МТВ глубиной 0,5 см с шлифовкой; ПТЗ.

Группа рисунков расположена правее на плите за крупной поперечной трещиной.

9.25 – неопределенное животное, обращено влево, четыре ноги, маленький хвостик; МТВ глубиной 0,5 см со следами подновления; ПТЗ.

9.26 – неопределенное изображение; СТВ глубиной 0,5 см; ПТ4.

9.27 – неопределенное животное (собака?), плохая сохранность; СТВ глубиной 0,5 см; ПТЗ.

9.28 – человек, прорисован в фас, на ногах выделены мышцы, фаллос, округлое тело, круглая голова, прямые руки раскинуты в стороны, от левой отходит длинная волнистая линия, расположенная на всей оставшейся части плиты; МТВ и СТВ глубиной 0,5-0,7 см; ПТ4.

9.29 – горный козел, обращен влево, ноги скошены вперед, изображение испорчено лишайником, схематично; СТВ глубиной 0,5 см; ПТ4.

9.30 – горный козел, обращен вправо, большой рог, ноги прямые, реалистично; СТВ глубиной 0,7 см; ПТ4.

9.31-9.33 – неопределенные изображения; СТВ глубиной 0,7 см; ПТ4.

Плита 10 (рис. 85) Вертикальная плита, размер 1,2 x 0,9м. Обращена на восток. Патина поверхности плиты 4. Поверхность плиты разрушается крупной поперечной трещиной и сколами, корковым лишайником.

10.1 – горный козел, обращен влево, прямоугольный корпус, схематично; СТВ глубиной 0,5 см; ПТЗ.

10.2 – горный козел, обращен вправо, большой рог, ноги прямые, хвост, прямоугольный корпус, часть головы разрушено сколом, реалистично; МТВ и СТВ глубиной 0,5-1 см; СТВ глубиной 0,5 см; ПТЗ.

10.3 – двугорбый верблюд, обращен вправо, маленькие горбы, длинная шея, хвост, схематично, часть рисунка испорчена лишайником; МТВ глубиной 0,5 - 1 см; ПТЗ.

10.4 – горный козел, обращен вправо, крупный, большой рог, голова запрокинута вверх, ноги прямые, показан хвост, фаллос, корпус прямоугольный; СТВ глубиной 0,5 см с шлифовкой, подновление; ПТ2.

Плита 11 (рис. 86) Вертикальная плита, размер 0,7 x 0,4м. Обращена на восток. Патина поверхности плиты 4. Поверхность плиты покрыта горизонтальными трещинами, корковым лишайником.

11.1 – антропоморфное изображение, две ноги, длинное тело, обращен влево; МТВ глубиной 0,5 см с шлифовкой; ПТЗ.

11.2-11.4 – горные козлы, обращены вправо, один за другим, средний крупнее, передняя нога скошена вперед, задняя назад, реалистично; МТВ глубиной 0,5 см с шлифовкой; ПТЗ.

11.5 – горный козел, обращен вправо и вверх, ноги скошены вперед, схематично; СТВ глубиной 0,7 см; ПТ4.

11.6 – неопределенное изображение; СТВ глубиной 0,7 см; ПТ4.

11.7 – неопределенное животное, обращено влево, пышный хвост поднят вверх; СТВ глубиной 0,7 см; ПТ4.

Плита 12 Вертикальная плита, размер 0,7 x 0,5 м. Обращена на восток. Патины поверхности плиты 4.

12.1-12.2 – неопределенные изображения; СТВ глубиной 0,7 см; ПТ4.

Плита 13 (рис. 87) Вертикальная плита, размер 0,8 x 0,7 м. Обращена на восток. Патины поверхности плиты 4. Плита расколота поперечной трещиной.

13.1 – горный козел, обращен вправо, крупный рог закручен, морда опущена, ноги прямые, реалистично; СТВ глубиной 0,5 см; ПТ3.

Плита 14 (рис. 88) Округлый валун, размер 0,6 x 0,4 м. Плоскость с рисунком обращена на восток. Патины поверхности плиты 4.

14.1 – горный козел, обращен вправо, большой рог вдоль корпуса, передняя нога скошена вперед, задняя назад, хвост, реалистично; МТВ глубиной 0,5 см; ПТ3.

Плита 15 Вертикальная плита, размер 0,9 x 0,9 м. Обращена на восток. Патины поверхности плиты 4. Поверхность плиты частично покрыта корковым лишайником.

15.1 – неопределенное изображение (человек? недорисован?); МТВ глубиной 0,5 см; ПТ4.

15.2-15.4 – неопределенные изображения; СТВ глубиной до 1 см; ПТ4.

Петроглифы Желтау

Плита 1 (рис. 93) Вертикальная плита размером 1,7 x 0,9 м; обращена на юго-восток. Патины поверхности плиты 4. Поверхность плиты покрыта сколами, трещинами и корковым лишайником. Сохранность рисунков неудовлетворительная.

1.1-1.3 – неопределенные изображения (животные? недорисовано?); СТВ глубиной 1 см; ПТ3.

1.4-1.14 – горные козлы, обращены вправо, головы опущены вниз, ноги скошены вперед, хвосты, часть выполнено реалистично, часть схематично, со следами поздних подновлений; МТВ глубиной 0,3 см; ПТ 3.

1.15 – сложная фигура, возможно, отображающая дерево, растущее в ущелье; мелкоточечная контурная выбивка глубиной 0,3 см; ПТ 3.

1.16 – лунки d 0,3-0,5 см по всей поверхности плиты; МТВ глубиной 0,5 см; ПТ 3.

1.17 – неопределенные изображения (недорисовано?); СТВ глубиной 0,5 см; ПТ3.

Плита 2 Вертикальная плита размером 1,4 x 0,6 м; обращена на юго-восток, составляла единый монолит с плитой 1 и расположена выше на 20 см за крупной трещиной. Патины поверхности плиты 5.

2.1-2.4 – горные козлы, обращены влево, большие рога, у двух изображений по два крупных рога и четыре ноги, заканчивающихся лунками (копыта?), реалистично; МТВ глубиной 0,3 см; ПТ 4.

2.5-2.6 – горные козлы, обращены вправо, большие рога, по две ноги, схематично; МТВ глубиной 0,3 см; ПТ 4.

2.7 – горный козел, обращен влево, рисунок расположен на боковой плоскости данной плиты; МТВ глубиной 0,3 см; ПТ.

Плита 3 (рис. 94) Вертикальная плита размером 2,1 x 0,9 м; обращена на юго-запад. Разрушение сколами, корковым лишайником и трещинами составляет 40 %. Патины поверхности плиты 4.

3.1 – человек, в фас, схематично, круглая голова прорисована несколькими лунками (прическа?), тело удлиненное прямоугольное, руки опущены, ноги чуть расставлены; МТВ глубиной 0,3 см, процарапывание; ПТ 3.

3.2-3.3 – всадник на лошади, обращены вправо, схематично, у всадника правая рука опущена вниз, левая поднята вверх, в ней какой-то предмет, лошадь с четырьмя ногами, хвост опущен, передние лапы соединяются с неопределенным изображением, расположенным чуть ниже; СТВ глубиной 0,5 см; ПТ 2.

3.4-3.5 – лошади, обращены вправо, схематично, у одной показано ухо, морды опущены; СТВ глубиной 0,5 см, процарапывание, следы подновления; ПТ 2.

3.6 – неопределенные изображения (эскизы?); СТВ глубиной 0,3 см; ПТ3.

3.7 – человек, в фас, схематично, круглая голова, возможно, прическа, над головой более 15 крупных точек, образующих окружность, тело прямоугольное, руки чуть расставлены в стороны и опущены, прорисованы ладони и пальцы, ноги расставлены, прорисованы ступни; МТВ глубиной 0,5 см со следами шлифовки, процарапывания, подновления; ПТ 2.

3.8 – крест; СТВ глубиной 0,5 см; ПТ 2.

3.9-3.14 – неопределенные животные, обращены вправо, схематично, мелко; КТВ и СТВ глубиной 0,3-0,5 см, следы подновления; ПТ 2.

3.15-3.16 – неопределенные животные (горные козлы?), обращены вправо, схематично; МТВ глубиной 0,5 см; ПТ2.

3.17 – антропоморфное изображение (?), обращено вправо, на голове прическа, схематично; МТВ глубиной 0,3 см; ПТ 2.

3.18 – человек, обращен вправо, в фас, схематично; СТВ глубиной 0,3 см; ПТ1.

3.19 – схематичное изображение лучника (?), мелко, обращен влево; МТВ глубиной 0,3 см; ПТ3.

Плита 4 (рис. 95) Плита размером 1,0 x 0,7 м; угол наклона 80° , обращена на восток. Патина поверхности плиты 5.

4.1 – горный козел, обращен вправо, два круглых больших рога, схематично, часть изображения испорчена сколом; СТВ глубиной 0,5 см; ПТ4.

4.2-4.3 – неопределенные изображения; СТВ глубиной 0,5 см; ПТ4.

Плита 5 Вертикальная плита размером 1,1 x 0,7 м; обращена на север. Степень разрушения 40%. Патина поверхности плиты 5.

5.1 – горный козел(?), обращен вправо, большой рог, морда опущена, схематично; СТВ глубиной 0,3 см; ПТ4.

5.2 – неопределенное животное; СТВ глубиной 0,5 см, следы подновления; ПТ3.

Плита 6 (рис. 96) Состоит из двух частей, размер 1,7 x 1,5 м, угол наклона 105° ; обращена на восток. Разрушение сколами и трещинами составляет 60 %. Патина поверхности плиты 4.

6.1 – неопределенное животное (недорисовано?); МТВ глубиной 0,5 см; ПТ3.

6.2 – лошадь, обращена влево, четыре ноги спутаны, схематично; МТВ глубиной 0,3 см; ПТ3.

6.3-6.5 – человек, в фас, схематично, в левой руке держит длинный курок, к которому присоединены две лошади, одна (слева) обращена вправо, четыре ноги, реалистично, другая (справа) расположена вертикально головой вверх, схематично; МТВ глубиной 0,5 см со следами подновления; ПТ3-4.

6.6 – лошадь, расположена вертикально, четыре ноги, схематично; МТВ глубиной 0,5 см; ПТ3.

6.7-6.10 – горные козлы, обращены вправо, по 4 ноги, большие рога, морды опущены, схематично; МТВ глубиной 0,3 см со следами подновления; ПТ2-3.

6.11 – круг d 3 см с крестом по центру; СТВ глубиной 0,5 см, подновление; ПТ3.

6.12-6.14 – горные козлы, один обращен вправо, другой влево, лбами упираются друг в друга, еще один расположен за ними и обращен влево, по две ноги, у одного ноги скошены вперед, реалистично; МТВ глубиной 0,3 см; ПТ4.

6.15 – всадник? на неопределенном животном (верблюд? лошадь?), обращены вправо, задняя часть недорисована, у человека руки раскинуты в стороны; СТВ глубиной 0,3 см, подновление; ПТ2-3.

6.16 – неопределенные изображения: лунки, линии, черточки (эскизы?); СТВ глубиной 0,5 см, подновление; ПТ3.

Плита 7 Вертикальная плита, размер 0,6 x 1,0 м, обращена на север. Патины поверхности плиты 4.

7.1 – крест; КТВ и СТВ глубиной 0,5 см с шлифовкой; ПТ3.

7.2 – неопределенное животное, схематично, недорисовано; СТВ глубиной 0,3 см; ПТ3.

Плита 8 Вертикальная плита, разделенная крупными трещинами на три части, на которых изображено по одному рисунку. Размер 1,8 x 1,2 м, обращена на восток. На плоскости с восточной экспозицией также нанесен один рисунок. Патины поверхности плиты 5.

8.1-8.2 – горные козлы, обращены вправо, рога, схематично; СТВ глубиной 0,3 см; ПТ4.

8.3 – горный козел, обращен влево, прорисован в позе внезапной остановки, ноги скошены назад; МТВ глубиной 0,3 см с шлифовкой; ПТ4.

8.4 – горный козел, обращен влево, задняя нога скошена вперед; МТВ глубиной 0,5 см; ПТ4.

Плита 9 Размер 1,1 x 0,4 м, обращена на восток. Патины поверхности плиты 4.

9.1-9.2 – неопределенные животные (хищники?), обращены вправо; СТВ глубиной 0,5 см; ПТ4.

9.3 – лунки; КТВ глубиной 0,7 см; ПТ4.

Плита 10 (рис. 97) Вертикальная плоскость, размер 1,1x0,8 м, обращена на восток. Сохранность изображений неудовлетворительная, рисунки испорчены сколами, лишайником, следы подновления. Патины поверхности плиты 3.

10.1 – человек, в фас, руки и ноги расставлены в стороны, схематично; СТВ глубиной 0,5 см; ПТ2.

10.2 -10.3 – неопределенные животные (горные козлы?), обращены вправо, схематично; МТВ глубиной 0,5 см, шлифовка, подновление; ПТ2.

10.4 – лошадь (?), обращена вправо, схематично; СТВ глубиной 0,7 см; ПТ3.

10.5 – всадник, лошадь обращена вправо, ноги скошены вперед (в позе внезапной остановки), всадник в руках держит лук и обращен назад вверх; МТВ и СТВ глубиной 0,5 см со следами подновления; ПТ2-3.

10.6-10.10 – неопределенные животные (косули?), обращены вправо, ноги скошены вперед, по два прямых рога; МТВ глубиной 0,3 см, подновление; ПТ 2.

10.11-10.12 – неопределенные животные (хищники?, собаки?), одно выше рисунков косуль (?), другое ниже, схематично; СТВ глубиной 0,5 см, процарапывание, шлифовка; ПТ2.

10.13 – архар, обращен вправо, нарисован в положении лежа с подогнутыми внутрь ногами, два изящных рога, хвост направлен вверх, реалистично; МТВ глубиной 0,3 см; ПТ 2.

10.14-10.15 – архары, обращены вправо, ноги скошены вперед, рога закручены, один крупнее, реалистично; МТВ глубиной 0,3 см; ПТ2.

10.16 – олень(?) или лось (?), обращен вправо, длинный ветвистый рог вытянут вдоль спины, передняя нога прямая, задняя скошена вперед, схематично; СТВ и шлифовка глубиной 0,3 см; ПТ1.

10.17 – неопределенные животные, обращены вправо, схематично ; МТВ и СТВ глубиной 0,5 см; ПТ 2.

10.18 – в левом верхнем углу плиты схематичное изображение удлиненного креста, заключенного в овал, образованный лунками (человек?); МТВ и СТВ глубиной 0,5 см, подновление; ПТ3.

10.19 – лунки d 0,5-0,7 см и вертикальные линии по всей поверхности плиты; СТВ глубиной 0,5 см; ПТ2.

Плита 11(рис. 98) Вертикальная плоскость, размер 0,7х1,1 м, обращена на восток. Рисунок разрушается трещинами. Пatina поверхности плиты 3.

11.1 – горный козел, обращен влево, прямые ноги, хвост поднят вверх, морда опущена, большой круглый рог, реалистично; СТВ глубиной 0,3 см, следы подновления; ПТ2.

Плита 12 (рис. 99) Некогда единый скальный массив разделен на несколько частей большими трещинами. Размер 2,1 х 1,4 м. Угол наклона 105^0 . Обращена на восток. Часть изображений разрушена крупными сколами. Пatina поверхности плиты 3.

12.1-12.2 – лошади, обращены влево, по 4 ноги, морды опущены, хвосты направлены вниз, схематично; СТВ глубиной 0,3 см; ПТ2.

12.3 – двугорбый верблюд, маленькие горбы, обращен вправо, схематично; МТВ глубиной 0,5 см; ПТ2.

12.4 – горный козел, обращен вправо, круглый рог; МТВ глубиной 0,3 см; ПТ2.

12.5 – человек, крупно, ноги расставлены, руки опущены, схематично; СТВ глубиной 0,5 см, следы подновления; ПТ3.

12.6 – горный козел, обращен вправо, рог закруглен, схематично; МТВ глубиной 0,3 см; ПТ2.

Плита 13 (рис. 100) Вертикальная плоскость, размер 0,7 х 0,5 м. Обращена на восток. Разрушается крупными вертикальными трещинами и сколами. Современное процарапывание. Пatina поверхности плиты 4.

13.1 – неопределенное изображение; МТВ глубиной 0,3 см; ПТ3.

13.2 – человек, в фас, руки согнуты в локтях и подняты вверх, ноги расставлены, фаллос, схематично; СТВ глубиной 0,5 см; ПТ2.

13.3 - 13.6 – горные козлы, обращены вправо, по две ноги, схематично; МТВ глубиной 0,3 см; ПТ3.

Плита 14 (рис. 101) Вертикальная плоскость, размер 0,7 х 0,6 м. Обращена на восток.

Пatina поверхности плиты 4.

14.1 – человек, в фас, прямые руки и ноги расставлены, над круглой головой несколько крупных точек, образующих окружность, схематично; МТВ глубиной 0,5 см с процарапыванием; ПТ3.

Плита 15 (рис. 102) Вертикальная плоскость, размер 0,6 х 0,4. Обращена на восток. Разрушается трещиной. Пatina поверхности плиты 4.

15.1 – горный козел, обращен вправо, четыре ноги, два крупных рога, реалистично; СТВ глубиной 0,5 см и шлифовка; ПТ3.

Плита 16 Вертикальная плоскость, размер 0,8 х 0,4 м. Обращена на юго-восток. Поверхность плиты покрыта сколами и трещинами. Пatina поверхности плиты 3.

16.1 – горный козел, обращен вправо, длинный хвост поднят вверх, схематично; СТВ глубиной 0,3 см; ПТ2.

16.2 – лунки d 0,5 см, незамкнутая окружность (эскиз рисунка?); КТВ глубиной 0,5 см; ПТ1.

Плита 17 Вертикальная плоскость, размер 0,7 х 0,3 м. Обращена на восток. Разрушается сколами. Пatina поверхности плиты 5.

17.1 – лунки d 0,5 - 1 см, более десяти, бессистемно; крупноточечная выбивка глубиной 0,5 см со следами подновления; ПТЗ.

Плита 18 (рис. 103) Вертикальная плоскость, размер 0,8 х 0,2 м. Обращена на восток. Разрушается сколами. Пatina поверхности плиты 5.

18.1-18.3 – два горных козла и неопределенное животное, обращены вправо, схематично; МТВ глубиной 0,5 см; ПТ4.

18.4-18.5 – лучники: два человека, в профиль, обращены влево, круглые головы, ноги расставлены, схематично, в руках держат луки со стрелами, направленные в сторону горных козлов, один мельче, схематично; СТВ глубиной 0,5 см; ПТ4.

Плита 19 Горизонтальная плоскость, размер 0,8 х 0,3 м. Рисунки нанесены с двух сторон. Пatina поверхности плиты 4.

19.1 – горный козел, обращен вправо, четыре ноги, два округлых рога, хвост прямой, схематично; МТВ глубиной 0,5 см; ПТЗ.

19.2 – горный козел, обращен вправо, схематично; МТВ глубиной 0,5 см; ПТЗ.

Плита 20 (рис. 104) Вертикальная плоскость, размер 0,4 х 0,7 м. Обращена на восток. Пatina поверхности плиты 4.

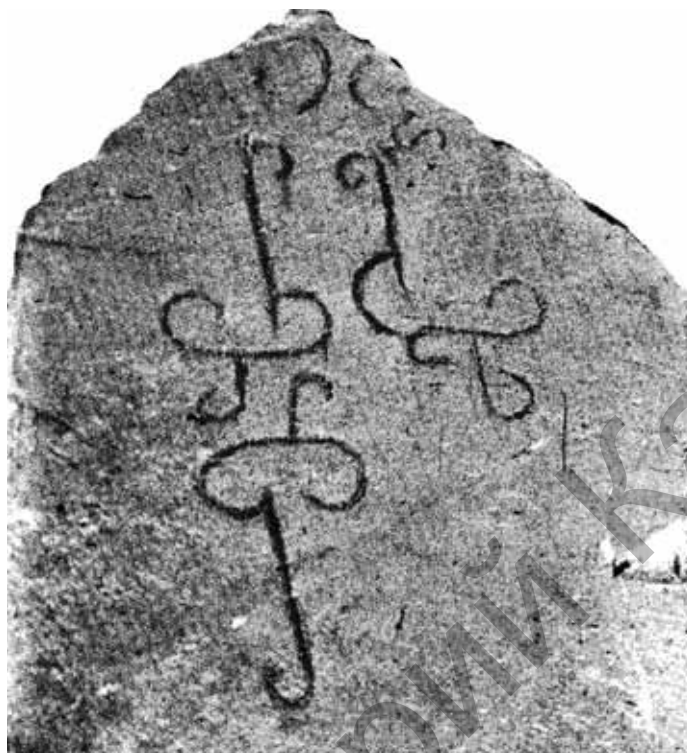
20.1 – ящерица (?), обращена влево, расположена вертикально, четыре ноги с когтями, длинный хвост; МТВ глубиной 0,5 см; ПТЗ.

20.2 – горный козел (?), обращен вправо, схематично; МТВ глубиной 0,5 см; ПТЗ.

**Таблица 53. Долина реки Байконур. В поисках новых петроглифов.
Фото В. А. Новоженова**

**РИСУНКИ, РЕЗУЛЬТАТЫ ГРАФИЧЕСКОГО
СКАНИРОВАНИЯ**

*Рис.1 Петроглифы Айгыр-Ушкан. Сарматские тамги
(по: А. Х. Маргулан, 2003)*

Рис. 2 Петроглифы Тамгалытас (по: А. Е. Рогожинский, 2012)

Рис. 3 Кусьечтах. Олень и хищник (no: I. N. Shvets, 2012, tab. 67)

Рис.4 Улытауский район. Петроглифы Байконур. Группа «Н». Плита 2. Графическое сканирование

Рис.5 Улытауский район. Петроглифы Байконур. Группа «Н».
Плита 3. Графическое сканирование

Рис.6 Улытауский район. Петроглифы Байконур. Группа «Н».
Фрагмент плиты 3. Прорисовка

Рис.7 Улытауский район. Петроглифы Байконур. Группа «Н».
Фрагмент плиты 3. Графическое сканирование

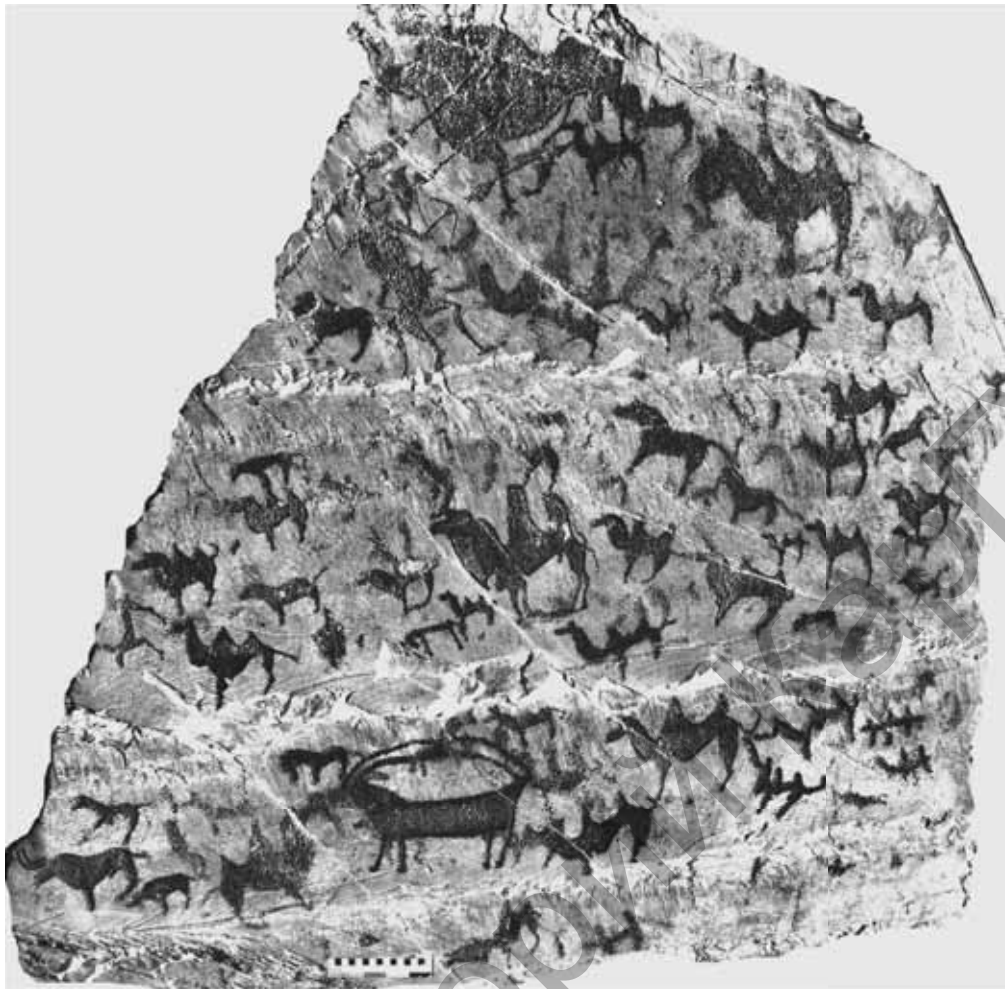

Рис.8 Улытауский район. Петроглифы Байконур. Группа «Н».
Плита 5. Графическое сканирование

Рис.9 Улытауский район. Петроглифы Байконур. Группа «Н».
Плита 6. Графическое сканирование

Рис.10 Улытауский район. Петроглифы Байконур. Группа «Н».
Плита 11. Фрагмент. Графическое сканирование и прорисовка

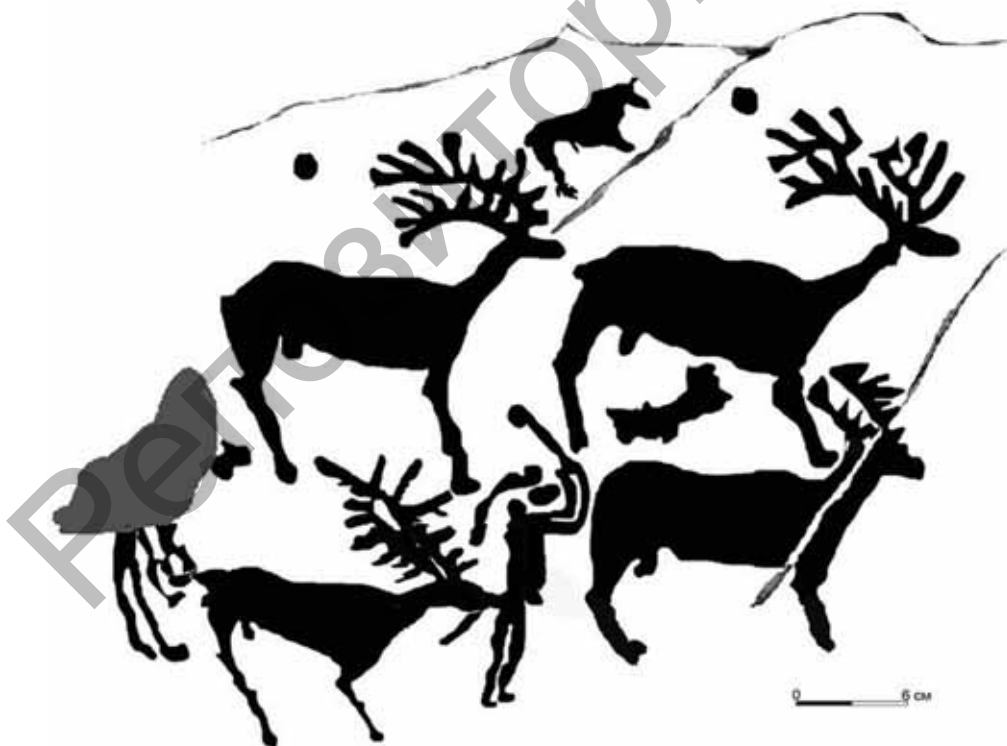

Рис.11 Улытауский район. Петроглифы Байконур. Группа «Н».
Плита 11. Прорисовка

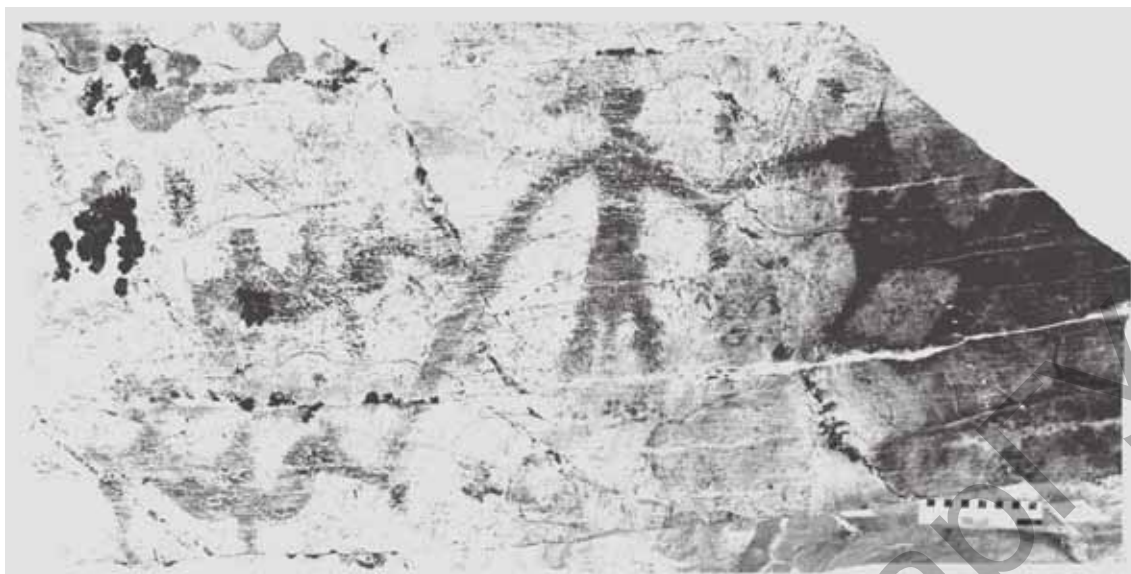

Рис.12 Улытауский район. Петроглифы Байконур. Группа «Н».
Плита 12. Графическое сканирование

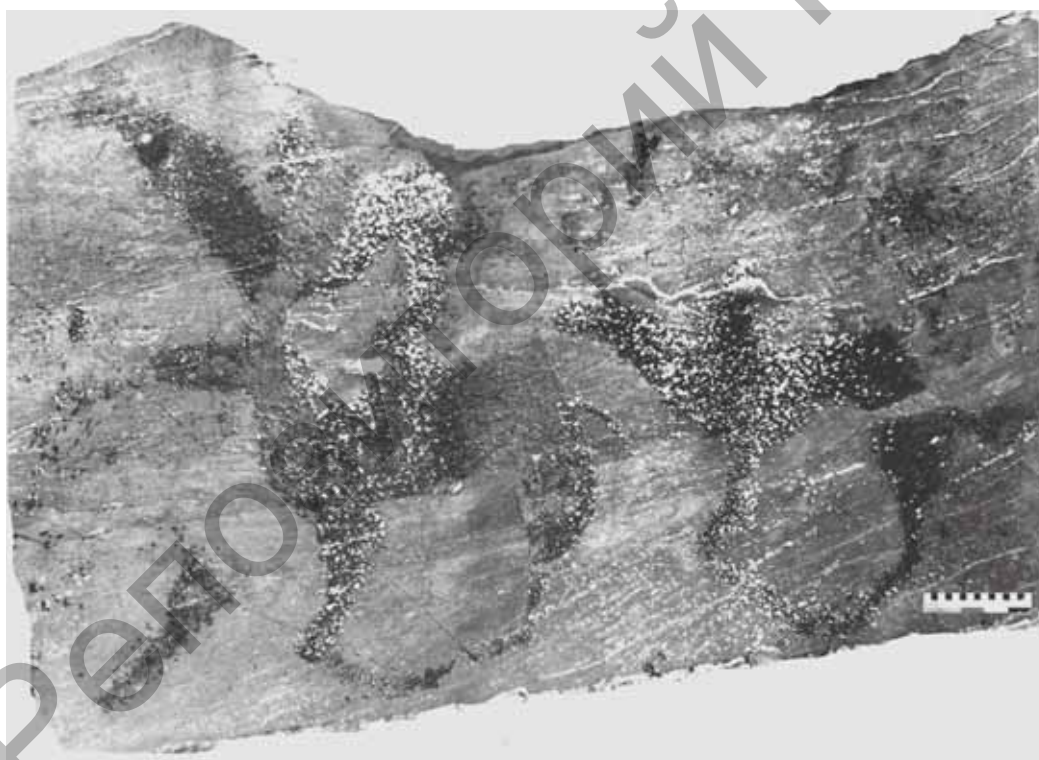

Рис.13 Улытауский район. Петроглифы Байконур.
Группа «Н». Плита 14. Графическое сканирование

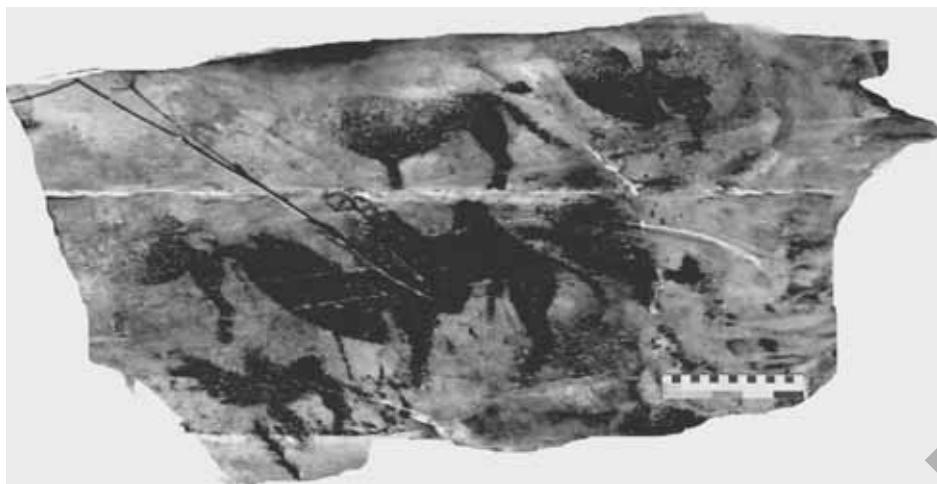

Рис. 14 Улытауский район. Петроглифы Байконур. Группа «Н».
Плита 15. Графическое сканирование

Рис.15 Улытауский район. Петроглифы Байконур. Группа «Н».
Плита 16. Графическое сканирование

Рис.16 Улытауский район. Петроглифы Байконур. Группа «Н».
Плита 17. Прорисовка

Рис.17 Улытауский район. Петроглифы Байконур. Группа «Н».
Плита 20. Графическое сканирование

Рис.18 Улытауский район. Петроглифы Байконур. Группа «Н». Плита 22. Графическое сканирование

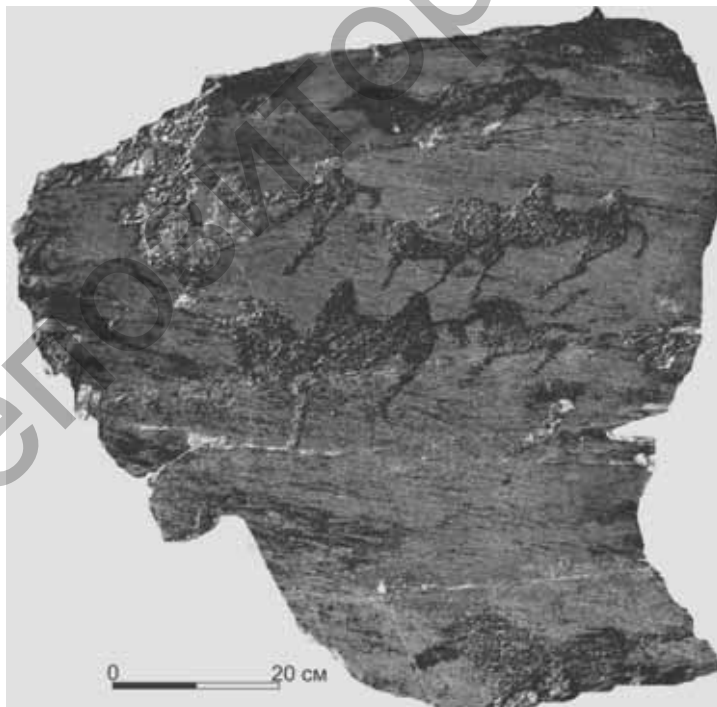

Рис.19 Улытауский район. Петроглифы Байконур. Группа «Н». Плита 23. Графическое сканирование

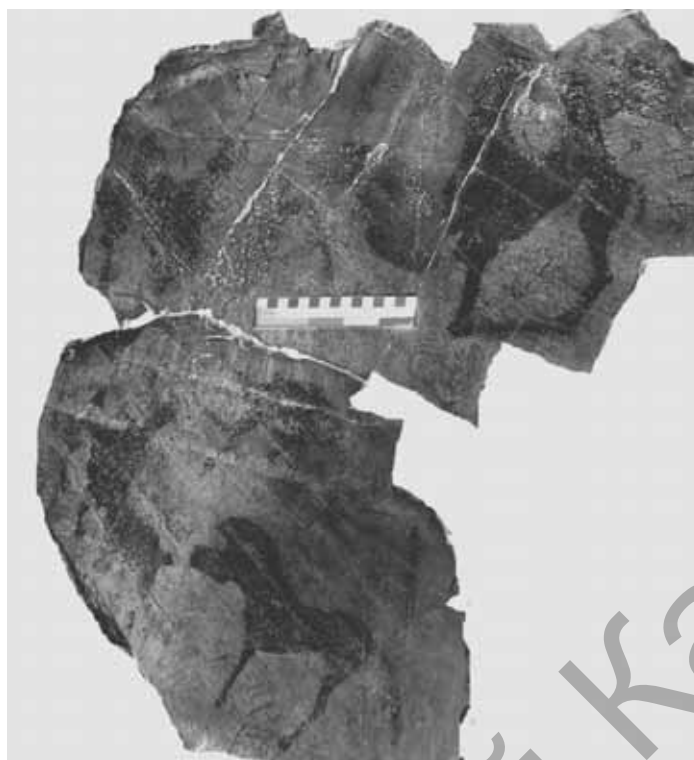

Рис.20 Улытауский район. Петроглифы Байконур. Группа «Н».
Плита 24. Графическое сканирование

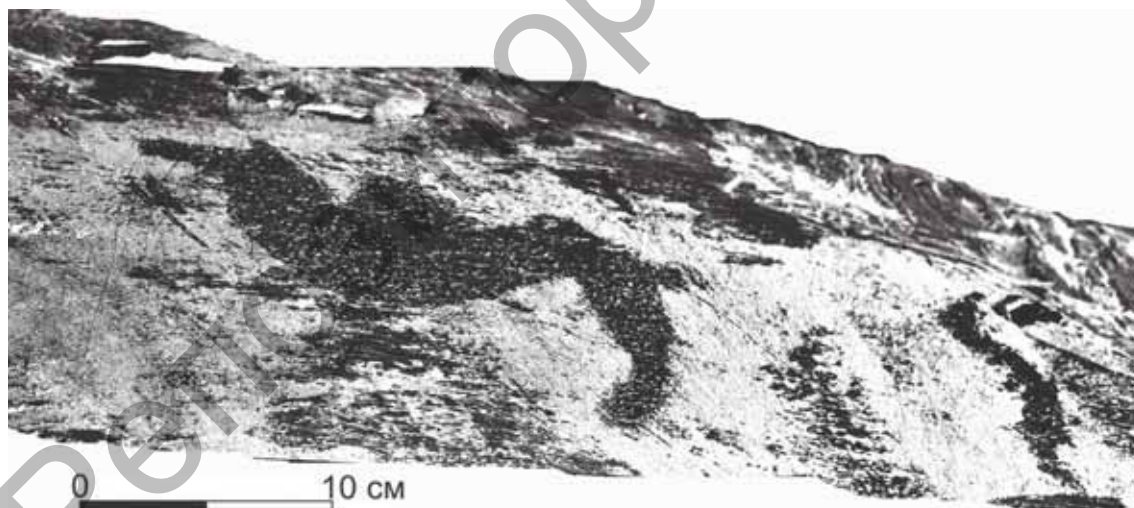

Рис.21 Улытауский район. Петроглифы Байконур. Группа «Н».
Плита 25. Графическое сканирование

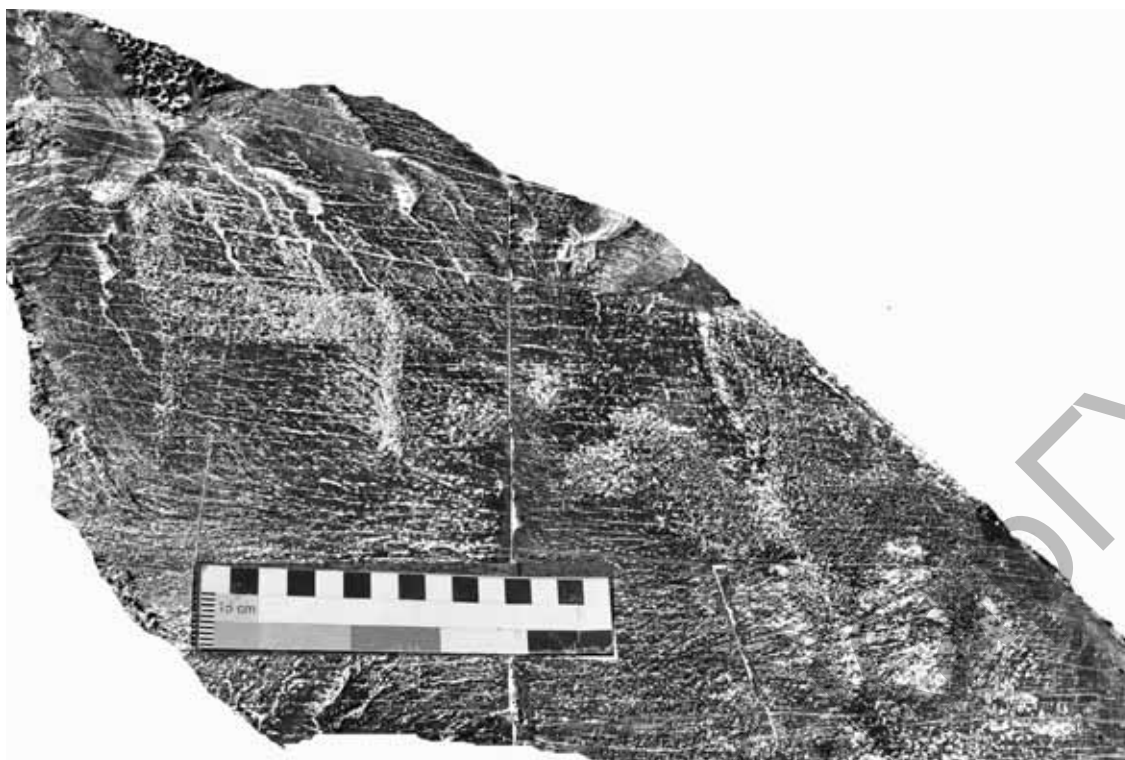

Рис.22 Улытауский район. Петроглифы Байконур. Группа «Н».
Плита 26. Графическое сканирование

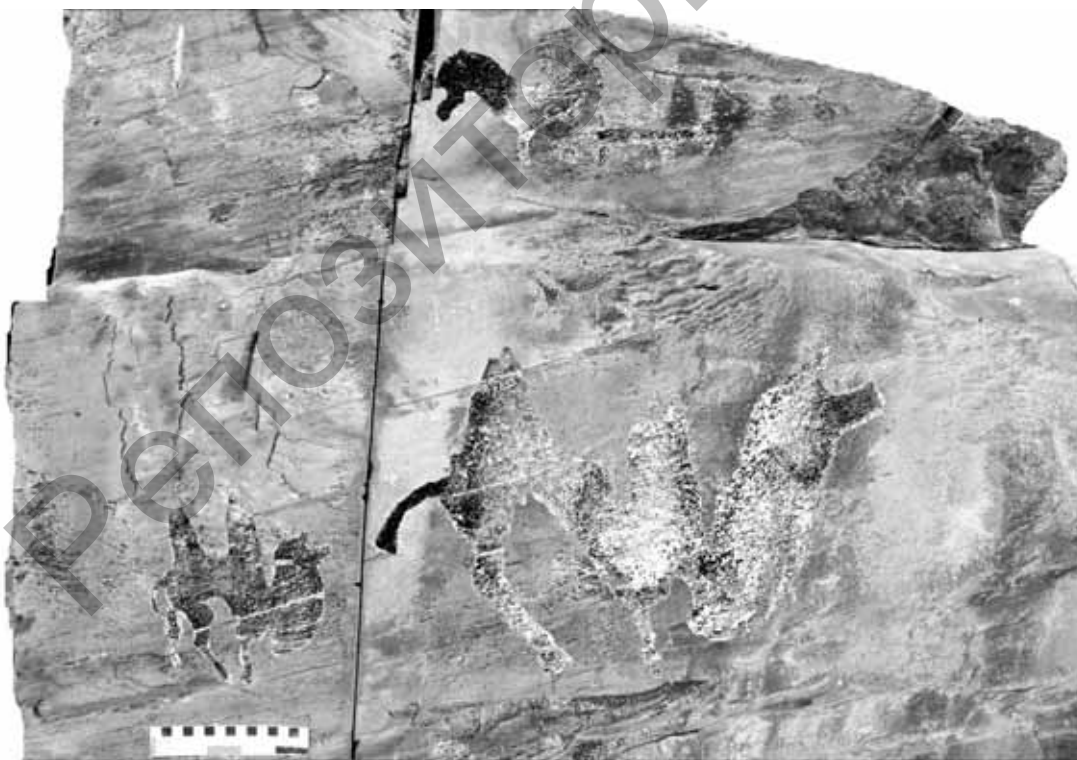

Рис.23 Улытауский район. Петроглифы Байконур. Группа «Н».
Плита 27. Графическое сканирование

Рис.24 Улытауский район. Петроглифы Байконур. Группа «Н».
Плита 28. Графическое сканирование

Рис.25 Улытауский район. Петроглифы Байконур. Группа «Н».
Плита 29. Графическое сканирование

Рис.26 Улытауский район. Петроглифы Байконур. Группа «Н».
Плита 30. Графическое сканирование

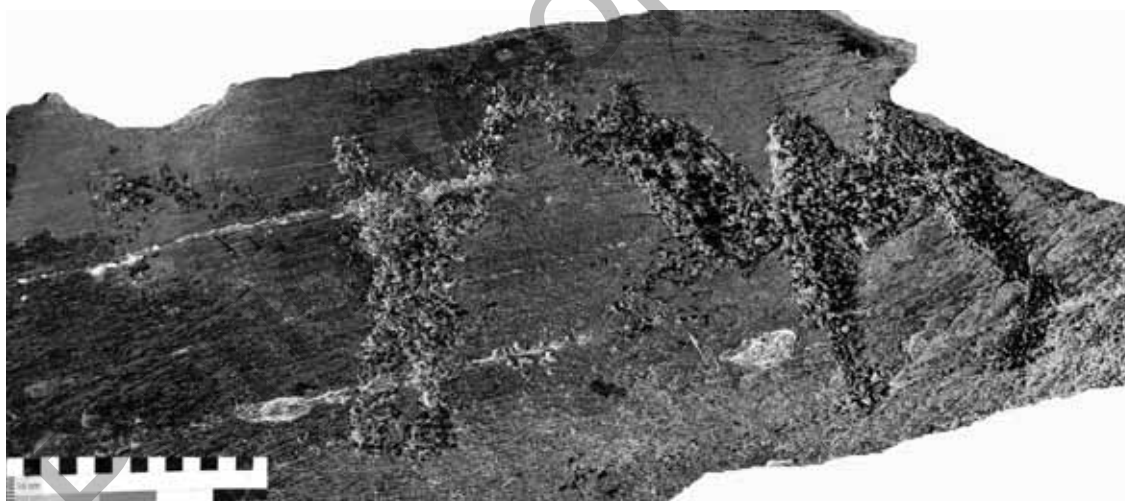

Рис.27 Улытауский район. Петроглифы Байконур. Группа «Н».
Плита 31. Графическое сканирование

Рис.28 Улытауский район. Петроглифы Байконур. Группа «Н».
Плита 32. Графическое сканирование

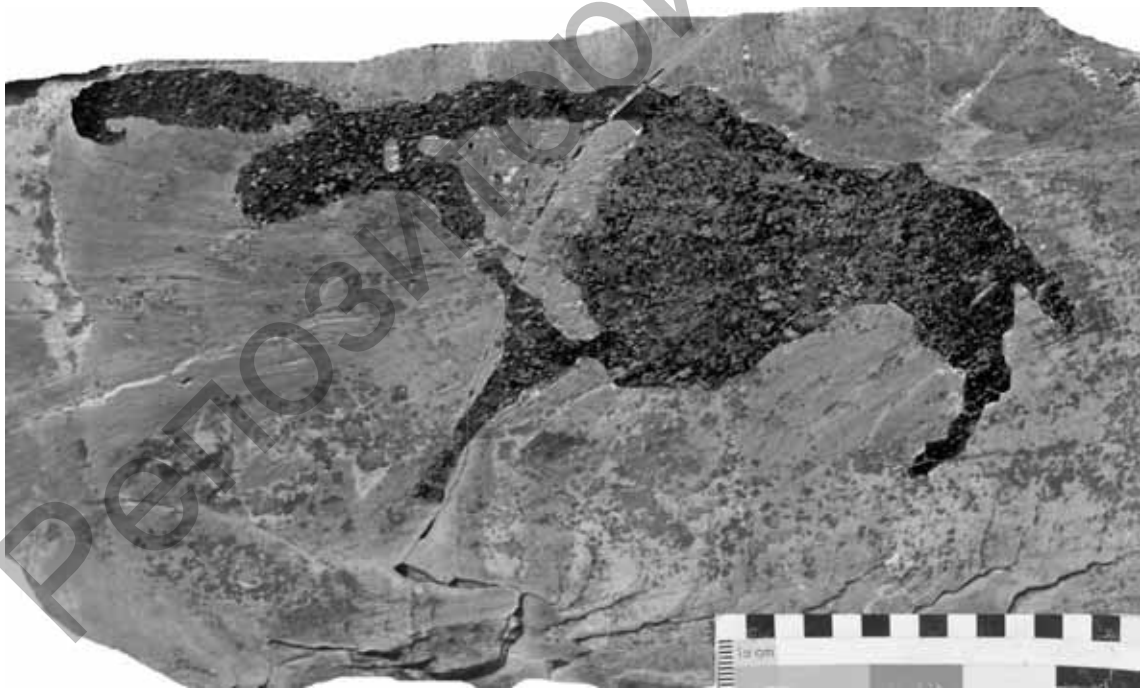

Рис.29 Улытауский район. Петроглифы Байконур. Группа «Н».
Плита 33. Графическое сканирование

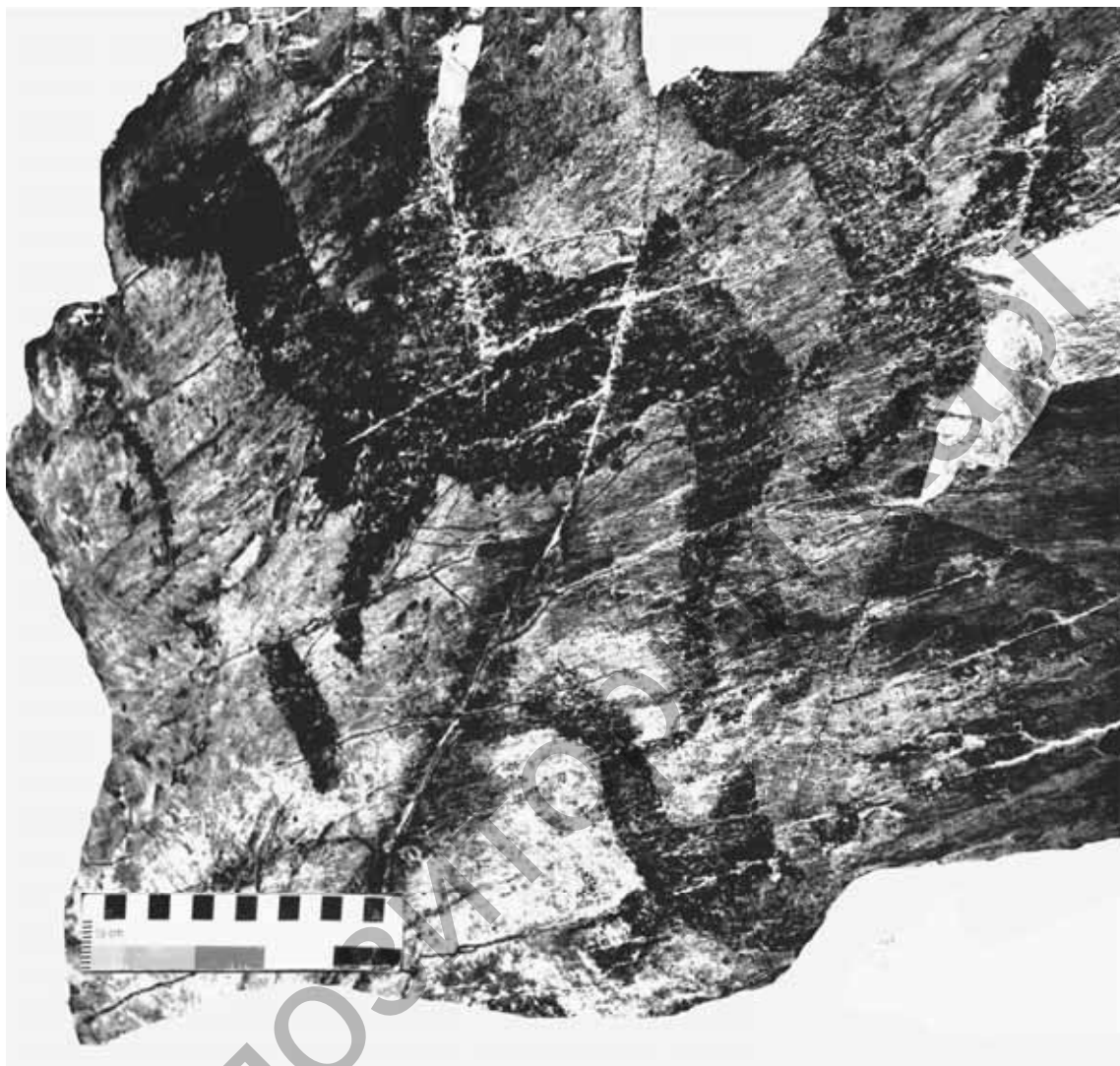

Рис.30 Ультауский район. Петроглифы Байконур. Группа «Н».
Плита 34. Графическое сканирование

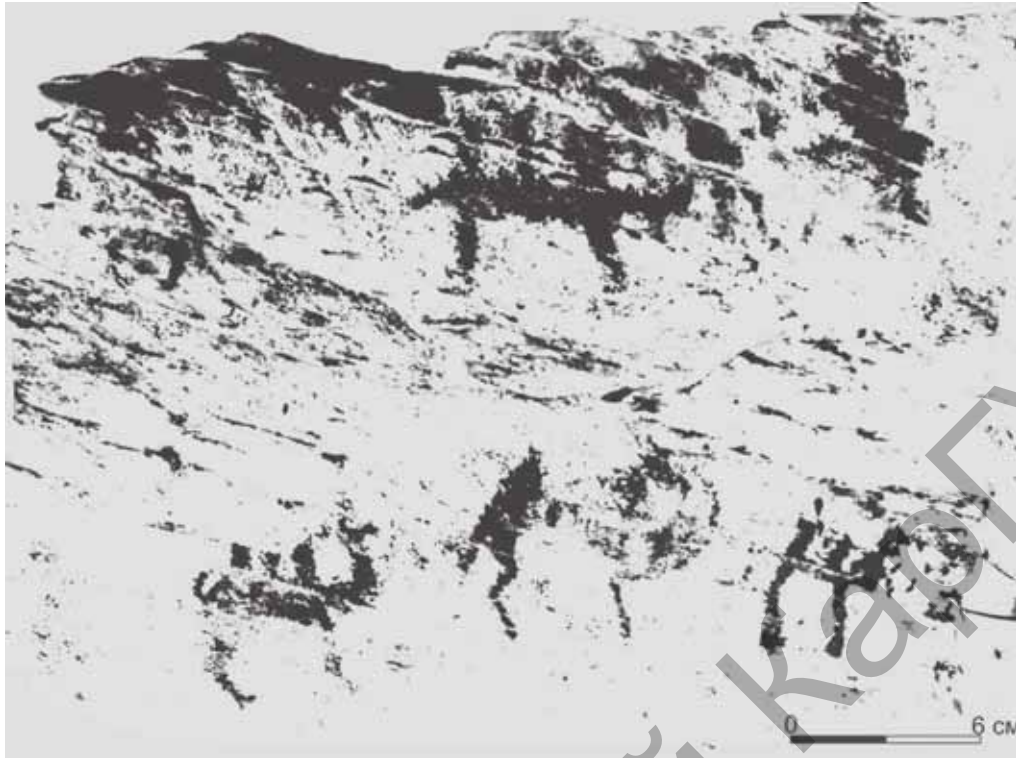

Рис.31 Улытауский район. Петроглифы Байконур. Группа «Н».
Плита 35. Графическое сканирование

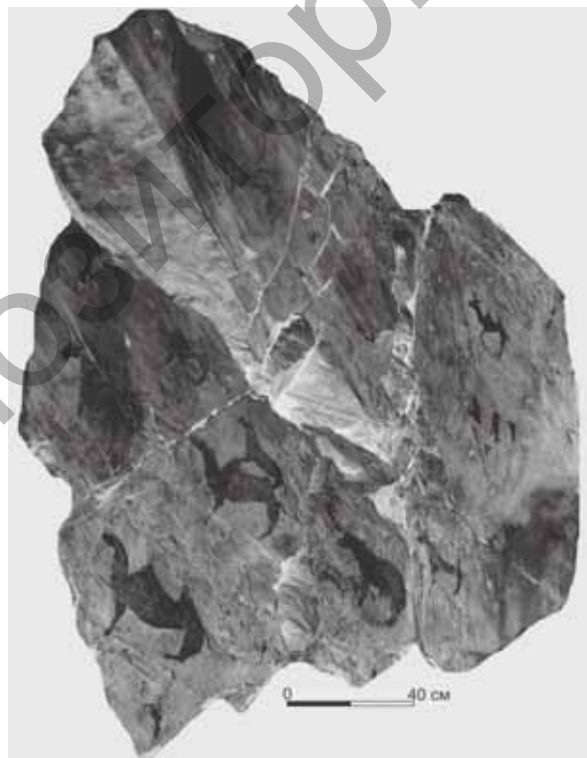

Рис.32 Улытауский район. Петроглифы Байконур. Группа «Н».
Плита 36. Графическое сканирование

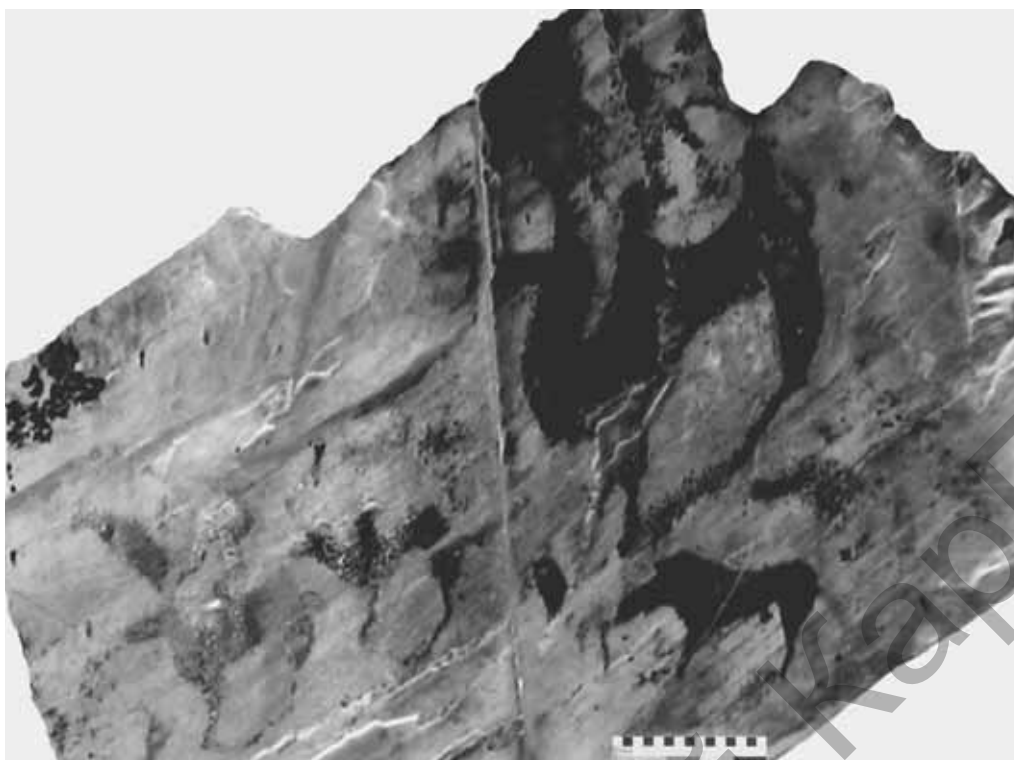

Рис.33 Улытауский район. Петроглифы Байконур. Группа «Н».
Плита 37. Графическое сканирование

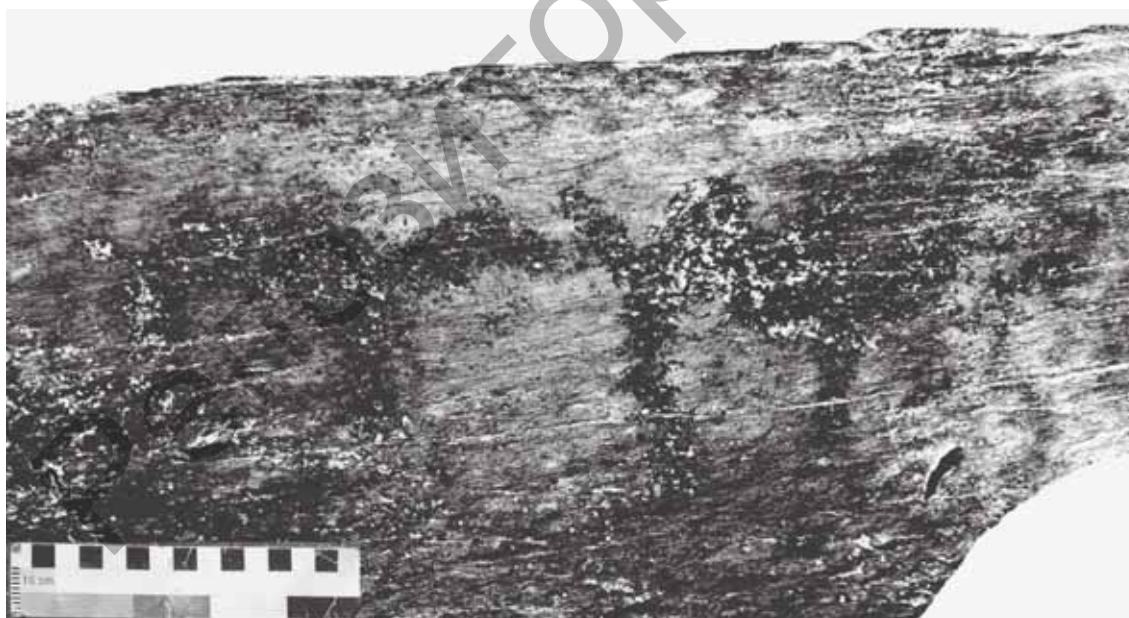

Рис.34 Улытауский район. Петроглифы Байконур. Группа «Н».
Плита 38. Графическое сканирование

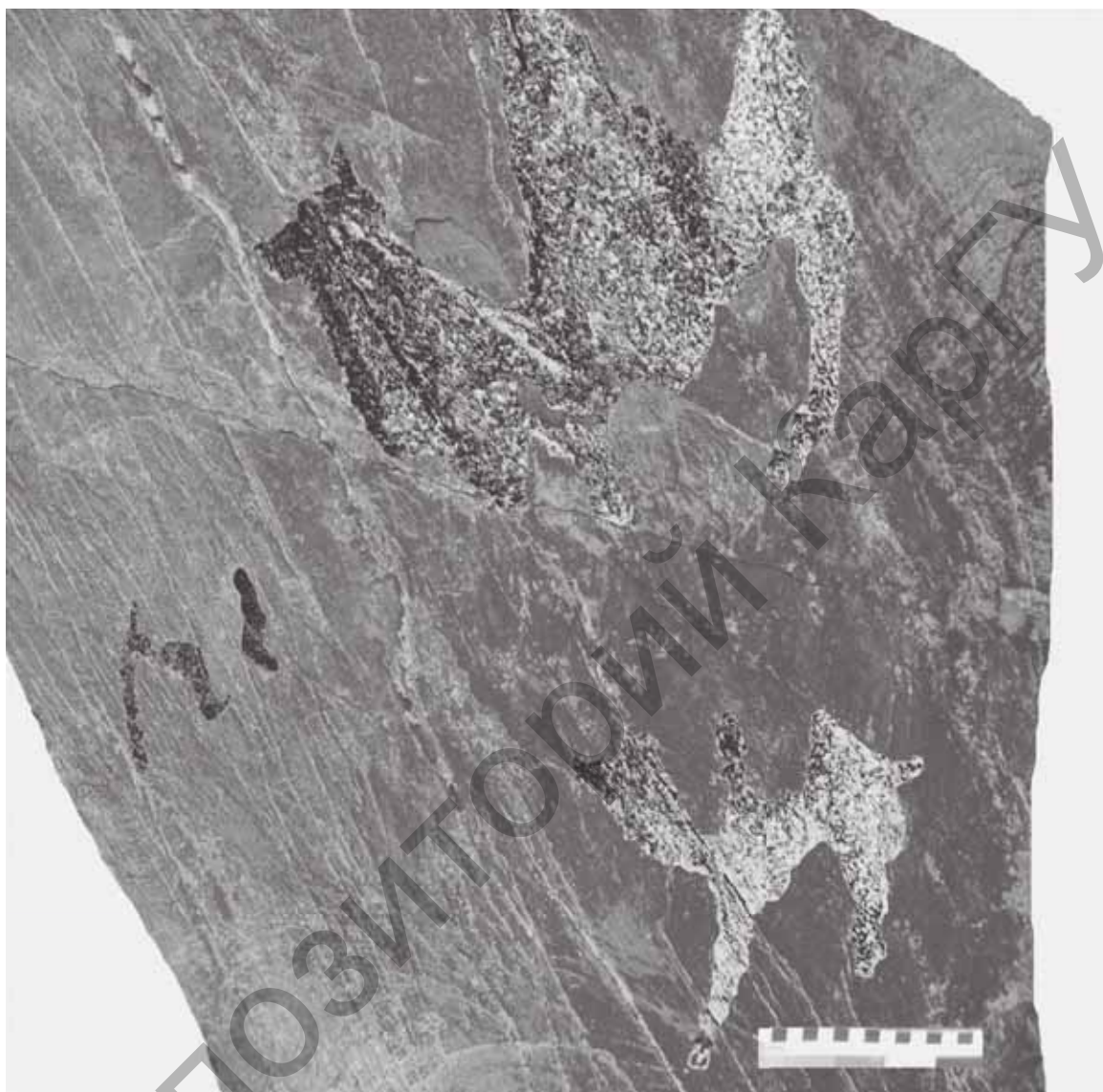

Рис.35 Улытауский район. Петроглифы Байконур. Группа «Н».
Плита 39. Графическое сканирование

Рис.36 Улытауский район. Петроглифы Байконур. Группа «Н».
Плита 40. Графическое сканирование

Рис.37 Улытауский район. Петроглифы Байконур. Группа «Н».
Плита 41. Графическое сканирование

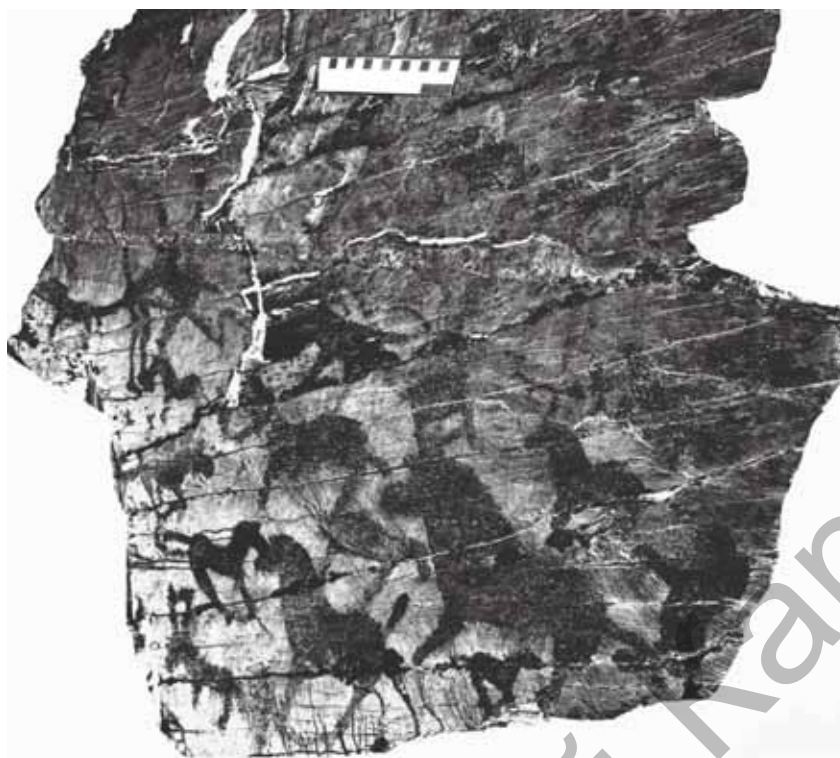

Рис.38 Улытауский район. Петроглифы Байконур. Группа «Н».
Плита 42. Графическое сканирование

Рис.39 Улытауский район. Петроглифы Байконур. Группа «Н».
Плита 43. Графическое сканирование

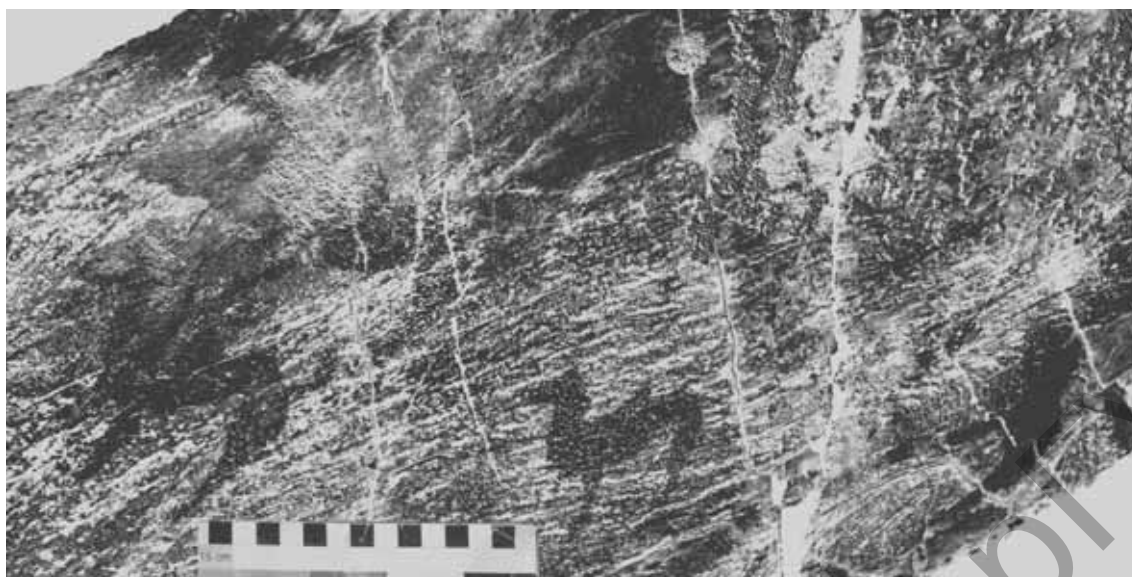

Рис.40 Улытауский район. Петроглифы Байконур. Группа «Н».
Плита 44. Графическое сканирование

Рис.41 Улытауский район. Петроглифы Байконур. Группа «Н».
Плита 45. Графическое сканирование

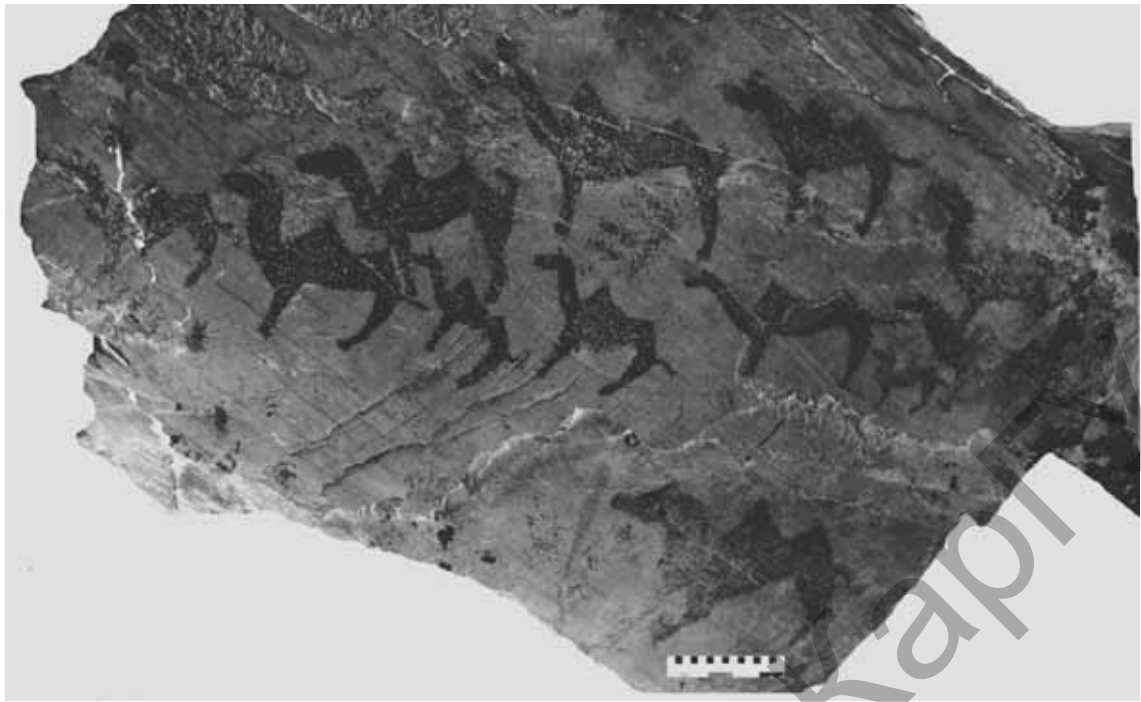

Рис.42 Улытауский район. Петроглифы Байконур. Группа «Н».
Плита 46. Графическое сканирование

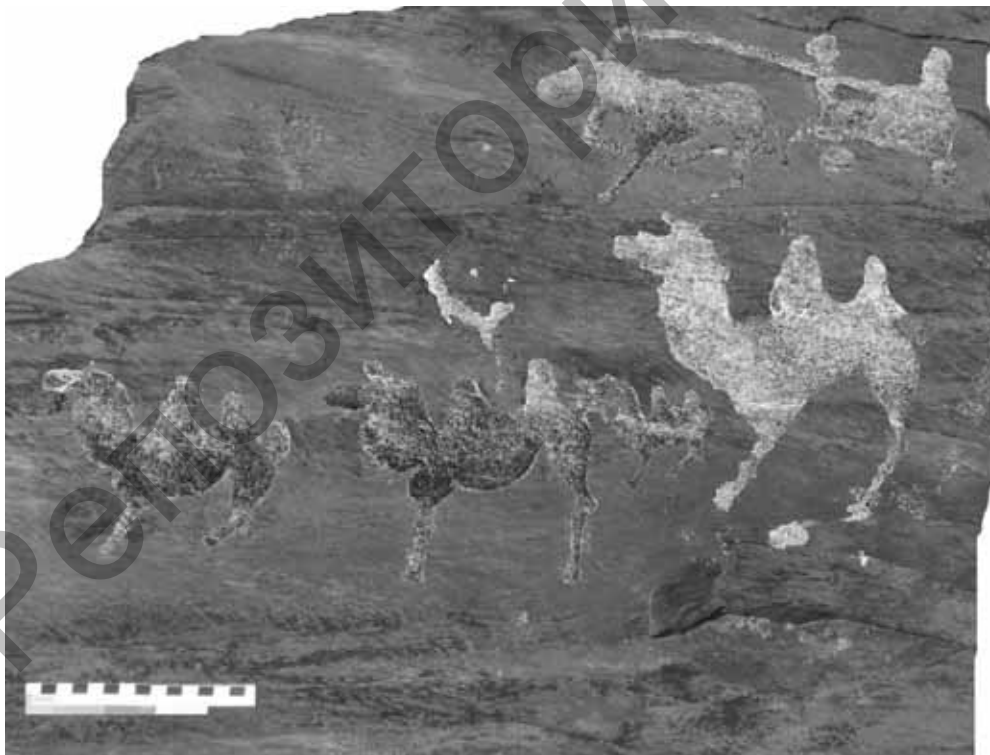

Рис.43 Улытауский район. Петроглифы Байконур. Группа «Н».
Плита 47. Графическое сканирование

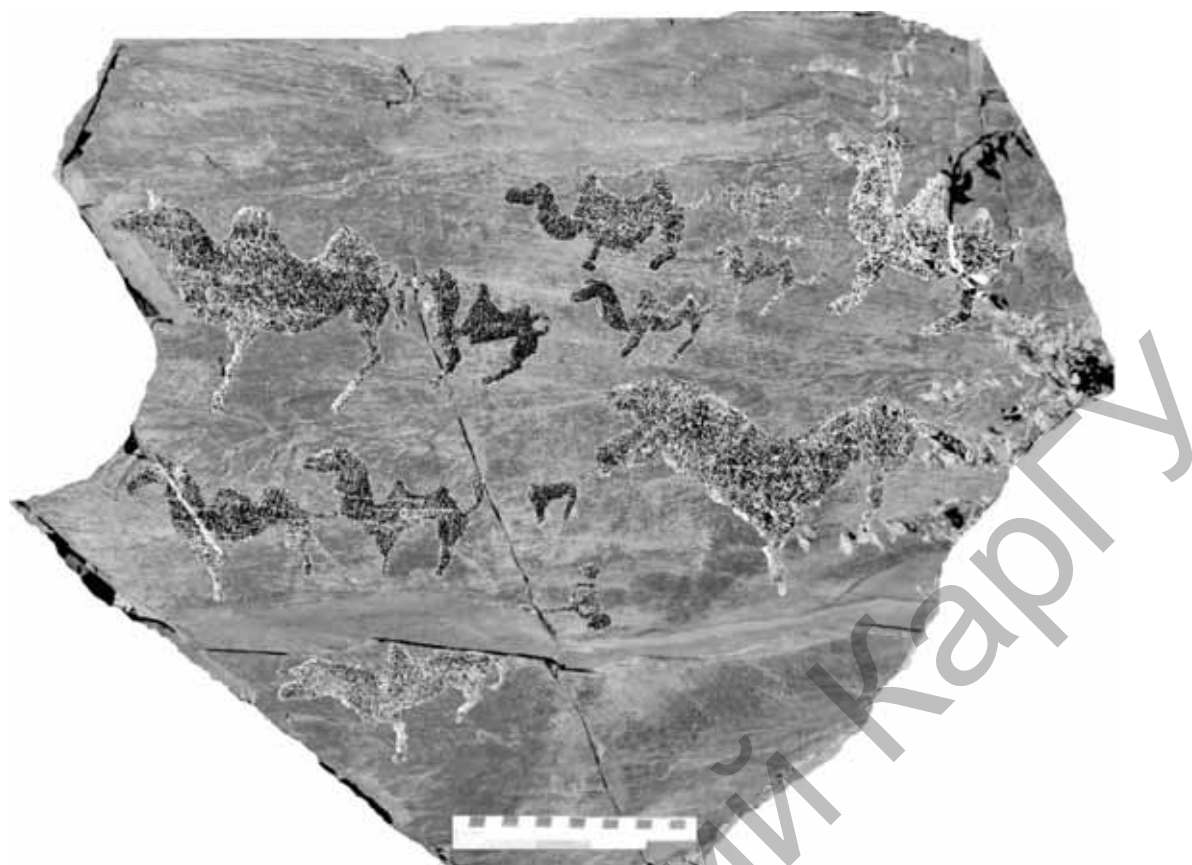

Рис.44 Улытауский район. Петроглифы Байконур. Группа «Н».
Плита 48. Графическое сканирование

Рис. 45 Улытауский район. Петроглифы Тамды.
Плита 1. Графическое сканирование

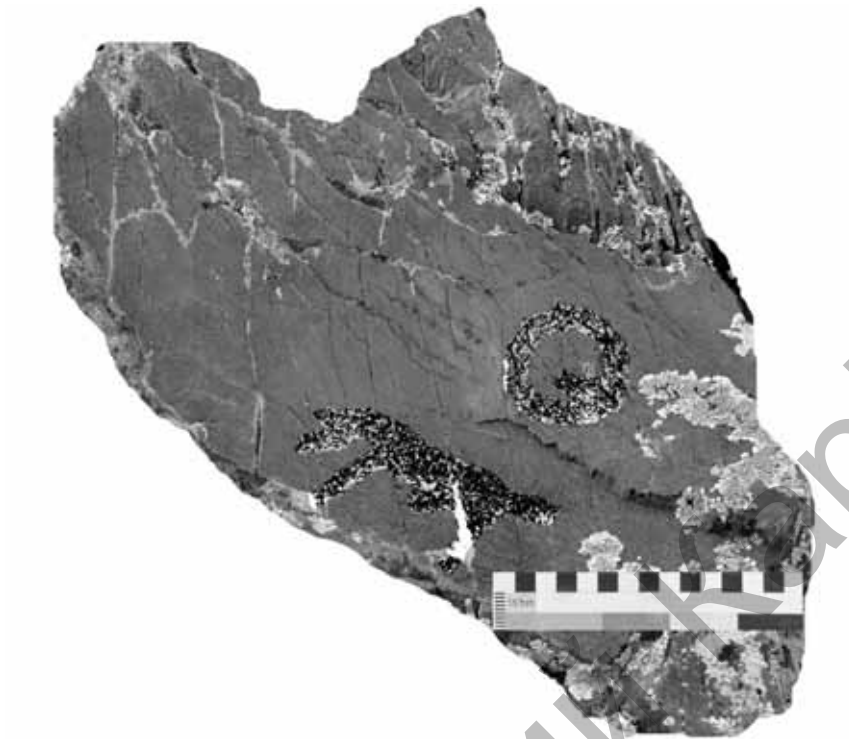

Рис. 46 Улытауский район. Петроглифы Тамды.
Плита 2. Графическое сканирование

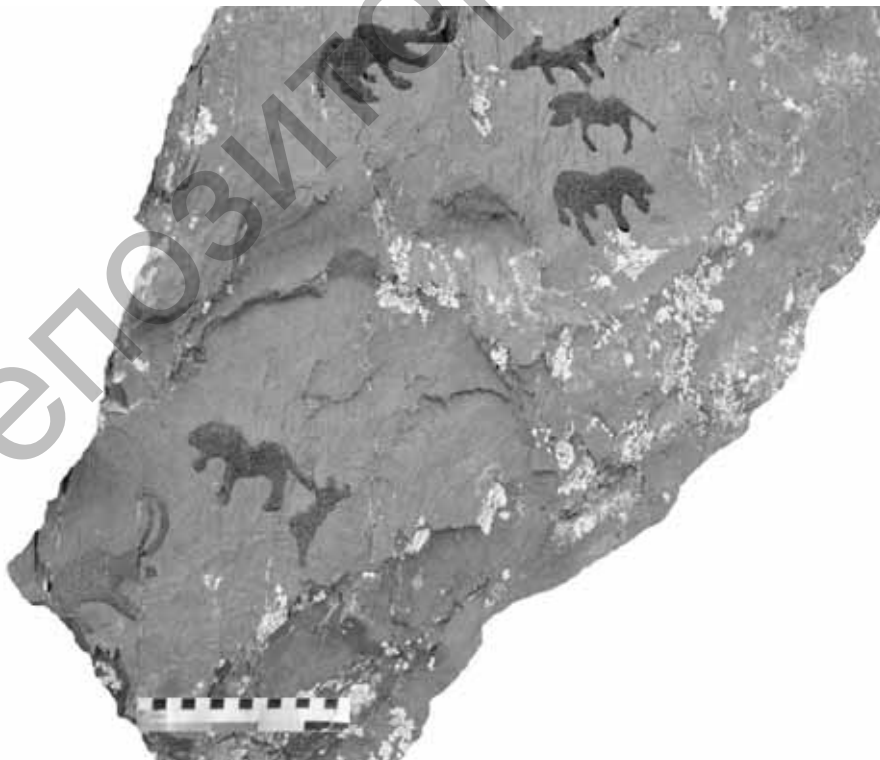

Рис. 47 Улытауский район. Петроглифы Тамды.
Плита 3. Графическое сканирование

Рис. 48 Улытауский район. Петроглифы Тамды.
Фрагмент плиты 3. Графическое сканирование

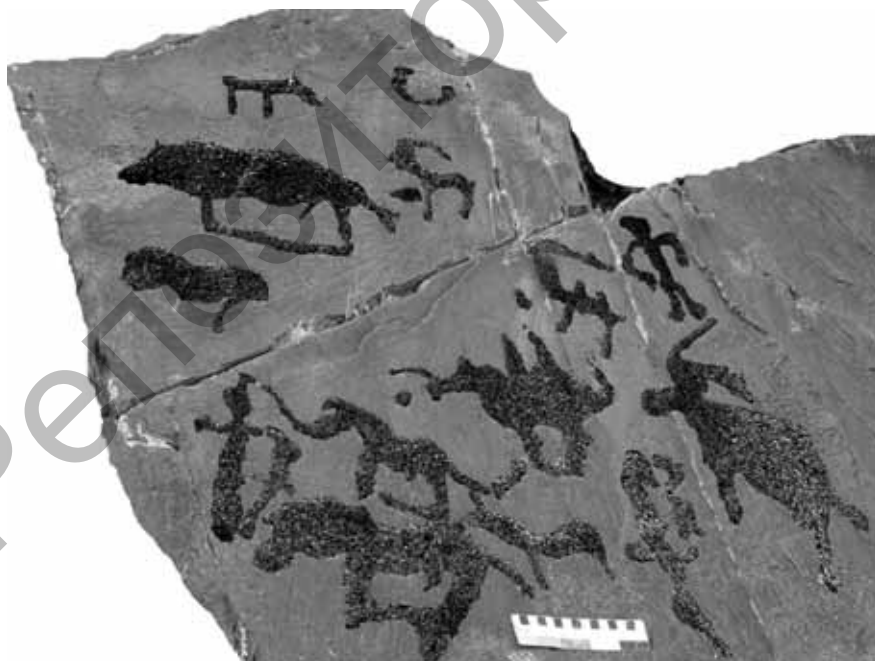

Рис. 49 Улытауский район. Петроглифы Тамды.
Плита 7. Графическое сканирование

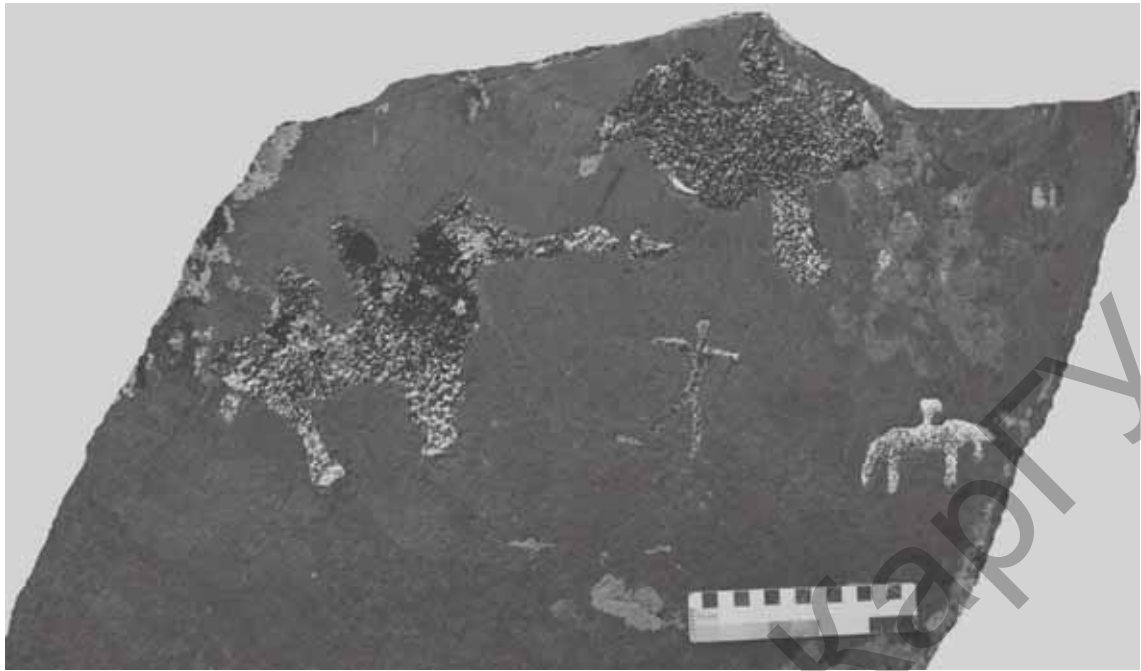

Рис. 50 Улытауский район. Петроглифы Тамды.
Фрагмент плиты 10. Графическое сканирование

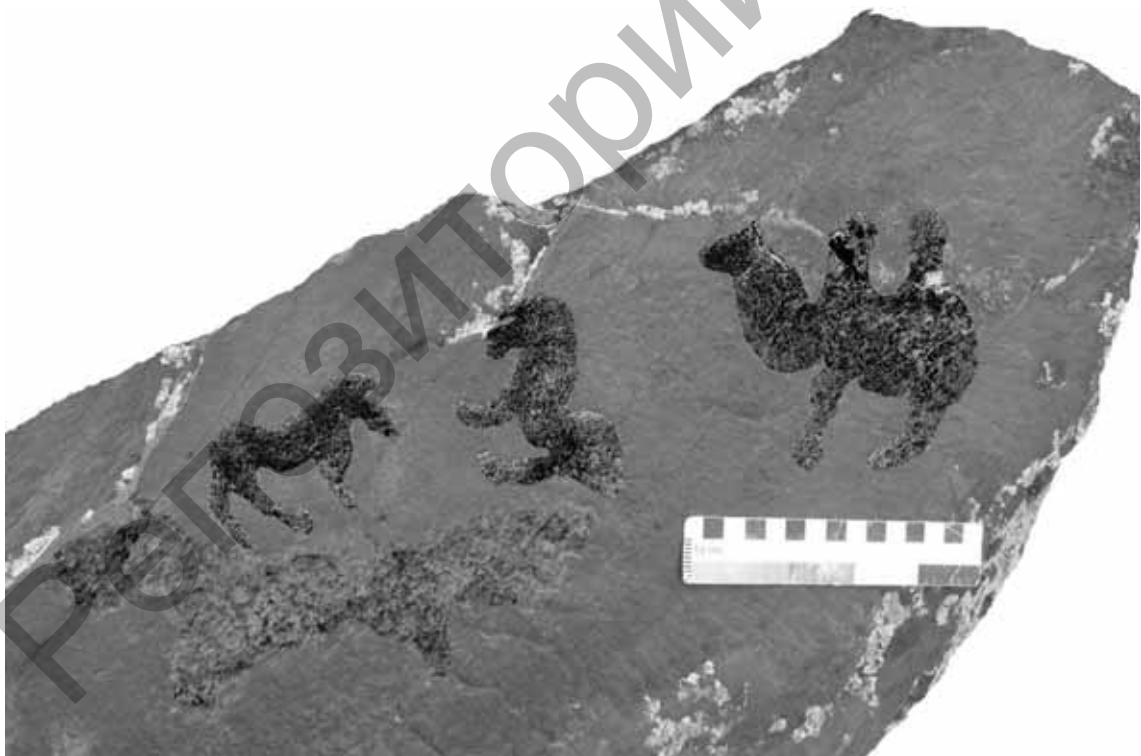

Рис. 51 Улытауский район. Петроглифы Тамды.
Плита 12. Графическое сканирование

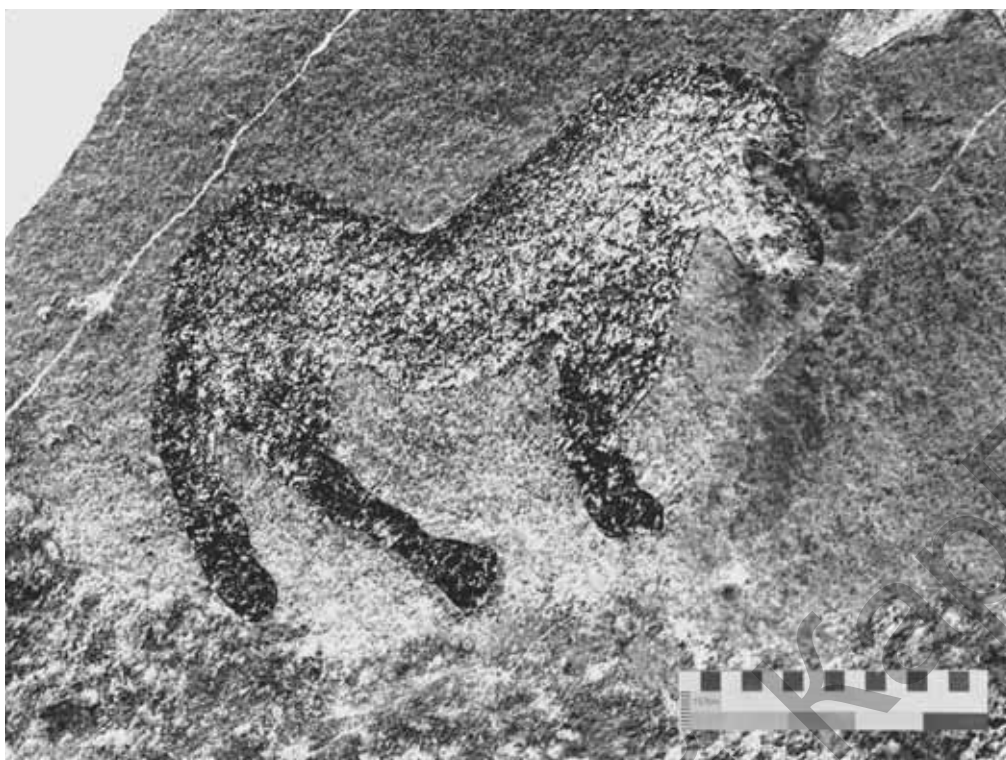

Рис. 52 Улытауский район. Петроглифы Тамды.
Фрагмент плиты 12. Графическое сканирование

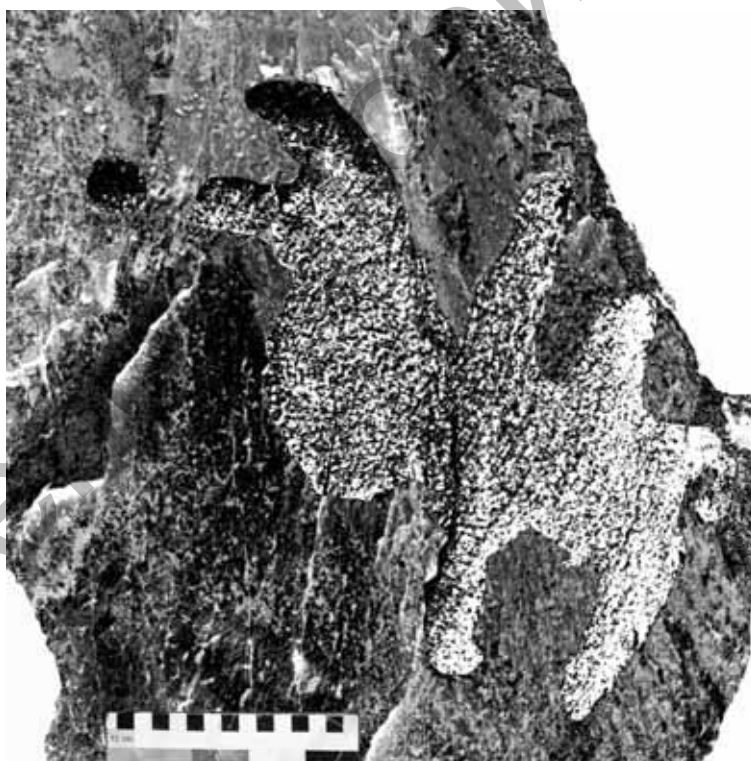

Рис. 53 Улытауский район. Петроглифы Тамды.
Плита 14. Графическое сканирование

Рис. 54 Улытауский район. Петроглифы Тамды.
Плита 15. Графическое сканирование

Рис. 55 Улытауский район. Петроглифы Тамды.
Плита 16. Графическое сканирование

Рис.56 Шетский район. Петроглифы Шунак. Плита 1.
Графическое сканирование

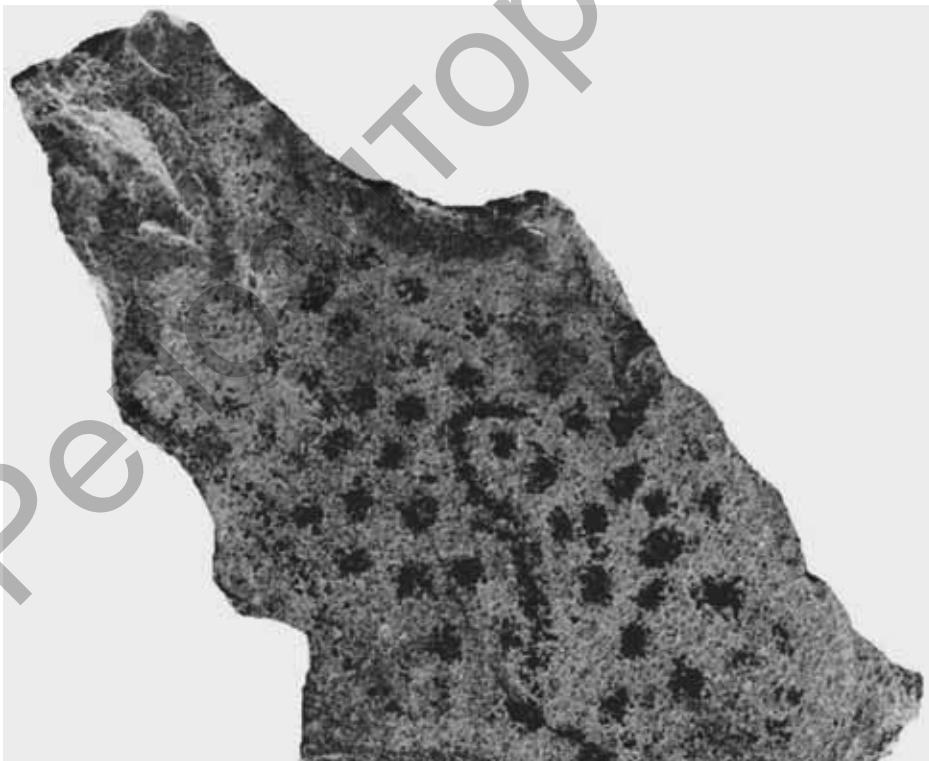

Рис.57 Шетский район. Петроглифы Шунак. Плита 2.
Графическое сканирование

**Рис.58 Шетский район. Петроглифы Шунак. Плита 4.
Графическое сканирование**

**Рис.59 Шетский район. Петроглифы Шунак.
Фрагмент плиты 8. Графическое сканирование**

Рис.60 Шетский район. Петроглифы Шунак. Плита 9.
Графическое сканирование

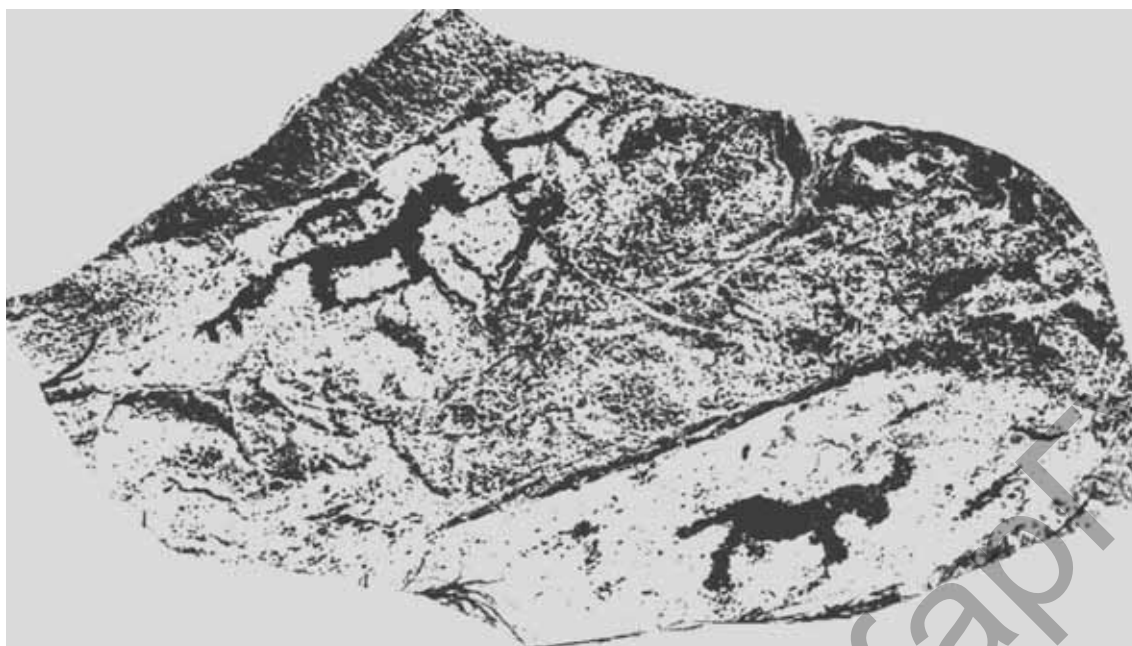
Рис.61 Шетский район. Петроглифы Шунак. Плита 10.
Графическое сканирование

Рис.62 Шетский район. Петроглифы Шунак. Плита 11.
Графическое сканирование

Рис.63 Шетский район. Петроглифы Шунак. Плита 12.
Графическое сканирование

**Рис.64 Шетский район. Петроглифы Шунак. Плита 13.
Графическое сканирование**

**Рис.65 Шетский район. Петроглифы Шунак. Плита 14.
Графическое сканирование**

Рис.66 Шетский район. Петроглифы Шунак.
Фрагмент плиты 14. Графическое сканирование

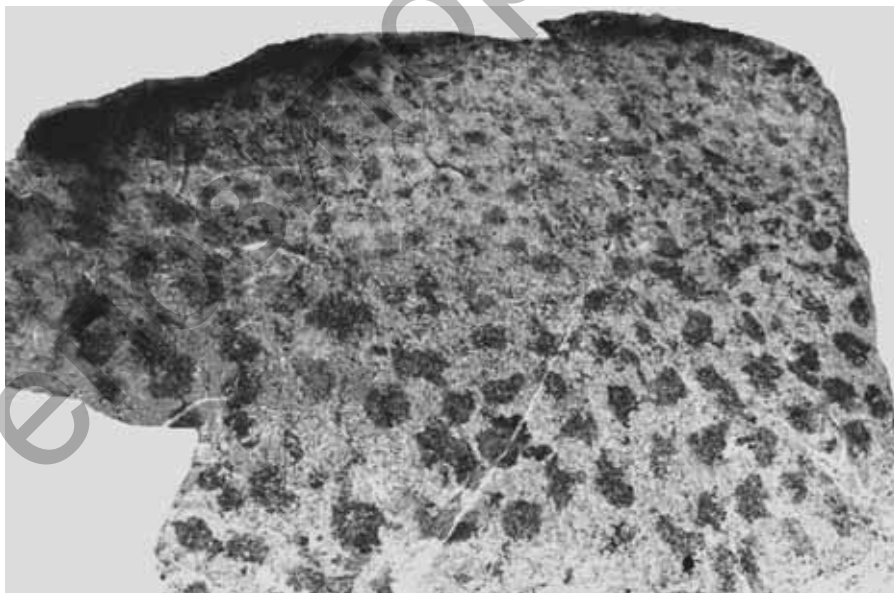

Рис.67 Шетский район. Петроглифы Шунак. Плита 15.
Графическое сканирование

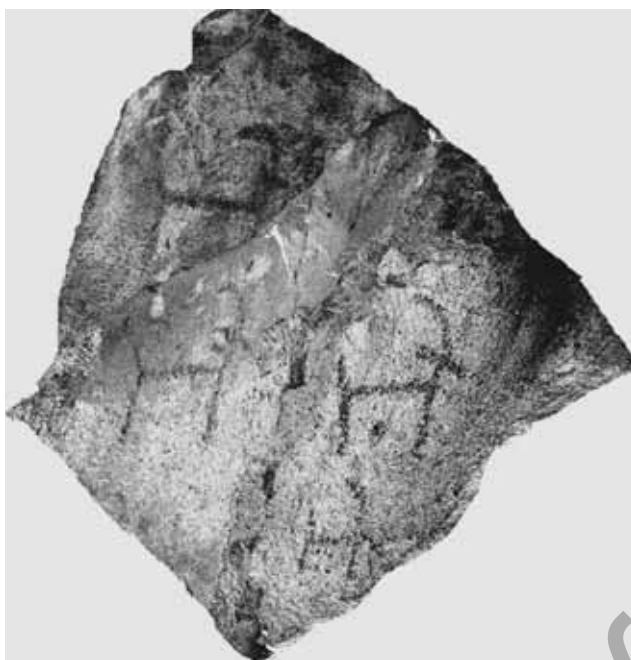

Рис.68 Шетский район. Петроглифы Шунак. Плита 16.
Графическое сканирование

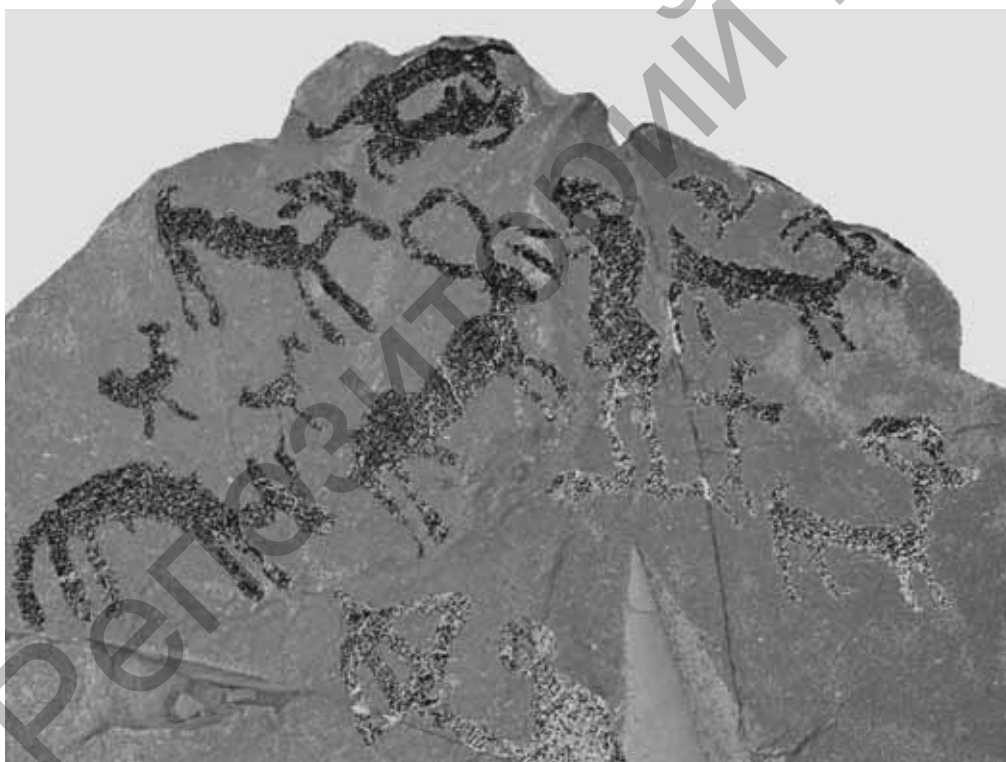
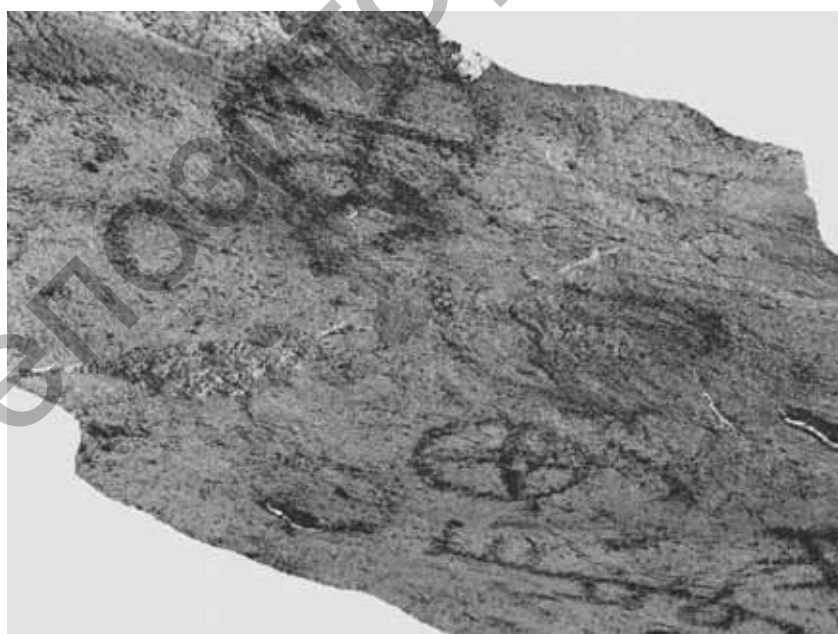

Рис.69 Шетский район. Петроглифы Шунак. Плита 17.
Графическое сканирование

**Рис.70 Шетский район. Петроглифы Шунак. Плита 18.
Графическое сканирование**

**Рис.71 Шетский район. Петроглифы Шунак. Плита 19.
Графическое сканирование**

**Рис.72 Шетский район. Петроглифы Шунак. Плита 21.
Графическое сканирование**

**Рис.73 Шетский район. Петроглифы Шунак.
Фрагмент плиты 26. Графическое сканирование**

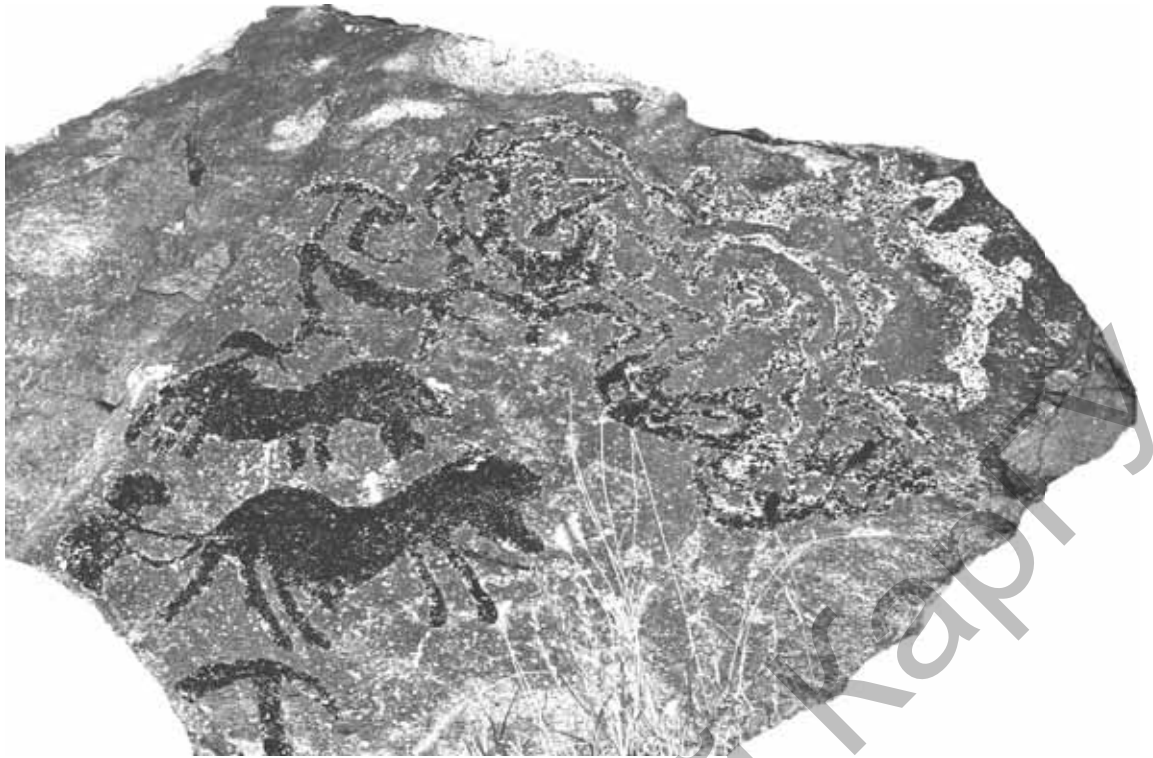

Рис.74 Шетский район. Петроглифы Шунак. Плита 27.
Графическое сканирование

Рис.75 Шетский район. Петроглифы Шунак. Плита 28.
Графическое сканирование

Рис.76 Шетский район. Петроглифы Шунак.
Фрагмент плиты 29. Графическое сканирование

Рис.77 Каркаралинский район. Петроглифы Килыбай.
Графическое сканирование

Рис.78 Каркаралинский район. Петроглифы Коныржон.
Плита 1. Графическое сканирование

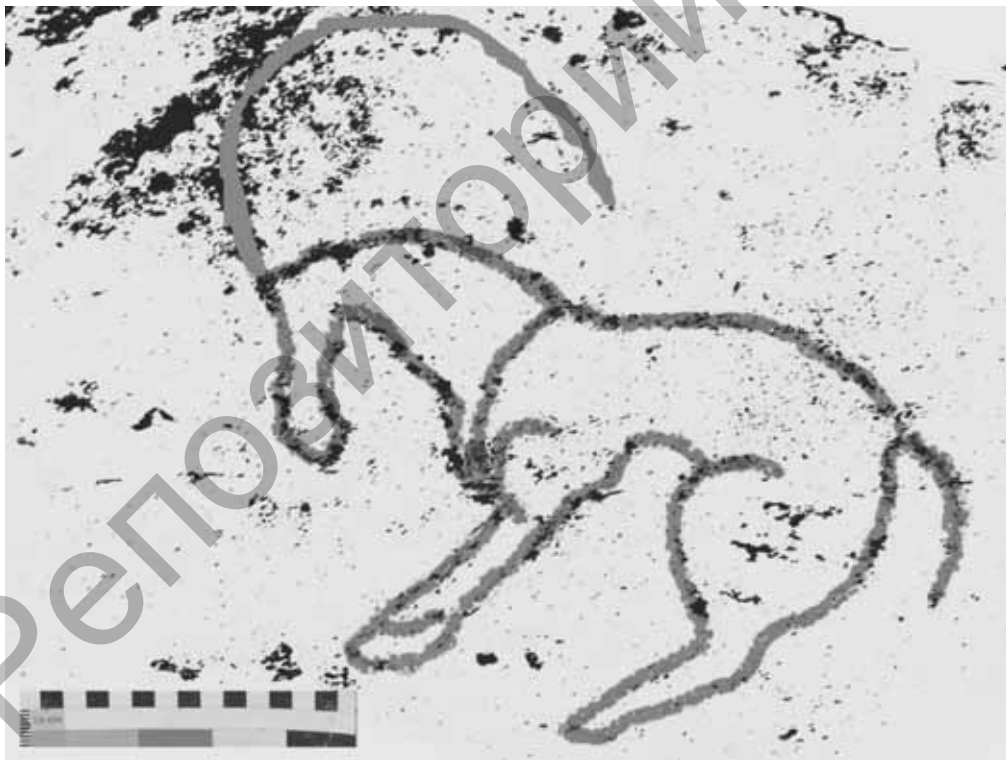

Рис.79 Каркаралинский район. Петроглифы Коныржон.
Фрагмент плиты 5. Графическое сканирование

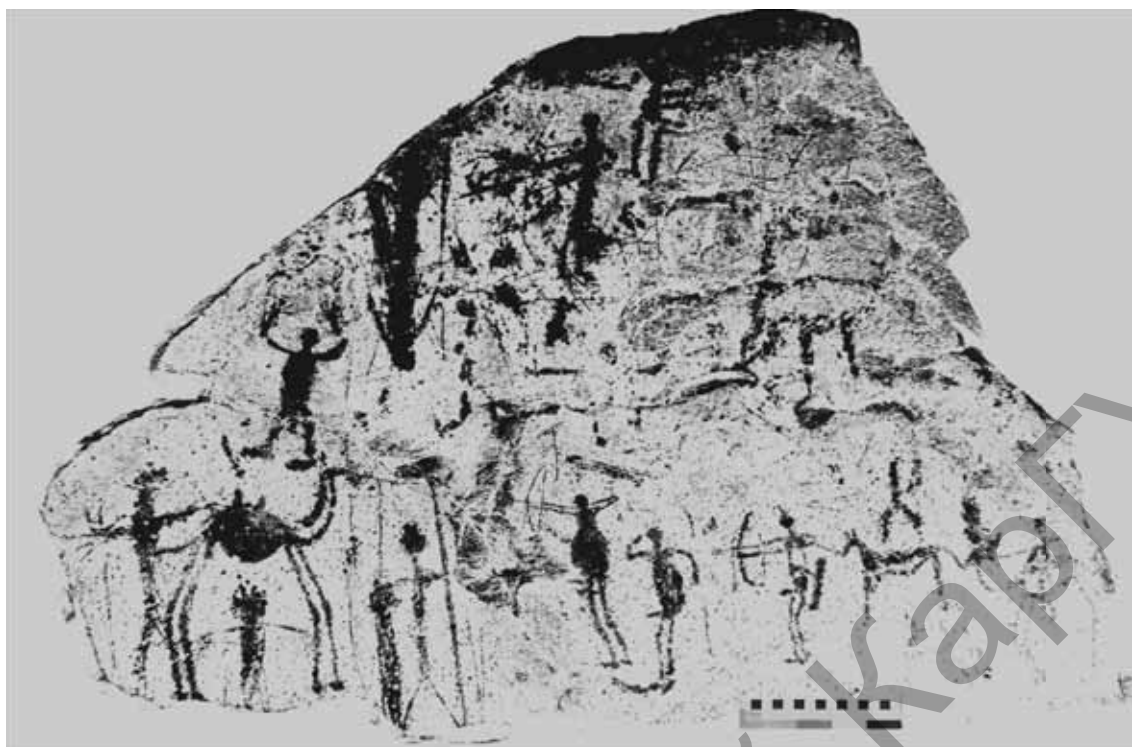

Рис.80 Каркаралинский район. Петроглифы Коныржон.
Фрагменты плиты 5. Графическое сканирование

Рис.81 Каркаралинский район. Петроглифы Коныржон.
Фрагменты плиты 5. Графическое сканирование

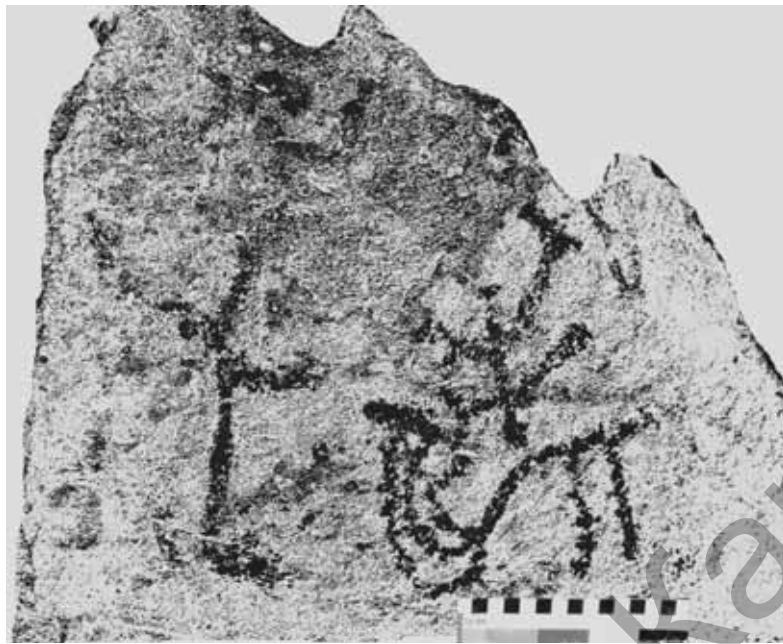

Рис.82 Каркаралинский район. Петроглифы Коныржон.
Плита 6. Графическое сканирование

Рис.83 Каркаралинский район. Петроглифы Коныржон.
Плита 8. Графическое сканирование

Рис.84 Каркаралинский район. Петроглифы Коныржон.
Плита 9. Графическое сканирование

Рис.85 Каркаралинский район. Петроглифы Коныржон.
Плита 10. Графическое сканирование

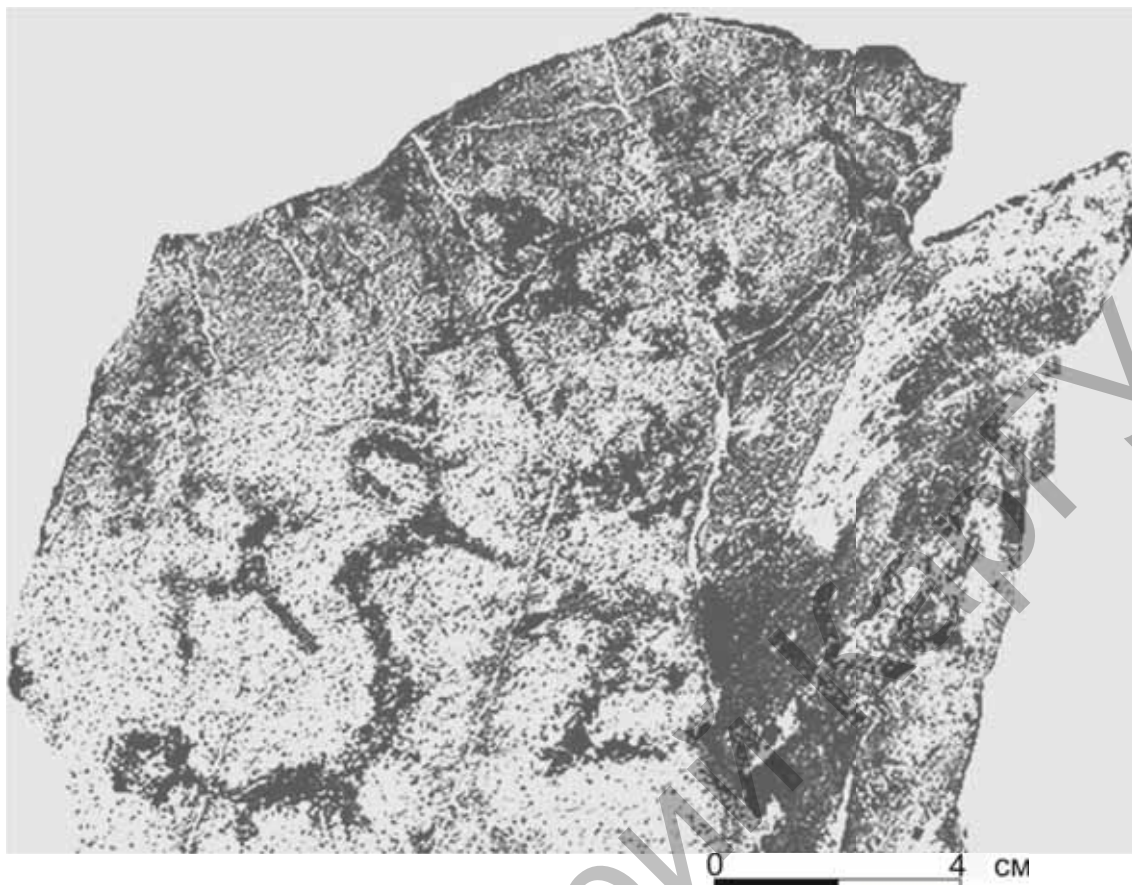

Рис.86 Каркаралинский район. Петроглифы Коныржон.
Плита 11. Графическое сканирование

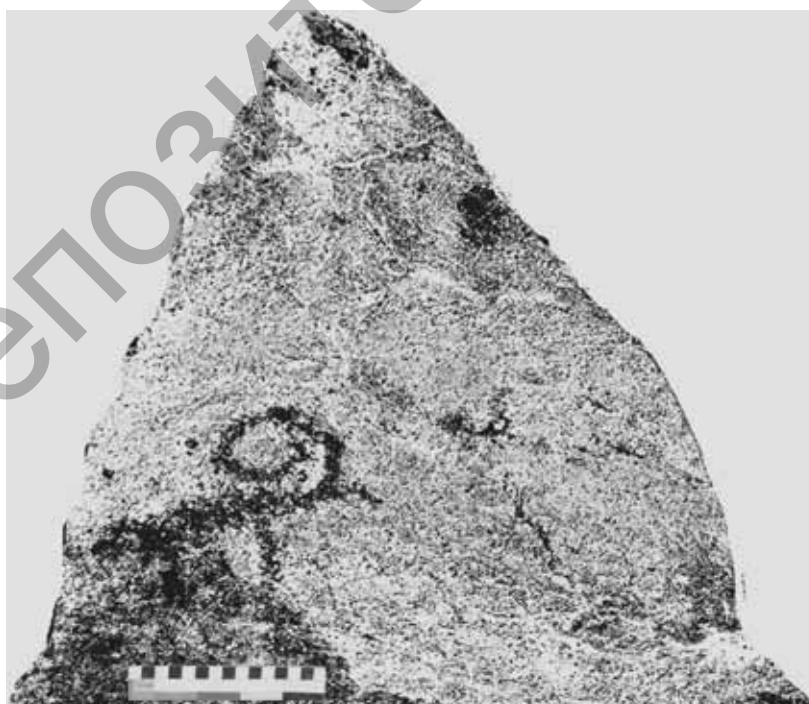

Рис.87 Каркаралинский район. Петроглифы Коныржон.
Плита 13. Графическое сканирование

Рис.88 Каркаралинский район. Петроглифы Коныржон.
Плита 14. Графическое сканирование

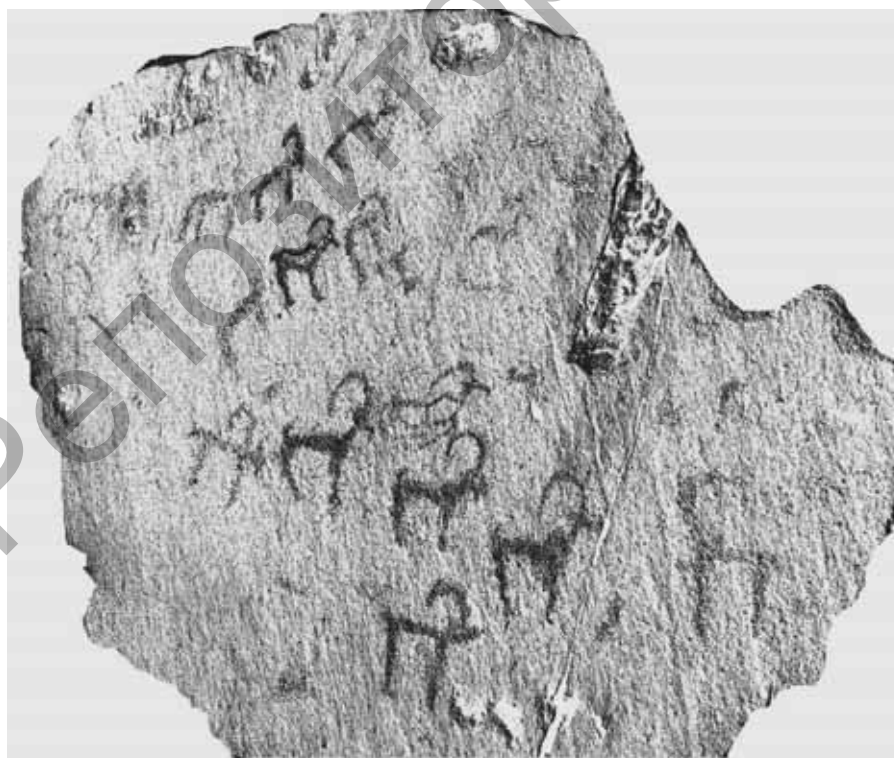

Рис. 89 Актогайский район. Петроглифы Бегазы (Серикбай).
Графическое сканирование

Рис. 90 Актогайский район. Петроглифы Бегазы (Серикбай).
Графическое сканирование

Рис. 91 Актогайский район. Петроглифы Бегазы (Акшоки).
Графическое сканирование

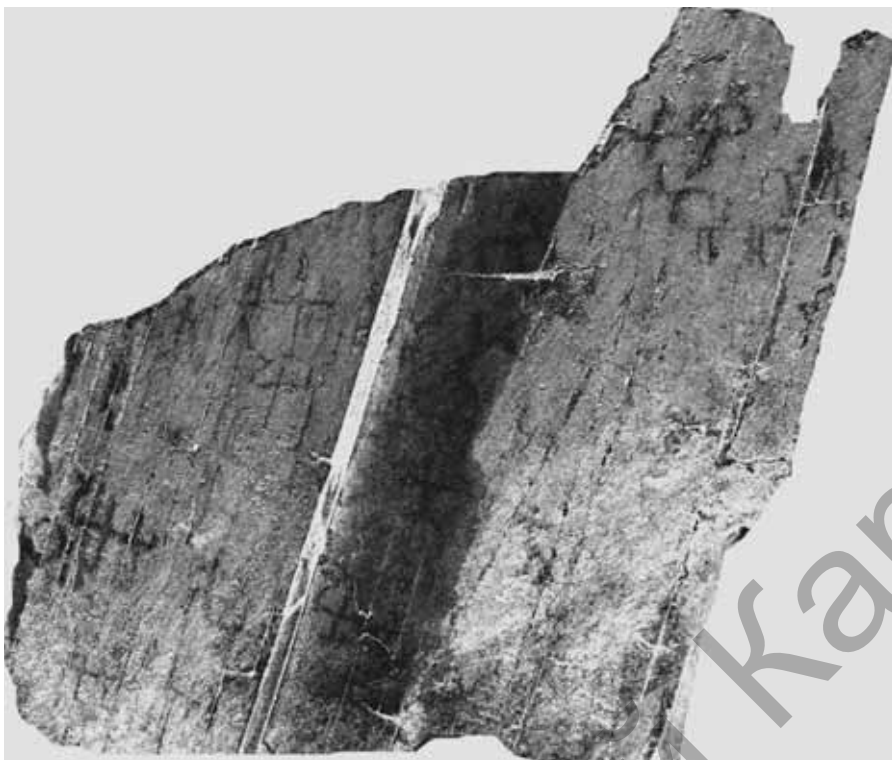

Рис. 92 Актогайский район. Петроглифы Бегазы (Рыспек).
Графическое сканирование

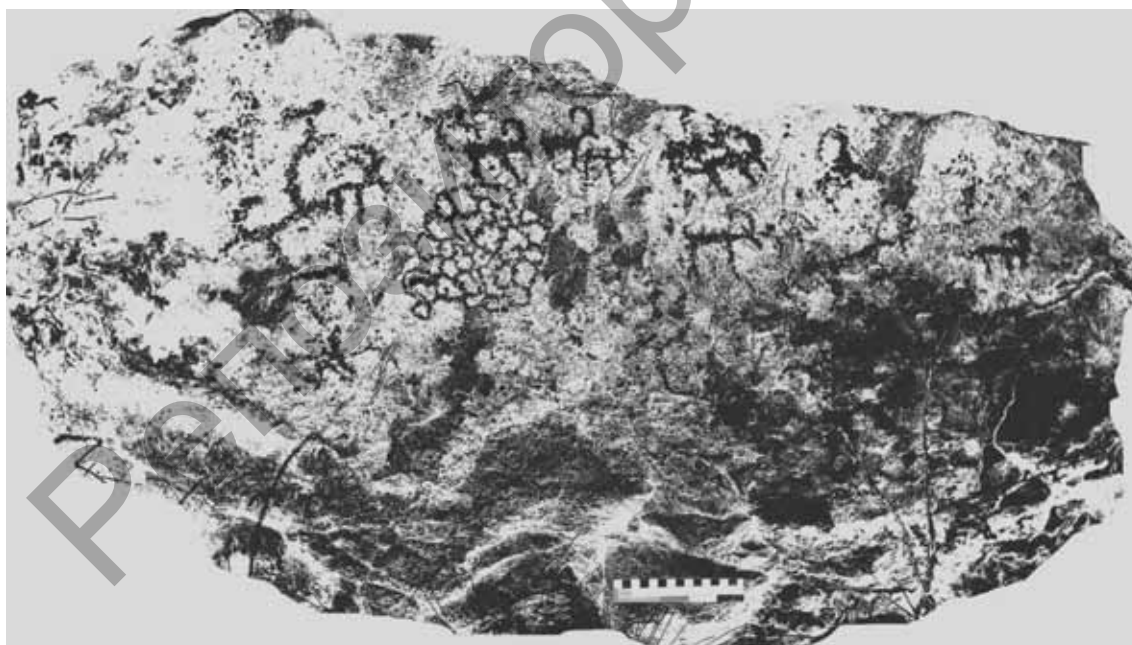

Рис. 93 Актогайский район. Петроглифы Желтау.
Плита 1. Графическое сканирование

Рис. 94 Актогайский район. Петроглифы Желтау.
Плита 3. Графическое сканирование

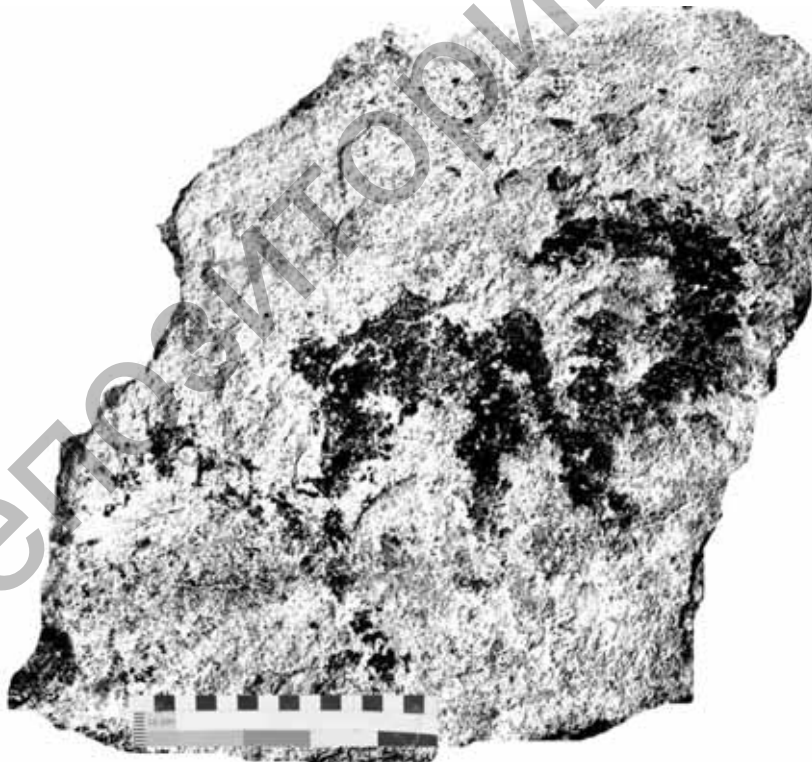

Рис. 95 Актогайский район. Петроглифы Желтау.
Плита 4. Графическое сканирование

Рис. 96 Актогайский район. Петроглифы Желтау.
Плита 6. Графическое сканирование

Рис. 97 Актогайский район. Петроглифы Желтау.
Плита 10. Графическое сканирование

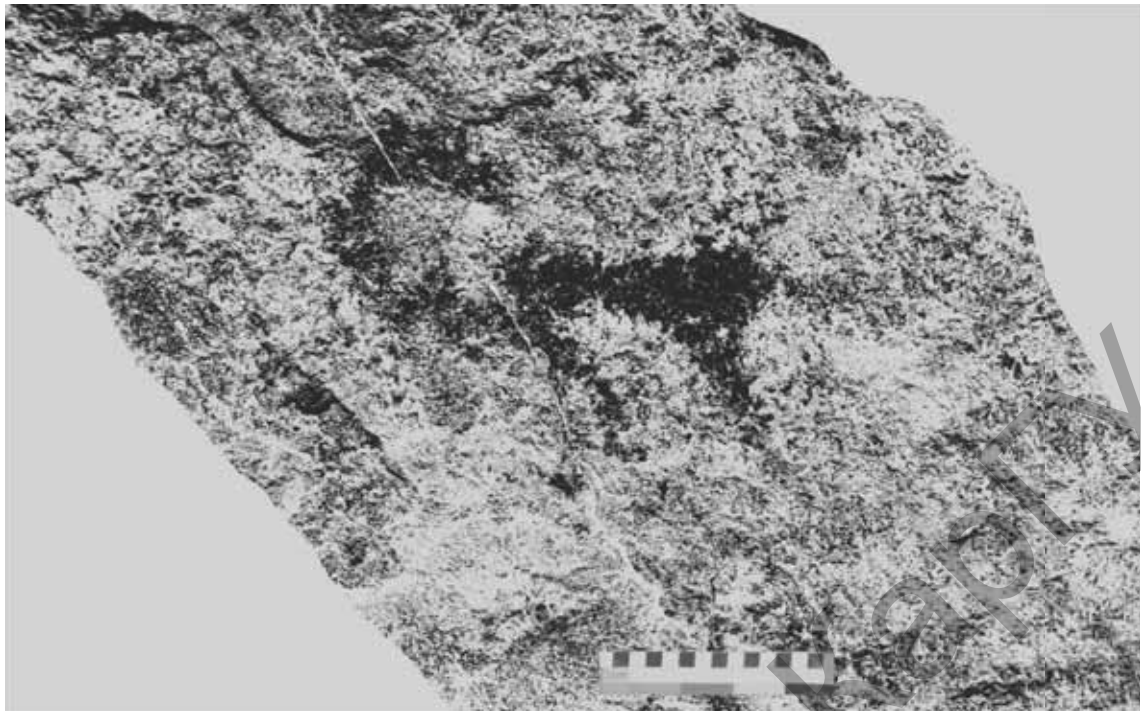

Рис. 98 Актогайский район. Петроглифы Желтау.
Плита 11. Графическое сканирование

Рис. 99 Актогайский район. Петроглифы Желтау.
Плита 12. Графическое сканирование

Рис. 100 Актогайский район. Петроглифы Желтау.
Плита 13. Графическое сканирование

Рис. 101 Актогайский район. Петроглифы Желтау.
Плита 14. Графическое сканирование

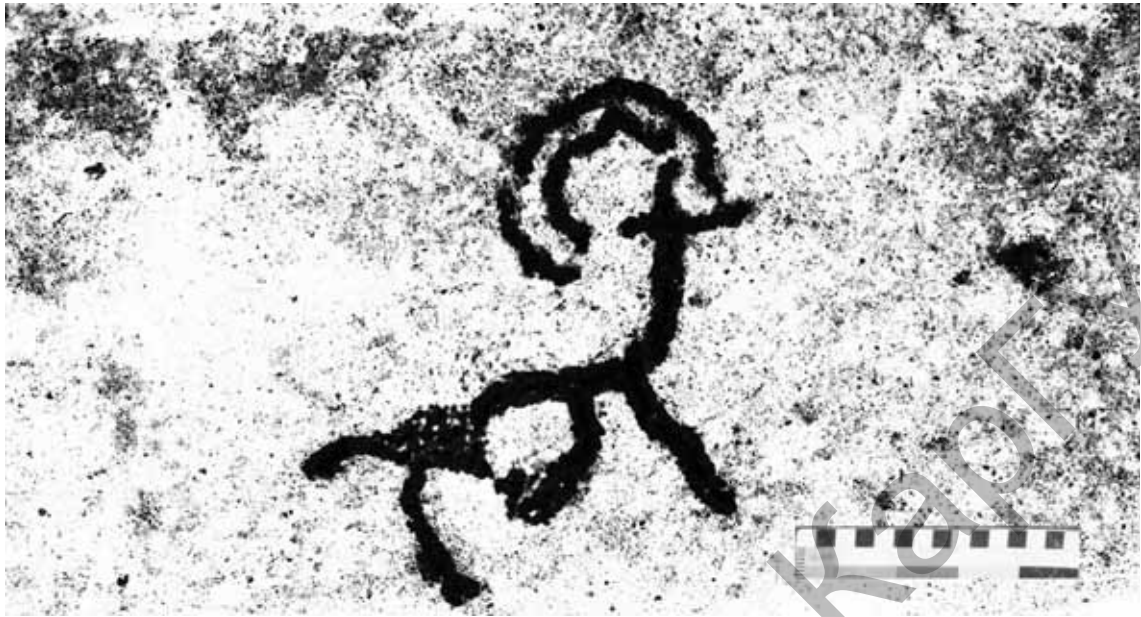

Рис. 102 Актогайский район. Петроглифы Желтау.
Плита 15. Графическое сканирование

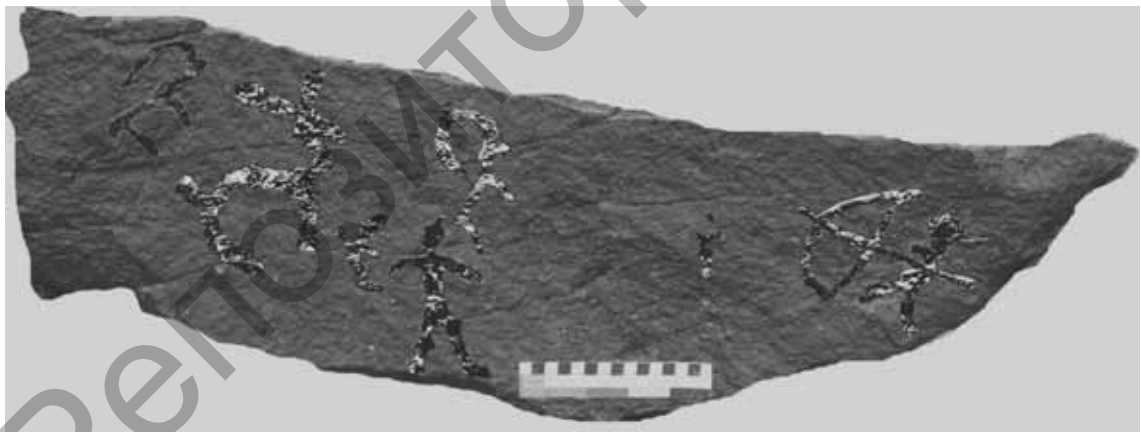

Рис. 103 Актогайский район. Петроглифы Желтау.
Плита 18. Графическое сканирование

Рис. 104 Актогайский район. Петроглифы Желтау.
Плита 20. Графическое сканирование

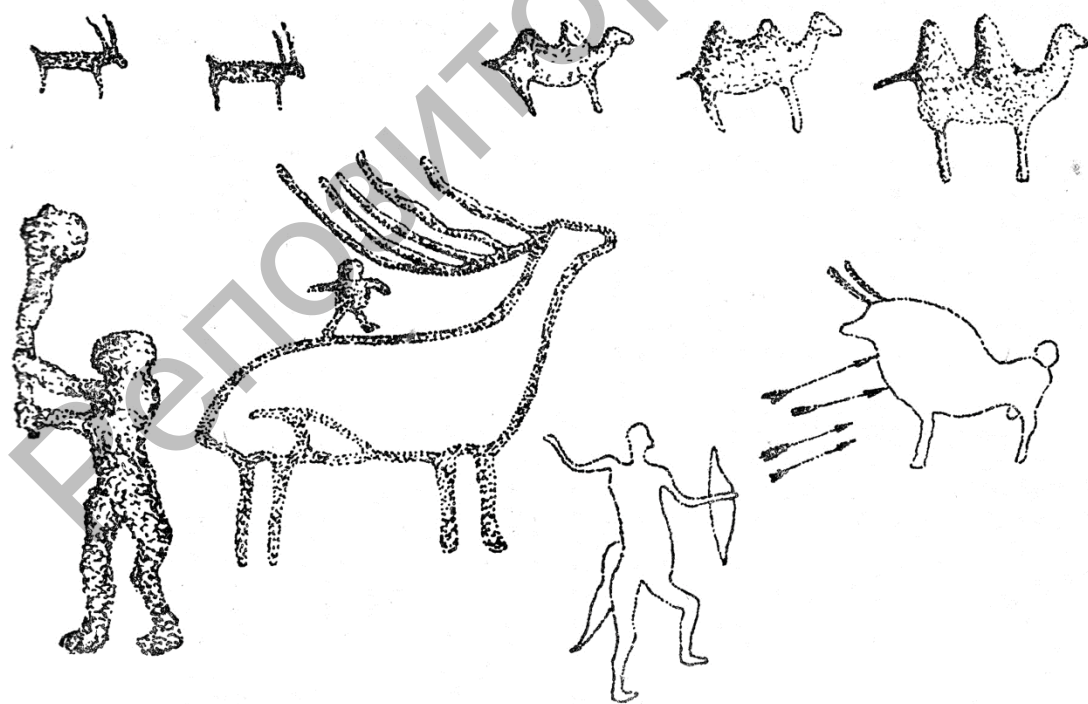

Рис. 105. Жанааркинский район. Петроглифы Калмак Кырган
(по: А. Х. Маргулан, 2003)

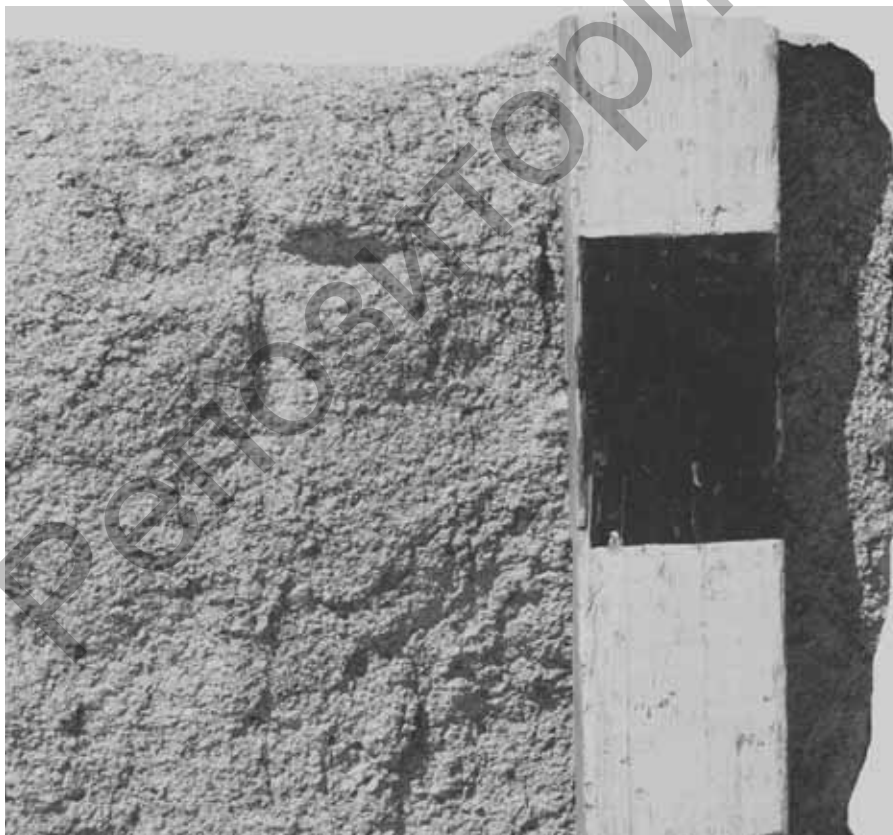

Рис. 106. Каркаралинский район. Изображения на плитах ограды кургана 3
могильника Бесоба (по: И. А. Кукушкин и др. 2015)

Репозиторий КАРГУ

М. В. Бедельбаева, В. А. Новоженев, Н. В. Новоженова

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ КАЗАХСКОГО МЕЛКОСОПОЧНИКА

Научное издание

*Работа выполнена в рамках проекта Управления культуры, архивов и документации
«Научное исследование петроглифов Карагандинской области»*

Корректор О. Шелухина
Перевод на казахский язык О. Шохатаев
Перевод на английский язык А. Мамекова
Дизайн и фото обложки В. А. Новоженев

Подписано в печать 14.04. 2016
Заказ № 7, Формат А 4 , Объем 252 страницы.
Тираж 300 экз. Для служебного пользования.

